

ББК 63.3 (5Каз)
Н 30

**Секция «История и этнография»
Государственной программы
«Культурное наследие»**

К. Н. Бурханов (председатель),
К. С. Алдажуманов (зам. председателя),
Р. К. Нурмагамбетова (ответственный секретарь),
С. Е. Ажигали, А. Н. Гаркавец, И. В. Ерофеева,
С. Ф. Мажитов, Б. М. Сужиков

Составитель, подбор иллюстраций *С. Ф. Мажитов*

Научный редактор
И. В. Ерофеева

Н 050302905
00(05)-07

ББК 63.3 (5Каз)

ISBN 9965-798-41-9

© Мажитов С. Ф., сост., подбор
иллюстраций, 2007
© Издательство “Дайк-Пресс”,
оформление, 2007

ПАМЯТНИКИ УСТНОЙ ИСТОРИОЛОГИИ КАЗАХОВ

Историографическая традиция казахской степи породила особый вид исторической информации, который ныне воспринимается не иначе как устная народная историология казахов. Пожалуй, именно поэтому появилось утверждение, что в истории казахского народа нет ни одного крупного события и ни одного видного деятеля, о котором не были бы сложены предания и легенды как формы отражения и межпоколенной передачи исторических фактов.

Обращение казахстанских историков-источниковедов и историографов к жанру устной народной историологии отмечалось еще в советский период. В этом отношении весьма ценными являются труды А. Х. Маргулана, Е. Б. Бекмаханова и других. Однако в силу советской политической конъюнктуры и вследствие состоявшихся идеологических кампаний над разработчиками жанра устной историологии, на эту проблематику на долгие годы было наложено табу.

Атмосфера возрождения исторической науки в период обретения Казахстаном независимости сделала возможным обращение казахстанских исследователей к изучению ранее запретных тем. В 2000–2002 гг. в Институте истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК было осуществлено фундаментальное исследование по теме «Проблемы социально-политической истории Казахстана периода XVIII — середины XIX вв. в освещении письменных источников и памятников устной историологии казахов». В исполнении данной темы участвовали к. и. н. И. В. Ерофеева и автор этих строк. В результате проведенных нами исследований были выявлены, изучены в источниковедческом отношении и введены в научный оборот новые источники, характеризующие особенности развития исторических знаний и представлений у казахов о своем

прошлом в досоветский период. При работе с памятниками устной историологии казахского народа впервые использовался метод системно-структурного источниковедческого анализа, который получил отражение и при подготовке настоящего издания.

Большой вклад в изучение устной народной историологии казахов внесли академики М. О. Ауэзов, С. А. Каскабасов и другие ученые академического Института литературы и искусства¹. Результаты их исследований в области специфики устного народного творчества в наиболее общем виде сводятся к нижесказанному.

Все крупные события со времени формирования собственно казахского народа и до вхождения Казахстана в состав Российской империи стали содержанием многих устных легенд, рассказов, сказок и преданий. Причем в них события излагаются нередко в связи с именем какого-либо исторического деятеля или названием какой-нибудь местности. Таковы, например, предания, связанные с именами Аз Жанибека и Жиренше, Аблая и Казыбека, Исатая и Сырыма. К их числу относятся также рассказы о событиях времен «великого бедствия» XVIII века, о восстаниях в различных местах Казахстана и боях казахских ополченцев с джунгарскими захватчиками. Имеются также рассказы, повествующие об отдельных местностях, урочищах и населенных пунктах. В традиционной фольклористике такие рассказы принято относить к разряду преданий.

Предание — своеобразная устная история народа, сохраняемая и передаваемая им из поколения в поколение. Но это не означает того, что исторические события, легшие в основу предания, передаются в нем адекватно, без изменений. Как и весь фольклор, предание тоже не лишено анахронизма и вымысла. Поскольку предание возникает спустя несколько лет после излагаемых событий; поскольку оно распространяется устно и, передаваясь из уст в уста, обрастает дополнительными деталями; и поскольку в процессе дальнейшего бытования оно все более вбирает, хотя и не сознательно, элементы художественности, реальная основа предания начинает тускнеть, события и люди перемещаются во времени,

---

¹ Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961; История казахской литературы. Алма-Ата. 1968. Т. 1. Кн. 1; Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата. 1972; Каскабасов С. Кольбель искусства. Алма-Ата. 1992. С. 331–358.

т. е. происходит так называемая «фольклорная историческая циклизация», и в результате всего этого изменяется первоначальное содержание рассказа, появляются его варианты. К этому следует добавить миропонимание и социальную принадлежность рассказчиков и слушателей, которые по-своему, с позиций своей эпохи и своего социального или служебного положения, могут передать предание и оценить его содержание. Этим можно объяснить наличие таких преданий, которые выражают спорные идеи.

Подавляющее большинство казахских преданий носят народный характер и отражают точку зрения больших групп людей на то или иное событие. Особенно показательны в этом отношении предания о тех личностях, которые являлись организаторами и руководителями борьбы казахского народа против чужеземных захватчиков и местных угнетателей.

Главной особенностью предания, отличающей его от других жанров фольклорной прозы, является ярко выраженная установка на историческую действительность. В то же время предание всегда исторично, будь оно историческим или топонимическим. Это деление чисто условное, так как топонимическое предание составляет реальную основу, а в историческом предании нередко присутствует также топонимический мотив. Таким образом, название *топонимическое предание* должно быть признано условным, и к нему следует относить рассказы, повествующие о событиях, связанных с какой-либо местностью, ее возникновением и название которой объясняется не в связи с древними мифическими понятиями и не как результат чуда, а в связи с конкретным событием или же именем известного исторического деятеля.

Среди народных преданий встречаются так называемые песни-легенды. Они выделяются некоторыми исследователями в самостоятельный жанр. С точки зрения жанровости они весьма синкретичны: в них можно обнаружить признаки и мифа, и предания, и легенды, и даже сказки и эпоса. Еще в 1939 г. М. Ауэзов и Л. Соболев отмечали: «В кюй-легендах смешались характерные формы казахского фольклора. Здесь в форме новеллы мы находим и сказки о животных, и историческую песню, и песни-плачи *жоктау* и *естирту*, и т. д.»

К историческим преданиям относятся и *шешендік сөздер* (изречения ораторов), выделяемые в казахской фольклористике и изучаемые в качестве самостоятельного фольклорного жанра. «*Шешендік сөздер*» — это рассказы о каких-либо событиях или фактах жизни, послуживших причиной возникновения определенных афористических и мудрых изречений, приписываемых по традиции кому-либо из ораторов периода Казахского ханства. Но такие рассказы обычно преподносятся так, как будто в них главным является не событие, а высказанное мудрое изречение в ходе того события или по его поводу.

Поскольку подобные рассказы, как правило, связываются с именами исторических лиц, получивших в народе славу *шешена* (оратора, мудреца), некоторые из *шешендік сөздер* выглядят как эпизоды из жизни этих людей. Считается, что *шешендік сөздер* сообщают о реальном или вполне возможном факте и, по существу, являют собой образцы исторических преданий. Но в отличие от собственно исторических преданий они выполняют наряду с познавательной также общественно-политическую, правдивую, эстетическую и нравственную функции. Многие казахские бии, разбиравшие родовые тяжбы или частные споры, как правило, прибегали к помощи хорошо известного населению *шешендік сөздер*, где давались решения подобных дел.

Своеобразной частью исторических преданий можно считать казахские *шежіре* — генеалогические рассказы, повествующие о родах и племенах, связывая их происхождение с каким-либо историческим событием или личностью. Не случайно некоторые ученые рассматривают *шежіре* как один из важных исторических источников и используют его при изучении этногенеза того или иного народа. У казахов *шежіре* — генеалогия рода и племени, воспринимаемая как истинная история и родословный документ. Следует отметить, что не все *шежіре* имеют историческую основу. Часть их, которая повествует об истории возникновения рода в связи с конкретным историческим событием или же деятелем, является подлинным *шежіре* и относится к разряду исторических преданий. В них все подчинено идее сохранения последовательности поколений, стремлению к тому, чтобы как можно более точно передать историю рода. Вместе с тем есть и другие *шежіре*, в которых происхождение отдельных родов объясняется мифически: связью

человека с животным или неземным существом. Такие *шежіре* должны считаться родовыми мифами, где основное внимание сосредоточено на объяснении, почему той или иной род отличается храбростью или хитростью и т. п.²

Казахстанскими исследователями исторические предания по рассказываемым в них событиям и действующим лицам, по общей тематике и содержанию условно подразделяются на шесть групп.

1. Предания, в которых смутно сохранились события огузско-кипчакской эпохи казахской истории в VIII–XII веках. В них фигурируют *Коркут*, *Ахмет Яссави*, *Арслан* и другие деятели того времени, в том числе и религиозные.

2. Предания, рассказывающие о событиях времени монгольского нашествия и Золотой Орды в XIII–XV веках. Действующими лицами в них являются *Чингиз*, *Джучи*, *Тохтамыш*, *Едиге*, *Тимур*, *Сытыра жырау* и другие.

3. Предания о событиях, происходивших в период образования и расцвета Казахского ханства в XV–XVIII веках. Главными героями выступают основатель ханства *Жанибек* и его потомки в лице казахских ханов и султанов.

4. Предания, повествующие о войнах казахов против джунгарских захватчиков в XVIII веке. Центральными фигурами в них являются народные батыры и выдающиеся бии-шешены *Толе*, *Казыбек*, *Айтеке* и другие деятели, сыгравшие большую роль в организации борьбы за независимость страны.

5. Предания о народных восстаниях XVIII–XIX вв. под предводительством *Сырыма Датова*, *Исатая Тайманова*, *Махамбета Утемисова*, *Кенесары Касымова*, *Джанходжи Нурмухамедова*, *Есата Котибарова* и других.

6. Предания, рассказывающие о национально-освободительном движении 1916 года в Казахстане; руководителях и организаторах восстаний на местах: *Амангельды*, *Бекболате*, *Жаменке*, *Узаке* и других.

Следует отметить, что указанные группы преданий различаются между собой не только по теме и времени, но и по степени историчности. Чем древнее событие, тем предание менее исторично и более тяготеет к легенде. В силу его большой удаленности

² Каскабасов С. Колыбель искусства. Алма-Ата, 1992. С. 331–358.

во времени реальная основа сказания тускнеет. Она смешивается с вымышленными в ходе долгого устного бытования ситуациями, в результате чего первоначальный сюжет обогащается новыми мотивами, и предание становится произведением, где герои идеализируются, а их действия гиперболизируются и порой приобретают фантастический характер. Иначе говоря, древнее предание превращается в легенду³. «Для киргиза (казаха. — С. М.) пение и слушание былин — источник эстетического наслаждения; не будучи, быть может, способным вполне разделять восторги киргиза в этом отношении, читатель-европеец за то извлечет большую пользу из знакомства с народной поэзией киргизов, так как в ней отразились почти все черты их быта, весь их душевный склад, их взгляды, надежды и идеалы» (*О составе и общем характере киргизских былин // Тургайская газета. № 68*). П. М.

К древним историческим преданиям относятся и те, которые связаны с именами Чингисхана, Джучи, Тимура и других. Эти предания донесли до нашего времени ядро событий, дыхание эпохи, имена людей, их поведение и поступки. Именно эта сторона преданий представляет собой историческую ценность. Однако разобратся в реальности событий трудно, потому что очень часто в них наблюдается анахронизм.

Ярким примером этого может быть популярнейшее в народе предание «*Ақсақ құлан*» («*Хромой кулан*»). Сын хана охотится на куланов. Увлеченный охотой, он не замечает, как отрывается от своих сородичей и оказывается в стаде куланов. Раненый вожак стада за таптывает его. О смерти ханского сына никто не решается сообщить отцу, ибо грозный хан извещает людей, что тому, кто сообщит ему недобрую весть, он залет рот свинцом. Но находится смельчак, который игрой на домбре дает знать хану о смерти сына. Жестокый правитель наказывает домбру и истребляет куланов. Принято считать, что в этом предании в поэтично-музыкальной форме рассказывается о смерти Джучи, старшего сына Чингисхана. В некоторых вариантах этого предания отцом погибшего оказывается Алаша-хан, эпический прародитель казаков. В других вариантах на охоте умирает не Джучи, а его сын, иногда сын Жанибека или же Тимура. Как видно, в произведениях на один и тот же сюжет фи-

³ Каскабасов С. А. Казахская несказочная проза. Алматы, 1990. С. 160.

гурируют люди разных эпох. Это обычный анахронизм, присущий народной историологии в целом.

К древним преданиям можно отнести также и те, где рассказывается о событиях времен Золотой Орды, а также эпохи образования и расцвета Казахского ханства. В них главными действующими лицами являются такие исторические личности, как *Тохтамыш*, *Едиге*, *Тамерлан*, *Жанибек*, *Асан Кайгы* и другие. В большинстве этих преданий наблюдаются те же признаки, что были присущи огузско-кипчакской эпохе; изображение не одного конкретного факта, а суммы нескольких событий путем их циклизации вокруг одного или нескольких лиц. Например, из преданий о Тохтамыше можно узнать о его сложных взаимоотношениях с Едиге и Тамерланом, которые были то союзниками, то врагами.

По сравнению с этими преданиями, возникшими в древности и претерпевшими большие изменения, предания, повествующие о событиях XVIII–XIX вв., относительно лучше сохранили свою реальную основу. Особенно историчны в этом отношении предания о войнах казахов с джунгарскими захватчиками. Основное содержание их — нападение Галдана Церена и Цевана Рабдана на казахские земли и героическая борьба казахского народа против джунгаров. Большое количество преданий рассказывают не только о событиях «Великого бедствия», но и кровопролитных столкновениях между самими родоплеменными группами казахов. Большинство их связано с именами батыров, султанов, шешенов, родовых старейшин и других, кто проявлял храбрость в сражениях за родную землю и народ. К примеру, можно назвать предания о героических деяниях и мудрых решениях *Казыбек бия*, *Абылай хана*, *батыров Богенбая*, *Кабанбая*, *Байкозы*, *Жаппака* и других. В них отражены некоторые реалии социально-политического положения в казахской степи. Народ страдал от джунгаров и междоусобных войн «келте» (мелких) ханов, и от взаимных набегов родов и племен. Например, в преданиях о нападениях *Абылая*, *Нуралы*, *Есима* и других ханов на соседние племена рассказывается, как простой народ, измученный притеснениями и гнетом, выступает на защиту своих аулов. Весьма показательны в этом отношении предания, повествующие о событиях, происходящих во время народного восстания 1783–1797 гг. под предводительством Сырыма Датова. В одном из них рассказывается о том, как предводитель восста-

ния Сырым Датов убивает хана Есима. Однажды, когда Есим-хан по обыкновению выехал для сбора налогов и остановился вблизи города Томпака, Сырым Датов, узнав, в какой юрте спит Есим-хан, напал на стоянку и убил его. Это предание основано на реальном факте: отряд повстанцев в ночь с 26 на 27 марта 1797 года напал на ханский аул, убил хана Есима и затем разграбил его аул.

Итак, в преданиях о событиях XVIII в. более четко проступают реальные основы. Это характерно и для тех преданий, в которых излагаются события XIX и начала XX в., особенно восстания под руководством *Исатая Тайманова*, *Махамбета Утемисова*, *Кенесары Касымова* и других, а также борьба казахов Семиреченского края против Кокандского ханства, которую возглавляли *Суранши*, *Саурык* и другие батыры. Многие факты, излагаемые в них, нередко совпадают с историческими документами и сведениями, что является, как известно, главной особенностью жанра исторического предания. Конечно, и в этом случае присутствуют элементы художественности, особенно в описании деталей смерти руководителей восстания, как это выглядит во включенном в настоящее издание предании о Кенесары и его брате Наурызбае.

У казахов, как и у других народов, много рассказов о горах, ущельях, озерах, реках и населенных пунктах. Живя на природе, казахи хотели познать ее, понять ее явления и создавали различные мифы, легенды и предания об окружающем мире, об особых по форме скалах, горах и других объектах. Именно поэтому до нас дошло много рассказов о топонимике Казахстана, об особенностях той или иной местности. Топонимические предания более художественны по сравнению с другими видами преданий, в них обнаруживаются элементы словесного искусства. Здесь вымысел (художественный) несколько ослабляет информативность рассказа.

Казахские топонимические предания бывают двух типов. Предания первого типа имеют связь с конкретными историческими событиями. Одним из таких является предание «*Урочище Шомкалан*». В нем повествуется о борьбе храброго батыра Суранши Ахылбекова против кокандско-хивинских ханов, которые неоднократно нападали на казахские аулы в Семиречье и Южном Казахстане. Собрал небольшое войско, он обманным путем заставил обратиться кокандцев в бегство. Те, не успев даже надеть седла на верблюдов, оставили их в степи. С тех пор местность, где

произошла эта битва, стала называться Шом-калган, что означает — *остались верблюжьи стада*. В этом предании указаны конкретные места событий (Отар, река Копа) и излагается ход событий, которые действительно имели место в XIX веке.

Второй тип казахских топонимических преданий составляют такие произведения, в которых названия местности не связываются с историческим фактом. Происхождение топонима объясняется чаще всего как результат вымышленных событий.

Реалии современного развития историографии и источниковедения Казахстана, а также комплексный подход к изучению достижений и результатов отечественной литературоведческой мысли в области устного народного творчества способствуют поиску новых форм систематизации и типологизации базы данных устной историологии казахского народа.

В настоящем томе представлены четыре раздела, которые аккумулировали в себя значительный комплекс разнообразных источников, относимых к разряду народных преданий казахов. По времени своей фиксации они охватывают период с начала XIX — до первой четверти XX века. Впервые в науке народные предания казахского народа представлены в наиболее систематизированном и научно обработанном виде, что позволяет рассматривать их как самостоятельный пласт исторических источников. Уникальна информативная основа преданий, которые сгенерированы и дифференцированы по четырем жанрам: топонимические, этносоциальные, предания о видных личностях казахской степи, о важных исторических событиях. Предлагаемый материал позволит по-новому осветить ряд вопросов социально-экономической, политической, культурной жизни казахской степи в достаточно большом хронологическом периоде. В книге содержатся ранее не переиздававшиеся материалы из изданий, ставших раритетными и недоступными широкой аудитории читателей.

Проблема традиционной когнитивной культуры степных народов Центральной Азии и присущих им особенностей фиксирования и осмысления конкретных фактов исторической реальности издавна привлекает к себе внимание многих исследователей-востоковедов. Как правило, основным объектом их научных исследований в данной области выступают памятники устной повествовательной традиции — исторические и генеалогические предания, эпос, ле-

генды и другие аналогичные им виды информации, письменно зафиксированные разными собирателями устного народного творчества кочевников в течение нового и новейшего времени. Обращение ученых преимущественно к этой категории исторических источников объясняется далеко не только самим фактом абсолютного доминирования устного ретроспективного нарратива в многовековом когнитивном опыте казахов-кочевников, но и сохранением в современной западной, российской и казахстанской историографии некоторых устойчивых стереотипов мировоззренческого характера. К числу последних следует отнести широко распространенное в науке представление о почти полном отсутствии в номадных социумах исторического опыта письменной фиксации и передачи информации, а отсюда совершенное игнорирование учеными некоторых групп письменных памятников казахов дореволюционного периода как исторических источников⁴.

Материалы устной исторической традиции казахского народа представляют собой один из наиболее удревленных и распространенных видов исторических источников, исходящих непосредственно из среды самого автохтонного населения Казахстана. Содержащаяся в них информация о казахах и истории Казахстана неоднократно использовалась как в дореволюционной российской, так и в советской историографии региона, но особенно широко эти материалы стали привлекаться к историческим исследованиям отечественных ученых и публицистов в постсоветские годы. Между тем введение в научный оборот этого сложного многослойного и весьма специфичного жанра исторической информации до сих пор носит бессистемный и малопродуктивный характер. Большинство авторов исторических работ недостаточно владеют методикой исследования этих материалов, излагают приводимые в них факты и народные версии без какой-либо их источниковедческой оценки и определения степени достоверности имеющейся в них исторической информации, выяснения уровня соответствия послед-

---

⁴ Ерофеева И. В. Освещение институтов власти у кочевников Центральной Азии в казахских эпистолярных источниках XVIII – середины XIX в. // Восприятие пространства и времени в культурах Центральной Азии. Тезисы некоторых выступлений на международной конференции, организованной УФЕАС в 2000 г. в Ташкенте. Ташкент, 2004. С. 35.

ней реальной исторической картине, известной нам по различным документальным источникам. В то же время в отечественной историографии фактически отсутствуют как научно оформленные археографические издания сколько-нибудь многочисленной группой этих памятников, так и специальные источниковедческо-историографические исследования, посвященные казахским народным преданиям. В результате этого их практическое использование в процессе воссоздания тех или иных звеньев отечественной истории осуществляется большей частью не на профессиональном, а на любительском уровне, что способствует нигилистическому отношению к указанным материалам со стороны многих казахстанских и зарубежных ученых-обществоведов⁵.

Собственно методика сбора и систематизации памятников устной народной историологии включает также следующие моменты:

1) целенаправленный поиск и сбор записей и опубликованных вариантов народных преданий казахов о крупных исторических событиях, местах их свершения и выдающихся деятелях Казахской степи XVIII — середине XIX в. в литературе и рукописных фондах архивохранилищ СНГ;

2) выявление по документальным нарративным и другим источникам фактических сведений о времени, месте и конкретных обстоятельствах их письменной фиксации, а также установление выходных (паспортных) данных или кланово-этнической идентичности народных информаторов и собирателей этих памятников;

3) систематизация выявленных материалов по их жанрово-видовой принадлежности, хронологии и тематике.

Теоретическая основа и принципы отбора и введения в научный оборот материалов, вошедших в настоящее издание, учитывают также положения исследований зарубежных авторов, занимающихся проблемами устной истории⁶. Наибольший интерес

---

⁵ Рукопись Отчета И. В. Ерофеевой и С. Ф. Мажитова по плановой теме «Проблемы социально-политической истории Казахстана периода XVIII — середины XIX вв. в освещении письменных источников и памятников устной историологии казахов». Алматы, 28.10.2002. С. 6, 16–17 // Текущий архив Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК.

⁶ Основные концептуальные положения западных историков и библиографию их трудов по проблеме устной историологии см.: *Ritchie D. A. Doing Oral History. A Practical Guide. Oxford University Press. New York. Secjnd Edition. 2003. 318 p.*

среди них представляют работы *Алессандро Портелли* (Италия), *Яна Вансины* (Бельгия), *Пола Томпсона* (Австрия), *Габриэля Розенталя* (Германия) и других.

Устные источники, созданные теми, кто занимает подчиненное положение в обществе, связаны с традицией народного рассказа, легенды, повествования. В рамках этой традиции различия между нарративными жанрами воспринимаются иначе, чем в письменной традиции образованной элиты. Это справедливо в отношении ключевого различия между «документальным» и «художественным» повествованиями, между «событиями» и эмоциями или воображением. В то время как понятие «правдивого» рассказа применимо как к легенде, так и к личному опыту и исторической памяти, не существует особых устных жанров, которые специально предназначались бы для передачи исторической информации: исторический, поэтический и легендарный нарративы часто оказываются в них неразрывно связанными. В результате возникает повествование от первого лица, где оказывается размытой граница между событиями внешнего мира и тем, что происходит в душе рассказчика; между тем, что затрагивает жизнь отдельного человека, и тем, что касается всей группы людей; личностная «правда» здесь может совпадать с коллективным «воображением»⁷.

Каждый из этих факторов может быть раскрыт через анализ формальных и стилистических признаков повествования. Большое или меньшее присутствие формализованного материала (пословиц, песен, ритуальных формул, стереотипных выражений) может указывать на то, в какой мере в рассказе отдельного человека присутствует коллективная точка зрения. Переходы со стандартного литературного языка на диалект часто являются показателем того, насколько рассказчик контролирует свое повествование.

Очень часто встречается такая модель повествования, где, как правило, используется стандартный литературный язык, в то время как диалект «просачивается» в отступлениях, отдельных эпизодах. Это может указывать либо на то, что рассказчик сильнее ощущает свою причастность к описываемым событиям, либо на вмешательство коллективной памяти (как это бывает в тех слу-

---

⁷ Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. С. 32–51, 66–109, 322–375.

чаях, когда появление диалекта совпадает с определенными языковыми формулами). В то же время стандартный литературный язык может появиться в рассказе, который ведется на диалекте, когда речь заходит о вещах, более тесно связанных с общественной жизнью, например, с политикой. Со своей стороны это может означать как более или менее сознательное стремление рассказчика отстраниться от описываемых событий, так и вторжение в рассказ более «образованной» манеры изъясняться, к которой человек приобщается, начав участвовать в политике. Наоборот, использование диалекта для обозначения технических терминов может быть как признаком живучести традиционной речи, так и показателем того, что рассказчик стремится расширить выразительные возможности своего повествования.

Первая особенность устных источников заключается в том, что они доносят до нас информацию не столько о самих событиях прошлого, сколько о смысле этих событий. Из этого, однако, еще не следует, что устные источники не имеют никакой ценности с точки зрения фактической достоверности. Интервью часто открывают нам неизвестные события или неизвестные стороны известных событий, они часто проливают новый свет на неисследованные сферы повседневной жизни угнетенных классов. С этой точки зрения, единственная проблема, которая здесь возникает перед исследователем, — это подтверждение достоверности устного источника.

Должны ли мы верить устным источникам?

Устные источники достоверны, но их достоверность имеет особую природу. Особый интерес устного источника для исследователя может заключаться не только и даже не столько в его соответствии реальным фактам, сколько в его отклонениях от них — в этих отклонениях проявляются человеческое воображение, желания, символы. Именно поэтому не существует «недостоверных» устных источников. Особенность устных источников заключается в том, что и те сообщения, которые будут признаны «недостоверными», требуют исторического объяснения. «Ошибки» рассказчика иной раз дают нам для понимания прошлого гораздо больше, нежели фактически достоверные рассказы.

По-настоящему уникальная и драгоценная для историка особенность устного источника, которой не обладает в такой степени ни один другой тип источника, — это субъективность рассказчика.

Таким образом, если провести комплексное и масштабное исследование, можно получить своеобразный «срез» субъективного восприятия отдельной социальной группы или класса. Устные источники говорят нам не только о том, что люди делали, но и о том, что они хотели сделать, что, как они тогда полагали, они делали и что они думают теперь о том, что они делали в прошлом.

Устные источники необъективны. Это положение, конечно, применимо к любому источнику, хотя ореол сакральности вокруг писаного слова часто приводит к тому, что мы забываем об этом положении. Но отсутствие объективности, неотъемлемо присущее устным источникам, коренится в их особых свойствах, — это источники, современные не освещаемому событию, а самому информатору.

Понятие «устная традиция», как и устная историология, описывает как процесс, так и его результаты. Результаты — это устные сообщения, основывающиеся на других, предшествующих им устных сообщениях, срок жизни которых насчитывает, по крайней мере, одно поколение людей. Процесс — это передача таких сообщений из уст в уста в течение какого-то времени, до тех пор, пока сообщение полностью не исчезает. Именно поэтому любая устная традиция есть не что иное, как пересказ такого сообщения в определенный момент времени, отдельное звено в процессе изменения устного сообщения, который начинается с первоначальной передачей этого сообщения. Характеристики каждого такого пересказа будут различаться в соответствии с его положением в общем процессе. Как отмечает Ю. Семенов: «Можно по-разному понимать и толковать историю, но вряд ли существуют сомнения в том, что она действительно существует. Исследованием ее давно уже занимается наука, которую называют тем же именем, что и изучаемый ею объект, а именно историей. Употребление одного и того же термина для обозначения как реального исторического процесса, так и науки, изучающей этот процесс, создает известные неудобства. Чтобы избежать их, я буду в дальнейшем изложении называть историей только сам исторический процесс. Для обозначения же специальной науки об истории я буду использовать термины «историческая наука» и «историология» (от греч. *логос* — слово, понятие, учение)»⁸.

---

⁸ Семенов Ю. Труд Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньбоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньбос. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 3–36.

В общем, тема использования народных преданий в качестве исторического источника очень важна для более глубокого и осмысленного понимания национальной истории. У каждого народа сохранилось множество фольклорных произведений, дошедших до нашего времени из самой глубины веков. Необходимо уметь выделять из них те события, которые происходили на самом деле и легли в основу преданий. Для этого исследователи анализируют и сопоставляют полученные сведения с комплексом других источников. Но даже если предание не исторично, из него можно получить ценные сведения о мировоззрении казахского народа, его чаяниях и бедах, его мечтах и надеждах, социальных и семейных отношениях, связи с другими народами, о взаимодействии культур.

* * *

Достаточно большой пласт исторических источников, вошедших в настоящее издание и составляющих собственно устную народную историологию казахов, до сих пор не являлся предметом специального изучения в исторической науке. Исследовательская работа по материалам, представленным в томе, осуществлялась по двум направлениям: 1) выявление и накопление записей казахских исторических преданий дореволюционного периода в рукописных фондах библиотек Алматы, Санкт-Петербурга; 2) их копирование, специальная обработка, компьютерный набор и подготовка к публикации. Второе направление потребовало достаточно много времени из-за того, что большинство преданий и легенд публиковались в редких изданиях. Это повлекло за собой комплекс проблем по выкопировке (ветхость изданий, качество полиграфии, сопутствующие организационно-правовые вопросы). В свою очередь, выкопировка материала осуществлялась как методом обычного ксерокопирования на бумажных носителях, так и методом цифровой фотографии, сканирования на электронных носителях. Сбор и обработка всей совокупности материалов, включенных в данную книгу, были бы невозможны без помощи специалистов различного профиля — собственно историков, библиографов, компьютерщиков и т. д.

Процесс выявления и анализа материалов был значительно ускорен благодаря ценным советам руководителя проекта «Истории Казахстана в русских источниках», к. и. н., доцента

И. В. Ерофеевой. Сбору и выкопировке материалов содействовали сотрудники библиотек г. Санкт-Петербурга. Библиотека Академии наук — *Н. В. Колпакова* (зам. директора по научной работе), *М. П. Подвигина*, *Е. В. Киряева*, *Н. М. Розова*, *Л. М. Герасимова*, *Н. Е. Крицкая*. Российская национальная библиотека — *В. Н. Зайцев* (генеральный директор), *А. И. Сапожников* (заведующий сектором фондов).

Публикуемые в томе комментарии к текстам исторических преданий были подготовлены составителем данного издания. В случаях, когда необходимо было дать полное имя авторов преданий и уточнить их названия, версия составителя дана в квадратных скобках. Тексты фольклорных материалов, собранных *Ч. Ч. Валихановым*, снабжены комментариями, составленными в свое время казахстанскими историками *А. Х. Маргуланом*, *Л. М. Ауэзовой*, *Дж. Х. Кармышевой*, *В. Н. Настичем* и опубликованными в первом томе Собрания сочинений *Ч. Ч. Валиханова* в пяти томах (Алма-Ата, 1984). В содержание отдельных из них составителем тома внесены небольшие уточнения с учетом новейших достижений исторической науки.

Компьютерную обработку и набор текстов с фото- и ксерокопий помогли осуществить *Н. В. Зюзин*, *И. А. Шикова-Жировина*, *А. Т. Ракишева*, *Э. Бояубаева*, *Б. Калдыбеков* (г. Алматы).

Указатели имен и географических названий подготовила научный сотрудник Института истории и этнологии им. *Ч. Ч. Валиханова* *М. Сатенова*.

С. Ф. Мажитов,
кандидат исторических наук, доцент

Раздел 1

**ТОПОНИМИЧЕСКИЕ
ПРЕДАНИЯ**

[В. А. Калаур]

КИРГИЗСКАЯ ЛЕГЕНДА О ПОСТРОЙКЕ АКЫРТАША

Там, где теперь находится торткуль Тоймакент, в прежнее время жил калмык Кокчахан, очень известный воин. У него была дочь по имени Тоймасулу. У Кокчахана же в это время служил работник Алангасар-Алып, который был большой силач. Как работник он был для Кокчахана полезным человеком. После нескольких лет службы у Кокчахана Алангасар-Алып влюбился в дочь хана, Тоймасулу, и обратился к ее отцу с просьбой, чтобы тот выдал за него дочь. Кокчахан обещал работнику выдать замуж за него Тоймасулу, но это обещание было неискренно. Алангасар-Алып, надеясь, что женится на Тоймасулу, с полным рвением продолжал служить Кокчахану; но, прослужив несколько лет, убедился, что Кокчахан обманывает его и никогда не выдаст за него свою дочь Тоймасулу.

При таком убеждении Алангасар-Алып взял с собою сына своего, Арсланг-Алып, и ушел от Кокчахана. Дойдя до местности Тасакыра, он выбрал место для возведения каменной постройки и сказал сыну Арсланг-Алып: «Здесь мы будем строить жилище из камня. Ты будешь перекидывать мне камни с гор. Не доходя до Сулуторя есть местность, называемая Кызылкайнар; с ее верховьев ты будешь кидать мне камни, а я из них здесь сложу каменный курган. Но только ты никуда не оглядывайся, особенно не смотри к реке Таласу. После этого мы запрудим воду Таласа и, переведа ее через Джургабиль, оставим Кокчахана без воды. Тогда обманщик волей-неволей покорится нам и выдаст свою дочь за меня». Так отец с сыном решили дело.

Предупредив так своего сына Арсланг-Алып, Алангасар снова сказал: «Отправляйся на место работы в горы. Не доходя Сулуторя есть местность Кызылкайнар, откуда ты будешь бросать камни вниз; но не оглядывайся по сторонам, тем более к Таласу».

Арсланг-Алып отправился в горы, на указанное место, и начал работу — кидать камни, а отец его, Алангасар-Алып, принимал бросаемые сыном камни, укладывал их на место и таким образом строил Тасақыр.

Когда строение Тасақыра приближалось к концу, Кокчахану дали знать, что Алангасар-Алып кончает постройку Тасақыра и что он же запружает воды реки Таласа. Услышав про это, дочь Кокчахана, Тоймасулу, вышла из курганчи в степь и, поглаживая гладко расчесанные волосы на голове, посмотрела в сторону Тасақыра. В это время и Арсланг-Алып, бросая камни с гор, думал про себя, почему отец запрещал ему смотреть по сторонам во время работы, особенно на низовья Таласа, и взор его упал на стоящую около Тоймакента красавицу, настолько красивую, что трудно описать ее красоту. Увидав такую красавицу, Арсланг-Алып столь сильно влюбился в нее, что мышцы его ослабели и бросаемые камни не долетали до отца. Заметив это, Алангасар-Алып рассердился на сына и, спустившись в горы, с брызгами слюны от гнева крикнул: «Что с тобой случилось? Почему ты не можешь докидывать до меня камни?» Сын признался отцу, что посмотрел в сторону Таласа и увидел там столь красивую девушку, что блеск ее красоты доходил до неба. Взволнованный ее красотой, он уже не мог бросать камни». Алангасар-Алып сильно разгневался и снова спросил сына: «Почему ты не исполнил моего приказания. Я приказал тебе бросать камни, не оглядываясь никуда, тем более к реке Таласу, но ты не послушался меня» С этими словами Алангасар-Алып бросился на сына, чтобы схватить его и убить. Но сын, увидя угрозы отца, бросился бежать, направляясь к Чимкенту и, когда устал, то остановился отдохнуть и тотчас вспомнил о Тоймасулу и невольно заплакал. Одумавшись, он взмахнул китменем и ковырнул землю. От этого удара китменем по земле выросла большая сопка. Он взобрался на эту сопку и, смотря в сторону Аулиеата, горько плакал о Тоймасулу. Слезы текли у него в изобилии, как из порядочного источника, и на сопке до сих пор заметны следы слез Арсланг-Альпа. Эта сопка находится в Чимкентском уезде, в низовьях р. Арыси, в местности Ойганак, и носит название Игилантюбе. Отсюда Арсланг-Алып отправился дальше и остановился в городе, расположенном на берегу большой реки Нила¹. Несколько времени прожил здесь Арсланг-Алып и заболел.

¹ По варианту г. Диваева, это был Зарявшан, близ Самарканда.

Арсланг-Алып был ужасно упрям. Все, что ему говорили, он делал наоборот. От своей болезни Арсланг-Алып не избавился, а наоборот, болезнь с каждым днем все усиливалась и довела Арсланг-Альпа до того, что он ходил, как пьяный. Однажды он встал между рекой и городом. Когда жители города увидели его и, разсудив, что готовящийся свалиться Арсланг-Алып раздавит несколько домов, собрались на общий совет. Зная глупое упрямство Арсланга, они стали говорить между собой: «Арсланг свалится на город, а не в реку». Богатырь, услышав эти слова, сказал: «Быть по-моему, а не по-вашему!» и свалился в реку... И в настоящее время лежит через реку бедреная кость Арсланг-Альпа. Караваны, транспорты переезжают сквозь отверстие этой кости, смазываемой маслом во избежание порчи.

Следы работы Алангасар-Альпа и сына его Арсланг-Альпа по перепруде Таласской воды с целью не пропускать воду во владении Кокчахана и оставить его без воды видны в горах, носящих ныне название Кереге-тас, начиная от Кара-Арчи до Сугаты. Видны также поныне следы неоконченной каменной постройки, которую начал Алангасар со своим сыном и которая известна под названием «Акыр-Таша».

(Записано со слов киргиза аула № 3
Тастубайской волости Картабая Балтабаева.)

Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1904–1905). Вып. X. Ташкент, 1905. С. 37–39.

А. А. Диваев

МАВЗОЛЕЙ КОК-КЕСЕНЕ

(Историко-археологическая заметка)

В статье о древних городах (Сагавак (Сунак), Ашнас (Асанас) и др. в Перовском уезде), читанной в заседании Туркестанского Кружка любителей археологии 7 февраля 1900 года В. А. Каллауром, — между прочим было сообщено, что на юге от Саганака, верстах в 8-ми по направлению к бывшей почтовой станции Тюмень-Арыку, находится каменное здание Кок-Кесене; оно от Тю-

мень-Арыка будет на северо-запад в 5 верстах. Здание это, как сообщает В. А. Каллаур, высокое, сложенное из жженого кирпича, с уцелевшими орнаментами, украшениями синего цвета. Здание теперь приходит в большое разрушение не только от времени, но более еще от того, что жители выбирают из него кирпич. Около этого здания заметны холмистые возвышенности с валяющимися кирпичами, заросшие саксаулом.

Здание это своей архитектурой настолько заинтересовало В. А. Каллаура, что он вторично его осматривал, причем нашел, что внутри купола имеется, по-видимому, арабская надпись, которую никто из присутствовавших туземцев прочесть не мог.

Осмотром В. А. Каллаура установлено, что здание это — мавзолей и что в склепе его должна быть усыпальница умерших знатных лиц.

Рядом с этим мавзолеем с юго-западной стороны один холм оказался разрытым до горизонта земли; в холме заключались развалины другого мавзолея, но меньших размеров, с остатками уцелевших стен, указывающих на сходство плана этой постройки с Кок-Кесене.

Упомянутое в только что приведенной статье В. А. Каллаура название каменного здания «Мавзолей Кок-Кесене» невольно заинтересовало меня и по следующей причине. Дело в том, что в одном киргизском предании говорится, что областями Ак-Кесене и Кок-Кесене триста слишком лет тому назад владели калмыки, представителями которых были некий Уса и Зиренг. Области эти, заселенные калмыками, были расположены ниже устья р. Сыр-Дарьи и ниже Карыкты (Аральского моря), на местностях Сары-Уйчук и Уйчук. В те времена большинство киргиз, как говорится в предании, находились под владычеством калмыков, а меньшая половина обитала еще ниже, между киргизами Кши-Юз (Малой-Орды), которые делились на отделения: Адай, Бурич и Асман-Бузгыл, представителем коих был некий Тайлак-батыр. Затем часть киргизов рода Учакты жили ниже, в Перовском уезде, в горах Улу-тау и Кши-тау.

Между киргизами Учакты из отделения Таш-джурек (каменное сердце) был богатырь по имени Санрык, который приходится, со стороны матери, племянником означенному выше Тайлак-Батыру.

Санрык был еще в цветущем возрасте (ему было всего лишь 35 лет от роду), когда он получил приглашение от дяди своего,

Тайлака, принять участие в великом совете, на котором потом было решено избавиться от калмыцкого ига путем изгнания их.

Совет состоялся. Тайлак-батырь и Санрык окружили себя храбрыми и достойными людьми и пошли со своими киргизами против калмыков. Война длилась около трех лет. Наконец калмыки бежали на Блауты-Буланты, понеся полный погром, причем самый блистательный бой одержан киргизами на местности Кара-Сиир. Местность эта и по сие время называется Калмак-Крылган, т. е. «гибель калмыков».

Далее в предании повествуется, что весть о кара-сиирском поражении калмыков дошла до сведения трех рабов, сыновей трех Алаче (богатырей). После того все киргизы сплотились с ними вместе и решили окончательно изгнать калмыков. И вот война длилась снова 3—4 года, пока калмыки окончательно не были отброшены из Русского Туркестана.

В эту вторую войну калмыки потерпели полный погром при озере Ит-ичмес и на Ала-кульской стороне Ит-ичмеса, к горам, что на север от Аральского моря. Место последнего пункта боя было названо Анракай, т. е. местом стона и рыданий, потому что здесь произошло поголовное истребление калмыков.

Есть также сведения, полученные из киргизских источников, что во времена владычества здесь калмыков здания Ак-Кесене и Кок-Кесене уже давно существовали и служили убежищем для караульной стражи, но никому не известно, когда и кем были воздвигнуты эти здания и какое они имели первоначальное назначение. Если это действительно мавзолеи, как пришел к такому заключению В. А. Каллаур, то кто погребен под ними?

Но интереснее всего было бы выяснить вопрос, почему эти здания получили название Ак-Кесене, какое они имеют отношение к областям Ак-Кесене и Кок-Кесене, упоминаемым в предании и, вообще, кем и когда были основаны эти области, если только на самом деле таковые были когда-то.

Да, судьба действительно скрывает от человека будущее. Мы слепы, глядя на будущее, обернувшись же назад, видим почти тот же мрак многовековой древности, в темноте которого различить что-либо можно лишь при помощи вероятных предположений и шатких теорий.

Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии (1904—1905). Вып. X. Ташкент, 1905. С. 40—42.

Е. С.

ЛЕГЕНДА ОБ ОСНОВАНИИ БАЯН-АУЛА

Станица Баянаульская, или, как называют ее, Баян, лежит на полпути между городами Семипалатинской области, Павлодаром и Каркаралами и пользуется прелестным местоположением. Она расположена по скату горы, на берегу довольно большого пресноводного озера Сабунды-куль [1] (мыльное озеро), как называют его киргизы за его беловато-мутную воду. Озеро это около пяти верст длиною и около версты шириною; оно окружено живописными гранитными холмами, кой-где покрытыми мелким хвойным лесом.

Вопрос — откуда станица получила название *Баян-аул*, очень интересовал меня. Как мне удалось узнать, *Баян* женское собственное имя, а почему оно присвоено некогда тут существовавшему киргизскому аулу, об этом повествует сохранившаяся у киргиз следующая легенда.

Жили-были два брата Карабай и Сарыбай [2]. Оба они были женаты, но не имели еще детей. Вышел раз Сарыбай на охоту и встретил своего брата Карабая, идущего с той же целью. Решили братья охотиться вместе. Долго пришлось выжидать им добычи и наконец видят — вышла из лесистого ущелья самка марала и, не замечая охотников, подошла к ним очень близко. Сарыбай натянул лук и только что хотел выпустить стрелу, как заметил, что самка беременна. Вспомнил он, что дома осталась беременная первым ребенком жена, и счел грехом убивать беременное животное. Опустив лук, он взглянул на своего брата, безмолвно подавая ему знак стрелять, но и тот не сделал выстрела по той же самой причине, по какой и Сарыбай. Между тем животное, почувствовав близость врага, поспешно скрылось в ущелье. Удивленные братья спросили о причине такого странного со стороны обоих поступка, причем выяснилось, что у обоих их был одинаковый повод пощадить животное. Поговоривши между собой, Карабай и Сарыбай отнесли как их встречу на охоте, так и обстоятельство, послужившее им поводом сообщить друг другу свою семейную радость, не к разряду простых случайностей, а к предопределению свыше и дали друг другу слово соединить впо-следствии браком имеющих родиться от жен первенцев, если они будут разного пола, если же

то и другое дитя будут мальчики, то они должны быть на всю жизнь друзьями, любить и защищать друг друга, как родные братья. Подтвердив свое обещание клятвой, Сарыбай и Карабай расстались.

Когда пришло время, жена Сарыбая родила сына, которого назвали Кузугурпеч [3], жена Карабая родила дочь, которую назвали Баян.

Бойким, здоровым мальчиком рос Кузугурпеч, росла и хорошела Баян. Увеличивалось между тем богатство их отцов и, за многочисленностью стад, им стало невозможно кочевать близко одному от другого. Сарыбай стал кочевать около реки Сырдарьи, а Карабай — в степях Аягуза (ныне Сергиполь). Братья со своими семействами приезжали друг к другу в гости, и малолетние жених и невеста нередко виделись.

Мал еще был Кузугурпеч, когда смерть постигла отца его Сарыбая и он остался сиротой. Состояние их было велико, и смерть отца не повлекла за собой бедности для оставшегося семейства, но бесследно пропало обаяние, соединенное с именем богача Сарыбая. Ребенок-сирота Кузугурпеч не мог заменить для своей семьи влиятельного, могущественного своим умом и богатством Сарыбая, и положение их в среде своих соплеменников значительно понизилось.

Пришли в совершенный возраст жених и невеста. Кузугурпеч любил красавицу Баян, и она, зная историю их помолвки, смотрела на него, как на жениха, назначенного ей самим Богом. Кузугурпеч стал просить Карабая выдать за него Баян, но гордый Карабай отвечал отказом. «Кто ты такой, чтобы я отдал за тебя свою дочь, — говорил он. — Я обещал выдать свою дочь за сына Сарыбая, имя которого гремело тогда на сотни верст кругом, я мог гордиться этим родством и иметь в нем, в случае надобности, поддержку, а ты сирота-одиночка, сам нуждаешься в покровительстве; не отдам за тебя мою дочь — ей найдутся женихи получше».

Огорченному Кузугурпечу пришлось уйти ни с чем, но он задумал во что бы то ни стало взять за себя Баян и стал придумывать способы, как это сделать.

Отказ Карабая очень огорчил девушку, и она со слезами умоляла его выдать ее за Кузугурпеча, говоря, что кроме его никто

не будет ей мужем, напоминая клятву, под которой отец дал согласие на их брак еще прежде их рождения, но Карабай был непреклонен. Между тем Кузугурпеч собрал около себя толпу джигитов, известных своей ловкостью и отвагой, и пошел войной на Карабая. Приближаясь к аулу своего дяди, он еще раз чеством попросил отдать ему Баян, но Карабай отвечал на это целым потоком оскорбительных для юноши слов. Тогда Кузугурпеч с горстью своих храбрецов товарищей напал на Карабая, успевшего уже собрать своих слуг для защиты. Враждебные партии встретились недалеко от озера Сабунды-куль (где теперь находится станица Баянаульская), и между ними завязалась жаркая битва. Баян, услышав, что жених пришел за ней, решила бежать к нему и тем предотвратить войну между дядей и племянником. Собираясь в дорогу, она взяла с собой свадебный головной убор невесты, украшенный черными перьями и поэтому называвшийся кар-кара, и кинжал. На пути к стану Кузугурпеча она оставила в одном из аулов этот убор, и с тех пор аул этот стал называться Каркара, а потом Каркары — название, оставшееся и за основанной на этом месте казачьей станицей (теперь город Каркаралинск).

Слишком поздно уже явилась Баян в стан Кузугурпеча: раб Карабая Кударгуль убил Кузугурпеча стрелой, и Баян застала только бездыханный труп своего жениха. В отчаянии она ударила себя кинжалом в грудь и умерла, завещая похоронить себя рядом с могилой Кузугурпеча. Ее предсмертная воля была исполнена. Говорят, еще и теперь видны на расстоянии нескольких верст от станицы Баянаульской два высоких кургана, под которыми погребены Кузугурпеч и его невеста.

Аул, расположившийся по прошествии некоторого времени на месте битвы, был назван Баян-аулом, в память о девушке, смерть которой была несомненным доказательством ее верности своему жениху и вместе с тем единственно возможным для азиатской женщины протестом против посягательства на свободу ее чувства и убеждений.

Есть еще легенда, подобная этой, и некоторые думают, что она относится к Баян, а другие отрицают это, полагая, что тут действующим лицом является другая девушка, жившая ранее Баян.

В этой легенде говорится, что один джигит, славившийся своей красотой, смелостью и богатством, стал просить у какого-то султана

руки его дочери. Девушка знала его и любила, но отец ее воспротивился этому браку. Молодой человек собирает своих удальцов товарищей и нападает на аул султана с целью увезти дочь его. По приказанию султана собирается войско и начинается битва. Дочь султана бежит в стан своего возлюбленного. Партия джигита одерживает победу, войско султана отступает. Но сам жених и много его товарищей погибли в этой борьбе. Оставшимися в живых вырыта огромная общая могила, и тела убитых товарищей сложены в нее для погребения. Между джигитами идет спор: кому из них должна теперь достаться осиротевшая невеста. Решено наконец ей самой предоставить право выбора из них себе жениха. Девушка эта твердо решила, что за смертью ее возлюбленного она не будет принадлежать более никому и, опасаясь быть взятою насильно, прибегла к хитрости. Она сказала, что выйдет за самого храброго и сильного из них, который в борьбе с другими докажет свое превосходство. Началась между джигитами взаимная борьба, в которой каждый из них пускал в ход свою силу и ловкость, чтобы, оставшись победителем, получить право сделаться мужем красавицы.

Бились не на живот — на смерть, и из всех джигитов остался только один — остальные полегли в битве. «Я один остался, и ты должна принадлежать мне», — говорит он. «Да, — отвечала девушка, — я твоя, но сначала сложи в могилу тела всех убитых, и над их могилой ты получишь мой первый поцелуй». Юноша исполнил ее желание, и она, стоя на краю могилы, протянула одну руку, чтобы обнять джигита, а другою, незаметно от него, держала два небольших кинжала, соединенных на одной рукоятке; конец одного кинжала приходился против ее груди, а конец другого был направлен в грудь юноши. В восторге сжав ее в своих объятиях, юноша, пронзенный кинжалом в грудь, упал в общую могилу и умер. Погибла и отважная девушка, решившаяся лучше умереть, чем принадлежать нелюбимому человеку.

В этих легендах трудно верить, чтобы истина не была прикрашена вымыслом. Стоящий на низкой ступени развития, почти полудикакий народ, допустим, мог еще приукрасить в своих рассказах действительно существующее, но вряд ли может скудное воображение кочевника-киргиза целиком создать эти образы, полные нравственной силы, смело решающие выбор между жизнью, с которой они не могли примериться, и смертью.

Вероятно, такие явления весьма исключительны у народа, где чуждая интеллектуального развития, живущая по преимуществу животной жизнью женщина-раба большею частью недоступна никаким высшим душевным движениям, и потому личности, ставшие в этом отношении выше обыкновенного уровня, делаются героинями легенд и песен своего народа. Имена их вместе с повестью их страданий и презрения к разбитой жизни переходят, в форме песни или рассказа, от поколения к поколению, и таким образом на сотни, может быть, лет переживают их собственное кратковременное существование. Сказания об них вместе с легендами о храбрости и подвигах батырей, украшая собой небогатый запас песен степняка, рисуют ему в поэтических образцах проявление возвышенных чувств человека, руководящих его действиями, выдающимися из уровня обыденной жизни.

Сибирская газета, 1885. № 19 (12.05.).

Е. Александров

ЖАНКЕНТ

(Жангиткент)

В то время когда я собирал сведения о древних памятниках, сохранившихся донныне в степи Казалинского уезда, в особенности по Куван-дарье, древнему рукаву, которым Сыр впадал в Аральское море, киргизы указывали мне на развалины Жанкента² как на место, более других сохранившее памятную легенду.

Посетив степь недалеко от Жанкента, я воспользовался случаем посетить и этот древний разрушенный город и на месте собрать все сказания о нем, которые ходят в народе.

«Жанкент» или правильнее: «Жангиткент» лежит на левом берегу Сыра, в 16—18 верстах ниже Казалинска. Развалины когда-то высокой стены, расположенной продолговатым четырехугольником, указывают на следы бывшей крепости. Стена насыпная, значительной ширины; снаружи сохранившийся глубокий ров окружает стену.

---

² Называют также ныне Янги-кент, т. е. новый город. *Ред.*

Внутренняя площадь крепости представляется волнистою, значительно возвышаясь над уровнем окружающей местности.

Хотя киргизы уверяют, что в крепости не было построек, но надо полагать, что высокая площадь внутри крепости именно образовалась вследствие развалин находившихся в ней строений; временем и дождями, обмывавшими крепостной вал, внутренняя площадь выполнялась наносным илом, сгладившим возвышения, которые бы указывали на разрушившиеся здания.

Вправо от крепости, по направлению к берегу Сыра, идут развалины весьма обширного древнего города, который киргизы называют: «Миньтюбе» [1] и «Минькала» [2]. Это название, означающее «тысяча холмов» и «тысяча домов», несомненно, подтверждает его обширные размеры.

Действительно, обширная равнина, усыпанная холмами, представляет ни что другое, как следы разрушенного города, покрытого слоем земли. Взяв рабочих из соседних аулов, кочующих тут киргиз, я выбрал наудачу место для раскопок вблизи одного из более возвышенных холмов. Первый слой сброшенной земли обнаружил жженный кирпич двух видов: один совершенно квадратный, другой четырехугольный, продолговатый, как и ныне существующий. Кирпичи имели вид сероватый. На глубине трех четвертей показался плоский изразцовый камень, величиною в полторы четверти в каждой стороне. Рисунок изразца представлял собою фигуру переплета. Изразец лежал не на кирпиче, а на плоской глиняной глыбе, видимо, составляя когда-то орнамент стены или другой части какого-либо здания. Откопанная изразцовая глыба при выемке рассыпалась на мелкие куски, как раздавленная, вероятно, раньше, при первоначальном разрушении города. Изразец был светло-зеленого цвета. Тут же, между обломками кирпичей, было найдено еще несколько кусков изразца, не представляющих собой целого рисунка, покрытых такою же изразцовой массой темно-голубоватого цвета; этот изразец по виду был много лучше первого, и излом его представлял совершенно излом тонкого стекла, просвечивающего на солнце.

Множество разрытых холмов с разбросанными повсюду осколками жженого кирпича достаточно свидетельствуют о даровой добыче. Соседние киргизы и жители г. Казалинска занимаются здесь добыванием жженого кирпича, который с успехом идет на устройство в домах полов и на фундаменты.

По собранным мною сведениям мне не удалось узнать: добывались ли при раскопках какие-либо металлические предметы или глиняные сосуды? Все указывали лишь на куски изразца, вырытого в большом количестве, но не представляющего отдельных предметов.

За неимением времени мне не удалось повторить раскопку.

Местные жители-киргизы, между прочим, передали мне, что на берегу Сыра есть большое разрушившееся здание, у которого некоторые части до сих пор еще сохранили куполообразные постройки; около этого здания находимы ямы, выложенные жженым кирпичом, с остатками человеческих костей. Ямы эти ясно указывают на следы тюрем среднеазиатского характера; подобные тюрьмы и до сего времени существуют в некоторых ханствах.

Никто из старожилов-киргиз не мог определить хотя бы приблизительно время существования Жанкента; предание не определяет этого времени. Во всяком случае, существование Жанкента киргизы относят к мусульманской эпохе. Предание гласит, что очень много лет тому назад землю по левую сторону Сыра владел Жангит-хан. Владения Жангит-хана простирались от Сыра до Куван-дарьи и проходили берегом Аральского моря, а где кончались владения его, теперь никому неизвестно.

Жангит-хану было около 32 лет в то время, к которому относится предание. Он был красавец собою, высок ростом, и никто в его владениях не мог поспорить с ним силою. Жангит имел единственную жену, красавицу, дочь кокандского старца, слывшего в народе за святого.

Больше всего на свете Жангит любил свою хорошенькую Айсулу.

Ничто не омрачало жизни счастливых супругов; как прозрачная ключевая вода, обрадовавшись, журчит по белому песку, выбившись из мрака, так и жизнь Жангит-хана с Айсулу была переполнена весельем и радостью.

В один из ясных летних дней Жангит собрался на охоту. Богато убранный туркменский жеребец, звеня золотыми и серебряными украшениями, уже вырывался из рук рабов, наскучив стоять на обширном ханском дворе в ожидании седока. А Жангит все еще не может оторваться от красавицы Айсулу.

Наконец толпа слуг высыпала из внутренних покоев; рабы растащили ковры и алачи от дверей комнаты по двору до туркменского аргамака.

Красивое животное, как бы понимая торжественность минуты, стало как вкопанное на большом хивинском ковре.

Появились сердари и советники ханские, в дорогих халатах с золотыми и серебряными поясами, с пристегнутыми к ним изогнутыми, тяжелыми саблями.

Окруженный родственниками, близкими аксакалами, молодыми людьми, вышел, наконец, и сам Жангит. Лицо его, еще под впечатлением ласк своей хорошенькой жены, дышало радостным удовольствием.

В это время ставня окна внутренних комнат, обращенных окнами на двор, отворилась, и в пустое отверстие окна показалась красивая головка Айсулу. Она, довольная и улыбающаяся, следила взглядами за пышным шествием своего мужа. Вот он коснулся рукою седельной луки и мигом, как сокол, взлетел на лошадь.

Вся толпа, сопровождавшая его, бросилась к своим лошадям, выводимых из конюшен.

Взяв поводья, Жангит бросил мимолетный взгляд на отворенное окно. Луч самодовольства блеснул в его глазах. Долго сдерживаемый конь взвился на дыбы и круто повернутый, легким галопом проскакал по двору, к наружным воротам. Свита беспорядочной толпою ринулась за повелителем, желая скорее присоединиться к нему, немилосердно толкая и давя друг друга в воротах. Немало потешила эта толпа наблюдавшую Айсулу.

Отдав приказание рабам убрать ковры и алачи с земли до возвращения Жангита, Айсулу захлопнула оконную дверцу и скрылась в покоях.

Там, в одной из комнат обширного дворца, усталой хивинскими и бухарскими коврами, она опустилась на мягкие подушки. Рабыни-прислужницы сняли с головы ее джавнук [3] и начали расплетать косы.

Расчесывание волос и умасчивание их было любимым занятием Айсулу. Волосы ее, черные, как вороново крыло, были не последним украшением ее красивой головки. Длинные до пят и мягкие, они очень нравились Жангиту. Нередко он сам просиживал целые дни, разглаживая их и обвивая свои пальцы волосами Айсулу.

Вдруг слышит Айсулу топот быстро скачущей лошади. Луч радости озарил ее лицо, и она сама мгновенно привела свои волосы в порядок. Быстрым движением распахнув ставню наружного окна, она вперила лучистый взор на ворота, ожидая, вот-вот

они распахнутся, и в них появится дорогое ей существо. Первый взгляд Жангит-хана упадет на нее, Айсулу. Ей уже представляется ласковая улыбка мужа; на лице ее, вспыхнувшем румянцем, выражено нетерпеливое ожидание... Она даже дыхание притаила...

Ворота распахнулись. На взмыленном коне вскочил на двор араб-невольник. Мигом лицо Айсулу покрылось смертной бледностью; испуганная, думая, не случилось ли какого несчастья с ее мужем, она наклонилась, протягивая руки за окно, к арабу-невольнику, не в силах будучи выговорить ужасного вопроса...

Черный раб, оставив лошадь и приблизившись к окну, опустился на колени и схватил Айсулу за руки. Черные глаза его метали искры...

Айсулу, как громом пораженная, не отнимала рук от раба, ожидая услышать из уст его весть о великом несчастье; голова ее кружилась... Черный раб, как и госпожа его, тоже не мог произнести ни слова. Наконец Айсулу опомнилась и, оставляя свои руки в руках раба, обратилась к нему с вопросом: «О верный раб моего господина! Ты поторопился известить меня о поразившем меня несчастье? Скажи, что случилось с господином моим?..»

«Госпожа! — отвечал раб. — Твой Жангит также здоров и весел, каким ты его видела отъезжающим, и никакое несчастье не поразит его, пока подле него будет твой черный слуга. Я отдам свою жизнь за жизнь дорогого тебе мужа; он тебя любит больше всего на свете и не предполагает, что есть другой человек, который тоже любит тебя; он отдаст свою жизнь за тебя и за своего повелителя...»

Айсулу с испугом вырвала свои руки из сжимавших их рук раба. «Что ты хочешь сказать? — спросила она. — О ком другом говоришь ты?»

«Айсулу! — отвечал раб. — Я привык к неволе; я, как верная собака, был всегда около Жангита; моей радостью была его радость; появилась ты — я погиб; я полюбил тебя и хочу овладеть тобою; ты не полюбишь меня, я раб, но отдайся мне, и я сохраню тебе Жангита... Решайся, я тороплюсь: сегодня сам Аллах отуманил его голову от твоих ласк; он выехал на охоту, забыв свою шашку, с которой он никогда не расстается. Меня он послал за нею... Аллах велик! Он дал мне случай видеть тебя одну... Прогонишь ты меня — великое горе висит над тобой!»

Не успел договорить своей речи раб, как сильный удар рукою Айсулу поразил его черное лицо. Айсулу, как ужаленная, отскочила внутрь комнаты и крикнула прислужникам.

Потом она сняла шашку Жангита со стены и, подавая ее через окно рабу, сказала: «Скачи скорее, презренный раб, к своему повелителю, преклони перед ним голову, и пусть эта шашка прекратит твою жизнь; иначе ты, как скверная собака, издохнешь в яме...»

* * *

Жангит, послав араба-невольника за шашкою, расположился со своею свитою на берегу Сыра, на разостланных коврах. Веселье и шутки повелителя заразительно действовали на молодежь. Шуткам и шумным разговорам, казалось, не будет и конца. Составились скачки, и сам Жангит принимал в них деятельное участие в них. Каждый старался щегольнуть своим скакуном...

Так прошел час, другой и больше... Вдруг среди общего веселья лицо хана омрачилось, высокий белый лоб его прорезала глубокая складка.

Забавы молодежи мигом прекратились; веселья как не бывало, и вся свита, испуганно переглядываясь, окружила хана... Все недоумевали: что огорчило их повелителя? Не понравилось ли ему брошенное кем-нибудь на ветер неосторожное слово? Каждый спрашивал себя, не он ли виновный, и ждал, что вот-вот на него обрушится гнев его повелителя. А Жангит все молчит, только складка на его высоком лбу делается все глубже и глубже... Вот он устремил свой огненный взор на дорогу и замер в ожидании. Вся свита невольно последовала за его взглядом. Теперь всем стало ясно, что Жангит беспокоится от долгого отсутствия своего раба, посланного за шашкою.

У каждого невольно промелькнул вопрос: «Что-то ожидает несчастного раба?» Всем известен был веселый нрав повелителя, и в то же время никто не забывал его вспыльчивости и необузданной жестокости. Немало голов верных слуг его слетело с плеч под ударами его кривой, тяжелой шашки.

Наконец зоркие глаза повелителя заметили на горизонте желтоватое облачко. Облачко это становилось все ближе и ближе... Желтоватая пыль в тихом, ясном воздухе спиралью вьется к голубоватому прозрачному небу... Кто-то быстро несется по дороге;

вот обрисовался вдали и сам всадник. Лучи солнца играют, отражаясь на металлическом предмете в руках его...

Чем ближе всадник, тем нетерпеливее становится Жангит; боковая складка все глубже прорезывает его лоб. Скачущий всадник был черный раб, посланный в урду за шашкой.

Осадив лошадь, он мигом соскочил с нее и, падая пред повелителем на колени, подносил ему шашку.

Как молния, сверкнули глаза Жангита, и он гневно закричал: «Где ты пропал, черная собака, что задержало тебя в урде?»

«Повелитель, — трясясь всем телом, отвечал раб, — гнев твой справедлив; я виноват, что заставил тебя долго ждать, но разреши верному рабу сказать слово оправдания... Ты — могущественный хан, мой повелитель, но у меня также есть и госпожа — твоя любимая Айсулу...»

«Говори скорей, что с ней?» — прервал его Жангит.

«Повелитель, — снова заговорил раб, — Рахметулла, по повелению Бога, управляет добрыми делами правоверного; албасты (дьявол), враг его, соблазняет человека на дурные дела... Твоя Айсулу хотела изменить тебе»...

«Ты лжешь, собака!» — закричал Жангит, и шашка его взвилась над головой раба...

«Повелитель, — воскликнул раб, — ты волен убить меня, не выслушавши; вот тебе моя голова», — и он протянул шею под шашку Жангита.

Невольно рука Жангита, с поднятыми для удара изогнутым клинком шашки, тихо опустилась, и он, бледный, предчувствуя что-то недоброе, изменившимся голосом сказал: «Говори».

«Повелитель, — заговорил раб, — я по твоему приказу поскакал в урду [4] за шашкой. Въезжая во двор, я увидел в окно Айсулу. По знаку ее я вошел в покои. Там она указала мне место подле себя на подушках. Я раб и повиновался госпоже. Она обвила мою шею своими руками... голова моя закружилась, и я забыл, что живу на земле... Бог велик, он смотрит на людей с высоты своей. В это время мой конь, стоявший на дворе, заржал... Я пришел в себя; высвободившись из объятий Айсулу, схватил я твою шашку, висевшую на стене и, как сумасшедший, выскочил из покоев...»

«Лошадь!» — крикнул Жангит. Как вихрь, помчался он к городу. Свита его, пораженная ужасом, едва успевала за ним.

Прискакавши в урду, Жангит, как степной ураган, влетел во внутренние покои. В первой же комнате встретила его Айсулу, протягивая руки для объятий...

«Прочь, собака!» — воскликнул Жангит... Клинок взвился, и руки Айсулу до локтей вмиг отлетели прочь... «Жангит!» — проstonала Айсулу и повалилась на пол, истекая кровью.

* * *

Громадная толпа министров, советников и близких родственников хана в пестрых, богатых халатах, окруженная многочисленной прислугой разных цветов кожи и возраста, не зная еще о совершившемся, безмолвно стояла на обширном, ханском дворе...

В дверях, с обнаженною шашкою, показался и сам Жангит-хан; ужасный вид его лица и медленно стекавшие с клинка капли свежей крови объяснили присутствующим о варварской расправе...

Вдруг среди всеобщего мертвого безмолвия раздался сильный, потрясший все здание, стук в наружные, запертые ворота. Толпа содрогнулась, содрогнулся и сам Жангит-хан... «Схватить дерзкого!» — крикнул он и, сжимая клинок в руках, направился к воротам. Перепуганная челядь бросилась к воротам, распахнула их и почтительно отступила внутрь двора... Медленным шагом на прекрасном, белом, как снег, аргамаке въехал на двор старик, окруженный несколькими слугами. Длинная седая борода его волнами колыхалась на груди... Увидев его, Жангит, как вкопанный, остановился на месте. Старик, удивленный, что никто не подбежал к нему, чтобы придержать лошадь, остановил ее и медленно слез с седла. Также медленно он подошел к Жангиту, инстинктивно угадывая, что тут произошло что-то ужасное. «Дитя мое, что случилось здесь?» — спросил он Жангита. Жангит медлил с ответом, но вдруг глаза снова сверкнули гневом, и он крикнул: «Старик! Плохое ты выбрал время посетить свою дочь!»

При этих словах и при виде раздражения Жангита старик побледнел. Губы его затряслись, он протянул руки к Жангиту и дрожащим от волнения голосом сказал: «Где Айсулу?.. Аллах! Она умерла?»...

Жангит не ответил ни слова, только рукою указал по направлению дворца. Старик, все еще под гнетом чего-то ужасного, непонятого ему, спотыкаясь на каждом шагу своими дряхлыми

ногами, побежал в покои. Жангит, а за ним и вся толпа невольно последовали туда же. Прибежав во дворец, в первой же комнате старик ступил ногами прямо в лужу крови, разлившейся по полу. ...Он понял все! Мигом сорвал он с головы кисейную чалму и, разорвав ее, опустился на колени к телу Айсулу и опытной рукой начал быстро перевязывать ей перерубленные руки. Жангит и толпа вошли в комнату и остановились в немом ужасе.

Жангит, уже без злобы, но в каком-то тупом онемении следил глазами за движениями старика; а он, перевязав руки Айсулу, поднял ее безжизненное тело, перенес на лежавшие по стенам подушки. Опустившись подле нее и не глядя на окружающих, он глухо проговорил: «Воды». Только при звуке этого глухого голоса толпа пришла в себя. Все зашевелились, многие бросились исполнять приказание старика; все как-то сразу почувствовали, что он теперь здесь господин, и никто уже не обращал внимания на стоявшего тут же с опущенными в землю глазами Жангит-хана. Вода была принесена. Старик обмыл ею лицо и голову дочери; ножом, висевшим на его поясе, разжал он ей зубы и влил в рот несколько капель. Айсулу содрогнулась всем телом и медленно приподняла опущенные веки. Ничего не понимая, обводила она потухающим взором вокруг себя и, остановившись на дорогом ей образе, радостно улыбнулась. Веки ее снова закрылись, и тихое дыхание свидетельствовало, что она не лишилась чувств, а изнемогала лишь от потери крови.

Старик поднялся на ноги и медленным, унылым взором обвел толпу. Глаза его остановились на Жангите; хан под влиянием его взгляда также приподнял голову, и глаза их встретились. Долго молча они смотрели друг на друга. Жангит не выдержал неподвижного взора старика и в смущении опустил глаза в землю.

— Балам! (дитя) Скажи мне, какую тяжкую вину совершила Айсулу? — спросил мягким голосом старик.

Жангит с волнением рассказал о неверности Айсулу.

— Жангит! — воскликнул старик, и голос его становился строгим. — Виновата ли Айсулу? Не так ли же черна душа твоего раба, как и его тело? Скажи мне правду, она созналась тебе?

— Нет, я был очень взбешен, когда входил во дворец, и первой меня встретила Айсулу, я не успел ее спросить; рука моя невольно поднялась, и я не осознавал, что делал.

— Хан Жангит! — воскликнул старик: — Тебе Аллах даровал власть, ты как справедливый хан и добрый мусульманин должен

был совершить суд по закону. А ты поверил рабу, злоба ослепила тебя. Скажи мне, веришь ли ты в виновность Айсулу?

— Отец! — Дрожавшим голосом заговорил Жангит, не глядя на старика: — Албасты силен...

— Не забывай, что сильнее албасты [5] есть Аллах, — прервал его старик. — Сердце мое разорвалось на части. Айсулу, ты знаешь, моя единственная дочь; если она виновна, пусть Аллах накажет ее страшным мучением!.. А если она не виновна? — И старик вперил свой взор в Жангита.

— А если она невинна, пусть Аллах накажет меня! — отвечал Жангит.

— Аллах велик! — И старик возвысил голос: — Я проклинаю того, кто виновен! Аллах! Аллах! — голова его опустилась, губы шептали какие-то непонятные слова. Вся толпа, окружавшая этих людей, стояла безмолвно, охваченная ужасом. Вид старика с поникшей головою имел вид грозного судьи, но не того судьи, который творит суд с оружием в руках; это было нечто другое, более грозное, более ужасное... Глаза всех были устремлены на него. Вот старик возвел руки к небу; он кончил и, как бы шепча еще молитву, тихо произнес: «Аллах! Аллах!»...

Что-то страшное, сверхъестественное свершилось в эту минуту; каждый чувствовал это «что-то», но никто не отдавал себе отчета, что это было. Жангит, как громом пораженный, трясся всем телом, лицо его покрылось мертвой бледностью... В эту минуту тяжелый вздох забытой всеми Айсулу вывел присутствующих из оцепенения. Все глаза обратились в ту сторону, и вдруг из всех уст вырвалось громкое, испуганное: «Аллах».

Айсулу лежала на подушках с открытыми глазами, обращенными с любовью на отца, и как бы только что проснувшись от приятного сна, протягивала к нему свои совершенно здоровые целые руки. Повязки из кисейной чалмы валялись на подушках. Когда и как произошло это чудо, никто не знал, все видели в этом лишь волю и суд самого Аллаха. Жангит упал на колени, подполз к Айсулу и, не стесняясь присутствия посторонних, покрывал ее поцелуями. Крупные слезы катились из его глаз.

— Жангит! — строго сказал старик, — остановись: Аллах велик! Он награждает невинно пострадавших и строго наказывает виновных.

Не успел он договорить своих слов, как вдруг страшный ураган пронесся над урдою, и от надвинувшейся черной тучи в ком-

нате стало так темно, что стоявшие рядом не узнавали друг друга. Окна и двери сами собою распахнулись и вниз, страшно извиваясь, поползли невиданные дотоле змеи.

Жангит и окружающие, кроме Айсулу и ее отца, бросились в разные стороны, спасаясь бегством. Змеи мгновенно наполнили все комнаты дворца, двор и даже дома и улицы столицы, лежавшей за урдой и простирившейся до самого Сыра. Нигде спасения не было. Змеи нападали на людей и грызли их. Первыми погибли Жангит и его черный раб. Старик же со своими слугами, белым конем и красавицей Айсулу исчезли, но когда и куда — никто не видел. Змеи все прибывали и прибывали. Ни в урде, ни в городе не осталось уже ни одного живого существа; тела людей, изъеденные змеями, валялись всюду. Три дня продолжалось это истребление людей. Из всего обширного города казалось не осталось никого в живых. Между тем двое молодых и красивых людей, спасшись каким-то чудом, бежали далеко-далеко от столицы Жангита. Как им удалось избежать смерти — это известно одному Аллаху, но теперь они, изнуренные, с разодранными о колючку ногами и обливавшимися кровью, с ужасом оглядываясь по сторонам, бежали все дальше и дальше. Эти двое были младший брат Жангита, Улу-хан, и задушевный друг его Жала-батыр, сын одного из сановников. Они изнемогали от боли, усталости и голода, но страх невольнo заставлял их идти.

Так шли они, не отдыхая, три дня и три ночи. На четвертый день им стали попадаться курганчи (хутора) подданных Жангита. Весть о бедствии, поразившем столицу ханства, до них не дошла, да вряд ли и могла дойти. Улу-хан условился со своим другом не говорить об этом бедствии народу, а также скрыть свое происхождение и убраться дальше, в какое-нибудь другое ханство. Оборванная одежда, клочьями висевшая на них, невольнo заставляла каждого встречного видеть в них бесприютных скитальцев. Не видя опасности, друзья понемногу успокоились, заходили в курганчи и аулы, спрашивали о направлении принятого ими пути. Перешли они наконец границу владений Жангита и, кормясь кое-как, чем попало, добрались до границы Бухары. Цель их скитания была намечена: им нужно было дойти до г. Бухары и поселиться там, благодаря свою судьбу за свое спасение. Вот, наконец, и Бухара. На базарной площади нашлись такие же оборванные скитальцы, которые делились с ними скудными крохами.

Несколько дней ходили они из улицы в улицу, узнавая город и жителей. Все было для них ново.

Наконец два друга решили, что они должны получить высшее образование, достойное их происхождения. Итак, каждый выбрал для себя медресе: Улу-хан выбрал Мир-Гаран; а Жала-батыр — Кукалдаш. В медресе они были приняты беспрепятственно, сказавшись безродными скитальцами с берегов Сыра. Тайну свою каждый из них поведал мулле своего медресе, и то лишь заручившись от него клятвою не выдавать ее без особенно важной причины. <...>

Туркестанские ведомости. 19 ноября. 1885.

О. А[льджа]нов

ЛЕГЕНДЫ О ГОРАХ ТОЛОГАЕ И БОРТАСТАГАНЕ

I

Над группой Калбинских гор, в 25-ти верстах к северу от города Кокпектов, возвышается гора Тологай. Эта гора имеет весьма оригинальный вид: она по форме походит на киргизскую юрту, ее бока скалисты и почти отвесны. По словам киргиз, на вершине Тологая расположена площадка, на которой находится котлообразный камень, а рядом с ним бьет ключ. По бокам камня навалены две кучи камней, прежние шаманные жертвенники.

Тологай доступен пешеходам лишь с северной стороны; с других сторон едва ли самый отважный исследователь решится карабкаться по его крутым скалистым бокам. О происхождении этой горы у киргиз существует следующее сказание. Некогда жил один великан. У него было двое сыновей. Младший сын, купаясь в Иртыше, утонул — и великан со старшим сыном, как ни старался, не мог найти труп утопленника. Тогда он решил запрудить Иртыш и для этой цели с сыном отправился в Тарбагатайские горы. Там они взяли Тологай и понесли его на своих плечах к Иртышу для исполнения своего плана. На пути великаны остановились в Калбинских горах, где у них было жилище. Здесь отец просил своего сына, который был женат, чтобы он провел ночь в

одиночестве и не виделся со своей женой. Но последний нарушил завет отца, почему утром следующего дня не мог помочь отцу донести Тологай до Иртыша. Отец в огорчении оставил Тологай в Калбинских горах.

II

Между северными отрогами Тарбагатайских и южными Калбинских гор лежит равнина Сарыдала (Желтая степь). В середине этой равнины одиноко возвышается довольно высокая гора Бортастаган. На вершине ее находится куча камней, или жертвенник, памятник давно прошедших шаманских времен. Об этой горе у киргиз также существует легенда. Когда-то в Тарбагатайских горах одна великанша пасла коз. Она была настолько велика, что, когда сидела в Больших Тарбагатаях, то ее ноги лежали на Тарбагатаях Малых. Однажды, пася коз и занимаясь пряжею шерсти, великанша заметила, что на ее стадо напал волк. Она, схватив веретено, бросила его в волка. Это веретено упало в Сарыдалу и осталось там навсегда; отсюда произошло название горы «Бортастаган», что значит «брошенное в волка». Суеверные киргизы приписывают этой горе какое-то священное значение. Проезжая мимо нее, они оставляют на жертвеннике, находящемся на вершине, какое-нибудь приношение.

Киргизская степная газета. № 29. 1894.

КИРГИЗСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ГОРЕ ТУЛАГАЙ

Многие киргизы Тулагайской волости Иргизского уезда говорят по преданию от предков своих, что в Тулагайской волости в незапамятное время были какие-то татары. Эти татары воевали с киргизами и другими народами, и когда стали их вытеснять русские, то они бежали, оставив на произвол судьбы свою крепость «каменный дом», который находился в песках Тулагайской волости. В крепости этой они спрятали много золота, а чтобы его не нашли русские, они засыпали всю крепость песком с глиной и

таким образом сделали гору, а чтобы не забыть закопанное золото и легче найти его, сделали на вершине горы высокую насыпь. Эта древняя гора стоит и поныне, и ей киргизы дали название «Тулагай», почему и волость, в которой находится эта гора, называется Тулагайскою.

Тургайская иллюстрированная газета. № 89 (11.09). 1896.

Н. Ситняковский

КИРГИЗСКАЯ СВЯТЫНЯ

(Пещера Чакпак-ата)

Пещера Чакпак-ата находится на очень видном месте, и доступ до нее легкий. Тем не менее неизвестно, осматривал ли ее кто-нибудь из русских и есть ли о ней какая-либо печатная заметка. Пещера лежит в двухстах саженях от тракта из Ташкента в Верный, в 210 верстах от первого и в 7 верстах от почтовой станции в селении Высоком, на север от нее. Образовалась пещера в выступе, или мысе, образуемом горами Чакпак, которые тут и оканчиваются. Окружающая местность весьма живописна и оживленна. Здесь протекает речка, берущая начало недалеко из родников, всегда чистой, прозрачной и холодной водою; растущие по ее берегам деревья дают летом прекрасную тень. Раздвинувшиеся в этом месте невысокие горы образовали площадку, на которой туземцами построено несколько караван-сараяв: в них находят себе приют многочисленные караваны, идущие по почтовому тракту. К сараям примкнул никогда не пустующий увеселительный двор для туземцев, в котором продается охмеляющий напиток (буза). Чтобы подойти от сараев к пещере, нужно пересечь речку и взобраться на небольшой косогор до скалы, резко выступающей на скате горы, хорошо видный от сараев, в восточном от них направлении. Вход в пещеру начинается у края скалы; длина пещеры до 10 аршин, ширина неодинакова, от 3 до 4 аршин, высота также неодинакова. От $2\frac{1}{2}$ до $3\frac{1}{2}$ аршин, и человек может ходить по ней всюду свободно, не нагибаясь. Боковые стены ее отвесны:

ровный каменный пол расположен горизонтально, верх полукруглый. Стены и верх пещеры образованы конгломератами (плотной смесью малых камней и земли). В глубине пещеры выступает на $1/2$ аршина от пола, в поперечном направлении, большой камень, на котором посетители укрепляют свечи, за камнем находится маленькая треугольная площадка, которая замыкается узким отверстием, составляющим как бы продолжение пещеры в глубь горы. Отверстие это до того узко, что по нему человек может ползти только лежа. Посланный в него киргиз с факелом прополз аршин 6 или 7. Вернувшись назад, он сказал, что далее пещера разделась на три прохода, из которых средний падает прямо в глубину, до которой он не мог досмотреть.

Уже давно замечено, что всем предметам и явлениям, которые чем-либо выдаются среди окружающей природы, как, например, хорошие родники, отдельно стоящие редкие в том месте экземпляры деревьев, особенно характерные по форме или высоте горы, пещеры и т. д., мусульмане придают особое, чудодейственное значение, и лица, следящие за удовлетворением духовных нужд народа, пользуются этими предметами для пропагандирования мусульманства, не забывая при этом и своих практических выгод. Подобно этому и пещера Чакпак-ата почитается киргизами за святыню. Главная специальность всех подобных святынь — исцеление больных и уничтожение бесплодие женщин — применена и к этой пещере. Хотя киргизы вообще плохие мусульмане, тем не менее в попытках к укреплению в них чувства религиозности, а еще более к эксплуатации их при помощи религии нет недостатка. Несмотря на то, что пещера Чакпак-ата имеет очень мало внешних данных, которые внушали бы благоговенные чувства, к ней, за неимением другой существенной помощи к облегчению своих недугов, являются для молитвы об исцелении больные из соседней степи. Наибольшее количество посещений выпадает на вечер четверга. Или, вернее, на канун пятницы. Мужчины и женщины могут, приходить одновременно, не так, как у бухарцев и сартов, где для женщин, желающих поклониться святыням, назначаются особые от мужчин дни. Молитвы продолжаются недолго, и богомольцы в тот же день возвращаются домой, но женщины, пришедшие сюда для молитвы об исцелении от бесплодия, обязаны оставаться в пещере на целую ночь. Не всякая из них достаива-

ется той благодати, которая пламенно ожидается и вымаливается ею. К достойной, по словам ночевавших в пещере, выползает из скал пещеры огромный змей, белый с черной головой или черный с белой головой, длиною больше роста человека и толщиной в верхнюю часть руки полного человека; змей обвивается вокруг шеи, не причиняя богомолке никакого вреда или боли.

Почитание пещеры, по-видимому, началось не так давно; при ней еще нет наследственных шейхов, составляющих при иных мусульманских святынях целые селения и сообща пользующихся доходами от приношений богомольцев. Пока пещеру ведаёт один старичок киргиз. Его внешний вид — бедная одежда, манера держать себя с посетителями — мало схож с ханжескими и театральными приемами настоящих фанатических шейхов, которые владеют святынями на правах наследства и считают иной раз свою родословную десятками колен. Подозреваю, не подставное ли это лицо от какого-нибудь сарта-ишана, положившего здесь начало своей хищнической деятельности среди детей природы, киргиз. А может быть, это самостоятельное, хотя неумелое подражание мало проникнутого духом фанатизма киргиза своим первоучителям, сартам и таджикам, которые с таким искусством создали в различных местах Средней Азии многочисленные святыни, щедро обогащавшие и продолжающие приносить доходы их потомкам. Однажды, когда я спросил этого киргиза, всем ли посетителям показываются змеи и видел ли он их сам, то он довольно нерешительно и не сразу ответил, что выползают только к благочестивым, и сам он видел их одновременно всего один раз.

Киргизы, пока они остаются кочующим народом и живут разбросанно, в одиночку, не представляют твердой основы для укрепления в них не только какой-либо другой религии, но и самого мусульманства. Главные требования мусульманской обрядности — пятикратная дневная молитва и посещение мечетей хотя бы по пятницам — исполняются из них очень немногими; молятся только некоторые, которые постигли чтение Корана. Изучение молитв в массе не принято. Проповедники ислама употребляют много способов для распространения своей религии, и мне в день осмотра пещеры Чакпак-ата и вблизи нее привелось наблюдать один из таких способов, заслуживающий быть отмеченным по характерности его в бытовом отношении. Подъехав к одному аулу, я заметил, что

около тока с пшеницей стоят несколько мужчин и женщин; в руках последней лежала бумажка, свернутая в трубку и исписанная мусульманской грамотой. Мне объяснили, что это молитва, которую они собрались положить в середину кучки пшеницы, чтобы при помощи ее пшеница не испортилась от сырости, так как третий день шел дождь, препятствовавший провеять зерно. Затем я узнал, что молитва была написана лет тридцать назад каким-то проходившим набожным человеком, и им она досталась от родителей. Содержание молитвы для них неизвестно, и никто никогда им ее не читал.

Тургайские ведомости. № 8. 1902.

Д. Н. Джетбысбаев

[О БОГАТЫРЕ АЙДАГУЛЕ]

ТАЗТАГ [1]

(Из киргизских легенд)

Кому из киргизов, искони кочующих у подножия Тарбагатайского хребта, не известны легенды об одной вершине этой горной цепи... Легенды эти из поколения в поколение переходят из уст в уста, как душеспасительная молитва. Легендарную вершину киргизы называют Тазтаг, что означает в переводе Лысая гора или Голая вершина.

Тазтаг выдается из ряда прочих своей неимоверной высотой (над уровнем моря на 7000 футов) и красивой конусообразной формой; на скатах ее вы не увидите не одного выдающегося камня: гладкая поверхность, покрытая густой травой, замечательно красивой и выстилающей весной и летом скаты горы, будто дорогой персидский ковер. На самой верхушке Тазтага виднеется издали шапкообразная скала, в которой, по легенде, находится дом одного богатыря, по убеждению киргизов, теперь еще живущего.

Когда-то на этой вершине жил богатырь Айдагул в своем тереме, построенном из камня в отвесной скале.

Айдагул не ходил, а летал, охраняя окрестные селения киргизов; ему все было доступно, а богатства его неисчерпаемы были.

Каждый год весной, в честь этого богатыря киргизы приносят и поныне жертву, ставшею даже обязательною; обязанность жертвы киргизы объясняют так: однажды случилась у скота повальная болезнь, от которой пало много скота; в это то время, одному из аксакалов (почтенных стариков) явился во сне Айдагул и сказал, чтоб старик завтра рано утром, собрав больших и малых, пошел с ними к подошве Тазтага, где принес бы по барану от каждого в жертву. Встав утром, старик собрал всех и, взяв с собою по барану от каждого, отправился к тому месту, которое ему богатырь Айдагул указал. С утра у подошвы Тазтага стояло в этот день шумное пиршество, кончившееся вечером байгою (скачка). После принесения жертвы скотская болезнь прекратилась, и с того дня принесения жертвы в честь богатыря Айдагула обязательно совершается киргизами каждый год у подошвы Тазтага.

Киргизы верят, что казна Айдагула и сам он до сих пор там, в скале; они говорят, что проезжающие мимо Тазтага и живущие вблизи этой вершины слышат ночью глухой человеческий стон, исходящий из-под горы: это Айдагул молиться за благополучие киргизов. Место, где происходит ежегодное жертвоприношение, представляет огромную площадь, окруженную валом из остатков дров, привозимых сюда каждый год киргизами. На этой то площади каждую весну происходит теперь совершенно вошедшее в обычай торжество, к которому бывает серьезное приготовление религиозного характера: мужчины, также и женщины за неделю еще постятся, совершают молитвы; молодежь, кроме того, приготовляет себе наряды из наилучшего достоинства материи, а бегунцов украшают филиновыми перьями.

С именем Айдагула предание связывает великаншу-старуху, которая, по мнению одних, была женою Айдагула, а по мнению других, просто «нечистой» женщиной. До сих пор идет между двумя киргизскими родами — наймано-муренцами [1] и тусла-токмакцами — горячий спор о том, какой версии легенды отдать предпочтение.

Недалеко от города Кокбетов находится гора Уртентаг; к юго-западу от этой горы до речек Базар и Богас простирается ровная степь, в центре которой стоит конусообразная одинокая сопка, называемая киргизами Кендк-тюбе [2].

Киргизы говорят, что эта сопка — веретено старухи. Великанша-старуха имела пять коз, которых она пасла всегда сама. Однажды, пася своих коз, старуха уселась на гору Тарбагатай, а ноги положила на Алтай; в это время на одну из ее коз, бродивших по степи, напал волк. Чтобы спасти свою козу, старуха бросила в волка веретено, которое она держала в руках, прядя пряжу; веретено это упало на то самое место, где теперь стоит сопка. Эта-то сопка и есть веретено великанши.

[О НАРОДЕ «МЫХТЫ»]

В одном из таких курганов, находящемся невдалеке от подошвы северного склона западной части Тарбагатайских гор, в урочище Тюркюле (лесистая местность), 10 лет тому назад киргизами рода *наймано-муренцев* [2] Зайсанского уезда найдена на глубине двух сажен, в катакомбе, лошадь со всеми выездными приборами для верховых. Грива ее унижена была жемчугом, весьма ценным, величиной с пшеничное зерно, весь хвост — крупными драгоценными кораллами. Лошадь эта замечательно хорошо сохранилась в этой катакомбе, в том почти виде, в каком она была когда-то зарыта по смерти своего хозяина и вместе с ним, по обычаю востока, потому что в этой же руине найдены человеческие кости.

Курган, в котором была найдена эта лошадь, представлял с виду развалины здания, с четырехугольным помещением внутри на глубину 2-х сажен. Помещение, в котором находилась упомянутая лошадь и человеческие кости, было окружено четырьмя правильными каменными стенами, в одной из которых был сделан выход. Грот представлялся совершенно чистым; пол, хотя и земляной, но тщательно утрамбованный.

Вся сбруя, найденная на лошади и сохранившаяся в совершенной целости, даже кожаная, была в серебряной оправе; даже подковы были сделаны из серебра.

К великому сожалению, лошадь эта тотчас же была уничтожена киргизами, нашедшими ее, из суеверного страха, весьма распространенного среди киргиз, что подобная находка служит верным предвестником всевозможных несчастий и бедствий, не только здесь, на земле, но даже в загробной жизни, бедствий, которые должны обрушиться на весь род, представителями которого сделано это открытие.

На полевой стороне передней луки седла было высечено китайскими буквами XIII века слово, означавшее последний год жизни этого животного. Надпись показывает на то, что лошадь была зарыта 600 лет тому назад, следовательно, этот факт не может быть неинтересным для ученых, исследователей, археологов и мог бы послужить толчком к тщательному научному исследованию курганов, по всей вероятности, весьма богатых и интересных в археологическом отношении.

По некоторым вещам, по их форме и работе, а также по буквам, которыми обозначено время этого события, можно заключить, что в этой степи когда-то жили соплеменники китайского народа, которые и воздвигли эти курганы, разбросанные на громадном пространстве степи.

Между киргизами распространено предание, будто курганы эти устраивались в прежние времена народом *мых*, жившим здесь до появления в степях киргизов и даже раньше появления грозного завоевателя этой страны Чингиз-хана. Киргизы называют эти курганы «мыхтин-ци», что в переводе означает жилище мыхтов. Мыхты — те же самые, вероятно, калмыки монгольского племени, называемые только киргизами уменьшительным именем, или взять из этого имени только последний слог «мык» (у киргиз подобные усечения слов встречаются очень часто). Что же касается до разности в произношении последнего звука слов «мык» и «мых», то это просто объясняется национальным выговором киргиз: они произносят обыкновенно букву «к» как «х».

Сибирские ведомости. 1891. № 22; Акмолинские областные ведомости. 1891, Особое Прибавление, № 14.

А. Е. Алекторов

ПРЕДАНИЯ КИРГИЗОВ. ТАЗТАГ

Кому из кочующих у подножия Тарбагатайского хребта киргизов не известны легенды об одной вершине этой горной цепи?.. Легенды эти от поколения переходят к поколению, из уст в уста.

Легендарную вершину киргизы называют Тазтаг, что значит Лысая гора или Голая вершина. Тазтаг выдается из ряда утесов неимоверною высотой и красиво конусообразною формой; на скалах ее вы не увидите ни одного выдающегося камня — гладкая поверхность, покрытая густой травой, замечательно красиво выстилающей весной и летом скаты горы будто дорогим персидским ковром. На самой верхушке Тазтага виднеется вдали шапкообразная скала, в которой, по легенде, находится дом одного «батыра», по убеждению киргизов — и доселе еще живого.

Когда-то на этой вершине жил батыр Айдагул, в здании, построенном из камня в отвесной скале. Охраняя окрестные селения, Айдагул не ходил, а летал; ему все было доступно, а богатства его никто не мог исчислить. Каждый год весной в честь этого батыра киргизы приносят и ныне жертву, ставшую даже обязательно. Обязательность жертвы киргизы объясняют так. Однажды на скоте у киргизов случилась болезнь, от которой скот падал. В то время одному из почетных стариков явился во сне Айдагул и сказал, чтобы старик рано утром, собрав больших и малых, пошел с ними к подошве Тазтага, где и принес бы от каждого по барану в жертву. Вставши поутру, старик собрал всех и, взяв с собою по барану от каждого, отправился к тому месту, которое ему указал батыр Айдагул. У подошвы Тазтага целый день стояло шумное пиршество окончившееся вечером скачкой. После принесения жертвы болезнь на скоте прекратилась, и с того дня принесение жертвы в честь батыра Айдагула обязательно совершается каждый год у подошвы Тазтага.

Киргизы верят, что казна Айдагула и сам он до сих пор там, на скале; они говорят, что проезжающие мимо Тазтага и живущие вблизи этой вершины слышат ночью глухой человеческий стон, исходящий из-под горы: это Айдагул молится за благополучие киргизов. Место, где происходит ежегодное жертвоприношение, представляет огромную площадь, окруженную валом из остатков дров, привозимых сюда каждый год киргизами. На этой-то площади каждую весну происходит теперь совершенно вошедшее в обычай торжество, к которому бывает серьезное приготовление религиозного характера, мужчины, а также и женщины за неделю еще постятся, совершают молитвы; молодежь, кроме того, prepares себе наряды из наилучшего достоинства материй, а бегунцов украшают пярями филина.

С именем Айдагула предание связывает великаншу старуху, которая, по мнению одних, была женою Айдагула, а по мнению других, «нечистой женщиной». До сих пор идет между двумя киргизскими родами — наймано-муренцами и тусла-токманцами — горячий спор о том, какой версии легенды отдать предпочтение. Недалеко от города Кокбектов находится гора Уртенътаг; к юго-западу от горы до речек Базар и Богас простирается ровная степь, в центре которой стоит конусообразная одинокая сопка, называемая киргизами Кендык-Тюбе. Киргизы говорят, что эта сопка — веретено старухи. Великанша старуха имела пять коз, которых обыкновенно сама пасла. Однажды, присматривая за козами, старуха уселась на гору Тарабагатай, а ноги положила на Алтай. В это время на одну из ее коз, бродивших по степи, напал волк. Чтобы спасти свою козу, старуха бросила в волка веретено, которое она держала в руках. Веретено упало на то самое место, где стоит теперь сопка. Эта-то сопка и есть — веретено старухи³.

БОЛЬШОЕ БОГДО

Несколько севернее параллели Черного Яра Астраханской губернии, в пятидесяти верстах от реки Волги, лежит знаменитое Баскунчакское озеро, которое имеет в окружности 57 верст. Близ южной части этого озера возвышается гора Большое Богдо. Незамечательная ни своим массивом, ни богатством каменных пород, почти не имеющая растительности, гора эта пользуется, однако, среди киргизского народонаселения в Букеевской орде большою известностью.

Богдо-Оло, священная гора Богдо, по киргизской легенде, находилась некогда за Уралом, и на ней спасались три святых калмыка. Калмыки почему-то были недовольны местонахождением горы и роптали, Бог повелел им взять гору на свои плечи и унести в прикаспийские степи; при этом Бог запретил калмыкам оборачиваться в пути, так как их будут преследовать шайтаны в образе красавицы, будут соблазнять, чтобы они не несли горы. Долго святые старцы не поддавались соблазну преследовавших их

---

³ Продолжение. См. № 1830. Астраханский вестник. Киргизский текст см. «Особое Прибавление к Акмолинским Областным Ведомостям». 1891 г. № 14.

красавиц, наконец один из них не выдержал — обернулся. В ту же минуту сторона горы, которую он нес, опустилась и погребла под собой ослушника. Та же история повторилась и с двумя другими старцами. Таким образом, святая гора вследствие козней шайтана остановилась между Уралом и Волгой, в киргизских степях, не будучи донесена до места своего назначения, за Волгу.

ХАЗОРАЗБАНД [1]

Хазоразбанд — одно из наиболее замечательных среди азиатских растений с смолистым стеблем и листом и с одуряющим запахом семян. Это растение нашло большое применение в жизни весьма суеверного и любящего все наркотические, возбуждающие и одуряющие вещества фанатичного среднеазиатца. Трава имеет свою легенду. Где-то и когда-то тысяча мусульман сражались с кем-то. Пришла пора молитвы, и они привязали всех своих коней к кусту этой травы, что и дало ей название, так как *хазоразбанд* означает — «привязь тысячи лошадей». Бухарские дервиши одуряют себя семенами этой травы; дымом этих семян хозяйки окуривают своих новорожденных детей, словно с новых дней жизни приучая их к тем наркотическим средствам, которые составляют существенную потребность каждого среднеазиатца; дымом этих же семян окуривается также и скот, а пучки этой травы, как талисман, привешивают над входом в кибитку. Если киргизы хотят выразить свой почет гостям, то перед ними бросают на огонь горсть этих семян.

ХАН

Сибирские киргизы кочуют в настоящее время на огромной площади, простирающейся от северного склона Тарбагатая к северу и северо-западу от него по всему холмистому пространству вдоль левого берега Иртыша, захватывающему значительную часть Семипалатинской области. Здесь редко можно встретить теперь местечки, сохранившие прежнюю прелесть природы и веселящие усталый взор человека после утомительного путешествия по однообразно холмистой, частью же и гористой степи. Своими характерными, свойственными только гористым местностям, красотами,

вместе с нередко встречающимися «бабами» на курганах, белыми рисунками на горных скалах, изображающими баранов, верблюдов и других животных, эти любопытные местечки напоминают путникам о былом, когда здесь обитал культурный народ, стертый с лица земли воинственными кочевниками. В 180 верстах к югу от Семипалатинска возвышаются горы Чингизтау, пересекающие юго-западную часть Семипалатинского уезда. По направлению к северо-западу горы эти отделяются долиной Чий, от стоящих отдельными группами горных хребтов — Орда, Доголан и Чунай. От этих последних идут к северу, по направлению к Семипалатинску, сплошные холмы, заканчивающиеся сопками, под общим названием Ак-чека, т. е. белая сопка, лишенная растительности; у подошвы этих сопок начинается долина Соленая вода — Ащи-су, названная по имени высыхающей летом речки, которая здесь протекает. Почти по середине горного кряжа Чингизтау возвышается отдельная гора, под именем Хан. Об этих местах сохранилось у киргизов следующее предание.

В один из своих завоевательных походов, после покорения Кюрюхана, Темучин остановился близ гор Чингизтау, расположив вокруг свои многочисленные полчища большими отрядами. Киргизы, в то время еще не подчинившиеся Темучину, решились принять его подданство. С этой целью они снарядили посольство, во главе которого стал почетный бий, т. е. народный судья, Майке, снабдив его богатыми подарками для поднесения грозному завоевателю. Майке со спутниками застал Темучина на стоянке и, приняв от имени киргизского народа присягу на подданство, поднес ему подарки. Это была двенадцатая народность, подчинившаяся Темучину, и в этих пределах ему некого было еще покорять. Тогда, помня предсказание пророка о том, что он должен покорить весь свет и что он должен поэтому называться Чингиз-хан, т. е. великий хан, владетель мира, Темучин решил здесь же переменить свое имя.

Представители всех двенадцати племен, бывших в его полчищах, вбили на вершине горы Хан по одному столбу, на них сделали подмости, на которых устроили белый шатер. Те же представители, в числе которых находился и Майке, внесли Темучина на гору на белой расшитой кошке, держась за концы ее, и усадили его в приготовленном шатре. Во все время этой торжественной церемонии народ и несшие Темучина выкрикивали каждый на

своим языке: «Чингиз-хан, Чингиз-хан!» С тех пор гора, на которой Темучин провозглашен был Чингиз-ханом, получила название Хан, а горный кряж — Чингизтау.

Избрание великим завоевателем для такой торжественной минуты именно этой горы киргизы объясняют тем, что в ясный безоблачный день с нее открывается величественное зрелище: далеко виднеется громадный Тарбагатай, а все горы кругом и лежащие за ними долины и холмы видны, как на ладони. С нее, как господствующей горы над окружающей местностью, точно с высоты птичьего полета, можно было окинуть взглядом весь обширный лагерь громадных полчищ Чингиз-хана. Около гор Орда стояла большая юрта, в которой Чингиз-хан или поставленное им важное по положению лицо, творили и суд, и расправу. Такая юрта называлась Орда, отчего гора и получила это название. Вблизи гор Догалан Чунай размещены были передовые отряды, под начальством лиц, имена которых присвоены горам. Впоследствии места около гор Хан и Орда принадлежали киргизскому роду *матай*, северо-западнее которых по горам Чингиз и его северным предгорьям, а также и Догалану кочевал киргизский же род *джувантояк*.

АКДЖАННА

На пустынной скале близ Ходжента
Есть остатки одного монумента;
Славный витязь под ним погребен;
Силой при жизни прославился он.
Каждый год ко дню Рамазана⁴
Толпы поклониться бойцу Туркестана
Стекаются с разных сторон,
Чтоб принести ему общий поклон
От имени всех «кишлаков»⁵,
От братьев, отцов, кунаков⁶
И помолиться над прахом Рустама.
Вот однажды на праздник такой

⁴ Мусульманский пост.

⁵ Деревушка.

⁶ Приятель.

Киргизка Акджанна с сестрой
Рустаму пришла поклониться...
Лишь начало солнце садиться,
Прощаясь с большими скалами
Последнего света лучами,
Акджанна, собравшись с силой,
Явилась пред старой могилой...
В то время в народе носилась молва,
Что в полночь могила лепечет слова,
И будто является сам
Людям бесстрашным Рустам...
Акджанна одна и — кругом ни души!
Только Сыр-Дарья рокочет в тиши
И, прибываясь волнами о горы,
Убегает в далекое море.
Полночь настала, и вот под землей
Поднесся удар громовой, —
Надвое рассеялась с могилой скала,
Вокруг все объяла туманная мгла...
Акджанна вздрогнула и ждет,
Что чудный Рустам к ней придет...
«Рустам — богатырь! Я киргизка Акджанна,
Отец мой, известный в народе султан,
Идти замуж неволит за старого бека,
А ведь недоброго того человека
Я видеть без страха не смею, —
От горя я просто немею.
Рустам, помоги мне советом!»
Что дальше было — неизвестно.
С рассветом Акджанна сестра на могилу пришла,
Но сестры своей уже не нашла...
Так пропала красотка Акджанна...
Год прошел, и киргизский султан,
Хоть искал, не нашел свою дочь,
Эту тайну сокрыла собой
Безответная темная ночь⁷.

Астраханский вестник. 1894. № 1331.

⁷ Киргизский текст см. «Общее приложение к Акмолинским областным ведомостям». 1890 г., № 36.

Л. Искаков

ТАЗТАГ

(Киргизская легенда)

Блещат вершины снеговые
Тарбагатайского хребта;
Как лучезарная мечта,
Прекрасны горы голубые!

Зимой в порфире белоснежной,
Как верный сторож-исполин,
Гора Тазтаг среди вершин
Царит над областью снежной.

Но та гора во время лета
И жизнерадостной весны
Стоит покрытая травой,
В зеленый бархат вся одета.

Горы отлогие края
Покрыл ковер цветов узорный;
Внизу сверкает ключ нагорный,
Как серебристая змея.

Лишь наверху из-за тумана
Блещит, пустынна и гола,
Шапкообразная скала,
Как синий призрак великана.

* * *

На той скале еще поныне
Стоит дворец богатыря,
Из бирюзы и янтаря
Он весь построен на вершине.

Киргизы ближнего аула
Богатыря глубоко чтят,
И с умилением глядят
На светлый терем Айдагула.

Сам Айдагул в скале отвесной,
В дворце янтарном том живет,
На них он с области небесной,
Благословенье свое шлет.
И слышен утром, в часть восхода,
Из-под горы подземный гул:
То молит Бога Айдагул
За благоденствие народа.

Из недр отвесной той скалы
Туда, в надзвездные селенья,
Несутся чистые моленья
К престолу вечного Аллы!

* * *

И те молитвы Айдагула
Услышал праведный Алла, —
И благодать небес сошла
На все соседние аулы.

Киргизы в них живут богато,
Гостеприимен здесь народ,
В степи плодятся каждый год
Верблюд и конь, и скот рогатый.

.....

* * *

С тех пор окрестные селенья
Справляют праздник торжества,
И у горы в честь божества
Свершают жертвоприношенья.

На шумном пире всенародно
В честь Айдагула каждый раз
Творят киргизы здесь намаз⁸
Весною ранней ежегодно.

К подошве светлого Газтага
Сбираясь буйною толпой,
Здесь потешается байгой⁹
Киргизских юношей ватага.

⁸ Намаз — молитва.

⁹ Байга — скачка.

И про огонь страстей и битвы
Слепой певец толпе поет,
И песню слушает народ
С благословеньем, как молитву.

* * *

Но ночь спустилась тихим шагом,
Надев свой траурный наряд,
И над вершиною Тас-Тага
Лишь звезды ясные горят.

И постепенно шум нестройный
Замолкнул. Кончен бурный пир!
Объятый негою спокойной,
Народ уснул, вкушая мир.

Тургайские областные ведомости. 1891. № 12.

А. Хорошкин

ТАМДЫ, ИЛИ ТАМЛЫ

(Из походного дневника)

В уме среднеазиатца, в особенности оседлого, постоянно преобладает мистическое, а потому и проглядывает оно почти на каждом шагу: и в истории Средней Азии, и в современной нам, обыденной ее обитателей, только в далеком будущем можно ожидать перемены этого направления на иное, практическое. Средняя Азия — неистощимый рудник священных легенд о всевозможных мусульманских святых; в этом Средняя Азия зашла гораздо дальше Аравии, родины ислама, где подобное явление, казалось бы, скорее могло считаться нормальным. Здесь горы, доли, реки, овраги, могилы и всевозможные урочища большей частью окружены легендами исключительно священного содержания и с просто-душной верою в непреложность их какой-нибудь старик, иногда ученый мулла рассказывает вам небылицу, путаясь в хронологии и нимаало о том не заботясь, потому что ему дороги отцовские предания или сказания его книг, и едва ли кому удастся убедить его в нелепости его рассказов. Я иногда пытался мудрствовать

и разочаровывать этих детей природы, но в конце концов все-таки соглашался с ними и смиренно записывал их сказки, подобно тому, как и в настоящем случае беспрекословно записал сказочные предания об урочище Тамды. Вот эти предания в том виде, как они были переданы мне киргизами.

Святые Ходжа Богаватдин (могила его находится около Бухары) и Хазрет-Султан (могила его в Туркестане) заспорили однажды о том, кто из них могущественнее? Спор кончился тем, что Хазрет-Султан забрал всю воду Амударьи в свой платок и полетел через Кызыл-кумы в г. Туркестан. Одно предание говорит, что, пролетая над тем местом, где теперь находится урочище Тамды, оазис среди песчаной степи, он уронил каплю воды (потюркски — там), и она превратилась в ключи, называемые потому и доселе Тамлы, т. е. капельные. Другое предание гласит, что Хазрет спустился здесь для намаза и, должно быть, употребляя имевшуюся при нем воду Аму-Дарьи для омовения (*тарат*)...

— А река Аму все-таки и теперь больше Сыра, — заметил я рассказчику.

— Да, они потом помирились, потому что Богаватдин раскаялся и Хазрет-Султан отдал воду назад, — отвечал мне киргиз-рассказчик.

— Значит, Хазрет сильнее?

— Еще бы! — в один голос сказали мои собеседники.

Должно помнить, Султан-Хазрет — узбек и святой, особенно чтимый кочевниками, а Богаватдин — таджик. Известен постоянный антагонизм, существующий между этими среднеазиатскими национальностями? Например, в данном случае каждая из них словно будет стоять за своего святого, забыв, что между временем жизни того и другого — разница в несколько сот лет.

Но как бы-то ни было ключи Тамды, надо думать, в весьма далеком прошлом были уже в распоряжении человека. Опрометчиво было бы добиваться от киргиз каких бы то ни было положительных сказаний хотя бы по книгам или преданиям о тех народах, которые пили воду из этих ключей: киргизы не имеют литературы, а настоящие муллы-книжники между ними большая редкость. «Где же нам узнать, какие народы по воле Божьей прошли по лицу земли?» — сказали старики, когда я начал надоедать им расспросами. — Старики сказывали нам, что давным-

давно какой-то будто бы раб-персиянин по имени Басан Тиин увез из Ургенджа ханскую дочь и поселился с нею здесь. Вон у крепости есть место, обложенное камнем; мы считаем его могилой Басана, по преданию, но один ученый — *кары* (т. е. знающий наизусть Коран) в Нурате сказал кое-кому из наших, что это не могила Басана, а что тут зарыты сокровища и что зарыл эти сокровища какой-то прохожий караван, боясь разбойников, а для того чтобы сделать это неприкосновенным, водрузил на нем *тур* — знамя, как будто на могиле святого или *шанда* — преподобного. Знамя это впоследствии кто-то снял, но тронуть это место мы все-таки не решились: кто знает, может быть на самом деле похоронен святой? О Басане нам сказывал один из здешних беков, Касым бек, лет 30 тому назад. Потом старики называли нам какого-то Нуртая; в здешних горах его именем зовется ключ, в трех или четырех ташах отсюда. Кто из них построил крепость ту, кирпич, который собирают теперь ваши солдаты на печи — мы не знаем, но кирпича было очень много, и часть его пошла в стены теперешнего кургана, построенного по воле эмира Насруллы, пожалуй, более 40 лет тому назад...»

— Не остался ли кирпич от какой-нибудь постройки Абдулы-хана? Ведь он любил строить все из кирпича?» — полюбопытствовал я.

— Этого мы не слышали.

— Но я все-таки думаю, что Абдулла-хан не мог не заметить Тамды по его положению на большой дороге, на р. Сыр. А за какое время помните вы в Тамды беков из Бухары?

— Лет за 40, когда мы, алчинцы и другие киргизы малой орды, пришли сюда из-за Сыра под началом Дауд-бая батурса¹⁰. Он явился к эмиру в Бухару и получил позволение кочевать около Тамды; тогда же был прислан в Тамды некто Бердали; он построил тот курган, который вы застали. Дауд-бай был назначен беком и жил в кургане, но через год он умер; тогда беком был назначен старший сын Дауда и брат Дост-Мухамед Бегим, после него строитель кургана Бердали, потом Шамши, за ним Конозат, который правил всего один месяц и с казенными деньгами, собранными в податъ,

---

¹⁰ Отец недавно представлявшегося генерал-губернатору бия алчинцев Дост-Мохаммеда.

бежал за Сыр; после него опять правил Шамши, потом Касым, за ним Сафар-мирахур и последний бек Абдукарим-мирахур уехал в Бухару, по взятии русскими Самарканда.

— А правда ли что эмиры ссылали сюда беков за проступки?

— Беки назначались в Тамды, как и в другие города, общим порядком, даже тягались из-за этого места, потому что хорошо здесь наживались. Придет кто-нибудь из наших влиятельных лиц в Бухару, все желавшие быть беками в Тамды просили их ходатайства перед эмиром. Сюда действительно ссылали эмир беков других городов и разных виновных; но они содержались безвыездно в кургане, под надзором здешнего бека.

— А много у него было войска?

— Всего 40 нукеров; пушек не было, да и надобности в них не виделось: мы не помним и не слышали ни об одной ссоре бека с народом.

— А какие были при беке чиновники?

— Был один мирза; еще был один, в роде *казы*, впрочем, он только собирал деньги *ника-пуль* (брачные), *нухутек* (за пригульный скот, продававшийся обыкновенно через шесть месяцев) и представлял их беку. Присуждать к смертной казни бек не имел права; он судил только маловажные дела или отправлял виновных к эмиру. Случалось, что бек и сам ездил в Бухару или посылал туда *чапара* (т. е. гонца), отсюда 30 ташей до Бухары; на хорошем коне джигит проедет их в двое суток.

— А во сколько дней джигит доедет отсюда, до р. Аму, примерно, до города Шурахана?

— Дней в 5 доедет.

— Как давно насажены в Тамды деревья и кто развел клевер?

— Это дело Шамши-бека во второе правление его, а частью еще Дауд-батура; они же развели и клевер.

* * *

Урочище Тамды, или правильнее, по-нынешнему, Тамлы, — холмистая местность в северном склоне небольших степей и гор Актау, и ввиду тех песков, которые известны у киргизов под именем Джаманкызыл (подразумевается еще слово *кум* — песок; тогда выйдет в перевод: дурной, неприветливый Кызылкум (красный песок). Этот Джаманкызыл и действительно неприветно тянется в

виду Тамды, с востока на запад, где сливается Улукизылом или Шулькызылом...

Урочище Тамды, конечно, обязано своему значению ключам. Их два, на версту один от другого. Большой Тамды бьет из земли несколькими струями, на склоне небольшой покатости, почти у подножия того бугра, на котором стоит крепость. Малый Тамды-ключ скудный, сочится из почвы горизонтальной. Вода хороша в обоих ключах, но в большом может быть названа действительно превосходною, в особенности после степных колодцев. Малый Тамды скуден водой; большой, спускаясь по покатости, орошает несколько деревьев вербы, несколько танапов клевера и овощных плантаций. Только в знойном климате и в местностях, подобных Тамды, окруженных на несколько сот верст пустыней, человек отводит в числе прочих даров Божьих должное место воде.

Приехав на большой Тамды, я пошел к самому источнику в сопровождении каракалпакского бия Баки, человека грамотного, и он, стоя над источником, все время вел разговор истого сына степей о премудрости и благодати Божьей, явившейся детям своим в образе источника. Вместе с почвою около Тамды оживлена также животная и растительная жизнь. По берегам двух небольших бассейнов из воды ключа выбегают обыкновенные песочники (*trinqa minuta*), видели мы пару уток, на вербах чирикают воробьи, по окрестным холмам довольно много куропаток; по вечерам вылетает откуда-то нетопырь. Вредных или хотя бы беспокойных насекомых мы пока не видели. Джигит, ездивший в соседний саксауловый лес, убил саблею какую-то ящерицу, более 1 ½ аршин длиною.

* * *

Крепость Тамды находится в нескольких десятках шагов от большого Тамды. Крепость расположена на холме, в форме почти равностороннего прямоугольника. Западная половина крепости выше, а потому в ней находились главные помещения бека и гарнизона; собственно арка, или резиденция, занимает середину укрепления и командует остальными его частями; там теперь развевается русский флаг. Крепость очень не велика, сажень 30 вдоль и сажень 20 или 25 поперек. При бухарцах она была больше, но теперь нижняя стенка, проходившая по второй террасе холма, скрыта нашим отрядом, как не соответствующая назначению, да и при бухарцах

бывшая, кажется только скотным двором¹¹. Стены собственно арки до 8 сажень вышины; остальные ниже. Стены эти сложены частью из песчаника, пополам с глиною, частью с глиною и жженого кирпича, оставшегося от существовавшей тут древней постройки. С цитадели видны окрестности; на севере Джаманкизил сливается с горизонтом, на западе травянистая степь и те же пески, на юге и востоке горы и холмы Актау. С юго-восточного барбета, в полверсте от крепости, видно обнажение красной вохры, по-киргизски *кызыл-касек*. Киргизы красят ею оставы кибиток и метят баранов.

С этого же барбета хорошо виден аул Достмухаммеда на малом Тамды и далее кочевка близ колодца Ажирыктыкудук.

* * *

Тамды, конечно, не имеет значения, как крепость, в особенности с подобными стенами, но как пункт стратегический Тамды стоит внимания по своей близости к границам Хивы и Бухары. Курган Тамды был крайним пунктом бухарского влияния на севере и не без успеха исполнял свое назначение; подобным же образом крепостца Тамды могли бы служить и нам, если усилить ее гарнизон, назначить начальника населению, дабы он предварительно изучил край, присмотрелся к нему и затем исподволь вводил бы новые порядки. Население здешних степей составилось из тех, которые не хотели подчиниться нашей власти на Сыре; на это население влияли в разное время Садык, Назар-карак и другие среднеазиатские авантюристы. Правительства бухарское и хивинское, а кокандское и по-давно, относились к этому населению безразлично, довольствуясь каким-то ничтожным зякетом. Вследствие этого население стало вольнолюбивым, почти до дикости. Недаром бий Достмухаммед, дикарь умный и хитрый, говоря о своем народе, уподобил его тучам, бродящим всюду. Сравнение очень удачное; тем не менее подобные наклонности здешних киргиз далеко не отвечают целям комиссии по устройству кизил-кумского населения.

12 мая 1872 г.

Уроч. Тамды, в ст. Кизилкум.

Тургайские ведомости. 1872. № 35.

¹¹ Тут есть след подземного хода к ключу.

Л. К. Чермак

КЗЫЛ-КЕНЧ [1]

(Киргизская легенда)

Пересказ

Верстах в 40 на юг от Каркаралинска, в Кентских горах, находятся развалины каменного строения. Кровля провалилась, и от нее не осталось никакого следа, но стены настолько еще сохранились, что можно судить о размерах здания, числе комнат и их расположении. Говорят, что это был двухэтажный дом. Кем и когда он был построен, местные старожилы не знают, говорят только, что в то время когда киргизы заняли Кентские горы, Кзылкенч [2] представлял собою уже развалины. Значение слов Кзылкенч мне не могли объяснить, по мнению киргиз, это калмыцкое слово¹².

О происхождении развалин существует легенда, записанная мною в 1898 г. со слов киргиза толенгута¹³ Мухаметче, уроженца Кентских гор, древнего старца. Когда я вел с ним беседу, я старался записать по возможности полнее рассказ Мухаметче, переданный мне переводчиком, но полагаю, что это удалось мне только отчасти и что многие подробности ускользнули от меня.

Мухаметче, высокий, дородный старик, с важной осанкой, свойственной восточным людям, медленными движениями руки зачерпывал большой резной ложкой кумыс из стоявшего перед ним объемистого таза и выливал его звонкой струей обратно; кумыс пенился, распространяя кисловатый запах, щекотавший обоняние сидевших вокруг в ожидании своей чашки этого любимейшего напитка киргиз. Наконец чашки наполнены, и Мухаметче, продолжая вспенивать кумыс, заговорил:

— Давно это было, может, и дедов наших на свете не было... и земли эти, на которых мы вот кочуем, тогда под калмыками были. Богатый народ был, стадам его конца края не было, степи были широкие, пастьба вольная. Простой народ жил богато, а уж

---

¹² Если это слово и калмыцкое, то искаженное до полной, неузнаваемости.
Ред.

¹³ Толенгут'ами в старое время называли дружинников султана. Л. Ч. Зап. II. Р. Г. О. по отд. Эти.

про ханов, вроде начальников ихних, и говорить нечего, — жили как цари. И вот жили в то время два хана: одного звали Ауке, другого Контаже. Случилось как-то хану Контаже быть в гостях у хана Ауке, — справлял Ауке поминки по своему родителю, — и увидал там старьй хан дочку Ауке, красавицу Нежде. И потерял покой старьй Контаже, запала ему в голову молодая ханша, все думает, как бы ее в жены себе взять.

Кончились поминки, возвратился Контаже в свой стан, посмотрел на своих жен и решил послать сватов к хану Ауке, сватать красавицу Нежде. Собрал разных подарков хану и его дочке, снарядил караван, и поехали сваты.

Контаже был очень богат, одних лошадей у него было табунов тридцать, а в каждом табуне по тысяче голов, овцам он и счет потерял, а сколько добра было в сундуках! — то и не перечесть. Обещал Контаже хороший калым¹⁴, и Ауке с радостью породнился бы с ним, да калмычка-то не хотела идти за него, однако¹⁵ другой кто на сердце лежал. Только где же дочери против отца выстоять, и пришлось красавице Нежде покинуть отчий дом, идти за Контаже. Поплакала-поплакала, а потом занялась приданым да и утешилась, девичьи слезы не долги... А Контаже отдал приказ: как только дело будет сделано, так чтоб в тот же час сваты с невестой ехали обратно, приданое можно и потом собрать. Но Ауке не согласился.

По калмыцкому обычаю, невеста должна была ехать к жениху со всем своим приданым, в сопровождении 40 девушек и 40 джигитов¹⁶, и Ауке хотел сделать все по обычаю. Приданое было большое; хоть Ауке был и победнее Контаже, да дочка у него была одна, и не хотел он посрамить ее перед женами спесивого Контаже, — не простого ведь звания была невеста, а ханская дочь.

Наконец снарядили караван. Одних верблюдов с разным добром было, может, до 50 или больше, да всякого скота сколько, да свиты 80 человек, да рабов и рабынь для услуг... большой караван

¹⁴ Выкуп за невесту со стороны жениха. Л. Ч.

¹⁵ Слово «однако» употребляется по всей Сибири необычайно часто и имеет значение: «по-видимому, видимо, вероятно, должно быть, надо думать, ведь, пожалуй». Ред.

¹⁶ Удалий молодец. Л. Ч.

вышел... А еще Ауке послал с дочкой двух батыров¹⁷ одного калмыка, другого киргиза.

Пока собирались, наступила поздняя осень, а путь лежал дальний. Старики, которые погоду узнают, говорили: эй, хан Ауке, подожди до весны, зима, однако, ранняя будет, как бы не случилось чего в дороге»...

Но Контатже требовал невесту поскорее, Ауке обещал ему и не мог нарушить своего слова.

Караван отправился.

Как старики говорили, так оно и вышло. Только успели прийти вот на это самое место, где наш аул стоит, как вдруг сделался холод и поднялся буран. Караван остановился, хотели джигиты верблюдов развьючить, юрты поставить, да не смогли — буря с ног валила, из рук все рвала. Собрались тогда все в кучу, и люди, и скотина, и стали ждать, когда буран пройдет. Два дня бушевала буря, и столько снега навалило, что засыпало верблюдов. А когда ветер стих, сделалось тепло, и дождь пошел, а после дождя такой мороз ударил, что сковал он намокшую одежду людей, верблюжьих выюки, сбрую лошадей. Никто не мог пошевелиться, и все думали, что тут им и смерть пришла. Поднялся на стане плач и разбудил батыров, которые спали себе под кошмой и не знали о беде. Встали они, оглянулись, расправили свои могучие плечи и сказал киргиз-батыр калмыку-батыру: «Давай поборемся, станет тепло, мы с тобою согреемся и других согреем». Тот согласился, и началась борьба.

И такие это были батыры, что пока они боролись, так столько от них тепла шло, что оттаяла одежда людей, и верблюжьих выюки, и конская сбруя. И затих плач, и стали все радоваться и хвалить батыров. А те все борются да борются... Растаял вокруг снег, и потекли ручьи. А батыры все борются. Забыли они, что в шутку схватились, и только думают, как бы им сломать один другого. И не могут. Вот они разошлись и с криком «Аттан»¹⁸ бросились к лошадям, вскочили каждый на своего коня, разъехались в разные стороны и на всем скаку кинулись друг на друга. В первый раз не ошиблись они, разъехались. Во второй раз схватили друг друга за пояса, но лопнули пояса, а всадники усидели...

¹⁷ Богатырь. Л. Ч.

¹⁸ На коней. Л. Ч.

— Как же подпруги не лопнули, от-агасы?¹⁹ — не удержался и спросил один из слушателей.

— Ой-бой! — отвечал Мухаметче. — Да разве батыры борются на оседланных лошадях? Это только теперь джигиты даже козла таскать²⁰ без седла не могут... а в то время люди были крепкие...

Вот бросились батыры в третий раз и схватились грудь с грудью... и осели кони на задние ноги, и сломал киргиз-батыр калмыка. Но так крепко охватил калмык лошадь своими ногами, что сломил ему киргиз хребет, а не сорвал с коня. Как увидела это ханская дочь, рассердилась она на батыра, хотела было отправить его назад к хану Ауке, чтобы тот, казнил его, да как посмотрела на батыра, так и гнев свой позабыла, полюбился ей молодец-киргиз. И сказала красавица Нежде: «Не пойдем дальше, перезимуем здесь... джигитов много, леса и камня вокруг вдоволь, построим дом, проживем до весны, а там пойдем к хану Контаже»...

Ослушаться ханской дочери не посмели, живо взялись за дело, выстроили дом и назвали его Кзылкенч. А мы, киргизы, и ключ вот этот, что рядом протекает тоже Кзылкенчем прозываем, — добавил Мухаметче и замолк.

— Ну а ячто же дальше было, от-агасы?

— Дальше?.. А дальше было то, что слюбились ханская дочка и киргиз-батыр, зиму прожили весело — молодежи было много — сорок пар, кроме прислуги, припасов всяких также вдоволь было, — а как пришла весна, оставили они Кзыл-кенч и отправились в стан хана Контаже. И узнала тут ханская дочь, что затяжелела она от киргиза-батыра...

Вот приехали они в стан хана Контаже. Тот было заторопился свадьбу играть, да Нежде рассказала ему, как все случилось, и попросила отложить свадьбу, пока она не родит, киргиза-батыра не казнить, а помиловать и отпустить на все четыре стороны. Рассердился сначала старый Контаже да потом видит, что делать нечего, что было, того не вернешь, согласился, — свадьбу отложил, а киргиза прогнал. Когда Нежде родила, ее сына в тот же час

¹⁹ *От-агасы* — «старший у огня», почтительное обращение. Л. Ч.

²⁰ Народная игра: несколько верховых джигитов берут заколотого козленка или ягненка и стараются его вырвать один у другого. Победителем считается тот, кто сумеет удержать у себя тушку и ускакать от преследующих его. Л. Ч.

отдали рабыням с приказом, чтобы они его вели не как ханского сына, а как простого раба.

Вскоре и свадьбу сыграли, и зажил старый хан с молодой женой, все любовался ею, да не очень-то она любовалась им, видно, вспоминался ей молодой батыр.

А мальчишка у рабынь рос не по дням, а по часам. Был он не красивый с лица, но зато здоровый, сильный. Прозвали его рабыни Алтыайлыг, потому что носила его ханша только шесть месяцев.

Вот исполнилось ему 9 лет, и отдали его пасты верблюжат. Так и рос он, не зная ни отца, ни матери, не слыша доброго слова, а только одну ругань, потому что был *кул* — раб. А все-таки было в нем что-то особенное, и отличался он от прочих мальчишек и силой, и ловкостью, и удалством. Особенно любил он охоту и уже 10 лет так стрелял из лука, что от его стрелы не спасались ни птица, ни сайга. И вот захотелось ему такой лук и стрелы сделать себе, какого еще ни у кого не было. Пошел он к кузнецу и рассказывает, какой лук нужно сковать ему. Кузнец был стар, много видел на веку своем, но никогда ему не случалось, чтобы мальчишка заказывал такой лук, какой бывает только у батыров. Подивился он, однако сковал лук, отдал Алтыайлыгу, а сам пошел к хану и рассказал ему об удивительном случае. Хан тоже был удивлен и решил на первом празднике испытать мальчишку. После того вскоре подошли поминки, и хан Контаже решил устроить состязание стрелков. И собрались к празднику стрелки со всего ханства. Много там было ловких стрелков, и многие посмеивались над Алтыайлыгом, которому было только двенадцать лет. Но вот подошла его очередь. Велел он принести семь кетпеньчот'ов²¹ один за другими и предложил джигитам пробить их. Те рассердились: «Ой-бой! Разве может стрела пробить железный кетпень-чот?...» Однако стали стрелять, да напрасно, стрелы их или отскакивали, или ломались.

Пришел черед мальчишки-пастушонка. Взял он свой лук, положил кованую стрелу и пробил все семь кетпень-чот'ов, и далеко улетела стрела. Все просто диву дались, а он поставил 14 кетпеньчот'ов и также легко пробил и их. И признали все джигиты, что нет среди них равного ему, мальчишке-верблюжатнику. Удивился

---

²¹ Железная мотыга. Л. Ч.

и хан Контаже, отличил его, позвал в свою ханскую юрту, одарил его подарками, угощал из своих рук. Но не понравилась хитрому Контаже такая сила в мальчишке, и приказал он своим приближенным вырезать у мальчишки правую ключицу, чтобы ослабить его. Те так и сделали. Усыпили мальчишку во время угощения, вырезали у него, у сонного, ключицу и отвезли обратно к верблюжатникам. Рана его зажила, но не стало в нем прежней силы, и не мог уже он пробивать своей стрелой больше семи кетпень-чот'ов.

А ханша Нежде узнала как-то, что мальчишка-верблюжатник ее сын, однако, сердце материнское дало ей весть. Тайком от хана позвала она к себе Алтыайлыга, рассказала ему, чей он сын, и велела ему бежать из ханского стана и найти своего отца.

У старого Контаже был сын от старшей жены, и у этого сына был аргамак, такой аргамак, что другого такого не было во всей степи. И берег ханский сын этого аргамака как свой глаз, была для него поставлена особая юрта, и сторожили его сторожа день и ночь.

Как то раз ехал ханский сын на своем аргамаке около того места, где паслись верблюды. Увидал мальчишку-верблюжатника и посмеялся над ним, что не может он теперь стрелять из лука, — знал, видно, от отца, что без ключицы он, и назвал его обидным словом. Вскипело сердце у мальчишки, бросился он на ханского сына, хотел разорвать его, но тот смял его аргамаком, ударил по лицу нагайкой и умчался. Не помня себя, схватил мальчик свой лук, засвистела стрела, догнала аргамака и упал ханский сын, как мешок, на землю с пробитой навывлет грудью...

Встал аргамак как вкопанный около тела своего хозяина. Подошел к нему сын батыра, огладил его, вскочил в седло и ускакал как ветер...

Мухаметче умолк.

— А что от-агасы, нашел он своего отца?

— Кто знает... Как, поди, не нашел на таком-то аргамаке...

Только давно это было, позабыл народ... а может, ничего этого и не было... может, выдумка одна про этот Кзылкенч.

СПб. Январь 1908 г.

Дукей Байжумуров

КЫЗЫЛКЕНЧСКИЙ ДВОРЕЦ

В Кенской волости, Каркалинского уезда, вблизи ключа Кызылкенч, в урочище того же названия, имеются развалины какого-то здания, по народной молве Кентского дворца. Здание это небольшое: в длину и ширину не превышает 5 саж.; с трех сторон: с северной, восточной и западной к зданию примыкают небольшие прямоугольные пристройки, неодинаковой величины. Эти пристройки наружных входов не имеют и сообщаются с главным зданием, каждая порознь, внутренними ходами: (дверями), шириною в 1 арш. 12 верш., а высотой 2 арш. 4 верш. Судить о том, были ли как в пристройках, так и в самом здании окна, невозможно, потому что стены сильно разрушены и в настоящее время высотой немного более сажени, за исключением южной стороны, где стена достигает высоты почти 8 арш. и вместо пристройки имеет вход во внутрь. Вход шириною 2 арш. и высотой в 2 аш., 12 в. устроен под навесом. Навес имеет вид балкона и поддерживается шестью деревянными столбами высотой до 4 арш.; два столба расположены у самой стены дома по обе стороны наружного входа и поддерживают навес около судны, а четыре поддерживают навес с противоположной стороны, по краям два на углах и два посередине. На двух задних и четырех передних столбах положено по бревну; причем под бревнами на двух наружных угловых столбах имеются фигурные подставки; на этих бревнах поперек расположено 17 жердей средней толщины. Пространство же между жердями заполнено дощечками длиной 5.7 верш., шириною 1 $\frac{1}{2}$ верш. и толщиной $\frac{1}{2}$ верш. Концы их стесаны для более устойчивого положения на жердях; поверх же этих дощечек, придавливая их, находятся опять жерди, а на них уже каменные плиты, земля и разный мусор. С обеих сторон навеса видны какие-то остатки стен. Были ли это стены такой же пристройки, как и в других сторонах зданий, или же ими защищался только подъезд, сказать трудно, как рискованно предположить, что навес этот принадлежит далекому прошлому, а не новейшему времени. Выше навеса, в стене, имеется окно, а внутри здания в той же стене на

высоте 3 арш. 7 верш. от земли выдаются четыре тонкие балки, по-видимому, ни что иное, как остатки основания пола второго этажа. Что это здание было двухэтажное, говорит предание и подтверждается отчасти высотой южной стены, а главным образом тем, что в южной стене сохранилось окно на высоте более 3-х арш. Все здание с пристройками сложено из каменных плохо отесанных плит и, как можно судить по сохранившимся редким остаткам, было снаружи и внутри вымазано глиною. Стены сильно разрушены, поросли тощей травой, но теперь в некоторых местах имеют толщину 1 арш. 2 верш. Около того же самого здания в восточной и западной сторонах имеются следы каких-то разрушенных построек, а немного поодаль от них несколько могил, по внешнему виду не киргизских. Местность, где находится Кентский дворец, представляет небольшую долину, окруженную почти со всех сторон скалистыми горами, которые, однако, к югу становятся более отлогими и образуют с северо-запада проход в долину реки Талды. Перед лицевою южною стороною развалин в саженях трех-четырёх, имеется небольшой, весь заросший камышом пруд. В долине, южнее пруда, растёт мелкий кустарник и изредка небольшие сосны, которые, чем ближе к горам, растут и чаще, и гуще, а на горах опять редуют и кое-где лепятся по скалам.

Эта местность вместе с развалинами принадлежит Акпаю (ныне умершему) и находится во владении его рода уже лет 150, а то и больше. По словам умершего владельца Акая, первым пришел сюда его прапрадед по имени султан Буйей-хан, который будто бы дворец этот застал уже оставленным и разрушающимся; но в их роде живет еще память о том, что дом этот был двухэтажный и имел более 20 комнат. Дед же Акпая, Джалды отец и Сеильхан²² в этот дворец во время непогод загоняли скот. Чем в действительности был этот дом, ныне сказать затруднительно, пока не будут произведены исследования, возможно лишь установить то мнение, что во всяком случае это постройка не киргизских рук, т. к. таких построек у киргиз не встречается. О самой же постройке существует такая легенда: во время борьбы калмыков с киргизами калмык Айда-батыр полюбил дочь Косан-Серен-Хана-Лауке (Еляуке), но т. к. Касань-Серен-хан добровольно дочь не отдавал за Айда ба-

---

²² Сеильхан не отец Акпая, а дядя; Акпай — сын Джолды Дукея.

тыра, то последний украл, а с нею увел 40 девушек и 40 нокеров-слуг. Долго они странствовали в степи, но там было небезопасно: киргизы уже завладели степями и ежеминутно могли напасть на беглецов. Тогда они ушли в Кентские горы, где застала их зима, чтобы укрыться от холода и буранов, Айда батыр построил себе дворец и зажил в нем, не заботясь о будущем. Так прожил Айда батыр в этом укромном месте некоторое время покойно и счастливо. Но когда калмыкам в борьбе с киргизами пришлось очень плохо, брат Айда батыра, спасаясь от киргиз, укрылся тоже в Кентских горах, где и повстречал своего брата и стал звать его собой идти на врагов. Однако ни увещания брата оставить Ляуке, ни укоры за то, что он наслаждается, когда все его сородичи борются за свою жизнь и свободу, ни проклятия — ничто не действовало на Айда батыра. Он лично был счастлив, а ко всему остальному был равнодушен; он говорил: «Борьба теперь напрасна, дело проиграно, и рано ли поздно смерть все равно меня не минует; так пусть же она сама придет ко мне, чем я пойду к ней, а пока еще ее нет, и пока она далеко, пусть счастье улыбается до последней минуты»...

И последняя минута пришла скорее, чем он ждал ее. Тлеуке возненавидел брата и, сговорившись с нокерами, убил Айду батыра, Ляуке и всех девушек, а сам со своими войнами и нокерами брата отправился на войну, но был побежден и убит.

То был последний калмык, как говорит легенда. По уверению той же легенды около этого дворца должен быть богатый клад золота, серебра и все драгоценности Айда батыра и Ляуке и нокеров. Богатство это не найдено пока киргизами, несмотря на усиленные раскопки... Вообще, местность эту необходимо подвергнуть археологическому исследованию.

Киргизская степная газета. № 25. 1900.

ДЖАНГЫЗАГАЧ

(Киргизская легенда)

Небольшой верблюжий караван, нагруженный съёмочными инструментами и несложным походным хозяйством, добрался наконец до заветных колодцев у берега гнилой речки Карабутак.

Начальник съёмочной партии инженер Ушинцев с проклятиями слез с высокого коня и разразился упреками по адресу проводника, старого, подслеповатого киргиза с совершенно черным от загара лицом.

— Эх, ты, бритая башка, прах тебя возьми! Все врал, целый день врал. Уверял, что к полудню доберемся, а теперь вон вечер. Всю спину исколотил твоим дурацким седлом, шайтан тебя избодай!

Проводник оставил развьючивать переднего верблюда, поднял большую голову в неизменном войлочном малахае и весело хихикнул.

— Не кричи, бачка, не бранись. Арслан не врал, Арслан хотел сделать по-лучшему и сделал... ежели бы мы дошли сюда в полдень, то ты погнал бы нас дальше, а теперь не погонишь. Тут и колодцы, тут и речка. Лошадей будем купать, сами себя будем купать...

— В этой-то гнили?

— Ничего, бачка. Тут повыше есть и чистое место. Арслан не дурак. Арслан хитрый и все знает.

Киргиз прищелкнул языком и так уморительно подмигнул левым глазом, что Ушинцев не выдержал и рассмеялся. За ним начали хихикать и солдатики, прикрывая рты ради приличия черными мозолистыми ладонями.

— Теперь вижу, что ты действительно хитрый и верно понял мой план.

Пока развьючивали верблюдов и черпали воду из неглубоких колодцев, Ушинцев, опираясь на локоть, внимательно оглядывал однообразные серые дали, песчаные барханы, пологий берег реки, примелькавшиеся кусты саксаула. Случайно взгляд его остановился на высоком дереве, одиноко торчавшем на перекрестке протоптанных в песке и красной глины караванных дорог. Странное это было дерево: черный, обуглившийся ствол венчала ярко-зеленая верхушка. На тонких ветвях в изобилии росли мелкие листья, дисгармонировавшие с этой угрюмой песчаной пустыней.

— Какое это дерево? — спросил Ушинцев Арслана, возившегося у только что разложенного костра.

— А, то хорошее дерево, святое дерево! Киргизы любят это дерево. Молятся на него и всякими вещами украшают. Видишь, сколько навешано всего.

— А как называется оно, какой породы?

— Какой породы — мы не знаем, а называется оно «Джангы-загач».

— Что же это значит?

— По-вашему, по-русски, это значит «одно дерево».

— Почему ж его назвали так?

— Долго рассказывать, бачка. Погоди, уберемся, кончим все — тогда и расскажу.

Арслан раздул костер, поставил над ним железный треножник с толстым крюком, повесил большой медный чайник, наполненный до краев водой. Потом помог солдатам убрать лошадей, притащил плетеный баул с провизией и чайной посудой, покрыл угол кошмы белой скатертью и начал готовить закуску. Окончив и эту часть работы, киргиз сел на песок у края кошмы и поджал ноги.

— Как ты полагаешь, бачка, тут над Аралом всегда такая пустыня была? — заверил он, раскуривая трубку.

— Ну, этого я не знаю, Арслан, — лениво ответил Ушинцев, занятый разглядыванием полной красной луны и выпавших звезд.

— А в книгах разве ничего не говорится об этом?

— В книгах есть намеки на то, что вся эта ваша пустыня была морским дном.

Киргиз прищелкнул по привычке языком и неодобрительно хихикнул.

— Плохо в книгах говорят, неверно говорят. Наши старики другое говорят... Они говорят, что тут рос когда-то большой лес до самой Сибири.

— Куда же девался этот лес?

— Пропал, выгорел, все через одного глупого киргиз-кайсака...

— Как так?

— Так, бачка, так. Глупый человек может большую беду сделать и себе, и другим. Раз Аллах отправился по своим делам, а дома оставил под лавкою большой хороший топор. Зашел в избу какой-то кайсак, увидел топор, украл его и побежал в лес, чтобы нарубить без ведома Аллаха дров. Выбрал дерево и только рубнул по коре — топор вырвался из рук и принялся косить деревья, как траву. Высокие дубы слетали с корней легче пушинок, потому что в святом Аллаховом топоре была скрыта большая сила. Им Аллах вытесал землю: им же мог и разрушить ее...

— А ты сказал раньше, что лес погиб от пожара? Что-то ты путаешь, Арсланушка? — вставил Ушинцев, прихлебывая из большого стакана горячий чай.

— Погоди, бачка, сейчас и пожар будет. Не все сразу. Одна голова у меня и один язык, — одно и говорю. Целый день валил святой топор деревья, а вечером в балке показался огонь и поднялся высокий столб дыма. Ветер подхватил искры, загнал их в лес, и началась работа! Началось такое, что страшно и рассказывать...

— А ты все-таки расскажи, коли начал рассказывать, — поощрил Ушинцев, подливая в чашку Арслана основательную порцию рома.

— Сейчас, бачка, будем кончать.

— Ну так вот, начался в лесу пожар. Раздул ветер огонь и погнал его с дерева на дерево; затрещал, загудел вековой лес; заревело, заплакало всякое зверье, а спастись, бежать ему некуда, потому чаща раскинулась во все стороны. Поднялись с карканьем и писком бесчисленные стаи лесных птиц. Закипела от страшного жара вода в озерах, топях, речках, колодцах и стала быстро высыхать. Черная дымовая туча закрыла все небо, и от Урала до Тангыза стало темно, как темно в душе последнего грешника. Потом огонь добрался до ваших городов и сел и все выжег. Как говорят наши старики, десять лет святой топор рубил деревья и десять лет разгуливал по чащам огонь. На одиннадцатый год все кончилось. Взошло солнце и осветило пески, барханы, высохший наполовину Карабутах и пораженный Аллахом «Джангыз агач»...

— Для чего-ж Аллах оставил это странное дерево?

— Для того, чтобы напоминало людям об их глупости и грехах и чтоб знали люди силу гнева великого мудрого Аллаха. «Джангыз агач» не берет ни топор, ни огонь. Оно будет стоять до конца мира, до тех пор, пока не позовут всех на последний страшный суд. Все умные киргизы считают это дерево святым, молятся на него и увещивают разными дарами. И знаешь что, бачка?

— Что?

— Тот глупый кайсак, что украл Аллахов топор, до сих пор живет...

— Ну уж это враки!

— Не враки, правда, бачка. В каждую новую луну он выезжает на верблюде на гору, долго, долго смотрит на то место, где

прежде стоял лес, а теперь стоят барханы да растут колючки, и горько плачет... И вся степь, все эти пески плачут, бачка...

— Эк тебя разобрало на вранье!

— Верно говорю, все плачет, и «Джангызагач» плачет, потому ему скучно стоять одному в песках...

— А мне стало скучно слушать твою сказку. Будем спать, Арслан. Завтра на заре подниму. Надо спешить.

— Сам, бачка, просил рассказать. Не я начал, ты начал, — недовольно ворчал Арслан, собирая посуду.

— Ну, ну, не сердись: хороша твоя сказка, да больно умаялся я за день.

— Умаялся — спи. Сам утром разбуду.

Ушинцев завернулся в бурку, подложил под голову седельную подушку и скоро захрапел.

Арслан долго возился, то молился, присев на корточки, то смотрел в темную, усеянную звездами высь и при этом сокрушенно вздыхал. Но и его одолел сон. Он свернулся на кошме калачиком, прикрылся халатом и принялся вторить носовыми фистулами храпевшему Ушинцеву.

Бодрствовали кони у коновязей, доедавшие вечернюю дачу овса, трусливые шакалы, воказилировавшие от голода за барханами, да одинокое «Джангызагач», трепетавшее под легким ночным ветром всеми своими ярко-зелеными листьями.

Казалось, что вместе с ними трепетали барханы, последние лучи заходящей луны, кусты саксаула, черная вода гнилого Карабутака.

Киргизская степная газета. 1902. № 6.

ЖАНКЫЗКАЛА

(Киргизская легенда)

Верстах в двенадцати от города Казалинска, вниз по р. Сыр-Дарье, на левом ее берегу и в версте от воды находится довольно обширный холм, называющийся попросту Джанкала и известный для русских более под именем Джанкалинской переправы. Мес-

то это, как и вся окрестность Казалинска, ничем особенным не отличается: та же солончаковая почва, неприятная для глаз, та же колючка и тот же бурый цвет растительности. Но в холме Джанкала обитает множество змей, и хотя они безвредны, но один вид их в таком множестве внушает и страх, и отвращение. Замечательно это место еще и тем, что киргизы находят там жженые, сартовской работы кирпичи, выбирая их из находившихся в холме старых, построек. Постройки эти, по преданию киргиз, есть ни что иное, как остатки бывшего некогда цветущего города, поглощенного землею, и относятся чуть ли не к тому блаженному времени, когда по обоим берегам р. Сыра были сплошные сады от самого Ходжента до Аральского моря. И так были сплошны, что кошка, желая повояжировать, могла прямо по верхушкам делать свое путешествие от одного города в другой. Справедливо это или нет — не знаем, но вот что говорит предание об этом месте, рассказанное нам киргизом в одну из наших охот.

* * *

Давно, очень давно, когда еще дед моего деда был маленьким, а ему рассказывал один старый престарелый старец эту страшную историю, на юго-восточном берегу Аральского моря, возле самого берега, стоял цветущий город Джанкызкала. Хан этого города Чандар-хан, большой охотник до всяких забав и игрищ, имел у себя жену по имени Бек-Мана-Сулу, как о том свидетельствовало и имя, была необыкновенной красавицей. Отец царицы — Карабура, тоже хан близлежащего города Джангита, отличался благочестивой жизнью, и, будучи уже в преклонном возрасте, почитался всеми окрестными народами за святого.

Однажды Чандар-хан, окруженный блестящей свитой визирей и прочих именитых сановников, отправился на соколиную охоту. Поле для охоты было недалеко, и хан весело собирался спустить своего сокола на первую партию гусей. Ударил ловчий в бубен, увидев стаю птиц, те поднялись, испуганные звуком, и медленно потянулись через камыш по направлению к морю; но там их ждали, и сразу загудели несколько барабанов, чтобы воротить птицу на царя. Царский сокол уже давно беспокойно рвался с руки своего могущественного властелина и был спущен, как только птицы повернули в сторону хана. Полетели хищники за добычей,

сучились испуганные птицы, завидя своего палача, и кругами стали подниматься в высь небесную, ударяя друг друга крыльями. А сокол тоже делал под ними быстрые круги, как бы наслаждаясь их страхом, и не торопился броситься на них.

«Ну, должно быть, мой любимец потешит меня сегодня, — заметил хан, — гонит все выше».

Придворные, также внимательно следившие за маневром сокола, не преминули сказать несколько похвальных слов о резвости сокола.

Между тем сокол все гнал свои жертвы ввысь и когда уже загнал их высоко, что они казались небольшими тучами, одним взмахом, как стрела, он взнесся выше птицы и оттуда нанес грудью могучий удар первой жертве.

Убитая как брошенный камень стала опускаться на землю, а за ней вторая, третья.

Охота в этом месте быстро была кончена. Хан призвал своего сокола, взял его снова на руку и хотел было отправиться на другое, более лучшее место охоты, но сокол, бывший до охоты спокойным, поминутно стал рваться с руки царя, разгорячившись охотой. А известно, что если сокол рвется, он измучается и не будет годен для другой охоты; для этого надевают соколу на глаза шапочку, и он перестает рваться. Шапочка эта и была забыта. Хан повелел одному из окружавших его сейчас же привезти из дворца забытую шапочку, а до его возвращения все расположились на отдых.

Посланный за шапочкой охотник, въезжая во дворец, увидел жену своего повелителя красавицу Бекманасулу, которая в это время убирала свои пышные волосы, и без чувств упал на землю: так поразила его красота царицы. Долго он находился в таком бесчувственном состоянии. Но потом, придя в себя, он взял соколиную шапочку и отправился к нетерпеливо ожидавшему его повелителю. Царь, увидя возвращавшегося посланного, который так долго заставил всех попусту терять время, вскипел гневом и, выдвинувшись на своем скакуне вперед, грозно сказал:

— Разве ты, презренный, забыл, что мы тебя остались здесь ждать, и что мы ослушаний не терпим?!

— Быть беде! — подумали окружающие царя, ибо знали его вспыльчивость и то, что в таком состоянии он не задумается приказать обезглавить ослушника.

Боялся этого и сам виновник, но, должно быть, сам сатана подсказал ему такую мысль, что он, боясь за свою шкуру, сказал небывалую ложь.

— Ваше Величество да позволит сказать своему недостойному рабу слово оправдания и да не придет в гнев от его правды, — проговорил негодяй, как в лихорадке.

— Говори, — приказал хан, — мы слушаем.

— Вашему величеству известно, как страшатся все подданные гнева нашего государя, и страшусь вашего гнева больше других, но государь, не моя вина, если государыня, супруга моего повелителя, из любви ко мне не отпускала меня от себя, держа за руки, а потому да не прогн...

Но государь более не слушал; он поверил проклятому лгуну и поскакал ко дворцу.

Как вихрь несся хан на своем скакуне во дворец, как ураган неслась его свита за ним, и сокола самые, что так резво гоняли птицу теперь, не догнали бы всадников: так бешено скакали хан и его свита.

Приехав домой, государь немедленно приказал удалить царственную супругу в особую юрту и там отрубить ей кисть рук и обрезать волосы; а тем временем послал гонца к отцу царицы, праведнику Карабуре, чтобы тот немедля взял свою дочь к себе, как вероломную.

В это же время праведнику Карабуре, находившемуся в глухом сне, явилось видение: юноша в белой блестящей одежде подошел к нему и сообщил печальную весть о том, как его дочь невинно пострадала от злобы своего мужа, но что Аллах, пославший его, защитит ее и не потерпит дальнейших злодеяний.

А красавица Бекмана, услышав, что отец ее придет за ней и, не желая огорчить его своим плачевным видом, вознесла горячие молитвы к Аллаху и просила, чтобы он сокрыл ее далеко-далеко от глаз всех людей, чтобы ее никто и никогда не мог видеть без наказания.

И сделалось чудо, равного которому раньше не слыхано было: кисть рук и волосы царицы приросли на свои места, а сама она, невидимая для всех, была унесена могучим дуновением из отведенной ей юрты и по повелению Аллаха сокрыта от взоров смертных...

Между тем гонец, оповестив отца страдальницы Карабуру, возвращался вместе с ним и свитой его к своему государю и тут

услышал, как праведный царь, обращая взоры к небу, произнес: «Аллах, ты, который есть царь всех живых и мертвых, — знаешь невинность моей дочери, повели же сделать, чтобы моя дочь была черна как уголь, если она того достойна, а если невинна — пусть отрезанные части ее прирастут к своим местам».

Пока они, таким образом, ехали, хан Чандар нетерпеливо прохаживался по своим апартаментам, измышляя как бы лучше надругаться над тестем за измену его дочери; когда же ему доложили, что отец царицы Карабура-хан приехал, он со злобою во взоре поспешил к нему навстречу, чтобы показать тестю отрезанные кисти рук и волосы его дочери, а потом и саму дочь, но, к удивлению всех, ни рук, ни волос в юрте не оказалось. Тогда Чандар-хан повел тестя в следующую юрту, где за двумя замками была оставлена царица, истекавшая кровью; открыл дверь, и — о, чудо! — царицы не было!...

Тогда Карабура понял, что так сделано по воле Аллаха и что дочь его невинна, он проклял Чандар хана за вероломство и весь род его до последнего потомка и, взывая к небу, возгласил: «Да будет его земля землею змей на веки вечные, и да погибнет от них весь нечестивый род Чандара до последнего!»

И сбылось так, как молил праведник. Вечером того же дня над столицей Чандар-хана нависли черные тучи, и воцарилась страшная темнота, воздух стал до того удушлив, что жители с трудом могли дышать.

И откуда ни взялась тьма-тьмущая змей, наполнила весь город Чандара, и все жители вместе с ханом пришли в ужас и смятение и погибли от них. Только двое молодых, возвращаясь с баранты, вовремя увидели весь ужас своего положения в наводненном змеями городе, каким-то чудом спаслись от участи своих сограждан и на лучших скакунах ускакали в Бухару. И не стало больше живого человека в этом городе!

На утро следующего дня жители Джангита, города, принадлежащего благочестивому Карабуре, увидели высокую-превысокую башню, которая, казалось, выходила из самой середины Аральского моря, и которую еще вчера никто не видел. Доложили об этом царю, и когда он сам увидел эту башню, то понял, куда была сокрыта его любимая дочь своею благодатью, и поместил ее в этой чудной башне.

Люди, плававшие по морю и проходившие невдалеке от башни, рассказывали, что эта башня очень высока, без дверей и окон, а хотя и есть одно небольшое отверстие, но оно так высоко поставлено вверх башни, что если смотреть на него, то шапка валится с головы. Другие говорили — и это есть самое верное, — что красавица Бекманасулу действительно живет в этой башне; люди благочестивые иногда удаивались ее видеть мельком, когда на мгновение открывалась дверца вверх башни, но что она редко и очень редко показывается, ибо сказала: «Да не ждет ни один мужчина от меня милости». Женщинам же она часто видится во сне и помогает им, если они просят ее о своих нуждах. Но если какой смертный, проходя мимо башни, увидит красавицу в неурочное время, тогда горе ему! Уж какая-нибудь беда да случится с ним в этот день, если он тут же не упадет и не изуродует себе руку, ногу, бок или что-то другое. Далее говорят, что башня эта по виду как будто сложена из кирпича, но на самом деле это так только кажется, а из чего башня сделана, знает только один Аллах. Что же касается того, что красавица Бекмана навеки будет оставаться в башне живою, то это верно, в этом согласны все мудрецы. Те люди, которые слышали о башне и ее обитательнице, всегда проходят мимо башни, читая молитвы, и не смотрят на нее, боясь несчастий.

Вскоре после этого чуда преставился и благочестивый хан Карабура, отец красавицы, и на том месте, где он был похоронен, каждый праздник горит лампада, зажигаемая незримой рукой. Набожные люди построили себе около этого места жилища и живут там по настоящее время, славя имя усопшего праведника и стережа его усыпальницу от повреждения.

Прошло много времени со смерти праведника Карабуры. Аральское море вошло в нынешние свои берега, и башня Бекманасулу стала на далеком расстоянии от моря, а от городов Чандар-хана и Карабуры остались только холмы, свидетельствующие о погребенных под ними городах; в это время работники одного торговца прогоняли на продажу из низовьев Аму-Дарьи в Бухару стадо быков и остановились для отдыха на том самом месте, где некогда был цветущий город Джанкызкала, вместо которого взорам путешественников представился какой-то волнообразный холм, изрытый впадинами и круто спускающийся к самому бере-

гу р. Сырдарьи. Место было совершенно безжизненно, и только тысячи змей, извиваясь то там, то сям, показывали признаки жизни, но ужасной. В некоторых же впадинах змеи, что называется кишмя кишели, и на них нельзя было без отвращения смотреть. Путешественники немало дивились этому, но не могли понять причины: откуда взялось столько змей. Стали было рыть себе место для очага, чтобы сварить пищу, но из вырытой ямы на них пахло такое зловоние, что двое из людей тут же упали замертво. Поэтому они, скорее напоив скотину, погнали ее дальше, чтобы в другом месте сыскать себе более удобный привал; но к своему ужасу, заметили, что у двух передовых быков, обернувшись вокруг рогов, находились две змеи. Это их так поразило, что никто не посмел тронуть змей, и они так и находились на рогах быков вплоть до самой Бухары. Когда же караван стал приближаться к Бухаре, то путешественники увидели двух пахарей, пахавших землю, и в то же время заметили, как змеи, спустившись на землю, поползли к пахарям и, ужалив их, умертвили... И так свершилось проклятие праведника Карабуры на последних из рода Чандархана...

Предание говорит, что с того времени, как народ Чандархана погиб вместе с ним от змей и город пришел в разрушение, змеи навсегда поселились в развалинах этого города и стерегут погребенное там золото и другие богатства. Никто из смертных не прокопает и двух аршин вглубь в этом царстве змей с целью воспользоваться частью богатства, как будет задушен выходящим из земли удушливым испарением. Но змеи, несмотря на то, что их целая тысяча в этом месте, теперь не трогают людей и почитаются безвредными, но зато и люди, знающие, какое проклятие тяготеет над этим местом, боятся делать там раскопки.

*Оренбург,
18 ноября 1884 г.*

[Кубей Токфулатов]**ПРЕДАНИЕ О ВОЗНИКНОВЕНИИ
АЗИАТСКОГО ГОРОДА ТАШКЕНТА²³**

Наш (азиатский) город Ташкент не следует смешивать с древним городом Шаш, ибо Ташкент возник в очень недавнее время, а именно сто двадцать с небольшим лет тому назад. Что Шаш не есть Ташкент, можно убедиться из того, что в наше время древний Шаш народ называет Иски-Ташкентом, и город этот был расположен к югу от могилы Азрета-Занги-ата, начиная от кишлака Нисбаш до Чинава; следы его заметны и по сие время в виде холмов, а местами даже сохранились развалины разных построек. С тех пор как оставил сей мир Азрет-Занги-ата, прошло более шестисот лет, и надо полагать, что древний Шаш существовал еще гораздо ранее этого святого²⁴.

В настоящее время когда-то цветущий Иски-Ташкент (Шаш) обратился в развалины, а местность, на которой он процветал — в голую безводную степь и никто этими местами не владеет. Вновь возникший наш азиатский город также называли Ташкентом, а произошло это по той причине, что древний Шаш спустя некоторое время стал называться Шач-Кентом, а потом и Иски-Ташкентом. Кроме того, ныне существующий азиатский город побудило назвать Ташкентом и то обстоятельство, что обитателями его были

---

²³ Переведено с рукописи киргиза Ташкентского уезда, Акджарской волости, Мулла Кубей Токфулатова.

²⁴ Настоящее имя Занги-Ата — есть Иминь-баба. Получил же он прозвище Занги вследствие того, что был очень черный и страшный. Занги-ата родился в местности Шаш. Он — сын Таж-Ходжи и внук Азрета Арслан-бабы. Занги-ата был пятым мюридом (последователем) святого Ходжа-Ахмеда-Ясавийского (ум. в 1166 г.), погребенного в Туркестане, над гробом которого сооружено колоссальное здание Тимуром. Исходя из этого обстоятельства, позволительно предположить, что Занги-ата жил приблизительно 800 лет тому назад. Он погребен в местности Шаш, отстоящей недалеко от Ташкента. В настоящее время местность эта называется по имени святого, а именно Занги-ата, куда съезжается множество туземцев на поклонение. Более подробные сведения о личности Занги-ата см. в «Сбор[ник] Матер[иалов]. Для стат[истики]. Сыр-Дарьинской обл[асти]». Т. V, изд. 1896 г., статью А. Диняева «Легенда о Казыкуртовском ковчеге».

сарты, которые никогда не принимали приезжавших к ним из степи киргизов и отказывали им даже в пище; исключение составляли лишь знакомые. Видя на базаре и на улицах продавцов лепешек, сартов, киргизы говаривали: «Этот Кент, оказывается Таш-кент!», т. е. «каменный городок», в котором обитают недобрые и не-согратательные люди. С тех пор этот *кент* (городок) и стал называться Таш-кент. Нужно заметить, что киргизы народ мягкосердечный, когда в аул к ним приезжают сарты и люди прочих национальностей, они принимают их, причем богатые режут барана, а бедные накормят тем, что найдется в доме съедобного и, вообще, смотрят на приезжающих к ним, как на Божьих гостей.

Наш азиатский Ташкент ранее не был городом и представлял из себя четыре кишлака, расположенных на четырех местах; бека, который бы управлял ими, не было, а заведовали кишлаками аксакалы. В центре этих четырех кишлаков был базар, куда съезжался народ и шла до полудня ежедневно торговля. На базаре постоянно происходили побоища, сарты грабили друг друга, а после полудня разъезжались. Жители этих кишлаков тогда не подчинялись ни бухарскому эмиру, ни кокандскому хану. В центре кишлаков варили бузу, куда съезжались киргизы, чтобы попить ее, а богатые киргизы рода Канглы, отделения Умуртка, пасли свой скот на тугаях, принадлежавших жителям названных четырех кишлаков. Все изложенное выше вашему слуге сорок три года тому назад передавал киргиз Кульбай Койайдаров, который имел тогда за своими плечами восемьдесят лет.

В те времена в одном из помянутых кишлаков проживал Юнус-ходжа, которому в период грабежей и побоищ, происходивших в кишлаках, посчастливилось отыскать одного хорошего мастера-кузнеца и изготовить — *зандурак* (пушку)²⁵. В один из дней, когда

---

²⁵ Из статьи Н. Г. Малицкого, озаглавленной «Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие», напечатанной в приложении к протоколу № 4, от 16 ноября 1896 г. туркест. археол. кружка, мы видим, что Ташкент, страдая от внешних врагов, постоянно волновался и внутренними междоусобиями. Дошло до того, что в четырех частях Ташкента появились четыре отдельных правителя *Чор-хаким*, которые враждовали между собою. Правитель Шайхантаурской части, Юнус-ходжа, отобрал у подвластного ему населения медную посуду и из этой меди отлил пушку. Благодаря этой единственной пушке, он одержал над своими соперниками верх, и место решительной стычки, на границе Шайхантаурской и Сибзарской частей получило название *Джиан-го*, место битвы.

на базаре разыгралось побоище и начался грабеж, Юнус-ходжа сделал по буйствующим сартам из заранее приготовленной пушки несколько выстрелов, от которых пало много народа. Рассказывают, что после каждого выстрела взлетали на воздух оторванные части человеческого тела, народ в смятении и ужасе убегал в разные стороны и приходил в изумление от действия никогда невиданного ими орудия. Некоторые оставались мертвыми на месте от одного лишь ужаса и страха.

Ободренный этой удачей, Юнус-ходжа не замедлил разослать повсюду глашатаев, которым приказал кричать: «Чьи времена, чьи времена! Так знайте же, что настали времена Юнус-ходжи!» И вот после того Юнус-ходжа стал бекствовать над четырьмя кишлаками, а вместе с этим положил конец побоищам и грабежам, происходившим на базаре.

Когда мне было 18 лет и когда я учился в мактабе в Ташкенте, некий сарт Мир-Дадабай, имевший тогда около девяноста лет, говорил мне, что в то время, когда Юнус-ходжа из своего орудия побил много народа, он, Мир-Дадабай, был 12-летним мальчиком и торговал нитками на том самом базаре, где произошел погром. Мир-Дадабай уже давно отошел в вечность, а когда я его видел, он жил в Биш-агачской части, в квартале «Янги».

Захватив власть в свои руки, Юнус-ходжа долго еще был хакимом Ташкента, после него занимал этот пост сын его Султан-ходжа, затем Уткур-кушбеки и, наконец, Раджаб-гальча. С этого времени Ташкент стал подчиняться кокандским ханам, а означенные четыре кишлака стали мало помалу разрастаться и наконец слились воедино и составили потом большой город.

Когда город разросся, хан кокандский Омар послал управлять Ташкентом своего когда-то купленного раба персиянина, дав ему звание беклербеги. Этот заслуженный сановник собирал с подведомственного Ташкенту населения зякет, хераджи и танапный сбор и отправлял их в Коканд к Омар-хану.

Не отличаясь большими способностями, Юнус-ходжа получил у народа насмешливое прозвище Банги, т. е. курильщик опиума. Когда при Гурумсарае, на северном берегу Дарьи, Юнус-ходжа потерпел поражение от Алим-хана и ташкентцы были разбиты наголову, последние сложили про трусливого Юнус-ходжу насмешливое двустийше на персидском языке (таарих):

«Если догадливые люди хотят знать время события (таарих): пусть скажут: «банги без оглядки бежал». Получается в 1222 год, т. е. конец 1807 и начало 1808 г.

В те времена Ташкент еще не имел крепости. Однажды Беклер-беги сделал наряд рабочих, которые и обнесли город крепостною стеною, на что потрачено было немало времени; сделали также двенадцать ворот, и таким образом получился Ташкент с двенадцатью воротами. Беклер-беги много времени управлял Ташкентом, потом преемником был сын его Ишанкул-Датха, а после Ишанкула перебивало в Ташкенте несколько беков. По завоевании русскими Ак-мечети (Перовска) в Ташкент уже был послан в качестве бека Мирза-Ахмад-кушбеки²⁶, который начальствовал здесь семь лет. Затем он поехал в Чимкент, где, сдав город этот русским, вернулся вновь в Ташкент.

В настоящее время Ташкент имеет четыре части. Поводом к такому давлению послужило то обстоятельство, что по завоевании Ташкента русскими, когда приступлено было к составлению поименного списка домовладельцев, население заявило русскому начальству, что город их состоял прежде из четырех частей. Заявление это было принято во внимание. Части эти носят следующие названия: Шейхантаурская, Сибзарская, Кукчинская и Бишагачская. Другая причина к разделению Ташкента на четыре части та, что Ташкент до образования из него города, как нам уже известно, представлял из себя четыре отдельных кишлака, иными словами, эти кишлаки стали теперь изображать собою части города.

Усмирив сартов вышеупомянутых четырех кишлаков, Юнус-ходжа положил конец неурядицам и стал полновластным над ними господином. Юнус-ходжа не терпел подведомственных ему сартов. Ненависть его к ним доходила до того, что он строго воспрещал им ездить верхом и носить новые халаты. Он говорил: «Если они будут ездить верхом и рядиться в новые халаты, то не ровен час, они опять зазнаются и вновь будут бунтовать». Поэтому Юнус-ходжа, как только встречал сарта, едущего верхом или одетого в новый халат, подвергал его немедленно денежному штрафу.

Еще в детстве моем мне пришлось разговаривать с одним современником Юнус-ходжи, неким сартом Азим-ходжею, которому тогда было с лишком восемь-десять лет и который проживал

---

²⁶ Мирза-Ахмед-кушбеги скончался в Ташкенте в 1898 году, в преклонном возрасте, оставив после себя многочисленную семью без всяких средств к существованию.

в квартале Карасарай. Этот несчастный старец постоянно сидел у завалинки своей сакли. Он был одержим тяжкою болезнью и вызывал к себе сострадание всех знавших его. Вот однажды я спросил его, откуда он заполучил такой тяжкий недуг.

— О дитя мое! Да сгинет та жизнь, которую пришлось испытать нам. Во времена Юнус-ходжи ташкенцам строго воспрещено было ездить верхом и принуждены были всегда ходить пешком. Бывало, купишь у кожевника целую выделанную кожу и отправляешься с этой ношею в степь к киргизам, где шьешь сапоги киргизским пастухам и их женам, а в вознаграждение получаешь сырые кожи. Вот однажды, возвращаясь из степи с тяжелою ношею, я выбился из сил и, обливаясь потом, присел у одного ключа и напился воды. С тех пор привязалась ко мне эта жестокая болезнь, от которой я не могу освободиться и теперь, — заключил Азим-ходжа.

Когда еще Ташкент не был взят русскими, вашему слуге не раз приходилось наблюдать, как сарты, возвращавшиеся из степи, при приближении к одним из ворот города Ташкента слезали с лошадей и вели их в поводу почти вплоть до дома. Потом я узнал, что обычай этот идет со времен Юнус-ходжи. Индейцам и евреям также было строго запрещено ездить по городу верхом. Все эти обычаи прекратились только с занятием Ташкента русскими.

Благодаря своей энергии и отваге, Юнус-ходжа завладел многими городами, а именно: Чимкентом, Сайрамом, (Сарьям), Аулиеата, Туркестаном и Ак-мечетью (Перовском).

Войска свои, а также и джигитов Юнус-ходжа вербовал исключительно из киргизов (казаков). Сюда входили киргизы родов Канглы, Санычклы, а также киргизы отделений багыс и рамадан. Над войсками Юнус-ходжа главенствовали следующие лица: из рода канглы, отделения умуртка — Ходжам-Сеид-батыр, Каракул-батыр, Нейза — Кулак-батыр, Барлыбай-батыр, Сер-ходжа-батыр, Гаиб-мирза-батыр, Булек-батыр, Халы-батыр; из отделения чокбар — Исанбай-батыр, Хайдарбек-батыр; из отделения Ичкули — Гунан-батыр; из отделения Карамас — Кунакбай-батыр; из рода санычклы, отделения санграу — Токсан-батыр, Джабагы-батыр, из отделения крык-садак — Ирискуль-батыр, Дарткам-батыр, из отделения джонсыб — Казыбек-батыр, Кульбай-ба-

тыр, из отделения багыс — Айкынбай-батыр, Мин-яшар-батыр, Ирисбек-батыр и из этого отделения рамадан — Джулан-батыр и Исенгельды-батыр.

Переведено с рукописи киргиза Ташкентского уезда
Акржарской волости Муллы Кубея Токфулатова.

Закаспийское обозрение. 1902. № 302.

Хамза Карджасов

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВ «АМАНКАРАГАЙ», «НАУРУЗУМ», «ТЫРСЕК», «ТОЛАГАЙТЕПPE», «ДАНАБИКЕ» И «САРЫМОЮН»

(Киргизская легенда)

В пределах Кустанайского и Тургайского уездов Тургайской области находятся леса: Аманкарагай, Наурузум и Тырсек, урочище Толагайтеппе, река Данабике и озеро Сарымоюн, о которых в киргизском народе сохранилась следующая легенда.

В эпоху переселения астраханских калмыков в Китай через киргизскую степь Аман-карагайский лес впервые был занят кочевкою богатого киргиза Амана с его родственниками. Наурузумский лес — кочевкою киргиза Наурузума, славившегося своим богатством. У Амана была дочь Данабике, а у Наурузума — сын Сарымоюн. Последнему, по слухам, было известно, что у Амана есть красавица дочь Данабике, очаровательная собою, как пятнадцатый день луны, и поражающая своим огненным взглядом сердце самого твердого характером киргизского джигита, пренебрегающего прекрасным полом и занятого исключительно джигитовкой и военными успехами в борьбе с врагами.

Однажды сын Наурузума Сарымоюн, отличавшийся всеми качествами храброго джигита, желая испытать себя, насколько он безупречен и тверд характером, отправился к Аману и увидел у него дочь Данабике. Твердый юноша не выдержал и, влюбившись в красавицу, стал просить у Амана руки Данабике, но получил отказ.

Тогда молодая парочка, сговорившись между собою, бежала в одну прекрасную ночь к Наурузуму.

Чутко следивший за своей дочерью Аман, узнав о побеге ее и сгорая мщением за нанесенное его седидам оскорбление, в ночь же побега послал в погоню гонцов, которые, настигнув влюбленных, привели Сарымоюна на урочище Толагайтеппе, где и отрезали несчастному жениху голову по самый затылок. С тех пор урочище это получило название *Толагайтеппе*, что на киргизском языке значит резание головы по затылок.

Данабике же была повешена вниз головою за голень в лесу *Тырсек*, что в переводе значит голень. Поэтому лес этот и назван *Тырсеком*.

По смерти злополучной невесты тело ее было брошено в речку, получившую с тех пор название Данабике. Труп же Сарымоюна был привезен и впоследствии похоронен близ озера, которое до сих пор носит название по имени обезглавленного джигита.

Тургайская газета. 1895. № 26.

Я. Я. Полферов

СРЕДИ КИРГИЗСКИХ МОГИЛ

Однообразна безграничная степь Зауралья... На тысячи верст тянутся ковыльные пространства, изредка перерезываемые цепью песчаных холмов да голыми солонцами, и кажется, не на чем остановиться глазу. Утомительно созерцать этот унылый монотонный пейзаж... С первого взгляда все здесь кажется безжизненным, незаметно той кипучей человеческой деятельности, которая быстро меняет первобытный облик пустынных и безлюдных мест, а народ представляется скорее пасынком человеческого рода без прошлого и с неприглядным будущим. Но это только кажется так. Всмотритесь поближе в эту перекатную степь, прислушайтесь внимательно к звукам приютившейся в ней жизни, и вы убедитесь, что она также отдала дань прошлому, и великий исторический процесс для нее не прошел незаметным. Памятники прошлого в виде могил многое скажут пытливому уму археолога об истори-

ческой жизни степи Зауралья. Правда, он здесь не найдет таких ценных указаний, как в какой-нибудь гало-римской гробнице, в виде монускринтов, но содержимое киргизских могил разрешит археологу загадку прошлого и прольет свет на социально-духовные явления жившего в то время народа, «на догматы, священные обряды, на житейские потребности или характеристические верования» на ремесленные или художественные приемы. Археология, как справедливо говорит Тард, из одного горшочного или бронзового мусора, из груды какого-нибудь оружия и кремневых инструментов, извлекаемых из недр земли бескорыстными кладоискателями нашего времени, всегда даст нам ценные выводы и указания. Поэтому мы в своем очерке постараемся дать описание некоторых памятников — гробниц, свидетельствующих, по преданию киргизов, о выдающихся событиях местной жизни. В описаниях этих читатели пусть не ищут погружений в глубь прошлого с заступом — это дело археолога, мы же постараемся послужить ему простым проводником к этим гробницам, затерявшимся в глуши бесконечной степи Зауралья.

I

Айтолконтам²⁷

В Актюбинском уезде, на вершине р. Тересбутак, на высоком песчаном холме возвышается древнее сооружение — могила «Айтолкон». Форма могилы киргизская — простой четырехугольник, выложенный из камня — плитняка. Высота стен до 2-х аршин, толщина до ½ арш.; площадь, занимаемая сооружением, — до 4 кв. саж. Как видно, много снежных бурь и песчаных смерчей претерпело это сооружение со дня своего появления — от глины, толстым слоем покрывавшей камни, остались только одиночные куски; местами заметны отверстия, из которых при малейшем прикосновении выпадают мелкие куски камня, а в трещинах между отдельными камнями прорастают жалкие лишай. Вокруг могилы холмы наносного песку, на которых пробиваются неприхотливые бурьян, перекаати-поле и молочай. Внутри видна небольшая могиль-

---

²⁷ *Айтолкон* — у киргизов под этим известно одно из созвездий и дается имя красивым девушкам. Там — могила.

ная насыпь, совершенно заросшая травой, а по стенам остались едва заметные следы желто-серой краски да куски глины. Кругом тишина — ни кибиток кочевников, ни веселой песни земледельца, только вечно сонный сурок своим свистом да степной лунь надтреснутым криком нет-нет и нарушат мертвенную тишину.

А когда-то здесь жизнь была ключом, слышалось здесь и веселое ржание сбатованных лошадей, и ужасные звуки кровавой битвы, и заунывные песни про дела славных батырей...

Все забыто, погребено в недрах земли, свято хранящей сокровенные тайны природы, и только ручей, сбегаящий по камням, монотонно поет про это минувшее время. Это журчание вдохновляет случайно попавшего сюда киргиза-певца, особенно когда он освежит свои запекшиеся губы студеной водой. Ему чудится, что слышит он что-то знакомое, восточная фантазия облекает эти звуки в определенную картину и... песня-предание готово. Вот настроил певец свою звучную домбру и, обративши взоры к могиле, тихо поет...

Мирно кочевали сыны Джагалбайлина на раскинутых вокруг этого ручья тучных пастбищах, и стада их множились; приволье и довольство виднелось во всем. Но злой Абуниран не мог выносить счастливых людей и наслал на джагалбайлинцев злого хана Аблая. Давно этот хан просил и требовал себе дани от сынов Джагалбайлина и скотом, и девушками, но такого позора не хотели нести джагалбайлинцы и провожали посланных хана с простыми подарками.

Вскипел Аблай, поклялся отомстить непокорным и, взяв с собой тысячу лучших джигитов, пошел наказывать джагалбайлинцев.

Как тать, подкрался он к мирно спящим сынам Джагалбайлина, разбил свое войско на два отряда и одному из них велел отбить стада, а с другими, во главе которого стал сам, бросился на спящий аул. Рядом с Аблаем, на кровном аргамаке, неслась и его единственная дочь — красавица Айтолкон. Она, как и отец, любила набеги, батырство, прекрасно владела и пикой, и луком, и ятаганом.

Проснулся аул, и завязался отчаянный бой... Джагалбайлинцы, сбитые сразу, не могли оправиться и дать отпор врагу, тем более что и лошади их были уже далеко от аула, но все же они дорого оплатили за свое добро и жизнь, и долго враг будет помнить этот бой. Красавица Айтолкон пала в нем.

Аблай-хан, глубоко пораженный смертью дочери, велел похоронить вместе с нею и награбленные сокровища, чтобы последние не напоминали ему о тяжелой утрате.

Заработали заступы, и незаметно вырос большой курган с красивой могилой. <...>

III

Кызылтам

Звонко катит свои чистые воды Кос-Истек, причудливо изливаясь в стройной чаще ольхового леса, и немолчный говор этой реки веселым шумом наполняет широкую долину. Но вот в проходе Басистек ее русло стеснили отроги, ровное дно усеяно камнями, и волны с силой начинают ударять в подножие скалы, образуя миллиарды брызг... С глухим рокотом катят они по дну камни и бросают их на берег при крутых изгибах реки, то разбиваются на мелкую рябь по широким отмелям и плесам... С умом вырываются волны, пенясь и дробясь, из узкого прохода и, готовые снова вступить в отчаянную борьбу с преградами русла, мгновенно попадают в объятия красавицы Джаксы-Каргалы, широко разлившейся по долине без шума, рева, без брызг и пены... По берегам ее вместо камней высятся стройные ивы, точно бордюром обведенные у камней густым зеленым тростником, и там дальше, в глубине долины, пестреют кибитки, и воздух наполнен веселыми звуками кочевой жизни, в которых слышны и гортанные крики верблюдов, и зычное ржание табунов, и грустные напевы номада...

Против слияния этих двух красавиц рек молчаливо высится холм Истектау, покрытый по склону небольшими кустарниками и усеянный камнями, обросшими мхом... Вершину холма венчает большая могила.

Светает... Долина Косистек начинает просыпаться. Жаворонки звонко заливаются в выси, еще окутанной утренним туманом, сойки немолчно «тукали», перепархивая на куст, степной лунь, лениво взмахивая седыми крыльями, низко пролетал над склоном холма. Грациозно потягиваясь, вышла из леса семья диких коз и, чутко прислушиваясь к звукам пробуждающейся природы, осторожно спускалась к реке... Вот вершина Истектау сбросила с себя серый

туманный покров и зазолотилась от лучей восходящего солнца. Яркая полоса света, разрастаясь, все больше и больше спускалась в долину и... сноп лучей брызнул в ее глубину и мягким веселым светом разлился кругом. Оживился зеленый ковер, закипела в нем дремавшая до этого жизнь. Бабочки красиво переливали на лету своими нарядными крыльями, кузнечики наперебой затрещали в густой траве...

По берегу Каргалы пестрели разноцветные шатры, и в ауле с первым рассветом закипела жизнь — в этот день твердый и славный Бадмай, вождь калмыков, принимает послов знаменитого хана хоразмского Арап-Магомета. Дорогие вести почивают в кунацкой, утомленные долгим и трудным переездом, а Бадмай давно уже сидел на ковре и, нервно теребя свою редкую бороду, старался разгадать, зачем к нему Арап-Магомет посылает послов с ценными подарками. Давно ли они были врагами, давно ли он, Бадмай, с отрядом своих удальцов напал на владения хана и отбил много скота... Жаркая была схватка, и сам хан был уже в плену, да дочь Бадмая сжалилась и отпустила на волю седого вождя. Но вот доложили ему, что послы просят принять от них подарки и привет хана другу своему Бадмаю.

Десять белых верблюдов, навьюченных дорогими коврами, халатами, вышли из небольшой рощи, в которой поставлена была «кунацкая» кибитка, и, мирно покачиваясь, шли за послами. Последние в богатых халатах, опушенных лисой, туго перехваченных дорогими поясами, в белых чалмах, важно выступали вперед на кровных аргамаках, убранных в расшитую сбрую.

Кончились церемония встречи и обмен лъстивыми приветствиями, приняты подарки, и началось празднество. Наездники вихрем понеслись по долине, отчаянно джигитуюя на всем скаку, хор девушек во главе с красавицей Уйля — дочерью Бадмая, кружился на зеленой лужайке, полунагие борцы показывали свою ловкость, а мальчуганы состязались в беге... Большие серебряные чашки с нежным мясом молодого жеребенка и другими яствами стояли перед гостями, молча созерцавшими игры и поощрявшими победителей подарками.

Солнце давно уже склонилось к западу, и от леса легли по долине длинные тени.

В цветном шатре калмыцкого агида тихо беседовали послы, и Бадмай стал грознее тучи, темнее ночи осенней...

«Да благословит вас ваш Бог, — произнес после некоторого молчание Бадмай. — Передайте славному хану Арап-Магомету, что дочь свою, вопреки заветам отцов и дедов я невольник не стану. Предложение вашего хана мне лестно, и если моей Уйля люб он и согласится она быть женой человека не нашего рода и крови, не нашей веры и обычаев, то пусть хан присылает калым...»

С этими словами он вышел из кибитки и не заметил, как чья-то тень быстро проскользнула по траве...

Стемнело. К долине Косистек осторожно пробирался всадник-калмык. Он боязливо озирался кругом, несколько раз останавливал лошадь, чутко прислушивался к отдаленным и вместе с тем неопределенным звукам засыпающей природы, полной вечерней истомы и нежной прохлады...

Переехав вброд Каргалу, всадник слез с лошади, закинул на руку поводья и тихо свистнул, умный аргамак беззвучно скрылся в темноте, а властелин его осторожно пробирался к подножию Истектау. Вдали тускло сверкали огни потухающих костров, и аул погружен был в глубокий сон... Тихо... Раздался по долине жалобный крик совы и, переливаясь, замер вдали... Все смолкло. Только Каргала тихо-тихо катила свои волны и колыхала ими высокий камыш...

Вдруг около неподвижно лежащего в высокой траве калмыка послышался шорох, кто-то сдавленным шепотом произнес его имя: «Зайса» и у подножия холма неясно обрисовался силуэт женщины... Зайса быстро подскочил к ней и, страстно обняв, стал подниматься на вершину Истектау.

— Уйля, моя звезда, моя жизнь... Ты любишь, ты пришла... — бессвязно шептали его губы, и он безумно покрывал поцелуями лицо, шею, полубнаженную грудь красавицы, которая, крепко обвив руками шею возлюбленного, полузакрывает глаза и дала волю сладострастию, широкой струей разлившемуся по ее молодому телу, заставляя сладостно трепетать...

— Милый Зайса... Ты не знаешь, как мучилась твоя Уйля, долго не видя милого. Сколько черных дум пережила твоя звезда. Теперь я снова счастлива, снова вижу твои черные очи, снова слышу твои чудные слова, — шептала девушка, перебирая черные волосы Зайса, который любовно глядел в ее сверкающие огнем страсти глаза.

Вдруг он повернулся назад и, наклонившись вниз к реке, напряженно прислушался. Уйля испуганно прижалась к возлюбленному и точно замерла.

— Мне послышался шорох, — проговорил тихо Зайса, — но это, верно, камень скатился по склону.

— Зайса, возьми меня, возьми меня скорее... Я боюсь, сердце мое чует большую беду... — горячо заговорила девушка. — Жестокий хан Арап-Магомет прислал своих послов сватать меня, и отец желает видеть свою дочь его женой... О коварные и лстивые люди... Возьми, возьми... — Девушка с мукой заломила руки и порывисто дышала.

Зайса низко опустил свою голову и крепко задумался. Потом, энергично взмахнул руками, страстно обнял девушку.

— Успокойся, моя звезда, моя жизнь... — Произнес он. — Лишь только коварный Арап-Магомет пошлет своих сватов, я увезу тебя к себе на Узень, и тогда твой отец, ненавидящий весь мой род, род его врагов, и сам хан не страшны нам. Не успеет новая луна обмыться, как...

— Лжешь, коварный раб, узенская собака! Прежде чем она будет твоя, я убью тебя.

На холме неожиданно, точно из земли, появился сам грозный Бадмай и с ножом в руке бросился на Зайса. Завязалась отчаянная борьба... Оба страшно ненавидели друг друга, как кровные враги, и Уйля, очнувшись от поразившей ее неожиданности, бросилась между врагами и умоляла оставить, прекратить страшную борьбу. Но вот Зайса зашатался — острый нож глубоко проник в его грудь, и железная сила сразу покинула. Как сноп, свалился он на край обрыва и не успел произнести прощальное «милая», Бадмай злобно толкнул его ногой, и труп молодца Зайса глухо покотился по обрыву, глухо ударился о берег реки и исчез под водою...

— Будь же ты проклят, злой человек, да поразят тебя и весь твой коварный род грома неба... Ты хочешь предать свою дочь гнусному Арапу, так нет же...

Девушка взмахнула руками, и ее гибкая фигура отделилась от обрыва и... через мгновение глухой всплеск нарушил тишину.

Как безумный смотрел Бадмай в течение двух дней, с непокрытою головою и с окровавленным ножом в руке, на то место,

где скрылась его любимица, пока не достали трупы. А когда на самой вершине выросла могила — хранилище праха влюбленных, Бадмай умертвил ханских послов, собрал отряд удальцов и пошел на Арап-хана войной, видя в нем виновника его страшного несчастья. Но скоро погиб Бадмай — в схватке при р. Амударье он был убит, и память о нем исчезла бесследно.

Только могила, по преданию киргизов, говорит о прошлом этого храброго калмыка и точно немой укор свидетельствует о его жестоком поступке. Но скоро время разрушит и этот древний памятник, и ничто не будет напоминать киргизам о владениях калмыков, оборвется нить в несложной истории кочевников.

Могила Кызылтам находится в 50 верстах от г. Актюбинска и названа так потому, что сделанная из жженого кирпича представлялась издали ярко-красной (*кызыл* — красный). Форма могилы четырехугольная, постепенно суживающаяся кверху. Верх, по преданию, был наглухо закрыт. Высота могилы $1\frac{1}{2}$ саж., длина кирпичей от 6 верш., ширина — $3\frac{1}{2}$ верш. В настоящее время могила эта наполовину уже развалилась, но еще и до сих пор далеко-далеко видны ее развалины, принявшие вид огромного кресла, и долго еще хранимая ею тайна прошлого будет служить предметом вечерних бесед киргизов, долго еще былина киргизских певцов о красавице Уйля и калмыке Зайса будет туманить очи девушек, навевать грустные думы на слушателей-киргизов и волновать пылливый ум тури [1].

Тургайская газета. 1902. № 187 (10.11); то же. Оренбургский листок. 1902. № 50.

Н. Пантусов

ИЗ ЗАМЕТОК О ПУТЕШЕСТВИИ ПО АЛТЫНЭМЕЛЬСКОЙ ВОЛОСТИ

(Копальского уезда Семиреченской области)

В Алтынэмельской волости Копальского уезда и в соседних с нею волостях находим значительное обилие памятников старины, сохранившихся в виде курганов, надписей и рисунков на камнях и т. п. Большинство этих памятников, в особенности те, которые лежат в горных местностях, никому (даже местной русской адми-

нистрации) неизвестны; их не касалось какое-либо исследование; между тем время быстро уничтожает следы былого.

К неисследованным остаткам древности в Алтынэмельской волости принадлежит между прочим множество курганов, рассеянных по всей волости, круглых, довольно хорошо сохранившихся.

Особое обилие их находим на долине по дороге из выселка — Ку-галинского к селению Луговому, вправо от дороги, и далее, к реке Кескень-тереку. Количество здесь этих курганов довольно значительно, и они разных размеров. От станицы Коксуйской курганы эти находятся к ЮЗ, верстах в 20—25. Курганы эти, идущие по направлению, перпендикулярному к горам, в виде сплошного ряда, обведены канавой и имеют сажен по 5 и больше в диаметре и сажени по 3 в высоту.

Близ самого селения Лугового, с западной его стороны, находится также несколько больших курганов.

О времени и причинах возникновения этих курганов никакого предания у киргиз не существует. Курганы находятся в сохранности; раскопкою их никто еще не занимался. Далее в горах, по направлению к проходу Югеньтасу, соединяющему Копальский и Джаркентский уезды, сохранились в виде рисунков и надписей на камнях следы обитавших ранее в этой местности калмыков.

Вблизи станции Алтынэмельской по дороге к урочищу Байгозы находится значительного размера курган. Вниз от него, по направлению к р. Кургалы, есть три кургана меньшей сравнительно с первым величины, затем вниз от урочища Байгозы (на северо-запад) к урочищу Ащибулак находится курган, размером подобный первому.

Урочища эти, Байгозы и Ащибулак, я посетил 29 июля 1898 года. На Ащибулаке, отстоящем от Алтынэмеля верстах в двадцати, я нашел большой отесанный каменный столб, лежавший у разрытой могилы. Привлекло сюда мое внимание указание киргиз на то, что здесь находится каменная баба; но таковой я здесь не нашел.

Особенный, однако, интерес представляет находящийся в этой местности ров. На пространстве между Алтынэмельской и Куянкузской станциями от Алтынэмельских гор к урочищу Байгозы и далее к горам Асан (и даже по этим горам к р. Коксу) идет длинный непрерывный ров, местами довольно значительный, с валом по одну северную сторону. Правильность этого вала ука-

зывает на труды людей, создавших такое громадное сооружение. Ров этот идет с востока на запад на громадное протяжение; мне говорили киргизы, что он начинается у р. Или и идет через горы Чулакасан и кончается у Коксу, проходя горы Чулак с западной стороны. Это своего рода китайская стена! Ров этот шириной в две сажени, глубиной аршина в два, вырыт, очевидно, людьми; проходя через горы, он обходит долины и рвы. Насыпь на всем протяжении существует с северной стороны, а ров — с южной. Киргизы передают, что ров этот был весьма глубок, теперь же постепенно заносится землей.

Кем, когда и для какой надобности ров этот прокопан — достоверных сведений нет; но у киргиз существует об этом следующее предание.

«В прежнее время жил некий хан, по имени Джочи-хан. Его единственный сын с лошадьё-бегунцем пристал к большому табуну куланов (диких лошадей), и сам он и его лошадь приняли образ кулана. Джочи-хан, сколько ни разыскивал сына, не мог его нигде найти и наконец убедился, что сын его превратился в кулана. Тогда Джочи-хан из подчиненного ему народа собрал много девиц и парней и заставил их рыть ров, поставив попарно, по одной девице и по одному парню, чтобы они не уставали. Затем (когда ров был готов) он послал много войска, чтобы гнать со всей окрестности всех куланов ко рву; Джочи-хан надеялся среди куланов узнать своего сына и поймать его. Все куланы погибли во рву, не будучи в состоянии перепрыгнуть чрез него, только одна хромая самка с двухлетним жеребенком перескочили чрез ров и убежали: жеребенок этот и был сын Джочи-хана. Сколько ни старался Джочи-хан и после этого, но сына так и не разыскал. Когда сын исчез в первый раз, лошадь его была под *золотым седлом*. Чрез долгое время это седло²⁸ нашли на перевале одной горы, которая с тех пор, стала называться «Алтынэмель» — золотое седло, так как слово «эмель» по калмыцки — седло.

Отсюда и название Алтынэмельских гор и волости. От этой хромой самки кулана произошло потомство куланов, которые до последнего времени существовали в окрестностях.

---

²⁸ Нашли собственно переднюю часть седла.

29 же июля 1898 года я ездил со станции Алтынэмель на урочища *Мамырханбастау* (близ горок Чаганбогу) в Кугалинских пригорках и видел там несколько могил и каменную бабу. Баба была разбита по глазам и лежала. Окрестные могилы усеяны камнями и заросли мхом.

Между урочищами Досом и Кокбастау в этой же волости есть также каменная баба.

В проходе Югентас и близ него заслуживают внимания два арасана. Один из них находится в проходе Югентас на горке, выше проселочной дороги, идущей из Попутного в Борохудзир, вправо от дороги, другой — на местности между двумя реками Куянды.

На первом арасане, лежащем от казачьего выселка Попутного верстах в 15, почти на границе кочевок суванов Джаркентского уезда и джелаиров Копальского уезда, находится два больших, более или менее разработанных (один для людей, другой для скота), и до семи малых неразработанных источников. Люди купаются от бесплодия, от разных болезней, ран и паршей; в другом — скотском арасане — отстоящем от человеческого на запад саженьях в восьми-девяти, купают скот тоже от всяких паршей. Между скотским и человеческим арасанами находится три малых *бастау*. Вода с серным запахом, можно сказать холодная, т. е. температуры летнего воздуха; но все-таки через несколько времени после купания она вызывает испарину.

В арасане человеческом, по рассказам киргиз, видна бывает иногда толстая змея с желтой головой; это гений арасана. Купаются здесь летом, с 20 мая по конец августа; больные приезжают даже из Лепсинского уезда.

В это время окрест арасанов бывает масса киргизских кочевков, так что здесь можно получить продовольствие и кумыс. Ввиду благоприятных условий местность эта может быть прекрасной летней станцией для восстановления здоровья.

Стекают ключи арасана в речку Югентас. Лечение в этом арасане началось недавно, года четыре тому назад²⁹, когда открылись здесь ключи.

Другой арасан, находящийся на местности между двумя речками Куянды (Четкуянды и Уртакуянды), тоже холодный, с запа-

²⁹ Писано в 1899 г. Ред.

хом серы, но вода несколько теплее, чем в первом арасане. Здесь один ключ несколько разработан и обложен кругом камнями на аршин в высоту. Близ него есть беседка, сделанная из камней и сучьев арчи.

От казачьего выселка Попутного этот арасан находится верстах в десяти.

Воды арасана впадают в речку Джиничкебулак, которая изливается в реку Югентас. Окрест этого арасана находится до двадцати мелких сернистых ключей. Окрестности заняты кочевками киргиз преимущественно первого аула Чулаковской волости; есть тут киргизы и других волостей уезда.

С названиями находящихся в Алтынэмельской волости гор связано следующее киргизское предание.

«В прежнее время у кочевых черных калмыков был сильный и храбрый хан по имени Хунгтажи. Однажды Хунгтажи, сев на своего коня, по кличке Кулканджаур, поднялся на Талгарское Талчокы (Талгарский пик) и оттуда пустил своего беркута. Скача за беркутом, Хунгтажи увидел, что беркут в Матайских горах поймал одного седоголового горного козла. Пущенный Хунгтажи с Матайских гор, беркут в горах Чаган поймал белого марала, а пущенный с Чагана, он в горах Сарынокай поймал желтую собаку. Всех этих зверей Хунгтажи навьючил на своего коня и поехал домой. Когда лошадь хана перескакивала чрез реку Или, то одна из задних ног лошади попала в воду. Хунгтажи, с удивлением оглянувшись назад, сказал: «На этот ключ следует в будущем обратить внимание».

С тех пор Матаевские горы стали называться Чалтеке; горы, где беркут поймал белого марала, — Бугытау, а где беркут поймал желтую собаку — Сарынокай.

Известия общества археологии и этнографии. 1901. Т. XVII. Вып. 4. С. 222–225.

О КАМЕННОЙ БАБЕ, НАЙДЕННОЙ В КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

(Из письма члена-сотрудника Географического Общества
Хаджи Салиха Бибаджанова [1])

18-го числа июня (1862 г.), получив известие, что близ песков Джангызчагых, что недалеко от Ставки при Нарын-песках [2], несколько дней тому назад найдено изображение женщины, вытесанное из белого камня, я отправился туда для личного осмотра и удостоверения в справедливости.

По прибытии на место и по осмотру в присутствии местных жителей оказалось, что действительно в небольших барханах (на поверхности бугра из сыпучего песка) лежит статуя, имеющая человеческую фигуру и вытесанная из простой известковой каменной плиты, толщиной в $\frac{1}{4}$ аршина. Положение ее было лежащее вверх лицом и головою обращено к востоку; различные части тела выделаны в несоответствующих между собою размерах; так, например, голова и щеки необыкновенной величины, грудь и плечи несообразно широкие, стан и руки несоответственно тонкие и длинные, ноги тоже тоненькие и несоответственно коротенькие. На голове приделана коническая шапка, с отломанной верхушкой и с неровными, т. е. зубчатыми полями. Остальное тело представлено без всякого одевания. На груди в виде ожерелья, накинутаго на шею, проведены два полукруга, имеющие вид нанизанных на нити маленьких шариков, из-под которых висит небольшое грудное покрывало, или украшение, обозначающее нижними краями форму женских грудей. Руки статуи скрещены пальцами на брюхе пониже пупка и придерживают к телу противу места разделения ног какой-то полуцилиндрический кусок того же камня; выше кисти на руках проведены по три тоненьких рубца в виде браслетов; носок левой ноги оказался отлепившимся. Вообще ей дано положение сидячее на пьедестале из четырехугольной плиты, на поверхности чьей изображены фигуры ног. По правую сторону последних на той же плите, означающей седалище, выбито изображение человека, в длину на $\frac{1}{4}$ аршина; а по левую — вырезано тавро, или знак в виде четвероугольника с ручкой. Седалище это отделяется узеньким карнизом от остальной своей части, имеющей вид продолжения того же четырехугольника, вероятно назначенного для

зарытия в землю при утверждении этой статуи в каком-нибудь месте в стоячем положении.

Осмотрев таким образом статую с этой стороны, я распорядился перевернуть ее вниз лицом, что и было едва исполнено силою пяти человек. На спинной же стороне, кроме одной заплетенной длинной косы с узлом на конце и очертания задней стороны человеческого туловища, нет никаких особых примет; только от осмотра с этой стороны можно составить себе заключение, что статуя или истукан представляет сидящую женщину. Вообще работа или отделка довольно простая или даже грубая и вероятно принадлежит к произведениям скульпторов отдаленнейших времен, т. е. давнишних обитателей этой страны, как-то: монголов, калмыков и других язычников Востока. Великоюю вся статуя в длину $2\frac{1}{3}$ аршина, а в ширину $\frac{3}{4}$ аршина около плеч и поперек седалища. Земля с западной стороны места, где лежала статуя, была до того рыхла и мягка, что тоненький деревянный прутик свободно входил в нее, при легком давлении, до 2 арш. в глубину. Посему тут и еще местах в двух я пробовал рыть яму до твердого грунта, углубляясь на 4 аршина в землю; но никаких замечательных признаков не оказалось. Песок в глубине был сыпучий, но твердо улегшийся, и одинакового с верхним слоем желтовато-красного цвета, как это бывает на всех барханах (песчаных холмах). Сажень в четырех от места нахождения статуи обозначается узкою (в 2—3 арш.) полосой очень тонкий слой солонцеватой глины по сыпучепесчаному грунту, на котором слой этот, извиваясь разными ломанными линиями в виде бастионов и т. п., образует внутри своих изгибов неправильную многоугольную площадку. На ней одновременно с открытием истукана, как мне сказали, была найдена (и уже потеряна) одним киргизским мальчиком медная стрела. Местами на этой же площадке попадаются кучи мелких кусочков кремнистого камня, старой проветрившейся кости, пережженного кирпича и осколки глиняных горшков, что дает повод к предположению, что тут прежде существовали жилища, огороженные глиняным валом или забором, который впоследствии влиянием дождя и ветров, должно быть, снесен, и в настоящее время от него осталась на поверхности земли только вышесказанная полоса, по свойству глины совершенно сходная с глинистой землей близлежащих Больших Соленых Грязей или Хаков.

До настоящих пор о существовании этой статуи или чего-либо в этом роде у нас не было никаких известий, и вероятно она скрылась под наносным песком, который ныне должно быть снесен отсюда действием свирепствовавших часто в течение мая и июня сильных ветров, разрушавших в Ставке даже кровли некоторых домов, сараи, заборы и ворота. Но когда найдена была статуя, то явление это в глазах простодушных киргизов показалось чем-то чудесным. Они даже заподозрели в истукане присутствие таинственных сил и чудесного свойства исцелять недуги, словом, к нему уже успели возыметь какое-то набожное уважение. Только мой личный пример неуважения и объяснения киргизам предположения, что это, должно быть, калмыцкий идол или надгробный памятник, могли их разуверить в неосновательности их догадок. Но мне странно было — как не объяснили им этого и как не отвергли суеверного уважения киргизов муллы (магометанские законоучители), которым, говорят, статуя эта была показываема за несколько часов до моего приезда, и они, потолковав около нее между собой, разъехались по домам, чтобы найти ей объяснение в духовных книгах, даже не отвергая зародившегося в окрестных жителях верования в неестественность и чудность явления. Это доказывает, как низка и нетверда степень знания и понятия наших ордынских законоведов магометанской религии. К несчастью, у киргизов, как у людей темных, нет иного способа дойти до истины в подобных недоразумениях, как обращаясь к муллам. К ним ежели к простым знахарям прибегают киргизы для излечения болезней и вместо надлежащего пособия медицины получают от них одно отчитывание молитвами или писанную на лоскутке бумаги молитву, или какие-либо непонятные знаки для ношения на шею больного. Случается, что муллы, собравшись с своими учениками до 15 человек, усядутся кругом постели и изголовья одержимого сильным недугом и во все горло кричат, напевая какую-нибудь молитву и по временам раздражая сильным дуновением из уст в лицо больного, который, от слабости сил своих потеряв терпение оставаться среди неистовых криков, порывается уйти или умоляет о пощаде его спокойствия. Но подобные просьбы больного обыкновенно не исполняются, в том предположении, что бегство от молитв внушается больному чертями, и напротив чтецы-пользователи еще более усиливают отчитывание, удерживая больного даже

силою в крикливой среде своей. Однако и в этом безрассудном лечении нельзя обвинять киргизов в очень строгом смысле, ибо у них очень часто почти нет никакого средства против болезней, и в этом случае киргиз, как утопающий в море, хватается за соломинку. Было время, что киргизы совершенно довольствовались своими средствами врачевания. Но теперь не то: многие из них уже приобрели понятие о действительности и пользе рационального лечения чрез ордынского врача. К сожалению, полагается лишь один врач и с медикаментами на сумму около 200 руб. сер. в год на всю нашу орду, в которой приблизительно до 30 тысяч семейств, занимающих пространство в 600 верст в длину и около 500 верст в ширину, что ясно свидетельствует о недостаточности в орде медицинских средств на все показанное народонаселение и пространство. При этом нельзя не заявить сожаления, что примеры беспомощно погибающих больных людей и скота повторяются пред нашими глазами почти ежедневно.

В настоящее время вышеобъясненная статуя перевезена мною и хранится в Ставке, ибо на прежнем месте было опасно оставлять ее, чтобы не разбили киргизы, которые и так уже до моего приезда успели сделать рубцы топором в двух местах, вероятно пробуя твердость камня.

Этнографический сборник Русского Географического общества.
Вып. VI. СПб.: Типография В. Головина, 1864. С. 8—11.

Раздел 2

**ПРЕДАНИЯ
О ВИДНЫХ ЛИЧНОСТЯХ КАЗАХСКОЙ СТЕПИ**

А. Д. Нестеров

ПРОШЛОЕ ПРИАРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ В ПРЕДАНИЯХ КИРГИЗ КАЗАЛИНСКОГО УЕЗДА¹

I

Прежнее течение рек Сырдарья и Амударья. Народы, населявшие в прежнее время низовья этих рек. История Байсынского хана Аяза и его вельможи Атымтая. История Адагийского хана Фасыла и гибели Адагийского царства. Образование Аральского моря и произведенные этим изменения в течении рек Сырдарья и Амударья. Переселение байсындцев и образование Ургенчского царства.

В прежнее время Аральского моря не было, а реки Сырдарья и Амударья, соединяясь вместе, текли через Лаузан, Куня-Ургенч и Айбугир в Астраханское море (Каспийское).

В низовьях Сырдарья, до соединения ее с Амударьей, на месте нынешнего Аральского моря, обитал народ адагы², ханом которого был Фасыл-хан. От места же соединения Сырдарья с Амударьей и до Астраханского моря обитал народ байсын, ханом которого был Аяз-хан.

Судьба последнего была в высшей степени замечательна. По происхождению Аяз-хан был персиянином, захваченным еще в детстве в плен и обращенным в рабство одним байсынским вельможею. Он оказался однако настолько хорошим мальчиком, что

---

¹ Записано 26 июня 1898 г. со слов 78-летнего старца-слепца, киргиза аула № 6 Макбальской волости Казалинского уезда Тенгрибергена Джайлюбаева.

² Если производить это слово от турецко-джагатайского *ада* (остров), то оно будет значить «островитяне». Может быть, отсюда и название Аральского моря (островное). Не есть ли это массагеты Геродота, жившие, по его словам, по островам р. Аракса? Замечательно также созвучие с «дагюетами» китайских летописей.

вельможа воспитал его наравне с своими сыновьями; когда же по смерти вельможи вдова его начала нуждаться в средствах, то она хотела продать в рабство одного из своих родных сыновей, а Аяз оставить у себя. Но Аяз по своему благородству не допустил до этого и настоял на том, чтобы продали в рабство его. Его вывели на базар и просили за него такое количество золота, которое равнялось бы весу его самого. Разумеется, такой суммы никто не давал, и все только удивлялись этому.

В конце концов весть об этом дошла до тогдашнего хана бай-сынцев (имя этого хана неизвестно), который и заключил из рассказов, что продаваемый раб должен обладать какими-нибудь из ряда вон выходящими знаниями, почему и велел привести его к себе, чтобы испытать его способности. Когда Аяза привели, то хан предложить ему в виде угощения мясо черного барана, изрубленное мелко. После того как Аяз наелся, хан спросил его, что он ел. Аяз ответил, что он ел мясо черного барана, похожее очень на мясо собаки. Хан крайне удивился такому заявлению и по просьбе Аяза велел позвать хозяина барана, чтобы спросить, почему мясо отзывает собакой. Перепуганный хозяин барана сознался в том, что, когда мать барана умерла вскоре после его появления на свет, он сосал ходившую при стаде собаку; оттого и мясо его похоже на собачье³. Хан подивился мудрости Аяза и подарил ему калач. Вскоре после этого хан, собираясь куда-то ехать, велел опять позвать Аяза и, указав ему на двух лошадей, просил отгадать, каковы их качества. Аяз ответил, что обе лошади хороши, но на одной из них ездить опасно, так как она по временам брыкается, как корова. Знавший качества своих лошадей, хан удивился прозорливости Аяза и велел позвать хозяина лошади, чтобы узнать о причине недостатка последней. Приведенный хозяин сознался, что лошадь, оставшись еще маленьким жеребенком без матери, сосала корову, отчего и приобрела некоторые ее качества. За эту отгадку хан подарил Аязу опять калач. Затем хан показал Аязу свой перстень, называвшийся «Айна-джан», в который был вставлен дорогой камень, и предложил высказать свое мнение о перстне. Аяз, осмотрев перстень, заявил, что внутри камня скрыт червяк, в чем

³ Тот же мотив у В. В. Радлова в III томе его «Образцов», с. 391 (нем. перевод).

хан и может убедиться, разбив камень; при этом он, Аяз, предоставляет хану право отрубить ему голову, если его слова окажутся неверными. Когда разбили камень, то из него действительно выполз червяк. Хан опять подарил Аязу калач и, кроме того, сочтя способности его достаточно испытанными, поручил ему караван, нагруженный изюмом, который и велел везти в чужие государства и продавать, а вырученные от продажи деньги представить ему. Принявши караван, Аяз добрался с ним до Астраханского моря и высыпал там на берегу изюм с целью проветрить его, а сам с возчиками лег отдохнуть. В это время из моря вылезли черти и утащили изюм в подводное царство. Проснувшийся Аяз был очень огорчен пропажей изюма и, погоревав, опять заснул. Подводный царь жалился над Аязом и велел чертям высыпать изюм обратно на берег: при высыпании изюм обратился в драгоценные камни. Проснувшийся Аяз столь же обрадовался, сколь раньше был огорчен, и поскорее, пока возчики не проснулись, высыпал камни в мешки, а сверху положил кизяку, чтобы никто не догадался, что лежит в мешках. Затем, когда возчики проснулись, он объявил им, что надо возвращаться домой, и сдал им мешки, отобравши расписку в том, что они отвечают за целостность содержимого мешками стоимостью онаго. На обратном пути караван был раз застигнут дождем, причем возчики сильно промокли и, чтобы обсушиться, должны были развести огонь, но топлива не находили. Тогда Аяз вскрыл один мешок и вынул оттуда кизяку. Возчики заметили это и решили, что Аяз думает обмануть хана, подменив изюм кизяком. Поэтому, когда караван прибыл в столицу хана, возчики явились к последнему и заявили о своем подозрении. Хан потребовал от Аяза объяснений. Тот предъявил хану расписку возчиков в том, что они отвечают за целостность всего содержимого мешками стоимостью онаго, и объяснил, что один мешок был вскрыт. Хан признал возчиков ответственными в этом случае и, чтобы определить стоимость содержимого мешков, позволил Аязу высыпать их. Когда из мешков посыпались драгоценные камни, все были изумлены, а возчики просили у Аяза прощения, ибо хан приговорил их к смертной казни. Аяз простил возчиков и исходатайствовал им у хана помилование, а камни отдал хану, как своему хозяину. Пораженный дарованиями Аяза, хан задал ему еще один вопрос, а именно просил отгадать, кто он такой. Аяз ответил

на это, что, хотя он и хан, но по происхождению не царского рода, а калачник, ибо одаривал его, Аяза, за отгадки до сих пор калачами, т. е. вовсе не по-царски. Когда сконфуженный хан потребовал доказательству Аяз просил хана позвать его мать и выпытать от нее истину о его происхождении. После долгих запирательств мать хана наконец созналась в том, что ее собственный сын, бывший у нее единственным, умер вскоре после рождения, и она взяла к себе на воспитание родившегося одновременно с ее сыном сына придворного калачника: этого-то мальчика они с мужем и выдавали за собственного сына и наследника престола, так что по смерти ее мужа приемыш сделался ханом. Узнавши так неожиданно о своем происхождении и окончательно убедившись в сверхъестественных дарованиях Аяза, хан отказался от престола и передал царство Аязу, как более достойному этого. Сделавшись ханом, Аяз отличался справедливостью и хорошим отношением к народу, а чтобы не забывать о своем происхождении, велел в комнате, где он творил суд и решал государственные дела, повесить лапти, которые он носил, когда был рабом: поэтому он так близко и принимал к сердцу народные нужды⁴. Славою и блеском своего царствования Аяз-хан был обязан не только самому себе, но и вельможам своим, из которых особенно выделялся Атымтай. Этот вельможа славился своим богатством и щедростью, которую он проявлял по отношению к народу. Всякого, приходящего к нему, без различия звания, он угощал до того хорошо, что сам прислуживал и все спрашивал, доволен ли гость, а при расставании щедро одаривал золотом. Когда домашние его, не одобрявшие такой расточительности, запирали двери его кибитки, чтобы не дать ему возможности принимать гостей и просителей, то он просовывал куски золота в отверстия между решетками кибитки. И чем больше раздавал денег этот великодушный человек, тем больше Бог посылал ему богатств. Но у Атымтая, как у всякого хорошего человека, было много врагов, которые, задавшись целью сделать ему неприятность, решили поссорить его с его закадычным другом, русским князем Науچارбаном Справедливым⁵. С этою целью

⁴ Ср. легенду о чешском князе Пшемысле, муже Любуши.

⁵ Науچارбан фигурирует в некоторых киргизских песнях в качестве вообще князя неверных, побежденного сподвижниками Алия при водворении Ислама в Средней Азии. Несомненно, это персидский царь Нуширван Справедливый.

они наговорили Научарбану, что будто бы Атымтай изменил ему и замышляет против него козни. Возмущенный вероломством друга, Научарбан воспылил гневом на Атымтая и издал по своему государству указ такого рода, что, если кто привезет ему голову Атымтая или его лошадь, по имени Ак-тамак, за того он выдаст замуж дочь. Нашелся в царстве Научарбана один богатырь, по имени Аяр, который и взялся исполнить нелегкое поручение своего государя. Два месяца ехал он до резиденции Атымтая через безводные степи, отделявшие владения Научарбана от Атымтаевых. Когда наконец прибыл он в замок Атымтая, последний принял его, по обыкновению, радушно и, не имея в то время ничего, чем бы мог угостить его, зарезал свою любимую лошадь Ак-тамак. После еды Аяр лег отдохнуть, а Атымтай сел около него, чтобы следить, как он всегда делал при приеме гостей, не жестко ли спать гостю, не захочется ли ему пить и т. п. Аяр между тем, притворившись спящим, выжидал, не задремлет ли сам Атымтай, чтобы воспользоваться этим, вытащить меч из-под подушки и отрубить Атымтаю голову. Но сколько раз он ни открывал глаза, все видел Атымтая бодрствующим, и тот каждый раз обеспокоенно спрашивал его, не жестко ли ему спать, не хочется ли чего-нибудь и т. д. Под конец Аяр почувствовал угрызения совести и сознал всю низость задуманного им плана, встал и открылся во всем Атымтаю. Последний однако несколько не был возмущен тем, что услышал, и даже сам вынул из-под подушки Аяра меч и подставил свою голову, предлагая Аяру отрубить ее. Растроганный до глубины души Аяр, извинялся перед Атымтаем и ни за что не соглашался на его убийство; Атымтай же настаивал на этом упорно. Долго длился между ними спор, и его разрешила только жена Атымтая, которая не спала вследствие предчувствия чего-то недоброго и подслушивала их разговор. Она предложила Аяру надеть на ее мужа узду и вести его в поводу к Научарбану, чтобы последний сам отрубил голову своему бывшему другу. На этом и порешили, и через 2 месяца Аяр представил Атымтая к подножию трона Научарбана, которому и рассказал обо всем случившемся, присовокупив, что он лучше готов отказаться от руки царевны, чем видеть отрубленной голову благороднейшего из людей. Атымтай же, напротив, настаивал на отнятии у него головы и вознаграждении за это Аяра рукою царевны. Научарбан был растро-

ган этой сценою, вполне сознал всю ложь небылиц, наговоренных ему на Атымтая, и ни за что, разумеется, не хотел согласиться на просьбу последнего. Кончилось тем, что Научарбан согласился по просьбе Атымтая на брак своей дочери с Аяром без всяких условий, а самого Атымтая расцеловал, посадил возле себя на троне, угостил еще лучше прежнего и проводил до его владений с величайшими почестями. С тех пор дружба между Атымтаем и Научарбаном еще более окрепла. Таков был Атымтай. Когда он умер, то народ байсынский почувствовал себя как бы осиротелым. Тогда младший брат Атымтая, завидовавший его популярности, решил подражать ему и начал так же, по-видимому, щедро одарять народ. Но так как он действовал с расчетом и все заботился, как бы не передать кому лишнего, то Бог и не прибавлял ему богатств, так что последние скоро начали иссякать. Огорченный этим, брат Атымтая раз излил свое горе перед матерью. Последняя, выслушав его, сказала ему следующее: «Никогда тебе не быть Атымтаем! И вот почему: когда Атымтай был еще грудным младенцем, то, бывало, поднесешь ему грудь, он не берет ее и плачет; думая, что молоко не хорошо, я давала сначала отсасывать его чужим детям, и тогда только Атымтай прикасался к груди. Так как это повторялось постоянно, то я поняла наконец, в чем дело, и кормила Атымтая только тогда, когда накармливала всех чужих детей. Ты же, наоборот, всегда набрасывался с жадностью на подносимую тебе грудь и поднимал страшный крик, когда я пробовала давать ее какому-нибудь другому ребенку. Поэтому-то тебе никогда и не быть Атымтаем!..» Тогда брат Атымтая сознал, что черствой души не переделаешь, и отказался от мечты наследовать славу своего брата⁶.

Насколько были справедливы и хороши для народа Аяз-хан и его вельможи, настолько жесток и развратен был вместе со своими приближенными сосед его Фасыл, хан адагийский. Этот государь проводил время преимущественно в соколиной охоте, после которой всегда устраивал пиршества в своем дворце. На эти пиршества он приказывал собирать всех красивых женщин и девушек своей столицы. Когда все перепивались, Фасыл-хан да-

---

⁶ [В этом сказании о щедром Атымтае ясно слышатся отголоски арабских преданий о Хатим Тайите. Самое имя Атымтая, по-видимому, переделано из Хатимтай. *Бар. В. Розен*].

вал своим придворным разрешение на то, чтобы каждый ложился спать с той женщиной или девушкой, которая кому понравилась. Раз во время одной такой попойки одним из придворных Фасыл-хана была обещана дочь одного ишана, почитаемого всем народом и считавшегося за святого. Разгневанный ишан, узнав об этом, явился во дворец и сотворил молитву Богу о наказании нечестивого хана. По его молитве поднялась буря, и вода как в Сырдарье, так и в Амударье поднялась и затопила все царство нечестивого Фасыл-хана. Образовалось, таким образом, Аральское море, а реки Сырдарья и Амударья стали впадать в него в тех местах, где и поныне находятся их устья; соединенное же русло рек, от Айбугира до Астраханского моря, пересохло, и народ байсынский, живший там, должен был переселиться на место, где теперь находится Хива. С тех пор царство и народ Аяз-хана стали называться «Ургенч». Адагийцы же и города их все погибли под водой, и даже теперь в ясные дни на дне Аральского моря или на берегах, поднимающихся из его вод вследствие усыхания его, можно видеть сооружения вроде теперешних мазарок⁷.

II

Дальнейшие судьбы Ургенчского царства и земель, примыкавших к погибшему Адагийскому царству. Народы катаган и мугал и их ханы. История мугальскаго хана Санджара и гибели его столицы Джангента. Народы ногаи, калмаки и каракалпаки и их ханы. Появление в низовьях Сырдарьи киргиз-казаков.

Дальнейшие судьбы Ургенчского царства, образовавшегося на месте Байсынского, в точности неизвестны; известно только, что после Аяз-хана там правил Багыр-хан. Что же касается земель, примыкающих к прежнему Адагийскому царству, т. е. к нынешней нижней части Сырдарьи, то в эти места вскоре после гибели Адагийского царства пришел народ Катаган, ханом которого был Турсун. Царство катаганцев существовало, однако, недолго. На смену катаганцам вскоре пришел народ Мугал. Ханом этого на-

---

⁷ Киргизы Макбальской волости, населяющие ныне устье Сырдарьи и прилегающее к нему побережье Аральского моря, подтверждали справедливость слов рассказчика и предлагали мне показать подобные места, но мне, к сожалению, не удалось воспользоваться этим предложением за недостатком времени.

рода, — как раз современником ургенчского Багыр-хана, — был Санджар, царствовавшие довольно продолжительное время. Столицею этого государя, отличавшегося справедливостью, был город Джангент, развалины которого существуют и поныне⁸. Конец Санджар-хана и его царства был весьма печален и случился при следующих обстоятельствах.

У Санджар-хана была красавица жена, по имени Бекмана, которую он страшно ревновал. Она была дочерью одного святого человека, по имени Карабуры. Раз Санджар, возвращаясь с охоты, проезжал степью и увидел змею, совокупающуюся с ящерицей. Возмущенный этой безобразной сценою, Санджар отрубил саблей змее хвост. Змея, возвратившись к себе в логовище, рассказала о постигшем ее несчастье мужу, скрыв, конечно, подробности, и потребовала, чтобы тот отомстил за бесчестие Санджару, грозя в противном случае уйти от него. Змей отправился в Джангент во дворец Санджара, подполз к двери спальни Бекманы, где в то время находился Санджар, и остановился подслушать разговор, который вел в это время хан со своей женой. Санджар, как оказалось, говорил вообще о неверности жен и легкости, с какою они изменяют мужьям, и в подтверждение справедливости своего мнения привел случай со змеею и ящерицею, очевидцем которого он только что был при возвращении с охоты. Узнав, таким образом, истину и вполне одоблив поступок Санджара, наказавшего его вероломную жену, змей возвратился домой и прогнал от себя неверную жену.

Вскоре после этого происшествия Санджар опять отправился на соколиную охоту, но едва только он отъехал от города, как спохватился забытой дома шапочки, надеваемой на глаза сокола (*томага*). Тотчас же послал он за ней невольника. Посланный невольник как раз был страстно влюблен в Бекману, жену Санджара. Прибыв во дворец последнего, невольник прямо направился к царице и попросил выдать ему забытый колпачок. Когда Бекмана принесла колпачок и протянула руку, чтобы передать его невольнику, последний схватил ее за руку и привлек к себе с явным намерением обнять и поцеловать. Бекмана сопротивлялась, и в конце концов ей удалось вырваться из рук невольника. Раз-

⁸ Верстах в 20 от Казалинска вниз по Сырдарье. Записки Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ. Т. XII.

досадованный раб поклялся отомстить Бекмане за свою неудачу и отправился с колпачком к Санджару. Последний начал выспрашивать его, когда он вернулся, почему он замешкался. После нескольких неудачных ответов невольник заявил, что, если царь обещает пощадить его жизнь, он расскажет всю правду. Когда Санджар дал просимое обещание, невольник заявил, что, будто бы, во время передачи колпачка он был удержан Бекманою, которая и склонила его к преступной связи. Санджар поверил этой клевете и, возвратившись домой, наказал жену за прелюбодеяние, отрубив ей левую руку и левый завиток волос. Все это увидел во сне святой Карабура, отец Бекманы. Явившись к Санджару и расспросив его о причине жестокой расправы с его дочерью, он объявил Санджару, что все сказанное последним — ложь и что это будет доказано тем, что в ту же ночь отрубленная рука и завиток прирастут к своему месту. Наутро действительно так и случилось. Затем Карабура проклял Санджара и его город, и по его молитве на город напали змеи, которые и уничтожили все население, кроме самого Карабуры и его дочери, скрывшихся неизвестно куда, и одного юноши, по имени Мазы, каким-то чудом спасшегося от змей и добравшегося до Бухары, где он и поступил в одно медресе. Город Джангент совершенно опустел, и всякий, кто проникал в него, погибал от змей, почему все старались обходить его. Раз один человек гнал мимо развалин Джангента в Бухару стадо баранов. Поровнявшись с развалинами, он заметил, что вокруг рог барана, шедшего впереди, обвилась змея. Погонщик стал раздумывать, как бы убить эту змею, но, видя, что она никакого вреда барану не причиняет, оставил ее в покое, тем более что вскоре заметил, что все встречные люди при виде змеи сторонятся и стараются обходить стадо: следовательно, воров нечего было бояться. Когда продавец баранов прибыл в Бухару и остановился со стадом на базарной площади, змея немедленно же сползла с рог барана и направилась в то медресе, где учился Мазы; не найдя его в той келье, где он жил, она заползла в лежавший на полу его сапог. Этого никто не видел, а только угадал святой мулла, наставник Мазы. Когда последний возвратился домой, мулла его предупредил о грозящей опасности. Мазы взял кетмень (лопата), вошел в келью и осторожно просунул его ручку в голенище сапога, а затем быстро наступил ногой на железную часть кетменя.

Вследствие этого рукоятка кетменя быстро поднялась кверху и перебросила сапог через голову Мазы, а змея упала позади его. Мазы живо схватил опять кетмень и перерубил им змею. Об этом происшествии узнал эмир и потребовал к себе Мазы, который и поведал ему историю Джангента. Эмир решил завладеть сокровищами Джангента и послал к его развалинам сильный отряд войска с наиболее учеными муллами, которым и удалось после долгих молитв и заклинаний заколдовать змей так, что они не трогали вошедших в город воинов. Благодаря этому воины собрали все несметные богатства Джангента и доставили их в Бухару эмиру, который, в свою очередь, отблагодарил Мазы тем, что подарил ему небольшой город в своем царстве. Городок этот существует и поныне где-то в Бухаре и населен потомками Мазы. Змеи же и по сей час водятся в развалинах Джангента, но благодаря заклинаниям бухарских мулл никого не жалят⁹. Гибель Джангента имела место 539 лет тому назад. С Джангентом погибло и все царство мугалов.

Земли же, которые населяли мугалы, заняли вскоре *ногаи* (татары), ханом которых был Азиз-Джаныбек, правивший весьма продолжительное время. Ногаев сменили — тоже на продолжительное время — *калмаки*, которыми правил хан Уса-Серен. Калмаки, в свою очередь, были вытеснены с низовьев Сыра *каракалпаками*, которыми правил — и тоже продолжительное время — хан Рыскул. В это время к низовьям Сыра начали уже придвигаться с севера киргиз-казаки¹⁰, которые после упорной борьбы и вытеснили оттуда каракалпаков в низовья Амударьи, где сейчас и обитают каракалпаки.

III

Легенда о происхождении киргиз-казаков. Первоначальное местожительство их. Отступление их перед русскими и легенда об основании г. Оренбурга. Приближение их к низовьям Сырдарьи и столкновение с каракалпаками. Богатыри Нуртай и Джылкайдар. Завоевание киргиз-казаками земель, занятых каракалпаками, и образование особого союза. Хань, правившие этим союзом. Приход русских на Сырдарью.

⁹ В несколько иной версии легенда о гибели Джангента записана г. Александровым и напечатана им в № 45 и 46 «Турк. вед.» за 1885 г.

¹⁰ По-киргизски просто *казаки*.

Прежде чем рассказать о борьбе киргиз-казаков с каракалпаками, надо пояснить, кто такие были киргиз-казаки и откуда они взялись. Начало происхождения их относится еще ко времени пребывания на берегах Сыра ногаев. Раз к ногаям прибыло с мирными целями посольство от русских, с которыми они до того всегда враждовали. Посольство привезло с собою 30 воинов с женами, посланных русскими князьями, и по поручению последних просило татарских ханов дать, в свою очередь, тоже 30 воинов с женами, а затем поселить этот смешанный отряд на границах русских и татарских владений с тем, чтобы из него могло образоваться смешанное полурусское, полутатарское племя, которое и послужило бы посредствующим звеном между двумя враждовавшими народами и способствовало бы прекращению постоянных между ними раздоров. Такая идея очень понравилась татарским ханам, и они согласились на предложение русских князей, но только вместо 30 настоящих воинов послали 30 рабов с семьями. Между этими рабами особенно выделялись храбростью и умом братья Алаша и Алач. И вот когда татарские рабы с русскими воинами шли к месту своего поселения, то на одном ночлеге Алаша и Алач подговорили своих товарищей напасть на спавших русских и перебить их. Это без труда удалось сделать рабам, и они превратились, таким образом, в самостоятельное племя. Алаша был избран ханом, а Алач — бием. Кроме этих лиц, и даже еще больше их, во вновь образовавшемся племени выдавался своими дарованиями, особенно ученостью и праведностью, один человек, к авторитету которого обращались в случаях разрешения важнейших споров и дел и который поэтому был прозван *Казыак*, т. е. ученый и праведный (собственно, судья и чистый), или сокращенно *Казак*. Уважение к этому человеку было так велико, что вновь образовавшееся племя стало называть себя *племенем Казака* или просто *казаками*. Ураном же (боевым кликом) своим казаки избрали имя своего хана Алаши. Вскоре казачье племя размножилось настолько, что разделилось на 3 орды — большую, среднюю и малую, которые и поселились у предгорий Алатавских и Каратавских гор. По мере размножения казакам становилось тесно, и часть их, — именно Малая Орда, — переселилась на север и заняла степи в верховьях рек Ори и Яика (Урала).

Но тут им пришлось побыть недолго, так как вскоре их начали теснить с северо-запада русские, которые всякими правдами и неправдами постепенно отнимали у киргиз-казаков их земли, не останавливаясь для этого ни перед какими хитростями. Так, напр., один русский купец, торговавший среди киргиз-казаков, выторговал у одного хана клочок земли, который могла бы занять бычачья шкура, о чем и заключил письменное условие. Затем он разрезал шкуру на тонкие ремешки, сшил последние и растянул их так, что занял громадную площадь земли, которую и заселил выписанными из России людьми. Образовался громадный город, который русские и назвали Оренбургом¹¹! Город этот послужил исходной точкой для русских, которые с тех пор начали еще успешнее отвоевывать у киргиз-казаков их земли и оттеснили их скоро за реку Орь, вплоть до северного берега Аральского моря и Кара-кумских песков. Здесь то киргиз-казаки вошли в соприкосновение с населявшими тогда низовья Сыра каракалпаками, с которыми у них вскоре и завязалась ожесточенная война. Поводом к этой войне послужило следующее происшествие.

У каракалпаков был богатырь (*батырь*), по имени Нуртай, который хвалился уничтожить киргиз-казаков и говорил: «Казаки — камыш, а я — коса; как коса выкашивает камыш, так и я истреблю казаков!»... И вот этот богатырь сделал набег на аулы кочевавших в Кшкикумах¹² киргиз-казаков и во время схватки убил их богатыря Джылкайдара¹³, а затем благополучно вернулся на Сыр. Родственники Джылкайдара призвали на помощь всех киргиз-казаков Малой Орды, которые и откликнулись на зов; пришло несколько отрядов даже и из других орд. Образовалось многочисленное войско, которое выступило против каракалпаков и совершенно вытеснило их с Сырдарьи в устья Амударьи. Это было 270 лет тому назад¹⁴. Прогнавшие каракалпаков малоордынские казаки поселились на их местах по

¹¹ Ср. легенду об основании Карфагена, а также предания тобольских татар о завоевании Кучумова царства Ермаком и якутские, сообщенные Н. Ф. Катановым (Предания тобольских татар о Кучуме и Ермаке, 1896 г.).

¹² В нынешнем Иргизском уезде.

¹³ Из рода джакаим. Потомки его во главе с его правнуком Дарменкулом, бывшим управителем Раимской волости (сын Джылкайдара-Байчука и внук, Байсалбай) до сих пор живут на нижнем Сыре.

¹⁴ Явная ошибка со стороны рассказчика, относящего это событие к более позднему времени, чем основание г. Оренбурга; генеалогия потомков Джылкайдара говорит также против даты рассказчика.

Сыру и образовали союз под предводительством Ишим-хана. После Ишим-хана последовательно правили его потомки: Каип-хан, Теуке-хан, Каип-хан, Арынгазы-хан и Джангазы хан. Последний выстроил себе близ развалин древнего Джангента крепостцу, названною Джанкалою и сделанную им столицей¹⁵. Сын Джангазы-хана Назар-хан был избран ханом в Хиве, а у киргиз-казаков, поселившихся на Сыре, по смерти Джангазы-хана больше ханов не было. Да вскоре после смерти Джангазы-хана пришли в край русские, покорили киргиз-казаков, и самостоятельное существование последних прекратилось.

Таким образом, территорию нынешнего Казалинского уезда последовательно занимало семь народов: адагы, катаган, мугалы, ногаи (татары), калмаки, каракалпаки и киргиз-казаки.

Ал. Нестеров

Казалинск. 21 января 1899.

Записки Восточного отдела Российского археологического общества. 1900. Т. XI. Вып. IV. С. 095—0105.

А. Диваев

АЛАЧА-ХАН¹⁶

(Киргизская сказка)

Во времена Алача-хана жил некий Алдар Куса [1]¹⁷, постоянно всех обманывавший.

Однажды Алдар Куса, пришедший к Алача-хану, сказал ему, что знает одно искусство и желает поведать о нем хану. Алача-хан стал слушать, а Алдар Куса начал так:

¹⁵ Развалины Джанкалы, существующие и поныне, и протекающий около них Джанарык киргизы и теперь часто называют Джангазы-кала и Джангазы-арык.

¹⁶ Записано на реке Бадам, со слов киргиза Чимкентского уезда Арысской волости, Майли-ходжи Султанходжина.

¹⁷ *Кусой* принято называть у киргизов мужчин, не имеющих от природы растительности, т. е. усов и бороды. По мнению киргиз, это примета хитрого и лукавого человека. Похождения *кусы* встречаются во многих киргизских сказках, как например, в «Джиренче», «Ловкий милый» и т. д. См. «Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области». Том II, 1892 года, и том III, 1894 года.

— Господин! Дайте мне один батман [2] золота; я его посею, оно станет расти и, следовательно, увеличится. В этом и состоит мое искусство.

— А ежели ты посеешь золото, да оно у тебя не родится, что тогда я должен сделать с тобою? — спросил хан.

— Тогда лишите меня жизни! — воскликнул Алдар Куса.

Поддавшись обману, хан дал ему золота на три тысячи тилей. Получив тили, Куса отправился домой, а хан стал ежедневно собирать справки о дальнейших действиях его. Взяв с собою быков, Куса поехал в горы и на склоне одной из них начал пахать и показывать вид, что он сеет золото, громко приговаривая: «Родись из одной (тили) тысячи!»

Все это видели и слышали наблюдавшие за ним ханские есаулы, а Алдар Куса делал вид, что не замечает их; таким образом Куса мнимо посеял золото. Осенью, когда народ уже снял с полей хлеб, хан послал к Кусе есаула с требованием представить полученный урожай золота. Посланный, приехав в аул Кусы, стал вести переговоры через стенки юрты, и кто-то женским голосом ответил, что Кусы нет дома. Тогда есаул слез с лошади, войдя в юрту, увидел прехорошенькую девушку. Он спросил ее, где Куса? Девушка ответила, что вследствие засухи золото, посеянное братом, не уродилось, поэтому он из опасения ханского гнева отправился добывать золото для возврата Алача-хану; если же не добудет золота, то не вернется вовсе. Есаул, увлеченный наружностью своей собеседницы, осведомился, кто она такая; девушка ответила, что она сестра Кусы. Возвратившись обратно, есаул доложил хану о полученных сведениях. Девушка, с которой беседовал есаул, была не кто иной, как сама переодетый Куса. Выслушав посланца, хан немедленно послал нескольких из своих слуг за сестрой Кусы. Слуги исполнили повеление и доставили девушку, которую поместили вместе с ханскими дочерьми. Нужно заметить, что у хана были две взрослые дочери. Три девушки, включая сюда и мнимую сестру Кусы, зажили очень дружно, ели и пили из одной чашки, спали на одной постели и делились между собой секретами.

Как-то ночью одна из ханских дочерей громко заявила о том, что было бы очень хорошо, если бы Господь по своей мудрости обратил кого-нибудь из них троих в мужчину, на это мнимая сестра Кусы поспешила сказать, что она знает средство, посредством

которого можно достигнуть желаемого. Увлеченные таким сообщением, ханские дочери стали умолять сестру Кусы, чтобы она испробовала это средство. Уступая просьбам своих подруг, она попросила их принести три чашки воды. Просьба, конечно, была исполнена; поставив чашки рядом и накинув на девушек платки, сестра Кусы стала громко наговаривать на воду, советуя девушкам в это время молить Всевышнего о ниспослании им друга. Когда все было выполнено, все три девушки выпили воду и легли спать; спустя некоторое время мнимая сестра Кусы проснулась и громко произнесла: «О подружки мои! Бог меня сподобил!!» С этой ночи она стала развлекать ханских дочек.

Вскоре один из любимых визирей хана отправил к нему свата, прося руки одной из ханских дочерей. Хан задумался, но потом решил вместо своей дочери отдать за визиря сестру Кусы. Свадьба была устроена на славу: пировали на ней сорок дней, да провожали ее тридцать дней. Для угощения аула, находящегося вверх по реке, зарезали кобылу-иноходца, для жителей аула, расположенного по нижнему течению реки, закололи кобылу с лысиной на лбу¹⁸.

Наконец, после больших и пышных свадебных пиршеств, состоялись проводы невесты к жениху. Визирь уже было хотел принять ее в дом, начать всевозможные увеселения и располагать ею, как супругой, но сестра Кусы, отклонив все это, попросила неделю времени на отдых после дороги и на приведение себя в более благообразный и привлекательный вид. Потом она также попросила визиря приказать приготовить двух хороших коней под прекрасными попонами, дабы она могла прокатиться с ним для развлечения в поле. Когда все было готово, сестра Кусы заявила, что не худо бы было взять с собою и хмельного вина; визирь исполнил и этот каприз ее. И вот сестра Кусы села на приготовленного коня и поехала с визирем на прогулку; спустя некоторое время они сидели уже в поле вдвоем, усердно попивая вино. Визирь, напившись совсем пьяным, почувствовал, что его сильно клонить ко сну, и вскоре захрапел богатырским сном.

Воспользовавшись этим, мнимая сестра Кусы забрала лошадей, сняла с визиря драгоценные его вещи, вынула из его кармана тили и ускакала.

---

¹⁸ Кобылы на киргизских свадьбах режутся в исключительных случаях, а именно у богачей. Ими киргизы дорожат, так как матки дороги для коневодства.

Когда визирь, отрезвившись, проснулся, то не нашел ни жены своей, ни лошади и заподозрил во всем этом проделки врагов своих.

Этим временем сестра Кусы, сбросив с себя щегольские наряды и обратившись в настоящего Кусу, явилась к хану и, представив ему двух коней под дорогими чепраками и кошель тиллей, сказала: «Господин! В текущем году дождей не было, поэтому золото, данное мне вами для посева, не дало никакого урожая. Чтобы избежать гнева вашего, я отправился добыть этот металл, чтобы возратить вам, как видите, Бог помог мне, и я имею возможность рассчитаться с вами... Но как легко, Господин, обидеть маленького человека!... В мое отсутствие дом мой подвергся нападению ваших слуг. Беззащитная моя сестра была похищена и безжалостно выдана в замужество, против ее воли!.. О Боже! Какое насилие, какое посрамление!» С поддельным отчаянием воскликнул Алдар Куса.

Озадаченный неожиданным появлением Кусы и тронутый его несчастьем, которому хан как бы сам был причиной, Алача-хан сказал ему:

— Сестра твоя выдана замуж за лучшего человека, и было бы грешно жаловаться на такой брак. А теперь, любезный Куса, я возвращаю тебе все то, что ты привез ко мне сейчас; пользуйся всем этим сам, — сказал благодушно хан.

Только что хан окончил свои слова, как кто-то доложил ему, что у визиря похищены молодая жена, казна и два хороших коня под чепраками.

Услышав такой доклад, Куса пришел в отчаяние и сказал хану, что, вероятно, визирь убил его сестру, а чтобы уничтожить следы преступления, нарочно подослал к хану с таким известием.

Заподозрив визиря в убийстве и растроганный критическим положением Алдар Кусы, хан задумался и произнес решительно:

— Поди сюда, поближе, Куса; ты будешь отныне моим зятем и визирем.

Алдар Куса был на седьмом небе от удовольствия и несчетно раз делал поясные поклоны, приговаривая: «*Кулдук, таксыр, кулдук!*»¹⁹

Вторая дочь хана была выдана в замужество за того злополучного визиря, за которым была несуществующая сестра Кусы, или, лучше, сам Куса.

Тургайские ведомости. 1902. № 90; Окраина. 1894. № 52, 55.

¹⁹ Рабски обязан (вам), господин.

ДОБРЫЙ ХАН

Давно-давно, в незапамятные времена, в киргизской степи жил добрый-предобрый хан Акконыл [1]. Добрый Акконыл день и ночь молился Аллаху, чтобы он даровал его подданным мир, счастье, богатство. Все его любили, точно и беспрекословно исполняя все его приказания. Владение Акконыла было обширное. Чтобы удобнее было управлять и принести большую пользу своим подданным, он решился разделить его на семь частей и в каждую часть назначить особого наместника.

Однажды, пригласив своих уазиров²⁰ (их было семь) и своего духовника, он сказал им: «Хвала Аллаху, который даровал мне власть и поручил мне заботу о народе, да будет прославлено имя Царя небесного и добрые стремления наши. Всякий человек должен во имя Бога и любви к ближним творить добро всем людям. Я люблю своих подданных и желаю, чтобы они пользовались всеми земными благами, которые подняли бы благосостояние и счастье их.

— Уазеры! Прошу вас помочь мне в делах управления.

— Мы готовы, Алдыяр²¹, — отвечали они.

— Все свое владение я разделю на семь частей, и управление каждой их поручаю каждому из вас. Вы обещаетесь служить усердно и честно?

— Обещаемся, таксыр-бас²².

— Будете ли заботиться об интересах моих подданных как о своих?

— Будем.

— Будете ли всегда и везде творить справедливый и милостивый суд, охранять жизнь и имущество подданных моих?»

— Будем, добрый хан.

— Не будете скрывать от меня свои поступки и без утайки доносить мне обо всем?

— Исполним.

— Так, добрые мои уазеры, целуйте Алкоран, обещая служить мне честно и усердно.

²⁰ Уазир (визирь) — сановник.

²¹ Алдыяр (алдияр) — почтенный.

²² Таксыр — Ваше величество.

Уазеры целовали Алкоран и обещали служить честно и справедливо.

В тот же день они отправились на место своего назначения.

В течение трех лет уазеры, получая громадное жалование от своего хана, служили честно и усердно и свято исполняли свои обязанности. Однажды все уазеры съехались в орде хана. Когда они собрались, возмутили их шайтаны служить нечестно. «Хан ничего не знает о наших поступках, — сказали они, — мы можем делать то, что нам угодно. Заключим общий союз, чтобы усилить свою власть и обогатить себя». Все единогласно изъявили свое согласие и поклялись поддерживать друг друга в случае неудачи.

Каждый из них выбрал себе в помощники по одному хитрому и ловкому человеку. Еще три года уазеры управляли подданными хана. В течение этих лет они обижали слабых и обирали народ. Хитрые и ловкие помощники разъезжали по степи и ловили недовольных людей или ложно доносили на тех, которые не давали им взятки. Угнетенный народ, обремененный тяжелыми поборами, нигде не мог найти правосудия и с каждым годом все больше и больше приходил в нищету. Везде слышались жалобы на злую судьбу и на управление уазиров. Более смелых, желающих жаловаться хану, немедленно ловили, или заключали их в зындан [2], или казнили.

В своих донесениях хану уазеры говорили, что народ под покровом мира и их мудрого управления богатеет и становится образованнее.

Хан пожелал однажды устроить большой пир. Он велел заколоть тысячу лошадей, коров, овец и приготовить десять тысяч *сабы* [3] кумызу. Когда была приготовлена провизия, то он пригласил на пир своих подданных. Уазеры, желая поднести хану подарки, обратились к одному столетнему старику Байгобылу, чтобы он дал им совет.

«Таксыры, уазеры! — сказал столетний старик. — Я много видел на своем веку и был на всех торжествах хана. Я знаю, какие подарки более нравятся ему. Поэтому прошу вас во всем слушаться меня и исполнять мои требования. Доставьте мне белого нара [4]²³, покрытого белым масатинским ковром²⁴, семь

²³ Нар — дромадер, одногорбый верблюд.

²⁴ Масатинский ковер — персидский ковер.

вороних аргымаков²⁵, покрытых белыми попонами, семь волков и семь лисиц. Доброе сердце нашего хана тронулось бы, если в царский пир вы отправили семь нищих из каждой провинции по одному. Я поднесу хану подарки и скажу: «От мудрого управления твои уазиров народ разбогател до того, что во всем твоём ханстве, кроме этих семи нищих, нет бедных людей; все богаты. Уазирь одобрили советы старца и немедленно исполнили их. Они отправились на ханский пир, взяв с собою старца, подарки и семь нищих.

По приезде в орду о них доложили хану. Сияя в золоте и серебре, вышел им навстречу хан. «Добрый хан, — сказал столетний старец, — позволь поздравить тебя от имени твоего народа с торжественным пиром. Не откажись, алдыяр, принять подарки твоих подданных. Прими, таксыр хан, белого нара, покрытого белым масатинским ковром; прими от каждой части своего ханства по одному аргымаку, покрытому белой попоной. Эти семь волков безнаказанно разоряли твое ханство, а семь лисиц везде завели интриги, перессорили твоих подданных, ложно донося волкам. Добрый хан, избавь нас от этих хищников. Под мудрым управлением твоих уазиров народ до того разбогател, что во всем твоём ханстве мы могли только найти семь нищих, которые пришли к тебе и во имя Творца миров просят твоей милости.

Хан, приняв подарки, поблагодарил старца. Акконьл на целый день заперся в своей *ак-орде*²⁶ и не знал, что означают эти подарки. У него была умная *ханым*²⁷. Она помогла ему раскрыть значение поднесенных даров.

«Добрый хан, — сказала она, — белый нар означает любовь твоих подданных к тебе, а белый масатинский ковер — твое чистосердечное покровительство им. Семь вороних аргымаков, покрытых белыми попонами, означают семь частей твоего ханства, в которых по докладам семи уазиров над злом берет верх добро. На самом же деле там торжествует зло. Семь волков — твои семь уазиров. Они, подобно волкам, с жадностью обирают народ

²⁵ *Аргымак* — лошадь особой породы, высокая и красивая.

²⁶ *Ак-орда* — белая юрта.

²⁷ *Ханым* — жена хана.

и безвинно наказывают твоих подданных. Семь лисиц, должно полагать, помощники их, которые шпионят и заводят интриги и ложно доносят уазирам. Семь нищих означают, что в твоём ханстве много бедных, которые нуждаются в твоём покровительстве и помощи. Подумай сам, если во всем твоём ханстве было бы только семь нищих, то богатым не трудно бы обеспечить их».

Хан приказал наказать всех уазиров.

Киргизская степная газета. 1894. № 41.

К. А.

ПРЕДАНИЯ АДАЕВЦЕВ [1] О СВЯТЫХ, СЕКТЫ ХАНАФИЕ, ЖИВШИХ И УМЕРШИХ НА МАНГЫШЛАКЕ

По всему Мангышлаку рассеяны во множестве могилы святых, почитаемых киргизами и тюркменами. На каждой могиле святого воткнуты длинные шесты, к которым приходящие на поклонение привязывают куски тряпок и т. п. в виде жертвы. Охотники считают обязанностью головы убитых ими архаров (каменных баранов) класть на могилы святых, туда же кладутся и головы верблюдов и лошадей, хорошо и долго служивших их хозяевам. Над некоторыми могилами выстроены прочные здания из тесаного камня с куполами и надписями из Корана; при некоторых есть небольшие мечети, куда в определенное время собираются на молитву все кочующие поблизости. Присяга, принятая на могиле святого, указанного истцом, считается совершенным доказательством невинности ответчика; но на нее решаются немногие. Присягающий должен взяться обеими руками за шест, стоящий на могиле, и сказать: «Не видал, не слышал, не пил, не ел; если говорю неправду, да убьет меня Бог, да убьет этот святой».

Преданий о чудесах, произведенных святыми при жизни и после смерти, очень много. Предлагаемый рассказ записан со слов Кафара Караджигитова, Бик-Булата Есекенова и муллы Ходжа-Берды.

Пророк Мухаммед незадолго перед смертью подозвал к себе некоего Баба-Арслана, положил ему в рот одно зерно нухуда (горох) и сказал: «Через триста семьдесят три года отдай этот нухуд Ходжа²⁸ Ахмеду; а до того времени не вынимай его изо рта».

«Как же я могу это сделать и почему узнаю Ходжа-Ахмеда?» — спросил Баба-Арслан.

«Ты проживешь сказанное мною число лет, а Ходжа-Ахмеда узнаешь по тому, что когда народ в Тюркестане станет собираться в мечеть, то он войдет в нее первым, а выйдет последним», — отвечал пророк Мухаммед.

Баба-Арслан жил еще триста семьдесят три года, по указанию пророка узнал Ходжа-Ахмеда и передал ему нухуд. Ходжа-Ахмед, получив нухуд, тотчас же его проглотил и уже с того времени до самой смерти ничего не ел и ничего не пил. Он сделался великим святым, ходил всегда с палкою (эса) в руках, за что и прозван Эсави (или, по выговору киргиз, Эсауи). У него было 3363 мюрида, по рассказам других — 14 000. После смерти Ходжа-Ахмеда мюриды его разошлись в разные стороны, 363 из них пришли на Мангышлак, где и умерли; все они считаются святыми, хотя имена их неизвестны; но могилы их почитаются.

Главных святых два: Гаким-ата, бывший мюридом Ходжа-Ахмеда Эсауи [2], и сын его Султан-Эпе (Гюбби).

Однажды Ходжа-Ахмед Эсауи сидел в мечети; по окончании молитвы он взглянул на выходящих из нее учеников и увидел, что один из них, держа Коран на голове, выходит спиной к дверям. Ходжа-Ахмед подозвал его и спросил: «Зачем несешь Коран на голове?» — «Считаю неприличным носить его за плечами, потому что в нем заключаются Божия повеления; также считаю неприличным оборачиваться спиной к учителю, у которого я изучил Коран и обряды религии», — отвечал мальчик. Такой ответ понравился Ходжа-Ахмеду; он взял этого мальчика к себе на воспитание, учил его, сделал своим мюридом и приказал называться Гаким-ата.

Когда Гаким-ата после многолетнего учения достиг совершенства в познании тариката, Ходжа-Ахмед послал его в Хиву

---

²⁸ Ходжами называются потомки Мухаммеда и дочерей его.

и при отправлении сказал: «Тебе предопределено жить в той стране. Многих учение твое сделает совершенными мюридами; там же ты женишься и будешь иметь детей».

Выслушав все это со вниманием, Гаким-ата отправился в путь верхом на верблюде; через несколько дней он приехал к Хивинскому морю (Аральское море). На берегу моря, на конце одного пастбища, верблюд Гаким-аты остановился, лег на землю и, не смотря на понуждения, не хотел встать, а только ревел, отчего это место названо впоследствии, да и донине называется, Багирган, что значит: рев или крик.

Пастбище это принадлежало Бура-хану; на нем паслись его табуны; пастухи, увидя Гаким-ату, подошли к нему и сказали: «Что ты за человек, что без позволения нашего хана остановился на его земле? Это дерзость с твоей стороны».

«Я пришелец, хочу приютиться здесь», — отвечал им Гаким-ата.

— «Не позволим! Потому что это ханская земля» — закричали пастухи и, схватив свои палки, хотели бить Гаким-ату; но он, обратясь к росшим вблизи деревьям, сказал: «Удержите их!» В то же мгновение ветви деревьев вытянулись и захватили трех пастухов; остальные в большом страхе бежали и, прибежав к Бура-хану, рассказали ему о случившемся.

Бура-хан сказал своему визирю Абдулла-Седру, что человек, о котором говорят пастухи, должен быть необыкновенный, и приказал ему ехать и подробно обо всем узнать. Визирь приехал к Гаким-ате и после обычного приветствия вежливо спросил: кто он и откуда? Гаким-ата ответил: «Имя мое Гаким-ата, отец мой Гаким-Сулейман, наставник мой Ходжа-Ахмед Эсауй».

«Зачем эти пастухи задержаны деревьями?» — спросил Абдулла-Седр.

«Такова бывает участь тех, которые неуютны Богу», — отвечал Гаким-ата.

Визирь возвратился и рассказал хану о всем виденном и слышанном. Выслушав его, хан сказал: «Гаким-ата, эвлия-уллах (великий святой), пришел в наши пределы, надо идти к нему за благословением с приличными приношениями и признать его пиром» (то же, что муршид, наставник).

Затем хан собрал совет, на котором было решено представить в подарок Гаким-ате: красивую дочь Бура-хана, сто верблюдов,

сто лошадей, сто штук рогатого скота и сто баранов с вожакими, конюхами, пастухами и рабами. Когда все это было доставлено к Гаким-ате, он благосклонно принял подарки и приказал деревьям отпустить задержанных ими пастухов.

Вслед затем и сам Бура-хан, с визирями, беками и почетными людьми, явился к Гаким-ате и поступил к нему в мюриды. Вскоре слава о святости Гаким-аты распространилась по всему миру; число посетителей, желавших его видеть и слышать его поучения, день ото дня увеличивалось. На том самом месте, где остановился его верблюд, была построена крепость, и скоро около нее выстроился большой город, названный Багирган.

Жена Гаким-аты Анбарь родила от него трех сыновей: 1) Мухаммед-ходжа, 2) Аскер-ходжа и 3) Гюбби, называемого киргизами Султан-Эпе. Первые двое учились в школе, находившейся в расстоянии 15-дневного пути от Багиргана; а последний, родившийся в отца, воспитывался дома. У Гаким-аты в доме жил еще один ученик, по имени Шейх-Саэт, достигший полного совершенства в познании тариката. Однажды Гаким-ата и жена его Анбарь беседовали в открытом поле, вдали от города; у них зашла речь о том, который из воспитанников Гаким-аты более усовершенствовался в познаниях, сын ли их Султан-Эпе или Шейх-Саэт. Чтобы решить спор, Гаким-ата громко назвал обоих по именам; послышался ответ: «Что прикажете?» и вслед затем явился Шейх-Саэт, а Султан-Эпе не явился даже по второму и третьему зову, а пришел лишь спустя несколько часов и принес двух оленей.

— Нескоро пришел, — сказал сердито Гаким-ата и не захотел принять от него оленей.

— На большом море (Каспийское море) два судна разбились; бывшие на них люди кричали: о Султан-Эпе, помоги²⁹! Я, явившись туда, спас их и в ту же минуту слышал твой зов; но как расстояние велико, то я и опоздал, сказал Султан-Эпе.

— Не верю! — сказал Гаким-ата. — Я хорошо знаю, какое расстояние отсюда до большого моря.

— Если не верите, взгляните на мое мокрое платье и следы веревки, которую я вытаскивал лодки, на моей спине.

---

²⁹ Киргизы верят, что если погибающие на воде обратятся с молитвой к Султан-Эпе, то будут спасены непременно.

Гаким-ата посмотрел на спину своего сына и увидел на ней полосу, образовавшуюся от трения веревкой.

— Спасенные мною люди обещали принести в дар через пять месяцев десять тысяч теньга³⁰, и принесут, — сказал Султан-Эпе.

Гаким-ата на это ничего не ответил. Ровно через пять месяцев спасенные принесли десять тысяч теньга. Скоро это происшествие сделалось повсеместно известным, и все стали почитать Султана-Эпе за человека, одаренного от Бога способностью совершать чудеса.

Гаким-ата советуемую утреннюю молитву совершал в городской мечети, а обязательную в Мекке, при каабе. Однажды Султан-Эпе спросил Гаким-ату: «Отец, где ты совершаешь обязательную утреннюю молитву?»

— Летаю к каабе и там молюсь, — отвечал Гаким-ата.

— Это для тебя беспокойно, не можешь ли сделать так, чтобы кааба являлась сюда? — сказал Султан-Эпе.

— Нет, этого сделать я не в силах: а если ты можешь, то сделай. Посмотрим, — сказал Гаким-ата.

В следующее утро Гаким-ата, войдя в мечеть, увидел каабу и множество людей, молившихся при ней, и сам совершил утренний намаз. Жители Багиргана, увидя такое чудо, все сделались мюридами.

Однажды, в праздник курбана, мюриды Гаким-аты собрались вместе, зарезали девять быков и съели все мясо, без остатка. Султан-Эпе при этом не был. Он пришел только на следующий день и, узнав, что для него не оставили ни куска мяса, спросил отца: почему о нем позабыли?

— Кто делал дело, тот получил свою часть; а как тебя не было, то тебе ничего и не следует, — сказал Гаким-ата.

Султан-Эпе попросил мюридов своего отца принести к нему шкуры, снятые с зарезанных ими быков, и кости; когда они это исполнили, то он, обратясь к отцу, сказал; «Прикажи этим шкурам и костям встать и идти на пастбище».

— Я не в силах это исполнить, — сказал Гаким-ата.

— Когда так, то позвольте мне сделать.

Подувив от отца согласие, Султан-Эпе воскликнул: «Бисмиллях! (Во имя Божие!)», собрал шкуры и кости своею эсою (пал-

---

³⁰ Мелкая хивинская серебряная монета; по настоящему курсу 9 теньга равны 2 рублям.

кой) в одно место и, слегка ударив по куче, сказал: «Волею Божию, вставайте!» Быки ожили, встали и пошли на пастбище. После этого чуда Султан-Эпе, простившись с отцом и матерью, стал невидим.

Гаким долго и везде разыскивал исчезнувшего сына, но нигде не мог найти. Когда Ходжа-Ахмед Эсауи узнал обо всем происшедшем, то сделал Гаким-ате строгий выговор за грубое обращение с сыном и сказал: «Да течет вода над твоей могилой в продолжении сорока лет».

Когда Гаким-ата умер, его похоронили возле города; вскоре после этого Ургенчская река (Амударья) переменяла русло, разрушила город Багирган и текла над этим местом ровно сорок лет; по истечении этого времени она отошла, и могила Гаким-аты открылась.

Старшие сыновья Гаким-аты, Мухаммед-ходжа и Аскер-ходжа, узнав об исчезновении брата, разыскивали его повсеместно, для этого пришли на Мангышлак, и там умерли оба. Они также были святыми и творили чудеса. Могилы их находятся близ родника Мерет³¹.

Лет через сто по исчезновении Султана-Эпе, когда на Мангышлаке кочевали ногаи, в верхней части равнины, называемой теперь Султан-Эпесай³², собралось много кибиток. Между кочующими был один мулла, учивший детей; в числе его учеников был один мальчик, по имени Хейрулла, плешивый от паршей, рябой и хромой. Каждый день его били: в школе — мулла, а дома — родители. Товарищи смеялись над ним и постоянно его обижали. Одним словом, жизнь его была самая тяжелая. Однажды ушел он далеко в степь, решившись лишить себя жизни; уставши от ходьбы, он прислонился к большому камню и, обратись к Богу с горячей молитвой, много плакал, бил себя в грудь, наконец заснул. В полдень следующего дня, когда он все еще спал, представился ему во сне какой-то неизвестный человек и сказал: «Сын мой! Не плачь, открой рот». Хейрулла это исполнил, незнакомец плюнул ему в рот, отчего в мальчике тотчас же проявились мудрость и

³¹ Верстах в 40 к северо-востоку от Александровского форта, недалеко от залива Сарыташ.

³² К северо-западу от Мерета, верстах в 10-ти.

познания. Затем незнакомец сказал ему: «Встань, иди по степи и на том месте, где увидишь сидящего орла, построй мечеть». На это Хейрулла сказал: «Я слабый мальчик и не могу поднять даже небольшой камень». Тогда незнакомец сказал: «Я — Султан-Эпе; когда будешь поднимать камни, произноси: о Султан-Эпе! Камни божественной силой поднимутся, и ты легко их положишь, куда будет нужно». Сказав это, Султан-Эпе исчез.

Хейрулла проснулся, пошел по степи и скоро увидел сидящего орла; когда он близко подошел к нему, то орел громко сказал: «Султан-Эпе», взлетел и исчез. Хорошенько заметив место, где сидел орел, Хейрулла вернулся к своему учителю. Мулла, прибыв его за то, что он так долго не являлся, дал ему книгу и приказал читать. Хейрулла прочел без затруднения. Тогда мулла задал ему еще семь страниц нового урока, он прочел их один раз и отвечал, как ученый. Таким образом обнаружилась полученная им премудрость, и весь народ дивился такому чуду. После этого Хейрулла ушел в степь и, придя к замеченному месту, прикасался руками к большим камням, восклицая: «О Султан-Эпе!» Каждый камень, тронутый им, легко поднимался и ложился на то место, где было нужно. Таким образом Хейрулла очень скоро построил мечеть. Следы мечети и бывшего около него дома видны и теперь. Между развалинами, говорят, была дорога; но теперь она заросла, потому что по ней никто не ходит; однако место это и доселе почитается за святыню; сюда ходят молиться больные, которые скоро получают облегчение от болезни, и женщины, желающие иметь детей, которые также получают желаемое. После этого чуда Хейрулла получил прозвание суфий.

Ходжа-Ахмед Эсауй имел четырнадцать тысяч мюридов. Однажды для испытания преданности их к себе он подвязал к нижнему платью кишку, наполненную водой, взял палку и пошел в мечеть. Когда начался намаз, Ходжа-Ахмед, молившийся впереди всех, сдал кишку, бывшая в ней вода вытекла; заметив это, мюриды сказали: «Наставник наш мочится, чистота его нарушилась, не следует молиться с ним», и один за одним вышли из мечети; продолжать молитву остались только двое мюридов: Гаким-ата и Чобан-ата. Когда они окончили молитву и вышли из мечети, их окружили мюриды и спросили: зачем они молились за человеком, сделавшимся нечистым? Те рассказали им о кишке с водою, подвязанной Ходжа-Ахмедом лишь для испытания сво-

их учеников; узнавши об этом, все мюриды раскаялись в своем поступке и опять пришли к Ходжа-Ахмеду для слушания его наставлений и поучений.

Незадолго перед своею смертью Ходжа-Ахмед, помолившись в мечети и сидя в ней, бросил свою эсу в окно; эса улетела; тогда он, обратясь к своим мюридам, сказал: «Кто принесет мне мою палку, тому прочту суру Фатиха»³³. Все мюриды бросились вон из мечети искать палку, только один Чобан-ата встал, дошел до дверей мечети, но тотчас же вернулся и сел. Ходжа-Ахмед обратился к нему и спросил: «Зачем ты сидишь?»

«Я бы пошел, если бы вы теперь же прочли мне Фатиха; палка уже очень далеко отсюда, на западе, она на Мангышлаке, на берегу большого моря», — сказал Чобан-ата.

В это время не нашедшие палки стали возвращаться в мечеть. Ходжа-Ахмед, обратясь к ним, сказал: «Из такого большого числа учеников я имею только одного достойного и друга». Затем прочел Чобан-ате Фатиха, позволил ему идти на Мангышлак, отыскивать его эсу, и простился с ним навсегда.

Чобан-ата отправился в путь, шел некое количество месяцев, наконец пришел на Мангышлак, где, по божьему указанию, нашел то место, на которое упала эса Ходжа-Ахмеда, и увидел, что она уже обратилась в высокое дерево; а под деревом сидит почтенный на вид человек, который, казалось, ожидал прибытия Чобан-аты. Они скоро познакомились. Чобан-ата женился на его дочери и остался здесь жить навсегда.

Вскоре по всему Мангышлаку стало известно о прибытии Чобан-аты, его мудрости и учености; к нему стали приходять для слушания его поучений, и десять тысяч человек сделались его мюридами.

У Чобан-аты было трое детей, сыновья: 1-й — Исан-ата (Эхсан) и 2-й — Чагрик-ата (Шахрох) и дочь Тергин-Биби.

Чобан-ата творил много чудес при жизни и после смерти; перечислить их все невозможно. Он похоронен вблизи того места, где им найдена эса Ходжа-Ахмеда³⁴. Молящиеся на его могиле скоро получают желаемое.

³³ Первая глава Корана.

³⁴ В 120 верстах к юго-востоку от Александровского форта, на хивинской дороге.

Баймухаммед Маяев³⁵ рассказывал: «В молодости я раз был очень болен и в большой нужде; случилось мне в это время быть вблизи могилы Чобан-аты; я отправился туда, помолился и сделал незр (какое бы то ни было приношение), с мысленною просьбой о доставлении мне благополучия. Ночью во сне я увидел почтенного на вид человека с большой белой чалмой на голове и возле него семьсот баранов; он сказал мне: «О сын мой! Этих баранов я подарю тебе». На другой день я почувствовал себя почти здоровым и возвратился домой; через несколько времени от разных лиц я получил в подарок баранов, которые у меня стали размножаться так удачно, что к концу года их было ровно семьсот штук.

Исан-ата имел только одного сына, по имени Караман-ата (Кагерман), который во всем был похож на деда, творил много чудес, построил мечеть в одном дне пути от могилы Чобан-аты и по смерти похоронен вблизи ее.

Могила Караман-аты весьма почитается; преимущественно на ней присягают именем святого все, от кого требуется очистительная присяга. Много раз случалось, что ложно присягнувшие именем Караман-аты тут же умирали и род их вскоре совсем прекращался.

Когда-то между двумя отделениями, кочевавшими на Мангышлаке, был спор по одному важному делу; было решено для окончания дела, чтобы сто человек с одной стороны приняли присягу на могиле Караман-аты. Они приняли ее, хотя дело их было неправое. Когда они отошли на сто шагов и сели на лошадей, чтобы ехать домой, вдруг послышался гром, подобный пушечному выстрелу, лица их почернели, все сто упали с лошадей и в ту же минуту умерли.

У одной женщины пропал платок; его съела ее корова; не зная об этом, она заподозрила в воровстве свою соседку и потребовала от нее очистительной присяги на могиле Караман-аты. Обе пошли туда, и заподозренная присягнула в своей невинности; когда они возвратились домой, то увидели, что возле кибитки лежит издохшая корова, живот у нее лопнул, и из него высунулся пропавший платок.

---

³⁵ Бывший начальник верхней Адаевской дистанции, зауряд-хорунжий, убитый в марте 1870 г. в отряде полковника Рукина.

Много было еще подобных случаев, отчего каждый убежден, что ложно присягнувший именем Караман-аты будет непременно наказан.

Чагрик-Ата имел двух сыновей: Шахмардана и Каба-Али, который называется также Капам-ата.

Шахмардан известен более под именем Чахмаг-ата (*чахмаг* — высекать огонь), потому что когда в дороге встречалась надобность достать огня, то ему достаточно было прикоснуться одним ногтем к другому, чтобы искры посыпались в изобилии.

Однажды Чахмаг-ата по окончании молитвы заснул в мечети; в это время большая партия из враждебного отделения, ограбив кочевавших вблизи, подошла к мечети с целью ограбить и ее. Но нашли двери крепко запертыми изнутри и не могли разбить их, разбойники стали вести подкоп; когда они уже оканчивали подрывать стену, тогда бывшие в мечети мюриды, услышав стук, воскликнули: «О Чахмаг-ата, помоги!» В ту же минуту все копавшие превратились в камни.

На вершине горы Имеди (в Каратау) есть место, считающееся святым и называемое Сахабий (облачный), потому что, как говорят, Чахмаг-ата взошел сюда по облаку.

Рассказывают также, что Чахмаг-ата, спасаясь от преследовавшего его врага, бежал; но когда наступило время молитвы, он остановился, выбрал большой камень, взошел на него и стал молиться; молился он ровно два года, не замечая времени. На этом камне и доселе видны следы ног, рук, лба и носа в тех местах, где он прикасался к нему, делая земные поклоны. По прошествии двух лет на это место явился его враг и отрубил ему голову; но Чахмаг-ата, взяв отрубленную голову под мышку, бежал и скоро исчез; на камнях, где он ступал, остались следы ног его, на большом расстоянии. Место это находится в глубоком овраге, недалеко от урочища Кунансу.

На урочище, называемом Ханга, в 25 верстах от Александровского форта, есть могила святого Мюхтим-бабы, происходящая от потомков имама Гуссейна. Он пришел на Мангышлак из того места Персии, где живут тюркмены Курекал; вскоре к нему явились мюриды, и число их было значительно; в это время в окрестностях Ханги не было ни одного дерева. Однажды мюриды пришли к Мюхтим-бабе и просили у него позволения идти гулять в сады. Он им сказал: «Сегодня не уходите никуда; если завтра не найдете вблизи садов, то позволяю вам идти».

Мюриды послушались его, остались; на следующий день утром рано они увидели, что вся ближайшая гора покрыта превосходными деревьями со множеством плодов. Очарованные этим зрелищем и удивленные совершившимся чудом, они пришли к Мюхтим-бабе, пали к его ногам и покаялись в своих грехах. После этого число мюридов Мюхтим-бабы стало увеличиваться и дошло до нескольких тысяч.

После смерти Мюхтим-бабы сады, никем не поддерживаемые, уничтожились; до настоящего времени уцелело из них только несколько тутовых деревьев.

Чудесным образом явились еще сады на равнине Султан-Эпе. Это произошло так: однажды Хейрулла-суфий сидел в уединении, занимаясь благочестивыми размышлениями; пришло к нему несколько человек с одной стороны и несколько человек с другой; пришедшие сели и стали разговаривать; зашла речь о святых; одни давали преимущество над всеми святыми Султан-Эпе; другие же особенно величали Мюхтим-бабу, в особенности за то, что он одним словом покрыл пустынную гору великолепными садами. Услышав это, Хейрулла-суфий сказал:

— Если Мюхтим-баба одним словом произвел сады, то я, имеющий только ничтожную частицу достоинств Султан-Эпе, покажу их вам; взойдите на эту гору, посмотрите на равнину и вы увидите на ней сады, какие желаете.

— Ты — безумец! Говоришь, сам не зная что, — сказали сторонники Мюхтим-бабы.

Усдышав это, Хейрудла-Суфий в порыве гнева воскликнул: «Хюве-хакк!» (Есть истина!), вскочил и стал вертеться на одном месте, потом быстро побежал на гору, где и упал; все присутствовавшие пошли за ним и вскоре с великим удивлением увидели, что равнина на большом пространстве вся покрыта превосходными деревьями. Тогда все они громогласно прославили Бога, пали к ногам Хейрулла-суфия и сделались преданными ему мюридами.

На урочище Гуграх, возле колодцев Бурлы, есть могила одного святого. Он пришел на Мангышлак из Хорасана, из города Мешхеда, в то время когда там кочевали калмыки, сделал против них газават и убит ими. Говорят, что когда калмыки отрубили ему голову, он схватил ее в руки, вскочил на коня и исчез; следы его

коня видны и доселе. Киргизы его называют Масат-ата, по месту его родины Мешхеда.

Недалеко от Чина (окраина Устьюрта), при начале песков Актюбья, есть гора, и на вершине ее святое место, называемое Данишменд-ата³⁶. Про него рассказывают следующее: однажды Данишменд-ата сидел на одной из Кукайских гор в Тюркестане и занимался благочестивыми размышлениями; к нему подошел юродивый и сказал: «Я слышал, что на Мангышлаке есть место, прославленное чудесами Султан-Эпе, сына Гаким-аты, собираюсь идти туда помолиться».

«Если это так, то и я пойду туда с тобой». Сказав это, Данишменд-ата встал и спустился с горы, чтобы идти далее с юродивым. Вдруг послышался голос из горы: «Возьмите и меня с собой».

«В таком случае я сяду на тебя и поедем», — сказал Данишменд-ата, взошел на гору и сел на вершине; гора тронулась с места и направилась к западу; когда она передвинулась на Мангышлак, Данишменд-ата сказал: «К святым местам неприлично подъезжать верхом». Гора остановилась, Данишменд-ата слез с нее и отправился пешком на поклонение святым местам, прославленным чудесами Султан-Эпе.

На Унджаге, на южной оконечности урочища Караялчи³⁷, есть могила одного святого, называемого Кашкар-ата³⁸, он был календар (отшельник, избегающий мирских сует), пришел на Мангышлак из Хорасана, питался оленьим мясом; когда он нуждался в пище, олени сами приходили к нему, и он резал их беспрепятственно. Несколько севернее находится могила его ученика и преемника из мангышлакских тюркмен, известного под именем халифе (наместник), почитаемого также святым. Оба они творили немало чудес; настоящие имена их неизвестны.

Все, что известно о мангышлакских святах, здесь рассказано; хотя, кроме упомянутых, есть еще множество других, но о деяниях их и жизни к киргизам не перешло преданий, потому что на Ман-

³⁶ Персидское слово, означающее: ученый, постигший все тонкости шариата.

³⁷ Называется по могиле Караялчи (черный работник). По преданию, на этом месте убит работник одного богатого и знатного тюркмена, увезший дочь своего хозяина и настигнутый на этом месте.

³⁸ Кашкар — стада баранов.

гышлаке беспрерывно переменялись кочевавшие племена: там были ногаи, тюркмены, калмыки, опять тюркмены и наконец киргизы.

ВОЗЗВАНИЕ МУХАММЕД-САФЫ³⁹ К АДАЕВЦАМ В 1870 ГОДУ

Адаевский народ! Выслушай слова мои:
Дурные мысли из памяти выкинь,
С чистым сердцем приди ко мне.
Дурные мысли из памяти выкинь!

Сперва Рукина и Баймухаммеда⁴⁰ убил ты;
Обманул их, ответишь на будущем свете.
Едва десять дней прошло, начались твои бедствия.
Дурные мысли из памяти выкинь!

Возмутившись, что смог, ограбил ты;
Потом возложил всю надежду на божью милость;
Как русский волком стал, ты обратился в барана.
Дурные мысли из памяти выкинь!

«Откочем, — сказал ты, — покинем Мангышлак!»
Понравилась тебе эта пагубная мысль.
И сделал ты с рук неидущее дело.
Дурные мысли из памяти выкинь!

Убегая от русских, оставал привольные места;
Кто видел это, поучался; кто слышал — смеялся.
Русский, львом стал ты, обратился в лисицу.
Дурные мысли из памяти выкинь!

Умным не будет едящий мясо с салом⁴¹.
Мелкому озеру сравняться ли с морем глубоким?

³⁹ Тюркменский старшина, оказавший после возмущения адаевцев в 1870 г. довольно важные услуги при сношениях с ними. Умер от холеры в конце 1871 года.

⁴⁰ Зауряд-хорунжий Маяев, бывший начальником верхней Адаевской дистанции.

⁴¹ Адаевцам хлеб неизвестен. Зимой, когда от бескормицы скот худеет, они едят мясо с бараньим салом, которое нарочно для этого отливается плоскими кусками.

Только безумная баба с мужем ссору заводит!
Дурные мысли из памяти выкинь!
Водяная змея с удавом не свивается,
Простой баран с архадом⁴² не бодается,
Пестрая ворона с ястребом не дерется.
Дурные мысли из памяти выкинь!

Горшок с чугуном вздумал драться!
Не обдумавши, пошли, с дороги сбились.
Теперь сам знаешь, кругом ты обойден.
Дурные мысли из памяти выкинь!

Не по силам пустил ты стрелу на высокую гору!
В первый же поход много взяли у тебя скота;
Меня, если спросишь, скажу: нет в том греха.
Дурные мысли из памяти выкинь!

Мухаммед-Сафа говорит: совет дам,
Поверь словам моим, скорей покорись!
Все я сам видел, некуда тебе уйти.
Дурные мысли из памяти выкинь!

РАССКАЗ И СТИХИ ТЮРКМЕНСКОГО ПЕВЦА НУРИ (С ОСТРОВА ЧЕЛЕКЕНЯ) В 1870 ГОДУ

Когда до нас дошел слух, что Казак (киргизы) сжег дома Уруса, утушил его очаги, убил Баймухаммеда и одного полковника с сорока человеками, и изумился и сказал: это что за удивительное дело? Турецкий султан, англичане, различные франки, неоднократно, соединившись вместе, дрались с Урусом; но он стоял твердо и не пришел в затруднение от их нашествий. Шамиль тридцать лет сражался с Урусом и наконец попался-таки в плен. А Казак что за человек, чтобы осмелиться на такое дело!

---

⁴² Каменный баран (*ovis argal.*).

Сделал ты великое дело, не подумавши:
Голову свою на ветер пустил, Казак!
Смельчаком ставши, бросился ты,
Подобно мотыльку, в огонь, Казак!
Дурное начало не принесет добра.
Взялся ты не за прибыльное дело:
Лишиться богатства, отымут стада твои,
И станешь ты пеший, Казак!

Отберут у тебя золото и драгоценности,
Лишат твоих жен и дочерей украшений,
А потом и сыновей твоих
Запишут в солдаты, Казак!

Голова твоя попала в водоворот,
Который скоро увлечет и туловище;
А сердце твое, день ото дня наполнясь грустью,
Никогда более не возрадуется, Казак!

Никакой благоразумный человек
Не кидает камня не по силам.
Жена ругает ли своего мужа?
О лишившийся ума Казак!

На каменистой почве пшеница не растет!
Жар твой мало-помалу утихнет,
Будут стрелять в тебя гранатами, пульей,
И в прах ты обратишься, Казак!

Нури-певец говорит: о бедняга!
Сам заслуживший постыдное горе,
Выведут семейства твои на базар;
А имя твое навеки опорочено, Казак!

О МНОГОЧИСЛЕННОСТИ И МОГУЩЕСТВЕ УРУСА

Расскажу о том все, что я видел:
Есть дорога, идущая из железной крепости⁴³,
Из-за стен ее выйдет сто тысяч конницы,
На лошадях, не едящих травы, не пьющих воды.

⁴³ Дербента.

Придет сто тысяч солдат, сто тысяч эсаулов,
Сто тысяч беков, сто тысяч караульных,
Сто тысяч удалцов, сто тысяч всадников,
Имеет еще Урус сто тысяч дружин.

Придет сто тысяч князей, сто тысяч панцырников,
Сто тысяч казаков, сто тысяч конных,

Сто тысяч дагестанцев смелее львов,
Имеет еще на воде сто тысяч пароходов.

Привезут сто тысяч пушек, сто тысяч ящиков,
Выпустят сто тысяч выстрелов по миру.
Сто тысяч продающих вино, сто тысяч его пьющих,
Имеет еще сто тысяч Рустамов, сто тысяч Заалов.

Придет сто тысяч сардаров, с царской властью;
Сто тысяч на слонах, сто тысяч на носорогах,
Сто тысяч служителей, превосходящих красотой девиц,
Имеет еще сто тысяч одежд драгоценных.

Сто тысяч занимаются разведением садов,
Сто тысяч колесниц, готовых к делу,
Сто тысяч содержат караулы по дорогам,
Имеет еще сто тысяч правосудных судей.

Сто тысяч начальников начнут командовать;
Увидя сто тысяч врагов, всех изрубят мечами.
Сто тысяч ничего не боящихся копьеносцев,
Имеет еще сто тысяч гренадеров.

Сто тысяч музыкантов заиграют на инструментах,
Сто тысяч есть таких, которые врагов не считают,
Придет сто тысяч охотников с ястребами,
Имеет еще в ста тысячах местах скотоводов.

Нури-певец нассказал так много слов,
Потому что иногда он парит в воздухе.
Имеет еще Урус сто тысяч сундуков золота
И лошадей с жемчужным убором.

КИРГИЗСКАЯ ПЕСНЯ

Десяти лет я достигнул:
Зеленую ветку в лук согнул,
Тонкие стрелки в цель пускал.
Где почесть, где слава?
Пятнадцати лет достигнул:
В красное, зеленое оделся,
Туго поясом подтянулся,
Всем красивым казался.
Где почесть, где слава?
Двадцати пяти достигнул:
Белые шаравары засучив,
Хоть и сам я молчал,
Да и враг пикнуть не смел.
Одна девица полюбила.
Где почесть, где слава?
Тридцати пяти достигнул:
Пику с бубенчиками взяв,
Безрукавную кольчугу надев,
Прохладное время выбрав,
Сивого скакуна погнал,
С криком врага победил.
Где почесть, где слава?
Сорока пяти достигнул:
В дальний поход отправился,
И с севера и с юга, в степи,
Разбойники на людей нападали,
Ее боялся, один я проехал!
Где почесть, где слава?
Пятидесяти пяти достигнул:
Ссорившиеся кучками ходили,
Судил их, языком работал;
Бийлик^{44*}) за то получал.
Где почесть, где слава?
Шестидесяти пяти достигнул:
Борода и усы поседели,
Прежней силы лишился.
Девка говорит: ....
Взять ты хочешь меня,
Только видом моим утешайся!

---

⁴⁴ Плата бию за производство суда.

Хоть убей! Не пойду за тебя!
Когда-то ты и был молодец;
Но теперь твоя голова —
Все равно что прошлогодний навоз!
Где почесть, где слава?

Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, Издание Горского управления, 1873. Вып. 7. С. 5—22.

Б.

[ЛЕГЕНДА О ЧИНГИЗ-ХАНЕ]

(Киргизская легенда)

(Переведена со слов киргиза Перовского уезда П. Р. Б.)

Нам, русским, предстоит еще много и много поработать, чтобы создать рядом с чуждым нам туземным Туркестаном тот русский Туркестан, который пока так еще неясно вырисовывается в нашем воображении.

Много придется поработать для того, чтобы устроить сожительство пока чуждых и не сродных культур — русской и туземной.

И в этом отношении всякое изучение духа чуждых нам народностей Туркестана представляет большой интерес.

В предлагаемой читателю легенде о Чингиз-хане, сыне солнца по киргизской легенде, дух и чаяния народа сказались очень рельефно, а потому она и заслуживает внимания.

В верховьях большой реки жил хан. Был он любим своим народом, и счастливо протекала его жизнь. Лишь одно только доставляло ему горькие минуты: у хана не было детей.

И желание иметь их заставляло хана простаивать на молитве более продолжительное, чем обыкновенно принято, время. Горячие молитвы возносил хан к Аллаху, прося даровать ему потомство.

Сжалился Аллах над бедным ханом. Скоро у жены хана родилась дочь.

Мудрец, позванный ханом предсказать судьбу его дочери, порывлся в книги и объявил хану, что дочь его ожидает впереди что-то такое, чего до сих пор не случалось со смертными.

Хорошее или дурное случится с дочерью хана — этого кудесник сказать не мог.

Опечалился хан. Позвал он верных визирей своих и на совещании было решено построить для малютки дворец, но дворец особенный. Весь он должен был быть из железа; ни дверей, ни окон не полагалось, а было лишь одно отверстие в крыше, через которое отец мог сообщаться со своим любимым детищем. Скоро дворец был готов, и дочь хана была перенесена в него.

День и ночь самые надежные аскеры [1] хана караулили ее.

Много лет прошло со времени предсказания. Дочь хана выросла и превратилась в красавицу, равной которой не находилось не только во владениях ее отца, но и в соседних ханствах. Покидать же железный дворец ей все еще отцом не разрешалось.

Однажды красавица лежала, разметавшись на роскошной кровати, заспавшись более чем обыкновенно.

Луч солнца проник сквозь щель в потолке и скользнул по прекрасному телу. И судьбе угодно было, чтобы от луча этого дочь ханская сделалась матерью.

Рассердился хан, узнав о положении дочери. Стал он допытываться у нее, не проник ли кто-нибудь к ней во дворец. Ничего не могла ответить ему дочь его.

Тогда хан, желая скрыть свой позор, велит принести искусно сколоченный ящик, заключив в него дочь свою, пускает его вниз по течению реки.

Долго плыл по реке ящик с дочерью ханскою. Наконец приплыл к устью реки. Здесь его заметил какой-то рыбак. Выловил он его и раскрыл. Пораженный красотой ханской дочери, бежит он к своему хану и в волнении передает о находке.

Тогда хан велел принести красавицу к себе. Увидев ее, он был поражен. Хан пожелал знать, кто она такая и каким образом очутилась здесь. Не пожелала отвечать ему ханская дочь.

Разослал хан гонцов по всему ханству узнать о красавице. Но возвращаются гонцы, и никто из них не узнал ничего. Решил хан все-таки взять красавицу себе в жены, а она просит только одной милости — не трогать ее до родов и позволить ей, если родится сын, самой дать ему имя.

Хан согласился.

Родила ханша батыра сына и дала ему имя Чингус. И сделался батыр Чингусь великим киргизским ханом, расширил он ханство киргизское далеко — далеко за море, но ханство он получил только после нескольких лет скитания и жизни вдали от родной матери и своего народа. После Чингуса у ханши родилось от хана еще четыре сына: Тарбагатай, Таргалтай, Беденетай, Бергельтай. Когда дети подросли, старый хан умер. И дети начали спорить между собой о праве на трон.

Братья соединились против Чингуса, которого народ успел оценить и полюбить за его приветливость и открытый, решительный характер, и решили известить его.

Но догадалась мать о замысле братьев и предупредила любимого сына, советует она скрыться.

Чингус покинул ставку и направился вверх по реке. И условился Чингус давать знать своей матери, что он еще жив, пуская летом птичий пух, а зимой звериную шерсть вниз по незамерзающей никогда реке.

Прошло несколько лет. Братья Чингуса, разделившие между собой ханство, перессорились и в междоусобной войне все погибли.

Надо было выбрать хана.

Был у Чингуса молочный брат, по имени Караш, который был для него дороже братьев. И вот задумал Караш найти Чингуса и посадить его на трон. Народ, который помнил Чингуса, с радостью принял предложение Караша.

Отправился Караш к матери Чингуса и требует указать ему, где скрывается ее сын. Мать указала ему способ по пуху и шерсти на реке найти Чингуса.

Поехал с аскерами Караш вверх по реке и в том месте, где не стало пуха на воде, видит дом за высокими стенами.

Забрался Караш в дом, никого там не нашел и решил ждать хозяина. Забрался на крышу и спрятался в солому.

Через некоторое время во двор въехал батыр. В руке у него копьё, за спиной — лук. Остановил батыр коня и зычным голосом закричал: «Чингус! Выйди и возьми коня».

Но никто не появился на зов. Слез батыр с коня и сам отвел его в конюшню. Зычным голосом отдал он приказание слугам готовить обед. Но опять не явились слуги, и сам батыр начал варить обед. А сваривши обед, разделил его на четыре части.

И сказал он: «Первая часть — для моего отца, вторая — для матери, а третья, — для друга моего Караша».

Четвертою частью пообедал сам.

Поевши, расположился на отдых, положив саблю и пику в головах. Караш, который по виду не узнал своего друга Чингуса, узнал его при разделе обеда. Но сразу открыть свое присутствие побоялся, думая, что тот, не узнав, может его зарубить. Поэтому он решил пожертвовать своей рукой. Выставил руку из соломы и начал ее двигать. Увидел руку Чингус, вскочил, схватил пику, но поразмыслил, что такой же руки, как у него, ему бояться нечего.

Опять улегся батыр.

Караш осмелился, выставил вторую руку, а затем ноги и прыгнул на землю. Побежал он к батыру и закричал: «Я киргиз, я друг твой Караш!».

Обнялись молочные братья после долгой разлуки. Рассказывал долго, до самого вечера, Караш Чингусу, что делалось в ханстве, и передал ему решение народа признать его.

И поехали батыры домой.

С радостью встретили Чингуса мать его и народ, и стал он править ханством киргизским.

Богато, сильно и славно стало под управлением Чингуса ханство киргизское. Завоевал Чингус полсвета, и имя его до сих пор еще памятно многим народам.

Жива еще память о нем и у киргизского народа. Но уменьшилось и пало киргизское ханство, потому что не оставил батыр Чингус после себя сына, а оставил лишь трех дочерей.

От одной из них родился Эсим.

Сделавшись ханом киргизским, последний ничем себя не прославил. От дочери Эсима родился знаменитый Аблай, известный своими походами. У Касыма, сына Аблая, было два сына — Кенесары и Наурызбай. Оба они погибли в юношеском возрасте в походе. У Кенесары остался сын Садык, и поныне здравствующий.

Н. Джетбысбаев

ЧИНГИЗ-ХАН И ЧИНГИЗТАУ

(Киргизское предание)

Сибирские киргизы кочуют в настоящее время на огромной площади, простирающейся от северного склона Тарбагатая к северу и северо-западу от него, по всему холмистому пространству вдоль левого берега Иртыша, захватывающему значительную часть Семипалатинской области. Здесь редко можно теперь встретить местечки, сохранившие прежнюю прелесть природы, веселящие усталый взор человека после утомительного путешествия по однообразно-холмистой, частью же и гористой, степи.

Своими характерными, свойственным только гористым местностям, красотами, вместе с нередко встречающимися «бабами» на курганах, белыми рисунками на горных скалах, изображающими баранов, верблюдов и других животных, эти любопытные местечки напоминают путнику о былом, когда здесь обитал культурный народ, стертый с лица земли воинственными кочевниками. В 180 верстах к югу от Семипалатинска возвышаются горы Чингизтау, пересекающие юго-западную часть Семипалатинского уезда. По направлению к северо-западу горы эти отделяются долиной Чий от стоящих отдельными группами горных хребтов Орда, Догалан и Чунай. От этих последних идут к северу, по направлению к Семипалатинску, сплошные холмы, заканчивающиеся сопками, под общим названием Акчака, т. е. белая сопка, лишенная растительности; у подошвы этих сопок начинается долина «соленая вода», Ащису, названная по имени высыхающей летом речки, которая здесь протекает. Почти посредине горного кряжа Чингизтау возвышается отдельная гора, под именем Кхан. Об этих местах, по словам «Акм[олинских] обл[астных] вед[омостей]», сохранилось у киргизов следующее предание.

В один из своих завоевательных походов, после покорения Кюрхана [1], Темучин остановился близ гор Чингизтау, расположив вокруг свои многочисленные полчища большими отрядами. Киргизы, в то время еще не подчинившиеся Темучину, решились принять его подданство. С этой целью они снарядили посоль-

ство, во главе которого стоял почетный бий, т. е. народный судья, Майке [2], и снабдили его богатыми подарками для поднесения грозному завоевателю. Майке со спутниками застал Темучина на стоянке и, приняв от имени киргизского народа присягу на подданство, поднес ему подарки. Это была двенадцатая народность, подчинившаяся Темучину, и в этих пределах ему уже некого было покорять. Тогда, помня предсказания пророка о том, что он покорит весь свет и что он должен поэтому называться Чингиз-хан, т. е. великий хан, владетель мира, Темучин решил здесь же переменить свое имя.

Представители всех двенадцати племен, бывших в его полчищах, вбили на вершине горы Кхан по одному столбу, на них сделали подмости, на которых устроили белый шатер. Во все время этой торжественной церемонии народ и несшие Темучина выкрикивали каждый на своем языке: «Чингиз-хан», «Чингиз-хан», «Да будет благословен Чингиз-хан!» С тех пор гора, на которой Темучин провозглашен Чингиз-ханом, получила название Кхан, а горный кряж — Чингизтау.

Избрание великим завоевателем для такой торжественной минуты именно этой горы киргизы объясняют тем, что в ясный безоблачный день с нее открывается величественное зрелище: далеко виднеется громадный Тарбагатай, а все горы кругом и лежащие за ними долины и холмы видны, как на ладони. С нее, как горы господствующей над окружающей местностью, точно с высоты птичьего полета, можно было окинуть взглядом весь обширный лагерь громадных полчищ Чингиз-хана. Около гор Орда стояла большая юрта, в которой Чингиз-хан, или поставленное им важное по положению лицо творили и суд, и расправу. Такая юрта называлась Орда, отчего гора и получила название. Вблизи гор Догалан и Чунай размещены были передовые отряды под начальством лиц, имена которых присвоены горам. Впоследствии места около гор Кхан и Орда принадлежали киргизскому роду *Матай*, северо-западнее которых по горам Чингиз и его северным предгорьям, а также и Догалану, кочевал и киргизский же род, джувантояк [3].

В одном из таких, находящемся недалеко от подошвы северного склона западной части Тарбагатайских гор, в урочище Тюлькюле (лесистая местность), 10 лет тому назад киргизами

рода наймано-муренцев Зайсанского уезда найдена на глубине двух сажень в катакомбе лошадь со всеми выездными приборами для верховых. Грива ее унизана была жемчугом, весьма ценным, величиной с пшеничное зерно, весь хвост — крупными драгоценными кораллами. Лошадь эта замечательно хорошо сохранилась в этой катакомбе, в том почти виде, в каком она была зарыта по смерти своего хозяина и вместе с ним, по обычаю Востока, потому что в этой же руине найдены человеческие кости.

Курган, в котором была найдена эта лошадь, представлял с виду развалины здания, с четырехугольным помещением внутри на глубине двух сажень. Помещение, в котором находились упомянутая лошадь и человеческие кости, было окружено четырьмя правильными каменными стенами, в одной из которых был сделан выход. Грот представлялся совершенно чистым; пол, хотя и земляной, но тщательно утрамбованный.

Вся сбруя, найденная на лошади, и сохранившиеся в совершенной целости, даже кожаная, была в серебряной оправе; даже подковы были сделаны из серебра.

К великому сожалению, лошадь эта тотчас же была уничтожена киргизами, нашедшими ее, из суеверного страха, весьма распространенного среди киргиз, что подобная находка служит верным предвестником всевозможных несчастий и бедствий не только здесь на земле, но даже в загробной жизни, — бедствий, которые должны обрушиться на весь род, представителями которого сделано это открытие.

На полевой стороне передней луки седла было высечено китайскими буквами XIII века слово, означавшее последний год жизни этого животного. Надпись показывает на то, что лошадь была зарыта 600 лет тому назад, следовательно, этот факт не может быть не интересным для ученых, исследователей, археологов и мог бы послужить толчком к тщательному научному исследованию курганов, по всей вероятности весьма богатых и интересных в археологическом отношении.

По некоторым вещам, — по их форме и работе, — а также по буквам, которыми обозначено время этого события, можно заключить, что в этой степи когда-то жили соплеменники китайского народа, которые и воздвигли эти курганы, разбросанные на громадном пространстве степи.

Между киргизами распространено предание, будто курганы эти устраивались в прежние времена народом *мых*, жившим здесь до появления в степях киргизов и даже раньше появления грозного завоевателя этой страны *Чингиз-хана*. Киргизы называют эти курганы *мыхтинци*, что в переводе обозначает «жилища мыхтов». Мыхты те же самые, вероятно, калмыки монгольского племени, называемые только киргизами уменьшительным именем, или взять из этого имени только последний слог «мык» (у киргиз подобных усечений слов встречаются очень часто). Что же касается до разности в произношении последнего звука слов «мык» и «мых», то это просто объясняется национальным выговором киргиз: они произносят обыкновенно букву *к* как *х*.

Московская иллюстрированная газета. № 274. 1892.

Ч. Ч. Валиханов

ЭДИГЕЙ

Эдиге происходил от Баба Туклас (Чачлиазиза) в 9-м колене; отец его был Култукая (ази). Однажды этот святой муж встретил девицу, которая прилетела в виде голубя, обратилась в девицу и погрузилась в воду, оставив голубиную шкуру на берегу, наз. кеб. Это была, по мнению одних, дочь Солнца (Кунсулу), другие думают, что была дочь духа Албасты. Култукая завладел кебом. — Пусти! — Нет. — Ты не сумеешь владеть мной. Уговор: не смотреть мне на голову, под мышку и на пятки. — Далее что в киргизской редакции. Нашедши сына, Култукая отправился в улус, к Тохтамышу, у которого он был приближенным. У Тохтамыша была птица Туклияяк (космоногая). Сатемир-хан просил у Тохтамыша яйцо этой птицы, чтобы вывести у себя птенца. Тохтамыш не дал; тогда Сатемир обратился к Култукаю, который украл яйцо и послал Сатемиру. Птица эта принесла три яйца, украденное было показано хану гнилым. Тохтамыш, узнавши об этом, отсек голову Култукая и хотел убить сына его Эдигу, но бий, которому Култукая поручил его воспитание, дал своего сына

на убийство. Эдиге пас баранов вместе с другими детьми. Затем следует первое разбирательство Эдиге по поводу утки, застреленной в чужом озере. Вследствие этого дела Тохтамыш призвал мальчика, как годного на улусные дела. Находясь у хана, он решил еще два дела, которые сам хан и все бии не могли решить. Первое — спор между двух женщин о ребенке; второе — о верблюжонке. О ребенке то же, что у киргиз, а верблюжонка велел бросить в воду, куда воспоследовала и matka его. Ханша (говорят одни: вследствие отверженной любви) стала говорить хану, что любимый им юноша человек опасный для хана и затмит со временем его величие, ибо, когда он входит, то хан невольно содрогается и вскакивает со своего мендыр (подушки-сиделки). Тогда Тохтамыш созвал народ и потребовал, чтобы они доставили ему породу этого юноши, так как он по своим доблестям должен быть непростого рода. А сам между тем поставил несколько человек своих с ножами в рукавах, чтобы убить Эдиге, напоив его пьяным. Друг Эдиге Ангсын все это передал Эдиге. Здесь опрашиваются все богатыри, никто не мог дать удовлетворительного ответа, и в конце их спрашивается Кемельдын углы Кен-Джанбай, т. е. сын взрослой девки без отца. «Сын Кемеля Кен-Джанбай, ты есть начало моих советов, кор⁴⁵ большой моей сабы, огонь хорошего джира, кончик моей пики, лезвие моей сабли, скажи-ка мне о предках бледнолицего юноши», — сказал хан. «Высокопочтенный хан! Я тоже не знаю, но есть человек, знающий более меня, проживший пятьсот лет, у которого пошатнулись во рту все зубы, по имени Сабра жирау, может быть, он знает», — сказал он. «Веди его». Послали людей. Привели и посадили на *учкибас* (то, что у киргиз *тор*).

Дали три чашки меду; когда мед вступил в почки, почки согрелись медом, старый Сабра жирау начал джир, трясая головой, моргая глазами, шумя, как телега: «Дальний хан, ближний хан — лошади, не выдерживавшие на спине Сагай хана, его переживший — старик я. Имевший золотой потник и золотой тебынге⁴⁶ Джанибек хан и его переживший — старик я. Имевший золотые стремена Узбек хан и его переживший — старик я.

⁴⁵ Закваска для кумыза. Ч. В.

⁴⁶ Пахвы — кожаные накладки под седло. Ред.

Зачем перебирать всех ханов, из больших ханов тридцать ханов, из малых ханов двадцать пять ханов, и их переживший — старик я. Что много говорить! Тохтамыш хан торе (султан), и вас переживу я». — «Мырылдама (не болтай), старая собака! Я тебя не о ханах спрашиваю, говори: кто такой этот юноша?» Между тем народ, собравшийся на торжестве, имел в рукаве по ножу. Эдиге с двумя подобными ему юношами разносил мед. Старик стал смотреть на этих трех бледнолицых юношей и начал: «Тот юноша, этот юноша, посредине их с мясистой шеей бледнолицый юноша, с тонкими губами, с длинным языком — должен быть красноречивым бледнолицый юноша. Широка в плечах, шея длинна — должен быть сильным бледнолицый юноша». «Мырылдама! — сказал на это хан опять. — Я тебя просил не выхвалять его. Говори его происхождение». «Перережет зад твоей телеги юноша; перерезав, остановит ход, юноша. Из бледного тела сделает курук⁴⁷ бледнолицый юноша. Твой серопестрый многочисленный табун угонит и возьмет бледнолицый юноша. Разделит на два народ твой и, подогнав к горе, запрет вас там он. Тот бледнолицый юноша, этот бледнолицый юноша! Происхождение бледнолицего юноши — Баба-Тукти-Чачлиази; от Чачли азия происходит бледнолицый юноша. Став на кадушку, одним скачком выскочив через чанарак, уйдет он». Тогда Эдиге, став на кадушку, выскочил из чанарака. Говорят, что в это время пришла его волшебница мать и навела тьму, а девять его нукеров (саклау)⁴⁸ подрезали стремяна у храбрых. Народ в смятении перерезал сам себя. Эдиге бежал, богатыри ударились подбородками о луки седел. «Возвратись, душака, возвратись! В высокую белую юрту иди и войди!» Здесь — как у киргиз.

Эдиге поехал. Дорогой его девять товарищей стали думать: Эдиге один, бездомный, для него мы оставили родину, племя. Эдиге, как человек святой, узнал это. Дорогой они встретили змею с 9-ю головами. Змея бросилась в нору, но одна голова не вошла, другие мешали. Он убил. Встретили змею с 9 хвостами. Она ушла в нору. Тогда Эдиге сказал: «Видите!» И товарищи успокоились.

⁴⁷ Курук — укрюк, которым ловят лошадей. Ред.

⁴⁸ Телохранители. Ч. В.

Доехавши до гробницы Баба Тукты, Эдиге остановился. Стал молить. Товарищи стали торопить. Эдиге стал настоятельно молить. Баба Тукты сам дал ответ: «Сын мой, поторопил меня! Я просил Бога за все твоё потомство, но теперь ты сам будешь счастлив и могуществен, но твои потомки будут львами, тиграми, волками, и концы попадут во власть неверных». Хабардин Алыб вез дочь Сатемира хана. Эдиге узнал об этом от деда своего, велел своим товарищам ехать за ним. Выехав от деда, поехал барсуковой рысцой и на Каклябе догнал Хабардина; догнав Хабардина, сделал богатырский подвиг. Дочери Темира, Бердазиз красавице, заставив поднять полы белого шатра храбреца, тут же, стоя лицом к лицу, застрелил. Разделил пополам позвоночный хребет, и кровь поплыла, как вода. Саклау (спутники, слуги) его перерезал как баранов, пригнанных на убой, и дочь Темира Бердазиз красавицу с помощью стрелы сделал даром добычей. Приехал к Сатемиру с дочерью. Темир отдал ее ему.

Через несколько лет Эдиге с войсками Сатемира выступил в свой юрт⁴⁹. Тохтамыш-хан с народом и биями стоял на равнине. Послышался бой барабанов (дабылбаз). Все изумились. Джанбай начал: «Большая гнедая лошадь — Сова под ним, на вершине большой горы; многочисленное войско с ним; одет он (в) тон (халат вышит.), с золотым воротником. В руке — лук с золотыми концами. Спины и бока их в пыли. Бурул сакал (борода с проседью) Джанбай говорит вам: вставайте!» На проходе Кенау, в широком тогае⁵⁰ велел положить провизию. Маине тогай на Волге велел наполнить войском. Сказал: это дорога бледнолицего юноши. Вчера сказанное слово ты не удержал. Что же делать? Не удержал — сказал Джанбай. Хан бежал. Нурадиль, сын Эдиге, родившийся еще на родине от сестры Тохтамыша, вышел отцу навстречу и сказал, что хан бежал. Эдиге послал Нурадия за Тохтамышем и сказал ему, что Узке, старшую дочь Тохтамыша, возьмет сам, а ему отдаст младшую — Канке. Тохтамыш перешел Яик и Волгу и побежал к Уртеленнынбасы карагач (у киргиз к Серкаранын карагач).

⁴⁹ Народ. Ч. В.

⁵⁰ Местность, обросшая талом. Ч. В.

Джаурунчи⁵¹ хана говорит, что враги преследуют джаурунчи Нурадила, что враги впереди. Он посоветовал ему переседлать переднюю луку, обратив назад, так как Джаурунчи узнает по луке. Сделали. Тогда хан Джаурунчи сказал, что враги возвратились.

Нурадил настиг. Товарищи хана остались, но сам хан на джел-джетбеше убежал. Нурадил выстрелил, но выстрел «сорокагвоздную кольчугу не пробил, хотя и не пробил, но удар был так силен, что не осталось без последствия». Изрыгая кровью, дошедши до каравана, отдал каравану свое оружие, кольчугу и лошадь, а сам лег меж деревьями. Нурадил узнал оружие хана и лошадь, отобрал все это от каравана, который указал ему место убежища. Нурадил не может найти между камышом и лесом. Тогда чибиз стал летать над ханом. Следует джир. Нурадил по птице узнал убежище хана и заставил его сделать двухрекатный намаз. «А, старый кабан (карт кабан), лежишь!» «Лежу, голубчик!»! Голову хана привязал к седлу, но боясь потерять, завернул в белую олде⁵² и повесил на локоть. Между тем Джанбай начал строить сети, чтобы поссорить Эдигу с сыном. Он посоветовал дочерям хана положить на брюхо подушки, чтобы Нурадил принял их за беременных. Нурали, через шесть месяцев приехавши, увидел, что обе дочери хана кажутся беременными, между тем как отец одну обещал ему. Раздраженный Нурали отправился к отцу и бросился на него с саблею в руках, отец молитвой обратился в бесчувствие. Нурали, очнувшись, снова бросился на отца, который наконец снова обратился в бесчувствие. Эдиге до трех раз останавливал сына дуновением, но в конце сел на тарлан-боза и уехал из орды. Прошли года. История его жены с сыном. Нурали раскаялся.

Один старик имел трех сыновей, он, умирая, оставил одну козу, которую они разделили с матерью таким образом. Мать и двое сыновей взяли три здоровые ноги, а младшему досталась больная нога, обернутая в тряпку. Тряпка как-то загорелась, когда коза проходила через огонь, от тряпки загорелся дом чей-то. Погорелый пошел к Нурадилю. Нурадил положил удовлетворение

⁵¹ Гадатель по лопаткам. Ч. В.

⁵² Кусок материи. Ч. В.

(с) владельцу (а) больной ноги, так как от тряпки, бывшей на ней, произошел пожар. Владелец больной ноги бежал, не имея чем заплатить за убытки. Ему встретился человек в белой чалме, который спросил его, отчего он грустен. Он объяснил дело. Чалмоносец сказал ему: любезный, отправляйся теперь к своему судье и скажи ему что... только говори от себя: «От туречи (судья) не остались туре (решение), а от даучи (истец) остались дау (иск)». Нурадиль потребовал, чтобы он сказал, от кого этому выучился. Тот сказал. Тогда Нурали отправился к отцу и поклонился ему. Отдал ему одну из дочерей хана.

В это время один из сыновей Тохтамыша, Кадыр-Берды, собрал войско и выступил против Нурали и Эдиге. Джанбай знал все и был с ним в сношении. Когда Кадыр-Берды был близок, Джанбай уговорил Нурали ехать на охоту на озеро Кугалы-куль, где будто много лебедей (ку). Он постарался, чтобы Нурали не надел на себя кольчугу и взял оружие. Когда они доехали до озера, Нурали увидел бело-пестрые, сине-пестрые шатры и многочисленное войско. «А! Джанбай, твои лебеди — это? Что, видно, струсил стрел? — Ну, собака ты, тебя и убивать не стоит — руки значит марасть», — и поехал прямо в шатер. Но ты назади — смерть мне. По дороге к шатру Кадыр-Берды был послан пестрый войлок (кали кииз), а под ними гвозди заколены на медвежьей спине. Нурали пошел по ним, выступая твердо. Поздоровался с Кадыр-Берды, сделал знак (приложил руку к губам, потом к уху), садясь, и Кадыр-Берды указал ему подушку, под подушкой были два ножа, ножи вошли через ляшку.

«Шесть телег, вышедшие из Арка, полные казной, что с ними сделал Нурадиль? Семь телег, вышедшие из дневки, полные казной, что с ними сделал Нурадиль? Быстрее и быстрее бегала, когда бегало это животное, укрощала далекий путь; кормясь высокою, сочною травой полила; с низко опустившеюся грудью и во время бега перескакивающая через большие рытвины, большими, с чашку, глазами гнедко, что с ней сделал Нурадиль? Красавица Узке, хорошенькая Канке, что с ними сделал Нурадиль? И в заключение спрошу: управлявший народом, у которого девять предков были также правители, хан Тохтамыш, что с ним сделал Нурадиль?» «Когда Бог дал мне

счастье, я взял его казну; взявши казну, чтобы привлечь к себе людей, роздал бедным и нуждающимся. Когда Бог дал мне счастье, чтобы осчастливить свою задницу, я сам сел на гнедко. Когда Бог дал мне счастье, я красавицу Узке отдал отцу, а хорошенькую Канке взял себе и обвенчался с ней. Заставив кричать подобно белому атану⁵³, снял ему⁵⁴ голову, привязал к седлу, но боясь потерять, завернул в белую олде и повесил на локоть. Привез домой ее, думая, что она голова хана, и если с ней обращаться непочтительно, то впоследствии может меня постигнуть несчастье. Я есть мука, очищенная от отруби; верблюжонок между двумя нарами; крук, накинутый на шею лошади; качаган срык⁵⁵, оправленный в олово, — белой, большой юрты. Если накинешь на шею бугалык⁵⁶ — оборву: пробью себе дорогу, подобную канаве, вырытой посередине аула для стоков дождевой воды. Не то что через ляшку, далее если бы и через нос пропустил ты нож, и тогда бы даже не смутился я. Я родился от матери матово-черным, будешь мыть мылом, и тогда не побелею, а султанов, подобно тебе поступающих подло, даже ударом в поясницу разделю пополам». Сказав это, бросился на султана, тот упал с сиделки. Нурадилъ не стал добивать, и севши, уехал. Между тем Эдиге узнал о том, что Джанбай с сыном его уехали, он заподозрил что дело... (*пропуск*).

Нурали с восходом звезд умер. Кадыр Берды тогда объявил, что он даст дочь Эдиге тому, кто принесет его голову. Погнались двое, Барын и Сарын, догнали они вместе, но Барын отсек; дорогой Сарын взял у него поддержать и убежал. Он получил дочь, отсюда поговорка: «Чем быть головой Барына, лучше быть задницей Сарына».

Через несколько лет Джанбай пригласил Мансур бия, сына Эдиге от дочери Сатемира, которая оставалась у Сатемир хана, тот приехал, и вывели войска. Но после переговоров они решили на мир: «ты будешь хан, а я бий». Джанбая, как виновника всех этих несчастий, убили.

⁵³ 4-летний верблюд. Ч. В.

⁵⁴ Т. е. Тохтамышу. Ред.

⁵⁵ Шест, юрту подпирающий. Ч. В.

⁵⁶ Аркан. Ч. В.

Мансур имел двух сыновей: Муса и Ямбура. Муса имел 12 сыновей: 1) Иге Мамай, 2) Свек-Мамай, 3) Ал-чагир, 4) Сидак, 5) Калго, 6) Сыры Юсуп, 7) Алчи-Си-ламель, 8) Айдин Урак сын Алчагира, 9) Агыч, сын единственный Ямбура, 10) дети Урака: Кази, Карасай и Ибас — бездетен.

Предание ногайцев о происхождении Баба Тукласа

Некто увидел в пути череп с надписью на лбу: «Я живой убил несметное число людей, мертвый могу убить 40».

Нашедший человек сжег череп и пепел взял в узелок и привез домой, отдал дочери на хранение. Дочь из любопытства развернула тряпку и, увидевши белый порошок, взяла на палец и попробовала вкус, отчего сделалась беременна и родила сына, который и был Баба Туклас.

Мальчик, будучи еще учеником, обнаруживал необыкновенную пронизательность ума. Хан той страны видел сон: во сне он сидел на мосту через большую реку, и из реки высунулись драконы, 20 с одной стороны моста и 20 с другой, которые хотели его пожрать. Хан сзывает своих ученых и требует, чтобы они объяснили его сон. Ученые пришли в тупик, тогда Баба Туклас предложил им, что он бы разрешил сон ханский. Ученые его привели к хану. Стал он просить хана, что смущается присутствием своих учителей, и когда они вышли, он сказал хану, что драконы суть его 40 ученых, которые находятся в связи с его женой и ходят к ней по очереди в виде черных старух. Хан велел наблюдать. Оказалось, что так. Ученых убили, и тем исполнились слова, написанные на черепе относительно 40 жертв. От этого черепа и называются потомки Эдиге-бия аксуяками — белою костью.

Поэма «Идиге», отличающаяся несколько иной редакцией, напечатана в сокращенном переводе на русский язык в «Сибирском Вестнике» Спасского за 1820 год. Ч. X. С. 189—204.

Записки Императорского Русского Географического Общества по отделению этнографии. Т. XXIX. 1904. С. 265—273.

ШУРА-БАТЫР

(Киргизская былина)

Был в древние времена город Казан⁵⁷, обитали в нем народы, носившие название «тама». В числе их жили три брата. Старшего звали Кариббаем, среднего — Нарикбаем, а младшего — Исымбием. Нарикбай обладал бесчисленным количеством скота, но не имел детей. Скот его пасли 40 юртовладельцев, таминцев, постоянно кочевали с ним и вообще были его верными слугами. Так в довольстве текла мирная жизнь Нарикбая.

Именитый богач Анасбай задумал устроить небывало-блистательный *той*⁵⁸, который должен был превзойти и затмить своею пышностью и многолюдством все той, какие до того устраивались кем-либо. На той было приглашено все население, жившее по верхнему и нижнему течению реки, а также все окрестные обитатели. Зарезано было множество кобыл, иноходцев и огромное количество баранов. Народ пировал тридцать дней и затем еще провожал той сорок дней. Бывшие на пиршестве поражались великолепием и грандиозностью затеянного пира, а те, которые не могли принять участие в тое, долго об этом сожалели и называли себя простофилями, так как, по великолепию своему, той вышел как царский.

Нарикбай обладал *тулпаром* (боевым скакуном) чубарой масти, которому было всего-то четыре года от рождения. Произошел он от обыкновенной кобылицы и от жеребца горной породы. Родился он, надо полагать, в добрый час и, по воле Всевышнего, превосходил красотой тулпаров всего мира. Соперников по быстроте ему не было, он не бежал, а летел, словно пущенная стрела. Любители лошадей готовы были дать за него такое количество тиллей, какое можно бы было уместить в кожаном мешке, сшитом из цельной лошадиной шкуры. Путники, едущие по экстренным делам, при виде тулпара останавливались, как вкопанные, забывали свои неотложные дела, любуясь красотой чудного коня.

---

⁵⁷ Казан — по-кирг. котел, название нынешнего города Казани. Мы сохранили здесь киргизскую транскрипцию.

⁵⁸ Той — пир, пиршество, свадьба. Обыкновенно той устраивается киргизами в выдающихся случаях. Например, при обрезании сына, при женитьбе и, наконец, на поминках.

У Нарикбая был племянник, по имени Тасан-Мирза, который пришел к нему с просьбой.

— О Нареке⁵⁹! Одолжите мне вашего чубарого-тулпара съездить на той Анасбая. Я получу там первый приз на скачках, я ускачу первым с *кокбури*⁶⁰, я опережу всех гордых сыновей богачей, принявших участие на скачках, я в один миг пролечу всю Вселенную, чтобы насладиться природою всего мира и буду напоминать собою некогда жившего Рустам-батыра! — сказал с жаром Тасан-мирза. Но Нарикбай не решился исполнить просьбы Тасан-мирзы.

— О светик мой Тасан! Имеющий детей забавляется детьми, не имеющий их забавляется скотом. Знаешь ли ты, что богатство выше родства? Не зря же в старину говаривали: родство «горько», а богатство — «сладко», так же сладко как и жизнь, когда наступает смерть.

Ведь чубарый-тулпар для меня все: посмотрю направо, он мне кажется сыном, погляжу налево — дочерью. Нападет ли на меня тоска лютая — посмотрю на него, развлекусь. Да и как не развлекаться таким сокровищем, когда им любят и малый и старый, и бедняк и хан.

Ведь если ты теперь поедешь на нем, все мои друзья и недруги станут говорить и указывать, что вот, мол, Нарикбай не имеет никакой власти: даже дал другому своего неоцененного тулпара, которого он в другое время не зарезал бы даже на поминки своего отца, или не обещал бы принести его в жертву святому, если б, паче чаяния, постигло его какое-либо несчастье.

Так вот, мой друг, выбирай из моих табунов любого коня, а тулпара оставь в покое.

— Нет, воля ваша, другого коня мне не нужно. Жалею, что унизил себя и пришел к вам за тулпаром. Вы были всегда лукавым человеком, за что и иссушил вас Господь и обрек на вечную бездетность. Теперь будьте покойны, никогда я не обращусь к вам ни с какой просьбой, если б даже Всевышний покрыл мраком

---

⁵⁹ *Нарек* — сокращенное имя Нарикбая и означает «дядя Нарикбай». Частичка *эке* прибавляется к имени старшего по возрасту.

⁶⁰ Играют *кокбури* (дерут козла) при радостных событиях, как-то: проводах дочери с женихом, приезде невесты в дом тестя, рождении, обрезании и т. д.

всю Вселенную и меня с ней вместе, — возразил крайне раздраженный Тасан и ушел.

Разгневанный Нарикбай схватил нагайку и побежал за Тасаном, но, не догнав его, сильно, со злобою ударил нагайкой о землю и зарыдал, проливая горькия слезы. Он жестоко был обижен тем, что Тасан назвал его лукавым.

Расположение духа Нарикбая испортилось окончательно, поездку свою к Анасбаю он отменил, верблюдов, навьюченных для его тоя, велел развьючить, а сам лег на землю и залился вновь неутешными слезами.

Успокоившись несколько, он велел зарезать баранов, созвал окрестный народ и своих слуг и угостил всех мясом и кумызом⁶¹ на славу. С этого момента у Нарикбая созрела мысль. Он бесповоротно решил покинуть свою страну, скитаться по чужим землям, горячо молить Бога и праведных святых о ниспослании ему детей. И вот наконец настал день; он начал прощаться с почтенными людьми и с народом и, приняв благословение стариков, собрался в путь.

— Чему только не подвергаются голова человека и копыто лошади? Куда только судьба не закидывает человека, если ему суждено отведать в известной местности хлеба и соли, или предопределено обрести там смерть?.. Да, дорогие мои, я покидаю свою милую родину, родину, в которой отрезали мне пуповину при появлении моем на Божий свет, родину, в которой с раннего детства и до сих дней стиралось мое белье и где я в счастливые детские годы резвился, играл и веселился.... О родина, о детство, как мне вас жаль! — С разбитым сердцем и, тяжело вздыхая, сказал Нарикбай.

Присутствующие при этом настолько были тронуты словами Нарикбая, что на глазах их показались слезы и застывали вдоль ресниц наподобие мелкого горошка. Они словно предчувствовали, что прощаются с Нарикбаем навсегда.

Кариббая и Исым-бия во время отъезда Нарикбая не было, они находились далеко в калмыкских и киргизских степях. Затем, Нарикбай обратился к своим верным слугам, сорока юртовладельцам, таминцам:

---

⁶¹ Мы пишем «кумыз», а не «кумыс», как это ошибочно принято писать. Потому, что «кумыс» на киргизском языке имеет другое значение.

— «Приглашай родственников обедать, а не работать» — говорит пословица. Вы видите, что я поборол свою волю, покидаю насиженные места и иду в другие земли для того, чтобы обратиться в мусафира⁶², мыкать горе по святым местам и просить у Милосердного детище. Какой прок от того, что я слыл здесь богачем, когда богатство мое останется без хозяина.

Горькая и сладкая судьба посылается Всевышним. То и другое испытывается человеком по воле того же Милостивого.

В стране чужой мы не будем зависеть от себя, ныне времена уже не те. Будем ли владеть этим скотом или нет, будем ли богаты или бедны — неизвестно. Все зависит от рока и судьбы, начертанных невидимыми знаками на лбу каждого человека. Пока я действую по собственной воле, а кто поступает так, тот не должен потом раскаиваться.

Так вот, верные мои таминцы, хотите следовать за мной или нет? Говорите откровенно, не щадя моего самолюбия. Предупреждаю вас, если в чужих краях нас постигнет несчастье, вы должны приписать это воле Всевышнего, а не мне.

— О Нареке! В счастливые твои дни мы пользовались силою и обильным молоком твоего бесчисленного скота, что не носил (платье) ты, то донашивали мы, на чем ты не ездил, ездили мы. Ты собрался покинуть родину; как мы можем расстаться с тобою? Нас убьет хлеб и соль, которыми так долго пользовались мы от тебя. Где ты положишь свою голову, там сложим и мы свои. Если будешь ты благоденствовать, и нам будет хорошо. Горе и радость станем делить с тобою и все, что ни случится, припишем единому Повелителю, сказали таминцы. Нареке остался весьма доволен своими слугами, успокоился и наконец тронулся с многочисленными своими табунами из города Казана, по направлению к городу Аккала⁶³. Пробыв в дороге полмесяца, он достиг прекрасных луговых мест и приказал расставить свои огромные прекрасные юрты, привязать на приколья жеребят, пригнать для дойки кобыл

---

⁶² Мусафирами мусульмане называют тех людей, которые пребывают временно в чужой стране или в другом городе. К их числу относятся также и путешественники.

⁶³ Аккала, по сведениям киргиз, нынешний Шура-хан (Петроалександровск). Шурахан происходит от имени Шура, так как Шура-батыр впоследствии был ханом в Аккала.

и т. д. Выставили несколько десятков саба⁶⁴ и с шумом наполняли их кумызом: словом, обычная жизнь закипела.

Спустя несколько дней сюда же прибыл и Исым-бий с целью уговорить Нарикбая вернуться обратно.

— О Нареке! Не покидайте нас, вернитесь обратно. Мир наш состоит из семи частей света и из 18 000 творений, и все это подвластно суду Всевышнего. Бог у нас один, другого быть не может. Ведь не получили же вы откровения свыше, что именно вне Казана пошлет вам Господь младенца. Надо покоряться Его воле, он милосерд, может быть, и наградит вас детищем. А покидать навеки единоутробных это уже слишком тяжело. Недаром говорит пословица: «Хотя и в семь слоев выпадет снег, не гибнет сорока, хотя и не будет иметь самолюбие, не устоит единоутробный». Дорогой мой светик, Исым! Я не расстанусь с желанием иметь дитя, я жил этой надеждой. Вот почему я всецело поручил себя Богу. Ради Создателя, не отговаривай меня. Ты сделаешь великое одолжение, если будешь молиться за меня в пятикратных своих намазах.

Нарикбай был неумолим и непреклонен. Исым, потеряв всякую надежду удержать брата на родине, зарыдал, крепко сжал его в своих объятиях и с растерзанным сердцем поехал обратно. Так простились два любящих брата, может быть, на вечные времена.

По отъезде Исыма Нарикбай собрался в дальнейший путь и ровно через год прибыл с своими таминцами в Аккалу. Здесь в окрестностях города он расположился большим аулом, а на необъятных лугах Кермесынсаз паслись его несметные табуны.

Ведению Аккалы принадлежали сорок тысяч юртовладельцев из рода айракды и десять тысяч из рода ногайлы. Хан этой страны происходил от ногайлинцев, а бии — от айрактинцев, управлял ранее страню Темир-хан, но он был отравлен, и возведен на престол сын его, по имени Кара-хан. Последний ни во что не вникал, а полновластным хозяином был Али-бий, происходивший из рода айракды. Властелин этот отличался крайнею жестокостью и бессовестностью. Отбирал у прохожих серпы и кетмени и облагал

---

⁶⁴ *Саба-Бурдук* (большая, из 4 кож сшитая посуда, в которой делается и хранится кумыз; она внизу квадратная, но потом суживается в виде четырехсторонней пирамиды, с длинным, как рукав, отверстием, называемым муюн (шея), «Саба-аяк» — деревянная подставка, в которую устанавливают сабу.

народ ежемесячно налогами. Жил он только взятками, думы его — черные, а суд его, как колодезь, с изворотами, сколько бы ни лилось в него — не наполнится.

Однажды Али-бий с сорока его джигитами и с соколами выехал на охоту. Когда он подъехал к Кермесын-сазу, то увидел огромные табуны таминцев и пришел в необычайный восторг, предвкушая получение огромного зякета.

— Что это за народ, откуда вы кочуете? — спросил Али-бий одного мальчика.

— Мы кочуем из Казана, приходим из рода тама. Хозяин наш, по милости Вседержителя, обладает богатством, но не имеет детей. Ради этого он покинул родину, и вот, как видишь, мы теперь обретаемся в чужих землях.

Ничего на это не возразил Али-бий, а только слегка улыбнулся, как-бы говоря: «Доберусь же я до вас, милые соколики, и проглочу вас, как змей-удав».

— О мой господин! Спешу доложить вам о необычайном явлении в ваших владениях. Вчера я ездил на охоту, проезжая по лугам Кермесынсаз, я едва протискался сквозь бесчисленные табуны лошадей, верблюдов и баранов. Оказывается, нам Бог послал каких-то таминцев. Разрешите мне отправиться к ним для сбора зякета, — сказал Али-бий Кара-хану.

— Нет, не делай этого, пусть они будут свободны от податей и повинностей в настоящем году. Поверь мне, мы от этого не потеряем ничего, а напротив, покажем этим свою справедливость и прославимся в соседних землях. Слава нас сблизит с инородцами, и тогда прикочуют к нам не одни лишь таминцы. А честь и великодушные наше будут сохранены.

На следующий день Али-бий опять явился к хану и вновь начал доказывать, что взимание зякета необходимо, и ему удалось склонить хана.

— Хорошо, отправляйся для сбора зякета, но смотри, зякет не должен превышать одного процента, иначе будет против шарията и совести, — произнес Кара-хан.

Тогда Али-бий с сорока джигитами поехал в аул Нарикбая. Последний встретил его как бека, приказал поставить юрту, зарезал на угощение несколько голов скота и между прочим полюбоществовал, кого он имеет честь принимать.

— Я — зякетчи, посланный Кара-ханом. Зовут меня Али-бием, имя мое известно всем и каждому в этом ханстве.

Всмотревшись в лицо Али-бия, Нарикбай пришел в ужас.

— О Боже! Какого ты злодея наслал в мой аул. Ведь это ненасытное чудовище, разбойник и лютей враг, которых только и можно встретить вооруженными с ног до головы, — подумал Нарикбай и с трепетом начал прислуживать сам лично.

Несчастному Нарикбаю ничего не оставалось делать, он отдался воле Всевышнего и в течение трех дней платил зякет Али-бию. Этот кровопийца взимал с сорока голов скота по пяти штук. Также взыскал зякет с серебра и золота. В итоге образовалось у Али-бия огромное количество скота, который он отправил с своими двадцатью джигитами в Аккалу, а сам, не удовольствовавшись полученным, с остальными своими двадцатью джигитами, отправился в табуны Нарикбая, чтобы выбрать там для себя лучшего верхового коня. Обрыскав табуны, он наткнулся на чубарого коня. Красота его так поразила Али-бия, что он готов был отдать за него всех лошадей, верблюдов и баранов, взятых им в зякет самым бессовестным и хищническим образом.

— Ловите его скорее! Ведь ничего с нами не поделают таминцы, — крикнул Али-бий своим джигитам. Последние бросились за чубарым, и один из джигитов успел уже накинуть на него крук, но чубарый конь вырвался. Вновь начали сгонять табун в кучу, на этот раз Али-бий сам вооружился круком и стал осторожно подходить к чубарому. Как только он вознамерился накинуть на него петлю, чубарый, почувствовав холодную руку Али-бия, брезгливо ударил его копытами с такою силою, что Али-бий несколько раз перевернулся с своею лошадию и лежал так некоторое время без чувств.

«Да, стало быть, поступок мой был не одобрен святыми душами», — подумал Али-бий, очнувшись, и поехал в Аккалу.

Из полученного зякета он представил своему повелителю только одну десятую часть.

— Нет, Али-бий! Этот скот, прежде чем ты его получил, был обмыт слезами хозяина. Неужели ты думаешь, что я приму его с улыбкою на устах? Пользуйся этим ты сам, ибо разрозненный из родного табуна таким способом скот приносит взявшему его одно лишь разорение. У меня достаточно своего наследственного

богатства, которое я также не унесу с собою в тот мир, — сказал печально Кара-хан Али-бию.

Али-бий не удовлетворился этим, его ненасытная утроба жаждала большего и, побуждаемый своею алчностью, он продолжал обирать таминцев. Чем больше он обирал их, тем больше возростало у него желание завладеть чубарым конем. Уж он не раз докладывал хану, чтобы тот потребовал коня. Наконец Али-бий решил во что бы то ни стало склонить упорного хана на свою сторону.

— О мой господин! Вы слишком еще молоды, поэтому и относитесь к богатству с пренебрежением. Ну, отчего бы вам не иметь чубарого коня, превосходящего красотой лошадей, живущих во всей Вселенной? Если вы стесняетесь отобрать его, то положитесь на меня. Уж поверьте, «не возьму огня из юрты, чтобы развести его в другой»⁶⁵.

— Я вижу, отец мой, Али, что ты не отстанешь от меня. Уж коли брать, так брать, но только следует обставить это дело так, чтобы оно не походило на насилие. Я хочу сказать, что нужно прибегнуть к какой-нибудь хитрости. С этою целью мы должны обвинить таминцев в чем-нибудь. Ты объяви всем богачам, что я устраиваю той и что в течение двух недель они должны наполнить по девяти саба кумызом и приехать ко мне на пиршество. Необходимо это сделать так, чтобы Нарикбай об этом ничего не знал, пока мои богачи не приготовят кумыз. Когда настанет канун той, тогда лишь только можно будет предупредить Нарикбая. А что может сделать за ночь Нарикбай? Конечно, ничего. Это обстоятельство и послужит поводом к отобранию у него коня, заключил хан.

Когда Али-бий известил об этом все население, более всего восторгались богачи, они заранее предвкушали наслаждение, которое найдут на ханском тое.

По уходу Али-бия Кара-хан потребовал к себе лучших представителей рода ногайлы, чтобы держать с ними совет по предстоящему празднику. Нужно заметить, что Али-бий, пользуясь своей властью, уничтожил многих мудрых людей этого рода. Так что от этого рода осталось только громкое название «Ногайлы», а людей мудрых не было. Один только мудрец уцелел, некий Ка-

---

⁶⁵ Пословица вроде нашей: «Сор из избы не выносятся».

ратиин. Он также был порабощен Али-бием и существовал лишь доходами с своей единственной мельницы.

— О мой светик Кара-хан! Если дела твои праведны, то всегда будет твоим сторонником Всевышний, если еще не покинула тебя справедливость, над тобою будет парить «чистота»... Пригласи ты к себе Нарикбая, посади его на лошадь, надень на него халат и сделай его своим полномочным, — сказал Каратиин, пользуясь своим свиданием с повелителем.

Кара-хан в точности выполнил совет Каратиина. Он потребовал к себе Нарикбая, обласкал и облагодетельствовал его и пригласил на предстоящий той.

Выждав, когда у богачей наполнилось условленное число саба кумызом, Али-бий предстал пред Кара-ханом и просил его соизволения послать к Нарикбаю наукера⁶⁶. Посланный был из новичков, он еще не привык к молодецкой езде джигита, не удостоивался наград за службу, был чрезвычайно глуп и промотал все скудное отцовское состояние. Получив такое важное поручение и надеясь заработать от Нарикбая приличные подарки, наукер пришел в такой восторг, что не помнил, как ускакал исполнять приказание. Степные собаки, завидев быстро несущегося наукера, бросились на него, лошадь начала бить копытами, сбросила седока, и злополучный наукер, сопровождаемый сворой собак, явился пешком к Нарикбаю.

— О Нарикбай! Пред тобою стоит ханский наукер, посланный пригласить тебя к своему повелителю. Угости же меня полною чашею кумыза да отправляйся завтра к Кара-хану на той с наполненными девятью саба кумызом.

— Да разве ханские наукеры бродят пешком? Нет, голубчик, ты еще слишком молод, чтобы надувать меня. Сообразил ли ты свой поступок? Ведь этим ты оскорбляешь или хана, или моих таминцев. Как будто у Кара-хана клином сошлась земля, что не отыскался лихой наукер на удалом коне. Ты или вор, или проходимец, — сказал Нарикбай и стал бить палкою глупого посланца. Затем, сжалившись над ним, пожаловал ему лошадь и халат и отпустил.

Сознав на горьком опыте свою глупость, злополучный наукер поехал обратно к Али-бию. Теперь уже он не скакал, а ехал шагом, и от прежней прыти у него не осталось ничего.

---

⁶⁶ Ханский слуга.

— У Нарикбая уже наполнено девять саба кумызом, и он завтра прибудет на той, — доложил наукер Али-бию.

Поражен был Али-бий таким сообщением и никак не мог понять, как Нарикбай за одни лишь сутки успел заквасить девять саба кумызу. Весть эта неприятно поразила Али-бия, и он стал придумывать против несчастного Нарикбая каверзу.

Озабоченный предстоящим днем, Нарикбай провел всю ночь в хлопотах и приготовлениях. К рассвету у него было все готово. Огромные нары (драмодеры) были покрыты драгоценными коврами, на них помещались наполненные кумызом саба и развешаны по девяти ценных бобровых шкурок, а на одном из наров сидела рабыня. Величие было царское, и вот Нарикбай торжественно тронулся в путь.

Еще солнце не восходило, когда он подъехал к воротам урды Кара-хана. Они были заперты. Нарикбай помолился Богу и стал ожидать. Не видел он ни единой души, словно кругом все вымерло. Солнце стало подниматься довольно высоко, а ворота все заперты. Наконец муллы стали призывать к полуденному намазу, прошла обеденная пора, а Нарикбай все ждет и ждет. Грусть и тоска забрала его, и он был готов уже плакать, как вдруг ворота растворились и пред ним предстала чудовищная старуха, подосланная Али-бием. Она вооружена была баканом⁶⁷; завидя Нарикбая, старуха ударила его чубарого тулпара по голове.

— О собака! Тебя с твоими сорока таминцами я оболью уриной, стащу тебя с лошади, сдеру с тебя халат; что ты поделаешь со мной?.. Отчего ты не прибыл утром, разве так чествуют Кара-хана? — произнесла грозно старуха. При виде ее Нарикбай пришел в ужас: лицо старухи было черно, словно железо, тело как уголь, щеки впалые, ноги толстые, как бревна, а носом своим она напоминала ворону.

«О дорогой мой брат Иссым, как верно ты предсказал мою будущую судьбу», — подумал Нарикбай, глядя на старуху, и заплакал.

— Ты, старуха, говоришь сущий вздор. Я здесь бьюсь с раннего утра и не видел ни единого человека, просто истомился.

— За каким лешим ты сюда приехал, скажи мне на милость?

---

⁶⁷ Деревянный шест, которым киргизы открывают и закрывают *тюндюк*, верхнюю часть юрты.

Ведь у тебя нет ни сына, ни дочери, которые бы унаследовали твое богатство. Имея за собою такой порок, ты хоть бы постыдился собравшихся здесь гостей. Да и не место тебе здесь быть. Тот, кто не имеет дочери, не смеет тут рассчитывать на кумыз, а кто не имеет сына, тот не достоин перешагнуть порога урды.

Выслушав незаслуженные и обидные укору старухи, Нарикбай пришел в такое бешенство, что моментально кинжалом распорол живот негодной старухи, затем выпустил кишки своих наров, убил рабыню, изрезал наполненные кумызом саба и дрожал от гнева всем телом. Жилы его налились кровью, сам он был бледен, как белая ткань.

Оставаясь в таком положении несколько мгновений, он очнулся, крепко потянул поводья своего чубарого скокуна, зарыдал диким голосом и, обливаясь слезами, поехал домой. Приближаясь к аулу, Нарикбай встретил свою жену Гульханис. Она заметила в нем страшную перемену и оставалась в недоумении. Нарикбай настолько был удручен горем, что не мог вымолвить ни слова и стал рыдать.

— Лучше быть пастухом на родине, чем беком в чужой земле. Мог ли я ожидать такого незаслуженного оскорбления, да еще от кого, — от какой-то отвратительной ободранной старухи, — сказал с горечью Нарикбай и все в подробности рассказал Гульханис.

— О Боже мой милосердный! Кто же во всем этом виноват, как не я? Что заставило нас скитаться по белому свету, как не наша бездетность? О, я готова отныне позабыть весь мир, я буду скитаться всюду по святым местам и просить их помощи пред Всемилостивым о ниспослании нам детища, — завопила Гульханис.

Сочувствуя безисходному горю своих безгранично добрых хозяев, сорок таминцев также принялись плакать.

— О мой чубарый-тулпар! Отныне ты свободен, у меня нет наследника, который бы мог владеть тобою и наслаждаться. Я с сего момента обрекаю себя на страдальческую жизнь, буду искать покровительства блаженных святых и горячо молить моего Создателя о детище. Может быть, Он услышит мои страдания и не допустит, чтобы я погиб, скитаясь по голодным и безводным пустыням в положении юродивого, — сказал дрожащим от волнения голосом Нарикбай, снимая уздечку с чубарого тулпара.

Начались сборы в путь. Нарикбай завел себе галоши с железными подошвами, палку из Аса-мусы, надел на себя «джанду»⁶⁸ и обулся в «чарк»⁶⁹.

Дал обет принести в жертву святым, из каждой породы скота самцов.

Когда все было сделано, Нарикбай позвал всех своих таминцев и сказал:

«Прощайте, дорогие мои таминцы! Если будет нас хранить Всевышний, то встретимся еще на этом свете, а если умрем, то будем просить Его, чтобы Он соединил нас в счастливой загробной жизни, там, где нет горя, там, где вечный мир, благодать и наслаждение. Я доволен вами всем сердцем и нисколько не сожалею, что вы многие годы пользовались моим хлебом и солью; прошу вас, не поминайте нас лихом. Ничто меня не радует, ничто меня не забавляет. Вот мои огромные табуны, данные мне щедротами Повелителя всей Вселенной; надобности в них теперь я не имею, владейте ими в добрый час», — сказал, захлебываясь от слез, Нарикбай.

— О милосердные наши покровители, доброта ваша была к нам безпредельна, мы дышали и существовали лишь вами. Да будет вашим защитником Всевышний, чтобы Он даровал вам то, чего вы так страдальчески добиваетесь. Богатство, данное вам Богом и так милостиво переданное нам, мы сохраним до счастливого с вами свиданья, ибо оно все-таки ваше. Одно сокрушает нас, что мы остаемся словно сироты, среди лютого, как змеи, народа, — кричали, рыдая, таминцы, вслед Нарикбаю и Гульханым. Таково было расставание таминцев с добрыми своими хозяевами. Протекло после того шесть лет. Что же случилось с несчастными Нарикбаем и Гульханым?

Они без усталости бродили по святым местам, приносили жертвы и раздавали золото и серебро страждущей братии.

Не было такого святого, которого они обошли бы своим посещением, но ни один из них не явил им желаемого чуда. Наконец

---

⁶⁸ *Джанда* — халат, сшитый из разноцветных лоскутков, который принято носить у дервишей и календарей.

⁶⁹ *Чарк* — обувь, шитая из кожи и снабженная завязками, которую преимущественно носят горные таджики.

Нарикбай и Гульханис выбились уже из сил, истощились до невозможности и потеряли всякую надежду на помощь блаженных святых.

— О Боже! Мы сделали все, что только доступно смертному. Принесли в жертву святым огромное количество животных, раздали во имя их наше золото и серебро, покинули родину, лишились богатства, но все тщетно. Ты — единственный наш покровитель и последняя опора! Внемли же рыданиям нашим, — взмолились Нарикбай и Гульханис уже в голодной солонцовой пустыне, имея при себе последнего ягненка. Они уже окончательно сбились с пути и не могли определить, в какой части Вселенной теперь пребывали. Гибель их была очевидна. Разделить их удручающее горе было некому, спасения никакого не оставалось, и несчастные стали уже было готовиться к смерти, как вдруг пред ними предстал старец с длинными седыми волосами и такою же бородою; он гнал маленькое стадо в пять-шесть баранов.

Восторгу Нарикбая и Гульханис при виде маститого старца не было пределов. «О Всевышний наш Создатель! Милосердию Твоему по истине нет пределов. Какое Ты нам доставил блаженство, послав нам навстречу этого старца. Как приятно и сладко видеть лик человеческий после шести лет скитания!» — воскликнули несчастные и сделали старику почтительный салям.

— О дети мои! Как вас могла забросить сюда судьба? Здесь еще не было человеческой ноги, не стучало лошадиное копыто и сюда не долетала ни одна птица, — сказал старик.

— Обладали мы несметным богатством, но не имели детей. Всевышнему неугодно было наделить нас этим счастьем, и вот мы уже шесть лет как скитаемся по святым местам и могилам. Истощили все свои жизненные продукты, лишились всего своего достояния и не сподобились встретить в пустынях пророка Хизра⁷⁰. Должно быть, послужили к тому помехою грехи наши, — сказали со слезами Нарикбай с Гульханис.

---

⁷⁰ Хизр нашел источник жизненной воды и выпил из него, а потому и будет жить до скончания веков; пророк Илья — помощник, спаситель (защищающий на воде). «Да будет спутником твоим Хизр-Илья», — говорят обыкновенно киргизы путешественнику.

Переночевали ли вы у святого Бабайтуктыча? Могила его теперь почти сравнялась с поверхностью земли, она находится против Каратау, где растет один карагач, имеется теплый родник и кустарники ак-чингель. Так вот, идите к нему, молитесь ему усердно, он вам пошлет младенца.

— О благодетель наш! Мы уже потеряли надежду на жизнь и собрались было кончить счеты с нею, как Сам Всевышний послал вас к нам. Сжальтесь над нами, доставьте нас к Бабайтуктыча! — взмолился Нарикбай с женою.

— Вы не думайте, что я доставлю вас туда и не отчаивайтесь, что я брошу вас. У меня слишком много обязанностей, возложенных на меня Царем. Я не имею времени находиться на одном месте, ибо должен поспевать везде, и встречаться с теми, с кем нужно.

Бедные Нарикбай и Гульханыс все еще не догадывались, с кем они имеют дело, и продолжали свою просьбу.

— О наш благочестивый отец! Вы нам ничего определенного не сказали. Предвами только шесть овец. Если бы мы гонялись за тленным богатством сего мира, то дали бы вам 600 баранов, но нам нужно дитя. Будьте милостивы, доведите нас до Каратау, укажите нам этого святого!

— Разве не достаточно с вас того, что я встретился с вами и указал вам путь? Что же касается 600 баранов, которых вы мне сулите, я, конечно, их не принял бы. Ибо в моем распоряжении неисчерпаемые богатства Самого Всевышнего, и я положительно теряюсь, как их распределить между праведниками.

— Если мы отправимся теперь же к этому благодатному святому, то как долго продлится наше путешествие?

— Все будет зависеть от вас. Если деяния ваши окажутся пред Всевышним благочестивыми, то вы доберетесь в сорок дней, а в противном случае проскитаетесь и сорок лет. Вам предстоит теперь перебраться через Кара и Акдарью. Затем дорога приведет вас к Ходженту и Сыру. Здесь вы должны набрать куги для того, чтобы связать себе плот и переправиться через эту реку. Далее, спустя десять дней, вы прибудете на место, если только сумеете избрать правильный путь, — сказал старец и, пожелав счастливой дороги, исчез мгновенно.

Нарикбая и Гульханыс охватил такой восторг, что они сразу ожили и торопливо побежали, словно их преследовал по пятам

неприятель. Нарикбай вел барашка, в котором теперь заключалось все достояние супругов, а Гульханыс погнала сзади, и вот, наконец они выбрались из знойной Каршинской солонцовой пустыни и прибыли в Самарканд. Далее они миновали Карадарью и Акдарью, перевалили Джиланутты, переночевали в Сай-буи, а затем, после длинного безводного пути, наконец достигли берегов Сырдарьи. Здесь они вновь связали плот, переправились благополучно через дарью, по пути поклонились св. Занги-ата, проследовали по западному берегу Салара, осмотрели арык царя Калькауса, приветствовали могилу Хазрет-имама, перешли со слезами Захарык, миновали Яскичу, следуя по западной стороне Казыкурта⁷¹, сотворили молитву св. Мухаммеду дарвиш-ата, и наконец стопы их коснулись земли Чимбастау (ныне гор. Чимкент). Сарьям (Сайрам) они не почтили своим вниманием, Туркестану издали вознесли молитвы, направились медленно к Арысу, перешли реку эту, при слиянии ее с Буралдаем и, оставив за собою Бугунь⁷², вышли в открытую степь.

Здесь Нарикбай и Гульханыс почувствовали, что силы им начинают изменять. Первый перевал гор Каратау они миновали с большими затруднениями и едва волокли свои ноги. К ужасу их пред ними возвышался один из высочайших хребтов этих гор. Потеряв всякую надежду преодолеть его, они упали в изнеможении и принялись горько рыдать, проливая потоки слез. И вот Всевышний Создатель явил им чудо свое: гора разверзлась на две части, образовав узкое ущелье. Ущелье это существует и по сие время и служит кратчайшим путем современным караванным путникам. Несчастные страдальцы, признав в этом бесконечное милосердие Бога и Его всемогущество, собрали последние силы, перешли ущелье и достигли в полном изнеможении Джилы-булак (теплый ключ). Здесь красовался карагач, была едва заметна насыпь могилы Бабайтуктычач, окаймленная ак чангелем.

---

⁷¹ Отроги Алтавского хребта. В настоящее время у подошвы Казыкурт находится почтовая станция «Беклярбек».

По сведениям киргизов Чимкентского уезда, на Казыкурт остановился Ноев ковчег.

⁷² Речка, пересекающая ныне почтовую дорогу между Чимкентом и Туркестаном, через которую перекинут железный мост.

— О мой Нарикбай! Местечко это влило в мою душу необъяснимую теплоту. Судя по приметам, указанным нам встретившимся старцем, местность эта вполне подходит под его описания. Ты обрати внимание: тут и карагач, и теплый ключ, и могила древнего происхождения; все это свидетельствует как нельзя яснее, что мы не ошиблись и пришли именно по назначению. Так переночуем же здесь, светик мой?

Нарикбай положительно вознегодовал, выслушав подобное желание Гульханыс.

— Скитаясь столько времени по святым угодникам, с упованием вымолить у них дитя, неужели ты допускала мысль, что предельным моим пунктом будет этот несчастный ак-чангель. О ты, бездетное творение! Ты хочешь совсем свести меня с ума!

— Воля твоя, но я предчувствую, что нам необходимо переночевать здесь. Ты много принес в жертву скота, а этого последнего ягненка отдай в мое распоряжение, я его зарезу сама, переночую и предамся душою и телом могиле этого святого.

Нарикбай с гневом бросил нож жене, а сам лег и заснул крепчайшим сном.

Гульханыс немедленно зарезала ягненка, затеплила над могилою святого огонь, предалась ему всем сердцем и горячо молила о ниспослании ей ребенка.

— О мой блаженный праведник! Если ты не дашь мне дитя, то проси Всевышнего, чтоб Он прибрал меня и не показывал более мужу, — произнесла удрученная печалью Гульханыс и, утомленная, заснула.

Муж и жена спали словно мертвые, последние лучи заходящего солнца уже скрылись с неба и стало смеркаться, когда предстал у изголовья Гульханыс святой Бабайтуктычач с своими сорока сподвижниками. Он пожалел ее разбудить и скрылся. Настала полночь, он вновь появился и опять ушел, не потревожив сна Гульханыс. Наконец стало светать, ангелы скрылись в небесах, муллы уже призывали к утреннему намазу, когда вернулся к супругам Бабайтуктычач. Они спали как убитые, настолько был крепок их сон.

— О дитя мое! Вставай, ты проспала утренний намаз, спешి сделать омовение, — сказал святой старец.

Открыв глаза, Гульханыс сразу признала, что пред нею стоит святой праведник, и безотчетно стала рыдать, приговаривая:

«О Боже! Уже шесть лет я страдаю, плачу и скитаюсь в положении юродивой и молю у Тебя детище; будь же ко мне великодушен!» — сказала Гульханис, проливая слезы.

— О неутешное дитя! Ради твоих обильных слез я трижды просил Всевышнего, и Он был как и всегда милосерд и даровал тебе одного сына. Этот один сын заменит тебе тысячу сыновей, вознаградит тебя радостью взамен прошедших твоих тяжелых испытаний, отомстит твоим врагам, и жизнь твоя потечет в нескончаемых радостях и счастья. Сын твой должен быть наречен именем Шура. Итак, да благословит тебя великий Бог! — произнес старец и исчез.

Восторг Гульханис был настолько велик, что она плакала от избытка чувств и дрожала всем телом. Последние слова святого все еще звучали в ее ушах и приводили ее в умиление.

Трудно было описать состояние ее души, и вот, наконец, она, не предупредив спящего мужа, побежала. Куда и зачем помчалась Гульханис, не объяснила бы она и сама, если б ее спросили.

Когда проснулся Нарикбай, солнце уже было высоко, и он заметил тотчас же отсутствие Гульханис.

— О Боже! Ты жестоко меня карашь: я просил у Тебя в течение стольких лет детище, а Ты у меня отнял и жену, — воскликнул Нарикбай и поднялся на гору.

Этим временем Гульханис успела уйти далеко, и Нарикбай едва мог разглядеть ее издали.

— Гульханис, Гульханис!! Куда ты так стремительно бежишь, вернись и сообщи мне, что с тобою случилось, — кричал ей вслед муж. Но Гульханис не слышала его зова и продолжала бежать. Нарикбай пустился за нею, долго гнался и, обливаясь потом, изнемогая от усталости, едва постиг ее.

— О дорогой мой Нарикбай! Наконец-то настали для нас и светлые дни. Всевышний сжалился над нами, отпустил нам грехи, явил великое чудо, даровав нам сына по имени Шура. Все это мне поведал сегодня на заре святой старец, — сказала Гульханис, сияя от удовольствия.

С напряженным вниманием Нарикбай слушал повествование своей жены. Радость его была беспредельна, душа готова была оставить его тело. Глядел он с таким наслаждением на Гульханис, что готов был целовать ей ноги.

— О дорогая моя! Поди сюда поближе, дай мне расцеловать и поласкать тебя, — сказал он с неподдельной любовью. Неожиданное счастье, после долгих превратностей, настолько подействовало на Нарикбая, что он зарыдал и упал в истерическом припадке, восхваляя величие и милосердие Всевышнего Создателя.

Следуя вместе, Нарикбай и Гульханыс подошли к огромному роднику, здесь учинили омовению и совершили полудневный намаз. Родник этот своею красотой превосходил многие родники, созданные Богом. На нем плавало масса лебедей и гусей. Завидя их, Нарикбай и Гульханыс почувствовали страшный голод.

«О Создатель! Где уж нам воспользоваться этими лебедями и гусями. У нас нет ни ружья, ни ловчей птицы» — думали супруги.

В это время на горизонте показалась птица *бидаюк*⁷³. Лебеди всполошились, один из них поднялся, но был сшиблен этим хищником и упал на землю, а затем и остальные лебеди подверглись той же участи.

— Это первые признаки предзнаменования лучшего, ибо мы удостоились видеть победоносную птицу. Если будет угодно Вседержителю, то и сын наш будет Сахибкыраном⁷⁴ и наподобие бидаяока уничтожит твоих врагов-айрактинцев и отомстит Али-бию, сказала Гульханыс Нарикбаю. — Нам нужно остаться на этом роднике на неделю, чтобы вознести усердные молитвы нашему Творцу, — продолжала Гульханыс, — да, кстати, отдохнуть. Благо милосердный Господь Сам позаботился о нас; посмотри, какая куча у нас лебедей.

Нарикбай согласился, Гульханыс зажарила нежное мясо лебедя, и они в первый раз с аппетитом пообедали. Так прошло несколько дней, и уже супруги восстановили свои силы.

Нужно сказать, что Нарикбай и Гульханыс при всем желании иметь дитя в течение шести лет не имели между собою супружеских отношений. Теперь они были влюблены друг в друга; страсть закипела в них, как у 18-летней девушки и 25-летнего молодца, и они поспешили насладиться супружескими объятиями. Вскоре после этого Гульханыс почувствовала, что беременна.

⁷³ *Бидаяок*, если не ошибаемся, — кречет.

⁷⁴ Титул, который удостоился получить только Тамерлан. Сахибкыран — значит, рожденный под счастливым сочетанием планет (Венеры и Солнца), счастливейший герой века.

Отдав последний привет счастливому роднику, Нарикбай с женою двинулся в путь. После долгого путешествия они прибыли к своим таминцам в Аккалу.

Трудно описать восторг и радость таминцев при встрече с своими благодетелями.

Невзирая на хищнические поборы Али-бия, благосостояние таминцев росло, ибо табуны их далеко превосходили прежние. Не даром говорит пословица: «Ворона, имеющая пристанище, не погибнет; аул, не подвергшийся нападению неприятеля, не разорится»...

Теперь вы, конечно, полюбопытствуйте узнать об участии чубарого-тулпара. С тех пор как Нарикбай с женою покинул таминцев, чубарый исчез. Оказывается, он пристал к табуны диких куланов, несся с ними и изредка лишь навещал по привычке табуны Нарикбая. Так что Али-бий, при всем своем желании, не мог поймать его.

Таминцы, как мы уже сказали, были беспредельно рады возвращению Нарикбая. Они плакали, просили друг у друга *суюнчу* (вознаграждение за приятную вест) и, наконец, пригнали огромные табуны, чтоб показать Нарикбаю.

Во главе табуна в этот день шел чубарый тулпар. Завидя его, Гульханис заплакала, подошла к нему и поцеловала его в лоб. Вот достойный конь, на котором будет ездить «дорогой мой светик»⁷⁵, сказала она сквозь слезы радости. А тулпар, как бы довольный встречей с любимой хозяйкой, повернулся и грациозно поскакал к табуны.

День этот закончился тем, что Нарикбай устроил своим таминцам превосходный обед и роздал щедрую милостыню.

Вскоре после этого у Гульханис явилось непреодолимое желание поесть львиного мяса. Дали знать охотникам гор Аккала; многие из них были на облаве, но никто не отважился убить льва.

У Нарикбая, в числе таминцев, был один молодец, который пас баранов. Он имел обыкновение постоянно забавляться. Забава его заключалась в том, что он втыкал в землю палку и меткою рукою попадал в нее камешками. Однажды он особенно увлекся своею игрою и не заметил, как его бараны забрались в густые камыши. Оказалось на беду, что там жил лев. Завидя его, бараны

---

⁷⁵ «Дорогим светиком» здесь Гульханис называет своего ребенка, находящегося в ее утробе.

заревели неестественным голосом и столпились все в тесную кучу. Пастух, заметив переполах животных, побежал к ним и наткнулся на величественного льва. Глаза его горели огнем, а хвост он приподнял, словно плеть, кверху. Несчастный пастух пришел в ужас, не знал, куда деваться и что предпринять. Одно обстоятельство выручило его: он слышал ранее от стариков, что лев по своему величию, красоте и силе считается царем зверей. При встрече с ним ему следует отдать почтительный салам (приветствие), и что при таком обхождении он оставляет человека в покое. Так и поступил пастух. Он произнес салам и приветствовал льва следующими словами: «О мой величественный царь! Я чествую тебя почтительным саламом, я предстал пред тобою с гуртом баранов; не взыщи, чем богат тем рад. Царское величие твое известно всей Вселенной. Громовой голос твой потрясает землю. Голова твоя, мой царь, по красоте напоминает огромный медный котел, грудь твоя, словно узорчатый ковер, зубы твои имеют блеск месяца ясного, талия твоя напоминает стан гордой красавицы девицы, а усы — словно молодая куга. Храбростью ты превосходишь все творения Всевышнего, а силою сокрушаешь своих противников. Быстротою напоминаешь ты белого сокола, в один день ты проскакиваешь месячный путь, а в месяц — путь в тысячу дней!»

От похвал пастуха лев пришел в необычайный восторг, он явил свою милость ему и, опьяненный лестью пастуха, сделал такой скачок вверх, что упал и раздробил себе ноги.

— О мой лев! Ты пошел против Бога, прыгая на луну, и Он воздал тебе должное и поэтому ты должен умереть от моей руки, — сказал пастух и добил льва толстою палкою, а затем, вырезав достаточное количество мяса, принес к Гульханыс. Она была в восторге от этого подарка: никак не ожидала добыть мяса такого сильного зверя. Мясо было сварено и подано Гульханыс, и она с наслаждением поела его и удовлетворила прихоть беременной женщины.

Девять месяцев она носила ребенка во чреве и наконец после девятидневных мучений, по воле Всевышнего, разрешилась от бремени сыном.

Торжество было невыразимое: масло коровье резалось огромными слоями, сахар и леденец на угощение отворачивались целыми глыбами, раздавалось масса золота и серебра, а колыбель для

новорожденного была изготовлена лучшими мастерами из чистого золота. Весть о рождении Шуры мигом облетела все население.

На родах присутствовала в числе других черная рабыня. Как только послышались первые звуки плача новорожденного, она пустилась бежать, дабы первой получить от Нарикбая суюнчу за сообщение радостной вести. Вслед за нею побежала другая женщина, по имени Джагалтай, и перегнала ее. Увидя себя обогнанной, рабыня пришла в бешенство: сбросила с себя платье, затем штаны, распустила волосы и, размахивая нагайкой, помчалась, как молния.

— О негодное творение, и ты хочешь вымазать мне лицо сажею⁷⁶, ты добиваешься лишить меня хорошей суюнчи, — ревела рабыня, обогнав Джагалтай.

Пристыженная Джагалтай невольно остановилась и стала посылать велед рабыне такую ругань, какую здесь нельзя выразить.

Представ в чем мать родила пред Нарикбаем, рабыня поздравила его с сыном и попросила суюнчу.

— Проси, что хочешь, будет исполнено, — сказал Нарикбай.

— Я была бы совершенно удовлетворена, если б ты освободил меня от рабства, дал бы мне несколько голов рогатого скота и выдал в замужество за дюжего парня, который бы мог удовлетворять мою ненасытную страсть, — ответила рабыня.

Нарикбай исполнил просьбу рабыни в точности, он даже щедро наделил суюнчей и Джагалтай, которая пришла к нему уже после.

Той, устроенный по случаю рождения Шуры, был великолепен, праздновали его тридцать дней и провожали сорок дней.

В тот момент, когда младенца клали в драгоценную люльку, появился старец. «Ребенок этот должен быть наречен именем Шура», — сказал он и исчез.

«Пока вырастет трава, откочует аул, пока муж наживет состояние, он лишится разума!» — говаривали таминцы.

Также и Нарикбай, неограниченно любивший своего Шура, постоянно убаюкивавший его в люльке, таскавший без усталости на своей спине, думал: «О мой дорогой Шура, когда-то ты вырастешь и будешь мужчиной... Дождусь ли я этих счастливых дней?»

---

⁷⁶ Т. е., если б Джагалтай прибежала ранее, то рабыне пришлось бы краснеть пред Нарикбаем.

Получив сведение о рождении Шуры, Али-бий задрожал всем телом, лишился аппетита, стал относиться к обязанностям своим лениво и тщательно скрывал свое смущение от посторонних.

Шура развивался невероятно быстро. Имея от роду всего лишь сорок дней, он уже смеялся и отличал родителей от посторонних. Одного года он поражал всех красотой, двух лет вырос до неузнаваемости, трех лет был подвижен, как птица, четырех лет поступил в школу, пяти лет достиг высшего образования, десяти лет проявил гордость и отважную смелость, одиннадцати лет стал настоящим красавцем мужчиною, обладая гибким станом и высоким ростом и, наконец, двенадцати лет он стал сказочным богатырем, с атлетической грудью, плечами и мышцами.

Прохожие поражались величием и красотой его, а на врагов он наводил ужас словно царственный лев на людей и зверей.

Шура, побуждаемый своею невероятною силою и энергиею, не находил себе места, ему было и скучно, и грустно, и весело, он не знал, за что взяться и куда прислониться.

— Добрый мой отец! Дай ты мне коня, чтобы я мог скакать за львом, чтоб я мог разбить айрактинцев и разрушить все, что только подвернется под руки! — сказал умоляющим голосом Шура.

— Дорогой мой сын! Я помогу исполнить твоей просьбы. Я не имею того многочисленного количества таминцев, которые могли бы защитить нас. У меня также нет исполинского коня, напоминающего огромную черную скалу и годного для тебя.

— Когда тебя Бог обделил детьми, так ты решился даже покинуть Казан и терпеть здесь иго злейшего Али-бия... Для чего ты жертвовал собою? Для того чтобы вымолить у Всевышнего детей. Наконец ты достиг своего и что же из этого вышло?.. О отец! Как ты скуп и как не добр ко мне, — сказал Шура и недовольный вышел из юрты.

— Помнишь ли ты, как мы скитались по безводным пустыням, безропотно перенося голод и жажду? Когда со спин наших струилась алая кровь от царапин колючего чингыла? Что заставило нас тогда нести такое страдание? Конечно, наша бездетность. Теперь, благодарение Богу, мы имеем сына, стоящего нам почти жизни, а ты отказываешь ему в верховом коне! О безжалостный!.. Для чего ж создан Всевышним наш чубарый-тулпар с серебряным хвостом?.. Неужели ты приберегаешь его для того, чтобы зарезать на свои поминки, когда умрешь?

— «Женщина без ума, как лягушка без хвоста» — говорит пословица... Также и у тебя: волос длинный, а ум короткий. Мне вовсе не жаль лошади для Шура, я готов за него пожертвовать жизнью, что и доказал уже на деле. Но дело вот в чем: стоит только сесть Шуре на лошадь, он устроит такую потеху айрактинцам, что после и не разберешься. А ты помни, что несметные мои таминцы остались в Казане, а здешних сорока юртовладельцев айрактинцам не хватит и облизнуться. А что станется с нами, если они загубят нашего Шуру?

— Дай ты ему волю, пусть он тешится. Нам нужно положиться на Всевышнего. Если уже ему суждено умереть, он умрет и не выходя из юрты. А ведь святые праведники нам предсказали, что он отомстит нашим врагам и останется сам невредим. Так вот, чем скорее он накажет, тем будет приятнее для нас.

Недовольный настояниями жены, Нарикбай разрешил сыну выбрать из табуна любую лошадь, а таминцев строго предупредил не показывать ему табунов, отстраняться от Шуры и, если он будет просить повести его к табунам, то отговариваться всячески неимением времени. Шура, заметив, что никто ему не желает сопутствовать, взял крук, надел на голову свою купичью шапку, заткнул за пояс фалды и отправился один отыскивать свои табуны. После долгих блужданий он вышел в степь, встретил там тысячу мальчиков-айрактинцев, затем небольшую кучку мальчиков, в сто человек, ногайлинцев и наконец наткнулся на крошечную группу мальчиков в сорок человек. Это были ребяташки таминцев.

— Отчего вас так мало, не лучше ли играть в большой компании? Вы напоминаете своею малочисленностью заблудившуюся лошадь. Можете ли вы бояться, когда имеет такого бека, как я. Говорите, кто вас обидел и кому отомстить? — сказал Шура сорока ребяташкам.

— Лучше бы нам не отвечать, а вам не спрашивать... Вот эти тысяча мальчиков — айрактинцы, над ними главенствует сын Али-бия, Занминнет, а остальные сто мальчиков, из рода ногайлы, противники Занминнета. Мы не можем соединиться с айрактинцами, потому что они нас постоянно обижают, отнимают у нас бабки и, мало того, еще бьют. Мы не можем располагать собою, своею скотиною и даже сваренным обедом. О наш бек! Теперь только начинаем мы оживать, возлагая на вас все наши надежды.

Думаем, что отныне мы будем избавлены от нагаек айрактинцев и от поборов Али-бия.

Жалобы мальчиков сильно возмутили Шуру, сердце его закипело, и он воспыал мстью.

— «Пешком на войну не ходят, а неприятель не ждет, пока ты сядешь на лошадь» — говорит пословица. Вы, ребята, идите к айрактинцам, примите участие в их игре, а я пойду да сяду на чубарого коня. Когда они станут вас задираТЬ, вы не спускайте им, а начните драку. Это мне послужит поводом проучить айрактинцев, я расправлюсь с ними так же, как птица бидаюк с лебедями и гусями, — сказал взбешенный Шура и, направившись к берегу огромного озера, где сходятся табуны на водопой, уселся.

Недолго пришлось ему сидеть здесь. Он вскоре заметил вдалеке густое облако красной пыли, которая быстро неслась к нему, подгоняемая легким ветром. А вслед за этим выделился из пыли и красавец чубарый тулпар. Бежал он один, грациозно и игриво размахивая своим серебристым хвостом. Примчавшись к берегу чудного озера, он стал с жадностью глотать воду. Шура моментально вскочил и хотел на него накинуть крук, но чубарый быстро повернулся задом, чтобы ударить копытами. Заметив недружелюбное движение животного, Шура ударил его круком по спине. Почувствовав сильную руку, конь стал, как вкопанный. Накинув ловкою рукою на него петлю и взнуздав, Шура очутился на чубаром.

Он поскакал словно вихрь и первые моменты едва-едва удержался на лошади. Мчался Шура с такой быстротою, что куропатки, сидевшие на пути, не успевали взмахнуть крыльями и оставались раздавленными под копытами. Полет чубараго был настолько силен, что ветром рассеянного воздуха волновалась поверхность озера и земля, отлетающая глыбами от копыт, словно из ружья поражала птиц, сидевших на озере.

Шура был на седьмом небе; слезы восторга катились из его очей. И вот направил он своего чубарого прямо к мальчикам-айрактинцам.

Завидя его, таминцы бросились в драку с тысячею айрактинцев. Таминцев так было мало, что приходилось на каждого по сорок человек. Драка закипела отчаянная, несчастных таминцев рвали, как козлов на «кокбуре». В этот момент Шура врезался в свалку.

— О злодеи! Страна ваша, должно быть, создана для того, чтоб истязать и мучить малочисленных и бессильных людей. Отныне, помните, что над горстью таминцев засверкало солнце, у них появился сын по имени Шура, который сокрушит с ничтожными силами бесчисленное множество ваших айрактинцев и заставит помнить себя долгие годы, — крикнул Шура, обращаясь к Занминнету и ударил его по голове круком, с такою силою, что голова разлетелась вдребезги. Айрактинцы пришли в ужас и смятение, а дети таминцев отделились в сторону. Он нисколько не струсил своей малочисленности, схватил мертвого Занминнета и бросил на растерзание сорока мальчикам-таминцам. Злоба рябятишек была настолько велика, что они изгрызли Занминнета в клочья и не осталось у него на теле ни одного целого места. Сам Шура пришел в дикое бешенство, он разметал айрактинцев во все стороны, не оставив в живых ни одного из них. Словом, они напоминали теперь собою тучу воробьев, подвергшихся беспощадному истреблению копчика. Одному только длинноному *тазу*⁷⁷ Джанбаю удалось бежать. Он бежал скоро и плавно, словно фазан в камышах, потряхивая рыжими длинными волосами, сохранившимися только у оконечностей затылка. Потом бег его обратился в тропоту верблюда аравийской пустыни, и он без оглядки, не чувствуя под собою ног, примчался к Кара-хану, с мешком бабок за спиной.

— О повелитель наш! Лебедь мой (Занминнет) похищен хищным соколом... Всевышний, разгневанный на нас, обратил весну в зиму. Невпопад мы пошутили с удавом (Шурой) и захлебнулись в струях крошечного родника⁷⁸. Теперь один мальчик из таминцев не уступит тысяче айрактинцев, благодаря могуществу и силе величественного льва Шуры, сына Нарикбая. Он сокрушил с одного размаху тысячу мальчиков-айрактинцев; в том числе погиб и славный Занминнет. Мы ходили тогда на огромное стадо баранов, настигнутых волком, и остались, как воробьи, в когтях голодного копчика. Мы словно были поражены молниеносной стрелой и очутились в беде, подобно несчастному хлебопашцу, у которого

---

⁷⁷ *Таз* — плешивый (от парши). Киргизы не любят таких паршивых людей и на их счет выдуманы обидные поговорки, например, когда вихрь приступает к их юрте, приговаривают: «Прочь проклятый! Ступай в юрту плешивого».

⁷⁸ Намек на малочисленность таминцев.

весь хлеб истреблен саранчей и который, сокрушенный, сидел, обняв свой деревянный омач. Нас точно побил небесный смерч или ударил сильным плеском водяной сом. Мы пришли в отчаяние и ужасающим своим криком напоминали ворон и галок, завидевших лютого своего врага *бидаюка*. Затем случилось, что то невероятное: в тесноте тысячи мальчиков как бы разорвалось пушечное ядро. Это был последний жестокий удар Шуры; он подмел мальчиков, словно метлою, и уже не оставалось ни одной живой души; все пали мертвыми... Таково было наше печальное положение.

— О хан мой! Потребуй к себе Шуру, он достоин, чтобы снять с него голову! — заключил паршивый Джанбай.

— О ты, негодная тварь! Когда все твои товарищи погибли в бою, отчего ты один остался живым и, как ворона-вещунья, явился ко мне!? Врешь ты, мерзавец, этого быть не может! — закричал с гневом Кара-хан на Джанбая.

Хотя Кара-хан и разгневался на Джанбая, но в душе был весьма доволен, что дети айрактинцев погибли, в том числе и Занминнет. На это были у Кара-хана причины, о чем мы скажем ниже.

Как угорелый, выскочил Джанбай от Кара-хана, пустился без оглядки к Али-бию. Прибежал к нему, запыхавшись, и в подробности начал рассказывать о погроме Шуры.

— Будет тебе распространяться в мелочах! — закричал, сгорая нетерпением, побледневший Али-бий. — Ты скажи, какая участь постигла моего единственного детища Занминнета?

— Он был убит первым, а за ним — остальные тысяча мальчиков, — сообщил Джанбай.

Услышав эти роковые слова, Али-бий упал без чувств.

— О мой дорогой Занминнет! Нет у меня тебя более, — воскликнул он, приходя в себя.

Весть о гибели тысячи мальчиков-айрактинцев быстро облетела окрестности Аккала; матери убитых детей плакали и выли на разные голоса. Али-бий еще более был взбешен этим зрелищем. Он приказал подать себе белого коня, оделся в лучший костюм, вооружился острой шашкой и в сопровождении своих сорока джигитов поехал к Кара-хану.

На пути всюду останавливали его плачущие женщины, и он едва мог добраться до Кара-хана. Некоторые таминцы, бывшие в это время в Аккала, поспешили скорее вернуться восвояси. Дома

они застали страшную суматоху. Бабы плакали в ожидании нападения айрактинцев, а мужчины готовились к обороне.

— Я давно просил тебя, мой хан, расправиться с горстью таминцев. Ты не внимал моим советам. Что ж теперь из этого вышло? Я на старости лет, когда уже побелела борода и тело приблизилось к смерти, лишился единственного сына и, следовательно, не могу оставить по себе наследника. Утехой для меня может теперь послужить только жестокая месть таминцам, что я и должен сделать сейчас же.

— Не горячитесь и не спешите, этим вы можете только испортить дело. Прежде чем ехать к таминцам, нужно предварительно проследить, где в данное время находится Шура. Иначе вы дадите ему возможность скрыться. По моему мнению, следует послать к таминцам, в качестве шпиона, Каратиина. Пусть он наблюдает за Шурой и дает вам о нем вести, и по его уже сообщению вы должны тронуться туда.

Али-бий вполне согласился с мнением Кара-хана и несколько успокоился.

Пред отъездом Каратиина хан секретно сообщил ему, чтобы он передал Шуре о готовящемся на него нападении Али-бия с сорока его джигитами, и что Кара-хан посылает ему, Шуре, привет, с пожеланием успеха в борьбе и искренно хочет, чтобы Шура снял с Али-бия голову и прислал бы ему в подарок.

Посланный Каратиин быстро поскакал к таминцам. Он как сел, так и не слезал с лошади, и скоро был уже в ауле Нарикбая.

Там происходило следующее: таминцы сутились, все были вооружены баканами, батиками и т. д. Бабы рыдали, опасаясь быть раздавленными копытами неприятельских лошадей. Шура сидел уже на чубаром тулпаре, готовый выехать к айрактинцам и вновь нанести им удар, а Нарикбай и Гульханис, опасаясь за жизнь его, держали чубарого за поводья и со слезами умоляли Шуру не делать этого.

Каратиин по прибытии в аул Нарикбая почтительно поздоровался с Шурой, передал ему поклон Кара-хана, предупредил, что вслед за ним едет Али-бий с своими сорока джигитами, чтобы отомстить за сына своего Занминнета, а также сообщил Шуре поручение Кара-хана, если представится случай, снять голову Али-бия и прислать ему, хану.

— Почтеннейший Каратиин! Я глубоко тронут вниманием Кара-хана. Передайте ему, что я отныне его покорный раб. Поручение его относительно головы Али-бия будет исполнено мною в точности. Если Али-бий прибудет сюда не только с сорока джигитами, но даже с своими сорока тысячами айрактинцами, то и тогда ему не вернуться живому в Аккала, — сказал Шура.

— Теперь, мой Шура, я должен дать тебе одно наставление: по справедливости, ты должен Али-бию заплатить кун за убитого его сына. И если ты сделаешь это, Всевышний поможет тебе в борьбе с Али-бием, ибо Бог правду любит. Ты прикажи навьючить сорок качиров (мулов) драгоценностями, положи в мешочек тысячу тиллей, заверни в кап кусок золота в лошадиную голову, и отправь все это к болотам и прикажи там высыпать.

В этом месте должен проехать Али-бий, и если он не обратит внимания на выставленные тобою богатства и проедет с презрением мимо, то ты можешь драться с ним со спокойною совестью; тогда сам Бог будет твоим сторонником.

Шура вполне последовал совету Каратиина. Он велел навьючить сорок качиров дорогими вещами и золотом и приказал рассыпать все это по другую сторону болот, где должен проехать Али-бий. А сам, вернувшись обратно долой, стал выжидать появления противника.

Через некоторое время на горизонте показалось густое облако пыли. Не было сомнения, что это ехал Али-бий. Жены и дочери таминцев, заметив это, подняли плач, шум и крик и причитали нараспев, что они будут растоптаны копытами лошадей злейшего Али-бия.

— Вы не плачьте и не горюйте! Как бы велика ни была сила айрактинцев, я не допущу их сюда. Они, во всяком случае, останутся на той стороне болот, — сказал раздраженный плачем баб Шура и поехал на своем чубаром навстречу к Али-бию, вооружившись пикою и напутствуемый горячими молитвами Нарикбая, Гульханыс и всех таминцев.

— О наш Вседержитель! Под конец нашей жизни ты даровал нам это единственное дитя, на утешение и на радость нашу. Так сохрани же его нам! — продолжали кричать Шуре вслед Нарикбай и Гульханыс.

Немного спустя на горизонте показалось густое облако пыли, которое по мере приближения всадников несло все ближе к болотам. Впереди выделялась фигура всадника, держащего в руках знамя. Наконец всадник этот с своими спутниками спустился вниз к болотам; в это время проехал к ним навстречу и Шура.

Теперь таминцы находились в самом критическом положении: они не знали, что именно в этот момент происходит между противниками.

Оказывается, еще Али-бий не встретился с Шурой. Взоры Али-бия, подъезжавшего к болотам, были обращены на драгоценности, высыпанные по распоряжению Шуры.

— Вы замечаете, молодцы, какой хитрый Нарикбай? Он задумал подкупить меня богатством и избавиться таким путем от моей мести. Но нет, этого не будет. Пока я не уничтожу убийцу сына моего, не истреблю всех таминцев, не обмокну свои руки в кровь людей аула Нарикбая и не докажу, что я Али-бий, я не воспользуюсь этим богатством. Мне собственно не нужно ничего, мне нужен только чубарый конь, а драгоценности эти вы можете затоптать копытами ваших лошадей или же забрать себе на обратном пути, — сказал самоуверенно Али-бий своим сорока джигитам.

И так, не воспользовавшись серебром и золотом, он стал переезжать через болото. Вдруг из-за камышей от солнечного луча засверкало чье-то копьё, и пред Али-бием предстал Шура.

Али-бий и его сорок джигитов при виде всадника просто столбенели и не решались перевести дух.

Али-бию не приходилось ранее встречаться с Шурой и, увидев пред собою всадника, напоминающего своею внешностью величественного льва, по злобе — змея-удава и по хищническому взгляду — беркута, Али-бий не решился даже в первый момент взглянуть на Шуру. Шура сидел на чубаром коне, величаво опершись на свою пику. Конь его горячился, рыл копытами землю и метал искры своими огромными, словно чашки, глазами. Мгновение было торжественное.

Али-бия бросало в дрожь от страха, и он сердечно каялся, что не взял с собою всех своих айрактинцев, а выехал только с сорока джигитами.

Не менее самого Али-бия растерялись и перепугались его джигиты. Они, не вступая в бой, попрятались в камыши и столпились,

как бараны, ожидающие нападения волка. Таково было первое впечатление, произведенное Шурой на айрактинцев.

Али-бий еще никогда в жизни не испытывал такого страха, как в этот момент. При всем, своем желании вернуться обратно, он не решился на это и, дрожа всем телом, поехал на встречу Шуре.

— Мое почтение, представительный бий!... Как вы расфранчены и какая вас сопровождает свита! Куда это вы изволите путь держать?

— Ты не таминец ли, прикочевавший в Кермесен-саз? Уж не сын ли Нарикбая, Шура? Поди сюда, поближе ко мне, сказал гордо Али-бий. Друг твой, Кара-хан, посылает тебе привет и приказал прислать ему чубарого коня.

Прошу не называть меня сыном таминцев, а величать сыном Бога, посланным для истребления сорока тысяч айрактинцев. Неужели ты думаешь, что пред тобою стоит ребенок, который так легко поддается твоему глупому обману? Как ты смеешь думать, что я, по твоему требованию, отдам чубарого? На нем, кроме меня, недостойно ездить ни одно существо!...

Я распорядился высыпать на твоем пути разных драгоценностей, навьюченных на сорока качирах, выставил там же в мешке тысячу тиллей, кусок золота в лошадиную голову, дорогих чапраков и т. д., в уплату тебе куна за тысячу убитых мною мальчиков, но ты не обратил на это внимания и лукаво напирал на меня, под предлогом поздороваться со мною, а в мыслях имеешь совсем недоброе. Ну, что ты со мною можешь сделать? Посмотрю-ка я!

— Ах ты, ничтожный таминец! Ты, я вижу, корчишь из себя какого-то льва? Подожди, дружок, я сейчас с тобою расправлюсь. Ты мне отдашь чубарого коня добровольно, а если нет, то я заставлю тебя сделать это против твоей воли. Ты у меня сейчас будешь волочиться на лошадином хвосте!

— Не хвастайся так гордо, Али! Могучее дерево, о которое ты так уверенно опираешься, уже срублено. Помни, что сегодня наконец настал праздник для ворон, грачей и других хищных птиц. Все они будут лакомиться твоим мясом. Понимаешь ли ты теперь меня, Али?!

Возмущенный угрозами Шуры, Али пришел в такой гнев, что схватился за свою шашку, дабы нанести противнику удар, но Шура с такою силою ударил Али копьём, что пронзил его насквозь и

приподнял на копые кверху, как какую-нибудь щепку. Копье не выдержало тяжести, переломилось пополам, и Али грузно упал па землю, обхватив руками копые, точно обнимая кого-либо.

Сразив таким образом Али-бия, Шура бросился на его джигитов. Он поражал их с изумительною быстротою. Кого бы ни коснулась могучая рука Шуры, тот оставался мертвым, а если удар приходился вскользь, то получивший его, если не умирал тотчас же, то медлил на самое короткое время.

Истребив до единого всех джигитов, Шура заметил стремительно удиравшего паршивого Джанбая. Оказывается, он был в этом деле знаменосцем.

Заметив критическое положение Али-бия и его джигитов, он предпочел бросить знамя и обратиться в бегство, твердо памятуя, что «от позора человек не умирает, а жизнь сладка».

Джанбай, конечно, не мог убежать далеко; Шура на своем чубаром быстро настиг его и, схватив на лету, метнул кверху как какой-нибудь *тумак*⁷⁹. Злосчастный паршивец упал в воду, и Шура, намереваясь убить его, хотел слезть с лошади, но запутался о свою шашку, а тем временем Джанбай перебежал на другой берег и продолжал бежать. Взбешенный Шура вновь сел на лошадь и помчался за Джанбаем. Достигая его, он сделал львиный прыжок, схватил тщедушного паршивца, ударил его о землю, и беглец тут же испустил дух.

Сокрушив всех, Шура опять вернулся к месту побоища. Алибий все еще сидел, обняв пику, продолжая что-то бормотать.

— Здравствуй, богатырь мой, Али! Что это, ты, кажется, борешься с пикой, или же, как паршивая лошадь, не знаешь, к чему прислониться, чтобы почесаться?

— О светик мой, Шура! Я слышал, что ты обладаешь невероятной силой, и вот я захотел в шутку померяться с тобою силами. А вышло совсем плохо. Недаром в старину придумали пословицу: «От шуток льва умерла лисица». Я и теперь еще мог бы оправиться от раны, если б ты, Шура, оставил меня в покое.

«Больной надеется выздороветь, бедный надеется разбогатеть», гласит поговорка. Может быть, ты и помилуешь меня?

⁷⁹ Теплая конусообразная шапка, носимая преимущественно кочевниками.

— Да, Али, оказывается, вы хотели пошутить со мною, а я, дурень, принял шутку вашу всерьез. Но что ж делать, кто не ошибается? — сказал с усмешкой Шура.

Вы давно имели желание завладеть чубарым (конем), так можете теперь получить его. Но и вы, в свою очередь, должны мне сделать одолжение. Мне сейчас понадобились ваши легкие, печень и желчь: так вот я и требую от вас этого, — сказал Шура, продолжая подсмеиваться.

Али сразу сообразил, как опасно его положение, сильно струсил, но, тем не менее, не выказал своего смущения и с поддельною улыбкою продолжал.

— Дорогой мой Шура! Я готов отдать за тебя дочь свою Акслу, бесчисленных моих наров, все свое достояние, но дай ты мне жизнь!..

Шура в этот момент был жесток и неумолим: самым хладнокровным образом он отрезал Алию уши и нос и заставил его тут же съесть их, а затем снял с него голову, привязал к торокам и поехал домой, погоняя пред собою сорок две лошади, принадлежавшие злополучному Али-бию и его жалким джигитам.

Не успел еще скрыться Шура, как начали слетаться черными стаями на останки Али и его джигитов вороны, грачи и другие хищные птицы и с жадностью стали рвать их тела.

Айрактинцы большими партиями — кто на верблюде, кто на лошади, кто пешком — следовали в аул таминцев, в надежде на крупную добычу, но когда они предстали пред грудой трупов своих айрактинцев и признали между ними Али-бия, они пришли в ужас и, опасаясь той же участи, повернули обратно и бежали вплоть до самого Аккала.

Следуя назад в свой аул с большим гуртом лошадей, Шура поднял густую⁸⁰ пыль, а несчастные таминцы, уверенные в гибели Шуры, приняли его за Али-бия, всполошились, кричали, плакали и прощались друг с другом в ожидании своей неминуемой гибели.

Спустя несколько времени пыль улеглась, и пред глазами таминцев показался Шура. Они не ошиблись: это был действительно он. Восторгу таминцев не было конца, когда они узнали, что Шура вернулся победителем и, в особенности, когда заметили на

---

⁸⁰ Буквально «толстую» пыль.

тороках седла Шуры голову жестокого Али-бия, окованное золотом седло и его белого коня в числе пригнанных джигитских.

Таминцы не замешкали прибегнуть к злобной мести. Они отвязали голову и каждый из них счел своею обязанностью пнуть ее ногою.

— О, эти губы и зубы! Не раз они пожирала наше мясо, казы⁸¹, пили кумыз и молоко! — приговаривали злобно таминцы, тыча ногами по губам мертвой головы Али-бия.

— Немало мы натерпелись от тебя обид и насилий и немало пролили слез от твоих жестокостей. Теперь ты получил должное и лежишь под нашими ногами с потускневшими глазами.

— «Насилие приводит к позору», говорит пословица. Что может быть позорнее того, как каждый с ненавистью попирает твою голову, да еще отрезанную от туловища!.. Стало быть, Всевышний увидел наши слезы и жестоко покарал тебя, так что ты очутился в тороках седла нашего любезного сына Шуры, — промолвили Нарикбай и Гульханис, глядя на катавшуюся по земле, как арбуз, голову Али-бия.

Сев на белого коня Алия и раздав всех пригнанных Шурой лошадей своим таминцам, Нарикбай поехал с ними на место побоища Шуры, с тем чтобы ободрать оружие с убитых джигитов, а потом воротиться назад.

Подъезжая к трупам, они увидели огромное количество крупных хищных птиц, и сорок, и волков, и лисиц. Все они были точно гости, приглашенные на большой той, уничтожали трупы с необывалою жадностью.

Забрав все оружие айрактинцев, Нарикбай вернулся с людьми в аул, а затем Шура, от имени всех таминцев, в знак благодарности к милостивому расположению Кара-хана послал ему в подарок голову Али-бия. Получив голову ненавистного Алия, Кара-хан приказал тотчас же снять с нее шкуру, вынуть мозги и набить череп соломой.

— Отца моего, Темир-хана, ты отравил самым жестоким образом. Так вот, наконец и я заставил набить твою голову соломой, — воскликнул Кара-хан, принимая готовый череп.

---

⁸¹ Колбаса из конского мяса.

Кара-хан беспредельно был доволен Шурой, послал ему драгоценные подарки и сердечный привет. Айрактинцы собрали большую дружину, три дня подряд являлись к Кара-хану, но уходили, не повидав его, а сами по себе не решались идти против Шуры.

— О светик наш, Шура! Ты жестоко отомстил айрактинцам и этим приобрел себе заклятых врагов. Теперь оставаться тебе здесь нельзя; ты постоянно будешь подвергаться случайной опасности. Сорок юртовладельцев, твоих таминцев, не могут быть тебе защитниками. Что значит для тебя подмога такой горсточки? Ведь мы, по своей малочисленности, черное пятнышко пасущегося вдалеке какого-нибудь бычка!

Кому неизвестно, что царем зверей слывет лев, который, скрываясь в непроходимых камышах, не подвергая опасности собственной жизни, не упускает случая завладеть всяким живым существом, осмеливающимся заходить в его логовище. И тебя можно уподобить этому царственному льву. Все мы, собравшиеся здесь, просим тебя скорее отъехать в Казан. Там тебя ждет бесчисленное множество таминцев во главе с твоим дядей Исым-бием. Отправляйся туда, посоветуйся с ним, собери сильную дружину и возвращайся к нам, чтобы сокрушить всех айрактинцев, — сказали в один голос таминцы.

— Ноги мои заменяют мне близких людей, руки — войско, а быстроту — чубарый конь. Дал бы Бог здоровья моей блестящей пике, стрелам и моим мощным мускулам, а об остальном я не сокрушаюсь. Лук мой истребит немало народу, ружье мое развевает не одну тысячу людей, а львиное сердце, дарованное мне Всевышним, приведет в трепет айрактинцев. Вот вам моя воля и прошу вас не опасаться этого жалкого народа!

— Неоцененный мой сын! Дорогою ценою достался ты мне. Послушай же доброго совета твоих преданных таминцев: поезжай в Казан и возвращайся к нам с несметною силою! Иначе что будет с нами, если ты останешься здесь и мы лишимся тебя?.. Где мы найдем тогда такого льва, где мы найдем такую скалу, как ты, о которую до сего времени опирались?.. Наша участь тогда будет — пасти скот айрактинцев и служить им истопниками, — сказал в слезах Нарикбай.

— Я вполне согласна с добрыми таминцами и с твоим отцом. Ты должен это сделать во имя всего святого, иначе я выдою свое

белое молоко, обратив струи к небу⁸², — возразила находившаяся тут все время Гульханьис.

И вот, внимая речам отца и матери, он распростился, сел по неволе на коня и поехал.

— «О Боже! Что-то теперь поделывают мои несчастные родители и таминцы среди лютых врагов айрактинцев? О Создатель! Зачем Ты обрек мою голову на такую тяжкую жизнь? Зачем Ты отнимаешь у родителей птенца, который вывелся в их гнезде один-одинешенек!» — Так печально размышлял Шура, поднимаясь один на снежные кручи Тасбулакаа. Весело, бодро и с поднятою кверху головою поднялся чубарый конь на последний перевал и величественно встал там, как вкопанный.

Айрактинцы, получив сведение о поездке Шуры в Казан, за благовременно решили устроить на перевале Тасбулака засаду, чтобы убить Шуру. Для этой цели они послали туда брата Алибия, Тасмергена. Он был замечательный охотник и успевал делать на лету в птицу по шести выстрелов.

Тасмерген, увидев Шуру, взял ружье к прицелу и уже собрался надавить фитиль. Провидение спасло Шуру. Он вовремя заметил враждебное движение охотника и в один миг очутился с чубарым конем лицом к лицу с неприятелем. У Тасмергена дрогнула рука при виде богатыря Шуры, и он не успел сделать желаемого выстрела.

Шура моментально схватил его за ворот и, взяв к себе на седло, поскакал далее. Он подбрасывал жалкого охотника вверх, точно какую-нибудь тубетейку, а крик Тасмергена напоминал блеяние козленка, с которым скачет лихой наездник. Потом Шура прижал Тасмергена к седлу так крепко, что у несчастного пошла кровь из горла и носа, а затем, проскакав несколько кругов, Шура бросил его на землю. Тасмерген упал без чувств, узкие чамбары его были изодраны в клочья и съехали к самым икрам. Придя в сознание,

---

⁸² Способ проклятия беспутных и непослушных сыновей. Матери прибегают к этому средству в самых крайних случаях. Проклятие это, как уверяют туземцы, настолько сильно, что подвергшийся такому проклятию сын не может рассчитывать на прощение Всевышнего. По той причине, что сын ради грудного молока матери, которым она вскормила его, должен виноватиться ее просьбе. Говорят, что очень часто прибегают к этому женщины Бухары.

он попытался было бежать, но, путаясь в своих чамбарах, как в лошадиных путах, падал почти на каждом шагу.

— Стой, безбожник, не шевелись! — закричал на него громовым голосом Шура.

Тасмерген задрожал от грозного приказания своего властелина и остался неподвижен.

Шура подошел к нему, отрезал его нос и уши и вручил их.

— Передай от меня поклон Кара-хану и твоим айрактинцам. Скажи, чтобы они не обижали моих стариков и не трогали скот, твердо памятуя, что за их плечами стоит всесильный лев. Иначе они поплатятся жестоко. Пусть не забудут мудрые слова мыслящих людей: «Наступить удаву на хвост — попасть на удочку смерти, ходить в потемках неосторожно — вывихнуть себе ногу».

Так вот, помни мое поручение и в подробности передай своим, — сказал грозно Шура, оставляя на перевале дрожащего Тасмергена без ушей, без носа. Злополучный Тасмерген дрожал всем телом, сердце его билось, как рыба, вытщенная из воды. И вот он побрел домой, преследуемый воронами да мухами, зачуявшими запах крови, и явился к Кара-хану.

Хан имел еще ранее сведение, что Тасмерген отправлен в засаду, но, тем не менее, был удивлен, когда пред ним предстал изуродованный и окровавленный Тасмерген.

— О мой повелитель! Меня постигла великая беда, я лишился ушей и носа и стал теперь посмешищем людей. Позор, который я испытал, перейдет из поколения в поколение, будут рассказывать обо мне в сказках и петь в песнях.

Зачем я отправился на Тасбулака? Неужели для того, чтоб обжечься, схватив по неосторожности из потухшего костра тлевшее полено? О Боже, как Ты покарал меня. Как будто б я не мог умереть, не лишившись своих членов. Уж подлинно, кого Ты проклянешь, тот сам полезет на беду!..

Так раскаивался в своем поступке мстительный Тасмерген и закончил свое повествование, передав хану поклон Шуры.

Кара-хан был в душе весьма доволен, что Тасмерген поплатился так жестоко.

— Никто не должен и не может встать поперек дороги Шуре, никто не останется безнаказанным, если осмелится нанести ущерб таминцам. Так и передай своим айрактинцам, — сказал Кара-хан.

Весть об участии, постигшей Гасмергена, быстро дошла до всех айрактинцев, и с этого дня они трепетали даже при произнесении имени Шуры.

Между тем Шура неутомимо продолжал свой путь. Но тоска по родителям и таминцам, оставшимся в Аккала на произвол судьбы, и одиночество его, как мусафира, в неведомой пустыне, повлияли на его душу; он невольно заплакал.

— О Боже! Одиночество подобает лишь Тебе одному; человек же не может существовать без подобного себе существа. Еду я один по необъятной Твоей пустыне. О милосердный, если б я не был один у отца и матери, очутился ли бы в таком положении?.. Одного человека не распластает на две части, он всегда останется один. Пока сижу я в юрте — есть в ней живая душа, отлучись я из нее — там пусто.

О Справедливый из справедливейших! Еще раз умоляю тебя, дай ты мне увидеть Казан и сохрани под Своею сенью моих родителей! — молил Шура, оставляя за собой пределы владений Аккала. Немало дней провел Шура в дороге, по неведомым ему местам, пока не увидел едва заметное очертание одной горы. Он ехал до ее подошвы целый день и доехал лишь вечером.

Здесь Шура нашел один родник и, невзирая на мучительный голод, снял с седла подушку, положил под голову и задремал. В это время на водопой набежала масса диких коз; вслед за тем Шура услышал явственный голос: «Одну из коз я отдаю Шуре; остальных он не должен трогать».

Голос этот принадлежал святому Гаиб-ирану, которого Шура приветствовал салямом; старец исчез. Его обещание тотчас сбылось. Одна из диких коз, потерявшая в этот день зрение, налетела на чубарого, который ударом копыт положил ее на месте, а Шура тут же прирезал и изготовил себе жареное. Напитавшись таким образом, он горячо благодарил Бога за милость и, восхваляя Его могущество, лег спать.

«Если ты, Шура, окончил свою трапезу, то спеши удалиться от родника подальше, иначе рискуешь остаться под копытами куланов, которые несутся на водопой», — послышался Шуре чей-то громкий голос. Он мигом соскочил и едва успел отбежать в сторону, куланы уже неслись в бесчисленном множестве прямо к роднику.

Всю ночь Шура был свидетелем всевозможных явлений. Каких только зверей не перебивало на водопое! Прибегали большими партиями лисицы, им на смену приходили волки, оглашая воздух своим неприятным воем, и т. д. Наконец рассвело; на водопой явились львы. Один из них, заметив чубараго коня, бросился на него, но был поражен меткою стрелой Шуры.

К восходу солнца около родника не оставалось ни одного зверя; была полная тишина. Утомленный от бессонной ночи благодаря нашествию всяких зверей Шура расположился около воды и заснул крепким сном, не пошевелив ни одним мускулом. Стоявший около него конь заметил огромного удава. Он полз, сверкая, как извилистый арык; оба глаза его горели огнем: страшно шипя, он подполз к коню и стал его втягивать в себя. Бедный чубарый, приблизившись к Шуру, стал отчаянно бить передними копытами, но хозяин, не приподнимая головы, ударил его нагайкою; конь присмирел. Удав приполз совсем близко, встал на хвост и с особенным усилием начал втягивать в себя беззащитного коня, вызывая своим движением сильный ветер и пыль. Чувствуя свое опасное положение, чубарый подошел к воде, пронзительно заржал и усиленно стал брызгать в Шуру задними ногами. Шура вздрогнул, почувствовав на лице брызги холодной воды, и моментально вскочил. Удав стал притягивать его к себе; Шура закачался, но не растерялся. Он схватил свой лук, крепко натянул и пустил стрелу в своего противника. Стрела угодила удаву в голову и вышла из хвоста. Тем не менее чудовище вновь бросилось на свою жертву, но на этот раз уже не с такою силою. Вторая пущенная стрела тоже пронзила удава насквозь и вышла из хвоста; он присмирел. Шура отрезал ему голову кинжалом, а затем невольно должен был покинуть родник Чара-юк и ехать далее. Горячо благодарил он Всевышнего за спасение своей души.

Продолжая свой трудный путь, он въехал в сосновый лес, долго в нем блуждал и не мог никак выбраться: лесу, по-видимому, не было пределов.

Настали наконец сумерки; Шуру клонило ко сну, он поддался утомлению и заснул в непроходимом лесу: ведь он еще был в детском возрасте. В полночь лег и чубарый конь.

Вскоре на них набрели три лесных дикаря, густо обросших волосами. Они были без оружия: оружием у них была сила рук. Двое бросились на лошадей, а один из сильнейших — на Шуру.

Чубарый вскочил на ноги, а дикари крепко вцепились ему в гриву и волочились, описывая круги по лесу.

Шура в тот момент, когда на него бросился дикарь, услышал неведомый голос святого, предупреждавший об опасности. Почувствовав на себе тяжесть лесного человека, он вскочил без большого усилия, взял дикаря за ноги и, взмахнув несколько раз над своею головою, ударил его с такою силою о землю, что у врага не осталось ни одной целой кости. Затем бросился выручать своего дорогого чубараго. Шура совершенно хладнокровно схватил обоих дикарей за затылки и бил их лбами друг о дружку до тех пор, пока не убедился, что они более не в силах будут приносить вред роду человеческому.

— О Боже! Оказывается, в Твоей воле опасностей много! Надо полагать, что час мой еще не пробил... Тысячу раз благодарю Тебя, мой Создатель! О мой незабвенный спутник чубарый, не унывай! Ты — единственный представитель животного мира, а я — рода человеческого!.. Мы зависим от беспредельной воли Его. Он нам даровал жизнь, Он и может отнять ее у нас в этой необъятной пустыне... Ты разлучен с табуном, а я с родным гнездом! О Бог мой! Ободри и успокой моих нечастных родителей, сердца которых стали как кусочки жареного мяса от жестокой печали по мне! — молил со слезами на глазах Шура.

Так продолжал свой длинный путь неутомимый наездник. Он много проехал полей и дремучих лесов, и озер, и дорог; чего только он не испытал! Подчас бывал весел, подчас угрюм и печален.

Твердая решимость и несокрушимая воля всегда приводят к цели. Теперь Шура уже вступил в пределы земель Казана.

Встретив одного старика, высохшего, как перекасти-поле, Шура сделал ему почтительный саям.

— О седой отец! Поди сюда, поздороваемся, — сказал, сияя Шура. — Я уже давно не встречал человеческого лика. Тебя как бы сам Бог послал мне в подарок! — Старик, взглянув на незнакомца, был поражен величием и красотою его.

— О Создатель! Мне уже семьдесят лет, но никогда я не встречал такого юношу; из каких земель он мог бы быть? Ведь это просто счастливый герой века! — думал старик.

— Ты, я вижу, судя по капкану, который несешь на своих плечах, зверолов. Где ж твоя добыча? И где твое место жительства?

— В старину у нас старшие задавали вопросы, а младшие обыкновенно отвечали. Ты, мой красавец, заговаривая первым, нарушаешь этот добрый обычай. Ну да Бог с тобою, я прощаю тебе эту оплошность. Ты слишком подкупил меня своею красотой и богатырским видом. Если уж ты хочешь знать, кто я, так изволь, удовлетворю твое желание. Зовут меня Тубылгы-шал, родом я таминец, из Казана, занимаюсь звероловством при помощи капкана.

Шура чрезвычайно обрадовался, когда узнал, что Тубылгы-шал таминец, бросился обнимать его и гладить по голове.

— О юноша мой! Скажи, какого ты сада цветов, где ты родился, куда путь держишь и чей ты сын?

— Знал ли ты Нарикбая, который с своими сорока юртами, покинув Казан, откочевал в Аккала?

— Как не знать? Мало ли я ему перетаскал лисьих, карсачьих, волчьих и шакальих шкур? И за каждую шкуру он мне жаловал по лошади. А покинул он родину ради того, что не имел детей. До нас дошли потом слухи, что он шесть лет скитался по святым местам и наконец вымолил себе сына, которого нарекли именем Шура.

— Ты, старец, доставил мне большую радость, сообщив свое имя и происхождение. Теперь я в свою очередь скажу тебе о своей личности. Слухи, которые дошли до вас, ничуть не преувеличены. Пред тобою в данный момент стоит Шура, сын Нарикбая, истребивший тысячу айрактинцев, убивший Али-бия и изуродовавший его брата Тасмергена. Натворив в Аккала столько бед, я не мог оставаться там с сорока таминцами среди огромного количества айрактинцев. Я поэтому решил отправиться на родину отца, в Казан, собрать там многочисленных таминцев и вернуться с сильною дружиною в Аккала, чтобы положить конец владычеству айрактинцев.

— О мой красный сокол! Так я пред собою вижу светлые очи Нарикбая? — воскликнул Тубулгы-шал, со слезами обнимая костлявыми руками Шуру. — Да, дорогой Шура, ты не встретишь теперь у нас тех несметных табунов, которыми обладали таминцы при твоём отце. Разорили нас калмыки, угнали все. Теперь Исым-бий предлагает всем таминцам сесть на коней и отбить у калмыков наши табуны... Ты, вероятно, слышал, что у твоего отца — два брата, Кариббай и Исым-бий.

— А здравствуют ли мои дяди Исым-бий и Кариббай, и далеко ли отсюда до их аула?

— Все они здоровы, а до аула отсюда день езды.

Расспросив о дороге, Шура простился с стариком и быстро поскакал по указанному направлению. Чубарый летел, как кулан, поднимая ветер быстрым бегом, а пыль от копыт взвивалась к небу столбом, как от вихря. Так прискакал взмыленный конь на высокую возвышенность, против аула Кариббая, сделав расстояние дневной езды, в такое короткое время, в какое можно лишь успеть сварить мясо.

В это время Кариббай, сидя на лошади, сгонял в кучу своих верблюдов. Когда он увидел Шуру, пришел в изумление.

— О милосердный Создатель! Если только этот богатырь из неприятельского стана, то он один уберет наших тысячу таминцев. Сохрани же нас Господи, — прошептал про себя Кариббай.

Шура в это время сидел на коне неподвижно; чубарый бил землю передними ногами, величаво, грациозно махая головой.

Чем пристальнее вглядывался Кариббай в Шуру, тем больше сердце его нагревалось теплотою. При виде его он вспомнил брата своего Нарикбая и находил в незнакомом величественном всаднике большое сходство с ним. «А конь-то как похож на его чубарого жеребенка», — подумал Кариббай и невольно подъехал к Шуру. Тут он ближе разглядел юношу и убедился, что красивее его едва ли найдется в мире другой молодец. И Шура нашел в Кариббае большое сходство с отцом, вспомнил своих родителей и готов уже был разрыдаться, но сдержался и сделал почтительный салам.

— О мой сын! Откуда ты взялся? Куда ты едешь? Из какого рода происходишь?

— На этот вопрос я отвечу вам после. Теперь прошу разрешения вашего держать мне речь. Вы, кажется, близкий мне человек. При первом взгляде на меня вы посмотрели с такою любовью, что я сразу почувствовал сердечную отраду. Вы также не отрывали очей своих и от лошади моей. Скажите, пожалуйста, не признаете ли вы меня за кого-нибудь?

— О сын мой! Если только не изменяет мне память от старости, я признал твою лошадь. У моего среднего брата, Нарикбая, был жеребенок по четвертому году, который ничем не отличался от твоего коня, да и сам ты по посадке напоминаешь мне моло-

дочь Нарикбая, покинувшего нас с своими сорока юртами, чтобы скитаться по белу свету, вымаливая себе у святых праведников детище. Я почему-то предчувствую, что ты должен быть Шура, который так дорог моему сердцу, как племянник. Зовут меня, дорогой мой, Кариббаем.

Шура соскочил с коня быстро, как молния, и крепко обнял Кариббая.

— Предчувствие ваше вас не обмануло. Я — племянник ваш, Шура, истребивший тысячу детей айрактинцев, сразивший жестокого Али-бия, изуродовавший злого его брата Гасмергена. Я не мог оставаться там с горстью своих таминцев и должен был следовать на родину своего отца, чтобы отыскать своих родовичей и вернуться с внушительной силой к айрактинцам.

Сегодня я встретил старого таминца Тубылгы-шала; он указал мне ваш аул, и вот, после многих месяцев странствования и пережитых путевых опасностей, я, наконец, благодарение Богу, очутился в родном ауле, где провел счастливое детство отец мой Нарикбай. Ну, как вы поживаете, дорогой дядя?

Кариббай вместо ответа зарыдал, нежно потрепал Шуру по щекам, крепко сжал его в объятиях и осведомился о здоровье Нарикбая, снохи Гульханьыс и всех таминцев поименно.

— Как здоровье дорогого дяди Исым-бия и наших всех любезных таминцев? — спросил Шура.

— Они все, по милости Вседержителя, здоровы и невредимы. Но вот горе! Три дня тому назад учинили на нас нашествие калмыки и угнали все наши табуны, оставив нам лишь верблюдов и верховых лошадей. А ты знаешь, какие у нас были табуны? Чтобы только объехать их, требовался целый день. Саба наши остались пустыми по неимению кумыза. Женщины и дети плачут и не могут успокоиться от страха, наведенного калмыками.

Бедный Исым-бий! Голова у него идет кругом. Он теперь все занят составлением отряда и сбором лошадей для преследования хищного неприятеля. Тяжело ему управляться с этим делом, да поможет ему в трудное время сам Всевышний!

Теперь, дорогой мой Шура, ты отдохни, а завтра поезжай к Исым-бию, повидаться с ним, да, кстати, и проститься. Ведь он предпринимает опасное дело. Что случится с ним — я не знаю. Ведь все мы ходим под Богом.

Да, мой дорогой, в печальное время приехал ты к нам, — заключил с глубоким вздохом Кариббай.

В этот день Шура остался переночевать у Кариббая. Его пришел приветствовать двоюродный брат, Тасан мирза, в сопровождении многих таминцев. Восторгу и радости не было конца; вечер закончился большим обедом во имя Всевышнего. А к Исым-бию послали гонца получить сунучи по случаю неожиданного прибытия Шуры. На другой день, с рассветом, Шура быстро собрался в отряд Исым-бия, захватив с собою первых встречных таминцев. Он подъехал прямо к пестрой палатке Исыма и слез с коня. Весть о прибытии Шуры облетела отряд с быстротою молнии. Народ сбегался со всех частей лагеря. Многие не могли дождаться очереди, чтобы приветствовать Шуру. Палатка Исым-бия была окружена плотною стеною народа, и от тяжести его едва-едва не осела земля. Каждый прибежавший воин-таминец счел своим долгом погладить чубарого коня. Когда рослый Исым-бий здоровался с Шурой, голова его достигала лишь плеч последнего.

«Такого молодца в нашей стране нет; было бы хорошо назначить Шуру предводителем всего войска, а Исым-бию вверить отдельный отряд», — загудели воины.

Исым приходил в восторг от Шуры, тысячу раз благодарил Бога за то, что Он послал Нарикбаю и Гульханис такое детище.

— Боже мой! Ведь эта моя сила, моя опора, мой булат, разсекающий камень, мои крылья для высокого полета, — твердил от избытка чувств Исым-бий, спрашивая Шуру о здоровье его родителей и бесчисленно обнимая его.

— Отец мой Нарикбай, мать Гульханис и все таминцы, по милости Милосердного, пребывают в добром здравии и благополучии, при отъезде моем все они со слезами на глазах послали вам искренний привет, моля Вседержителя о счастливой встрече.

Исым-бий с почтением выслушал слова Шуры, склонил к груди голову и зарыдал тихим голосом.

— Дорогое мое дитя! Калмыки ограбили нас, мы остались пешими, страна наша утратила свое достоинство, народ пал настолько духом, что трудно склонить его к выступлению в Аккала. Теперь я собираюсь, не теряя времени, в погоню за варварами-калмыками, чтобы спасти наши несметные табуны, которые нам достались с большим беспокойством, трудом и потом. Ты же, не-

оцененный мой Шура, возвращайся в аул, отдохни там до нашего возвращения и дай вздохнуть чубарому коню.

Милосердие и защита нашего Творца безгранична! Я уповаю на Него, авось он, как и всегда, явится нашим покровителем и нам удастся возвратить создания, из которых многие были угнаны из родных степей, оставляя осиротелых жеребят.

Когда настанет этот светлый день, мы с Божьею помощью сядем на лошадей и поедем в Аккала, чтобы привезти дорогих нашему сердцу таминцев.

— Исым-аке! Я не покину вас в такое время! Что ж мне делать в ауле? Первый день я буду гостить, во второй день я потеряю значение гостя, а на третий — соскучусь. Чем терять свое достоинство среди женщин и детей в ауле, не лучше ли мне принять участие в вашем походе, дорогой дядя?

Ведь я прибыл сюда искать защиту моих таминцев? Раз они находятся в таком тяжелом положении, неужели ж я не могу им принести какую-либо пользу и заслужить этим их расположение?

Слова Шуры задели за живое воинов-таминцев...

— Чубарый конь должен принять участие в бешеной скачке, и сам Шура в жестокой сече! Когда калмыки опустошили наши полные саба, когда заставили они рыдать наших обладателей больших табунов, когда сверглись на нас всею тяжестью небесные облака, нам послал Всевышний этого прекрасного юношу-богатыря. Не это ли чудная милость Создателя, дарованная нам в опасную минуту!..

— О Исым-бий! Мы должны горячо благодарить Его за бесконечную к нам милость и щедроты. Теперь наша дружина будет напоминать славные полки незабвенного Тимура, этого счастливейшего героя века!! — неистово кричали воины, потрясая воздух и размахивая руками. Такое воодушевление таминцев еще более подняло дух Шуры.

— Я убежден, что в числе ваших доблестных воинов много таких людей, которые ради чести продали последних дойных коз и приобрели лошадей, чтобы принять участие в этом походе; а что может статься в их долгое отсутствие с их несчастными семьями, которые оставлены прямо-таки на попечение самого Бога. Я вижу в этом отряде много людей, которые решили сделать этот поход пешком ради Отчизны. Такое самоотвержение достойно полной похвалы. Но я решаюсь вам сказать, мой дорогой дядя, что эти

самоотверженные ваши слуги, как бы ни были они храбры и выносливы, все же будут вам в этом походе помехой. Что вы будете делать с этой мелкотой и голюю перекатной? Ведь придется их бросать в дороге, как говорится, на произвол судьбы! Своею готовностью лечь костями они уже заслужили себе полную похвалу. И я просил бы вас отпустить их с Богом к домочадцам. Все, что они могли бы принести полезного в этом походе, я решаюсь принять всецело на себя и буду просить в данном случае помощи милостивого Создателя.

Исым-бий вполне согласился с мнением Шуры и отправил беднейших и пеших таминцев обратно в аул. Остальной отряд с распущенными знаменами и значками выступил в поход по той дороге, по которой калмыки угнали табуны.

Отряд двигался так быстро, что вскоре калмыки оказались впереди только на день езды.

Таминцы желали догнать неприятеля возможно скорее и, уже приближаясь к буграм Кабсагай, некоторые из воинов на лихих скакунах порывались ехать вперед в качестве охотников.

Накануне этого дня, на рассвете, один из калмыков, по имени Кузмамбет, служивший в калмыкском лагере в качестве начальника караула, расставленного цепью сзади неприятельского стана, видел сон, который, по его мнению, предвещал ему что-то недоброе.

— Судя по сну, который мне приснился сегодня на рассвете, нас должен настичь скоро неприятель, во главе которого — чудо-богатырь, по имени Шура. Этот молодец по могуществу своему может соперничать с сказочным Хас-батыром⁸³. Уж если он настичет нас, то, вероятно, натворит беды, как волки, попавшие в стадо беззащитных баранов.

Мне думается, что нам необходимо теперь же, ночью, погнать табуны далее, под надежным прикрытием, — сказал со страхом Кузмамбет.

— Однако какой же ты трус! Испугался сна, — расхохотались товарищи Кузмамбета. — Ведь сон это не что иное, как лисий помет? Чего же тут трусить? Напротив, если ты испугался во сне, то, значит, обрадуешься наяву... Да и какой неприятель может преследовать нас? Неужели ты опасешься Исым-бия, которого

---

⁸³ Имя калмыкского богатыря.

мы смело можем преследовать до самого его аула, где потом он не отдышится целую неделю. А насчет Шуры твоя тревога совершенно нелепа; как он может очутиться здесь, живя в Аккала?

— Не рано ли вам, друзья, смеяться надо мною?.. Посмотрел бы я на вас, когда предстанет пред нами на своем чубаром коне Шура и как начнет подметать вас, как негодный мусор!..

Напрасно, напрасно вы воображаете, что я между вами один из выдающихся трусов.

И так совет Кузмамбета не был принят, и он, раздраженный, лег снова спать.

Когда стало совершенно светло, калмыки стали собираться в дальнейший путь, оставив на Кабсагае разведчика, калмыка Садыра. Они, по-видимому, не торопились. Гнали табуны медленным шагом, не утруждая жеребых кобылиц, жеребят и хромых лошадей. Посторонний человек мог бы предположить, что калмыки гонят собственный скот. До того доходили их беспечность и самоуверенность.

Теперь вернемся к таминцам.

В отряде их набралось довольно много желающих принять участие в компании охотников, и вот эти молодцы поскакали на своих лихих лошадях, чтобы скорее настичь калмыков. Проскакав порядочное расстояние, их обогнал Шура на своем чубаром коне. Охотники не успели и глазом моргнуть, как он пролетел мимо, быстро оставляя их за собою. Шура скрылся от взоров таминцев, еще далеко не достигнув бугров Кабсагая. Несмотря на гладкую бесконечную степь, охотники не только не могли скакать вместе с Шурой, но даже теряли всякую надежду удержать его в виду — так быстро несся он. Вначале они видели пыль, поднятую чубарым, потом — черное пятнышко лихого скакуна с сказочным богатырем, а затем от их взоров исчезло все.

Наконец Шура примчался к сторожевому посту Садыра. Вначале Садыр и его команда из десяти калмыков не могли различить, птица ли огромных размеров летит к ним, или же что-либо другое. Когда уже Шура очутился около самого их носа, тогда лишь калмыки увидели, что пред ними вырос богатырь в боевых доспехах.

Величественный вид Шуры вызвал должное почтение калмыков к богатырю, и они поспешили сделать ему, по своему обычаю, саям. Но Шура не обратил на это внимания.

— Доброго пути, храбрый всадник, — произнес Садыр.

— Я потерял несметные табуны, а потому потерял и сон. Спокойствие в душе моей водворится только тогда, когда ко мне вернется утраченное, — сказал грозно Шура.

— Я вижу, что в тебе развита слишком большая самонадеянность! Ты знаешь, что мы — хищные птицы, всегда помышляющие о добыче; ты знаешь также, что мы — царственные львы, не упускающие из своих лап попавшуюся жертву. То, что попало в наши мощные руки, уже обратно не возвращается. Это правило, которого мы постоянно придерживаемся и свято исполняем.

Бесполезно хлопочешь ты о своих табунах, которые уже более не твои. А вот насчет коня, на котором ты сидишь теперь, надо потолковать, и, пожалуй, тебе придется с ним расстаться, — сказал серьезно Садыр.

— Или ты пьян, ничтожный калмык, или же пред погибелью твоею Бог отнял у тебя разум! Ты взгляни, кто стоит пред тобой?... Уж подлинно, «ворона, которой час пробил, бросается на беркута». Ведь всего вашего калмыцкого племени не хватит мне для одного глотка! О ничтожные творения! Я вам даю возможность всем десяти человекам сделать в меня по три выстрела из ваших жалких луков как бы в отместку мне за то, что я сейчас натворю вам.

Калмыки засуетились, схватили свои луки и сделали по Шуру по три выстрела, но ни одна из них не вонзилась в него.

— Не страшна же ваша месть! Теперь моя очередь стрелять в вас. Встаньте все десять, в одну линию вплотную, я попробую пустить в вас свою стрелу.

Калмыки последовали приказанию; Садыр встал с краю. Натянув мощною рукою лук, Шура пустил стрелу и всех калмыков положил на месте за исключением Садыра, который уцелел, благодаря тому, что встал с краю.

— Ну, что, братец! Куда девалась твоя львиная храбрость, которой ты сейчас лишь хвастался? — сказал Шура Садыру, связывая ему руки и сажая его на лошадь в качестве своего проводника по дороге к неприятелю.

Продолжая свой путь, наконец они стали приближаться к калмыцкому отряду, который угнал табуны таминцев.

— Ступай, скачи вперед и предупреди своих воинов, что едет за тобою Шура-батыр.

Садыр почтительно повиновался приказанию и со связанными руками поскакал к своему отряду. Подъехав к посту Кузмамбета, он с трепетом сказал:

— За мною едет Шура; если не верите мне, то можете убедиться в этом, когда увидите его чубарого коня. Я вам советую не сопротивляться ему. Это послужит вам лишь к гибели, и ни один из вас не вернется на родину.

— Не вы ли пренебрегли моим советом, когда я просил погнать табуны ночью, не выжидая утра? Я вам предсказывал смысл моего сна, а вы подняли меня на смех, что, мол, сон не что иное как «лисий помет». Вот теперь и отдувайтесь, как хотите, а я складываю оружие, сказал Кузмамбет, увидев представительного Шуру и сделав ему почтительное приветствие.

Калмыки, тем не менее, встретили Шуру враждебно, злобно поглядывая на него. Шура не обратил на них никакого внимания и величественно начал объезжать неприятельский лагерь. Увидев свои табуны, он пришел в такую ярость, которую трудно передать. Чубарый конь, как бы чувствуя настроение своего хозяина, стал горячиться и таскать Шуру по всему калмыкскому стану. Закипела душа молодого богатыря, и вот он начал производить опустошение в рядах неприятеля. После каждого его размаха валилось с лошадьми по десяти калмыков. По всему лагерю скакали без седоков неприятельские лошади со скатившимися на живот седлами. Везде и всюду валялись изувеченные калмыки, оглашая воздух своими стонами, а Шура, как молния, носился по лагерю, истребляя неприятеля; он щадил только тех, которые изъявили ему покорность и просили даровать им жизнь. Натешившись вволю, он приказал калмыкам повернуть табуны обратно, т. е. по направлению к Казану. Затем приказал зарезать жирную кобылу и приготовить обед. Калмыкам приказано было собирать дрова для таминского отряда. Работа закипела; котлы с варившимся кобыльим мясом тоже кипели. Словом, Шура сидел, как у себя в ауле, распоряжаясь неприятелем, словно собственной прислугой. Так блистательно шли дела Шуры, когда прибыл со своим отрядом Исым-бий.

Таминцы были поражены этим зрелищем, свидетельствовавшим на каждом шагу о небывалом погроме за несколько лишь

часов до их прибытия. Они пришли в умиление, когда увидели свои мирно пасущиеся табуны, кипящие котлы и изувеченных калмыков. «Да благословит великий Бог доблестного Шуру! — вырвалось у всех таминцев в один голос.

А чубарый конь, живой свидетель только что происшедшего, стоял на приколе, выбивая копытами землю и описывая круги, точно мечтал сделать шестью прыжками расстояние в день езды.

На следующий день таминцы составили военный совет, на котором было решено отправить табуны обратно в Казан, а самим двинуться во главе с Шурой к представителю всех калмыков Караману, чтобы отобрать у него табуны.

— Нам не избежать новых нападений Карамана, а теперь в особенности. Он будет мстить нам за позор Кузмамбета и Садыра. Единственное спасение для нас, если мы убьем его с помощью нашего ясного сокола и небывалого богатыря Шуры. Тогда только для нас настанет тихая и мирная жизнь, — галдели таминцы с пеною у рта, садясь на лошадей.

И так, таминцы, отправив свои табуны домой, двинулись во владения Карамана. Ехали они день и ночь, с большою поспешностью, забыв о сне и отдыхе. Главным путеводителем у них был Кузмамбет, а с Садыром покончили еще в дороге. После многих дней в пути они наткнулись на бесчисленные табуны Карамана. Пасло их более шестидесяти калмыков. Пастухи эти все были взяты в плен. Таминцы получили от них подробные сведения о Карамане.

Оказалось, что он с сорокатысячным отрядом выступил в поход для занятия какого-то узбекского города и что столица Карамана пуста, а текущими мирными делами заведуют сестры Карамана, Ханыкей и Таныкей.

Хотя озлобленные таминцы отбили табуны Карамана, алчность их не ограничилась этим. Хотя, между прочим, при дележе досталось каждому из них по пятидесяти лошадей, они все же жаждали занять покинутый город, предвкушая обильный грабеж базаров и домов. Кроме того, воины имели в виду завладеть сестрами Карамана, чтоб отдать их в жены Шуру и Исым-бию. С этою целью весь отряд таминцев двинулся к городу.

В числе множества лошадей калмыкских табунов выявлялась резко одна. Это был пятигодовалый серый скакун, принадлежав-

ший Караману. По красоте своей и быстроте он превосходил всех лошадей.

Выступая в поход на узбеков, Караман пожалел молодость серого коня и оставил его в табунах.

Шура, увидев этого скакуна, был изумлен необыкновенным складом его и приказал поймать, но серый, почуяв опасность, поскакал к городу. Шура пустился за ним на своем чубаром коне вплоть до самых стен города, но безуспешно. Серый несся все время впереди на расстоянии взмаха пики и, домчавшись до городских ворот, влетел в них. Очутившись в своей конюшне, серый не мог отдышаться. Ноздри его отдувались, глаза блестели огнем, а уши торчали вверх. Видно было, что он никогда не подвергался такому преследованию.

Увидев взмыленного коня, Ханыкей и Таныкей заплакали, предчувствуя что-то нехорошее.

— О Боже! Кто мог напасть на наши табуны, кто мог преследовать по пятам нашего серого скакуна, который в состоянии ускакать от любой птицы!

Я предчувствую, что на наши табуны напал этот баснословный Шура. Ведь говорили ж, что он обладает чудным конем, быстрота которого поражает всех и каждого. Очевидно, и серый наш подвергся его преследованию, — говорили с трепетом сестры, обтирая шелковым платком и пот с головы своего любимца.

Прекратив, погоню за серым скакуном около самых городских ворот, Шура отъехал в сторону и оставался там до ночи, пока не подъехал к стенам города отряд таминцев. Он был скучен и мрачен; конь его, как бы чувствуя свою вину, не ел корма. Шура до сего времени был уверен, что не найдет соперника его чубарому скакуну.

Отряд Исым-бия оставался до утра за стенами города. Когда городские ворота растворились, чтобы выпустить в поле рогатый скот, таминцы бросились в них с адским криком, подняв густое облако пыли, от которой не видно было ничего. Таким образом, город был занят без боя. Шура тотчас же поехал во дворец Карамана и воссел там на престол. Его сопровождали Исым-бий и Тасан-мирза.

В течение трех дней город был подвергнут опустошительному грабежу таминцев. Награбленной добыче не было конца и счету.

Так как таминцы продолжали свой беспощадный грабеж и неистовствовали в городе, Шура и Исым-бий приказали воинским начальникам немедленно призвать их к порядку и собрать всех в строй. При проверке оказалось, что во время грабежа убито двести таминцев.

Когда в городе все успокоилось, Шура вступил в законный брак с Ханькей, Исым-бий с Таныкей, а Тасан-мирзу женили на дочери Карамана. Кузмамбет же получил важное назначение по управлению калмыками. И так в городе потекла спокойная мирная жизнь.

Спустя месяц, заняв узбекский город, поженив на дочерях их старших и младших воинских своих чинов и обратив жен узбеков в рабынь, Караман подъехал к своему городу.

Он уже знал о положении дел, а потому для переговоров послал в город своего помощника. Он должен был немедленно потребовать серого скакуна и предложить Шуре выехать на поле брани, вооружившись и облачившись в боевые доспехи.

Получив такой вызов, Шура собрал военный совет.

— Что нам теперь предпринять: сразиться ли с отрядом Карамана в городе или же дать ему битву на открытом поле?

— По моему мнению, надлежит оставить город и выступить на поле брани. Калмыки, находящиеся в городе, несомненно еще питают к нам вражду, и весьма возможно, если мы сразимся с отрядом Карамана в стенах города, то можем потерпеть неудачу, — сказал Исым-бий Шуре.

План Исым-бия был одобрен всем отрядом; таминцы стройно выступили из города и, выбрав себе удобную позицию, встали против неприятеля. А серый конь между тем был отправлен к Караману.

Минута была торжественная. Оба отряда ожидали жестокой битвы и готовились по первому знаку пуститься в кровавый бой.

Наконец из неприятельского стана, по поручению Карамана, выехал один всадник и подъехал к Шура-батыру.

— Я послан к вам моим властелином для переговоров. Заботясь постоянно о благополучии своих подданных, Караман избегает бесполезного кровопролития. Он предлагает вам решить победу поединком. Так как в обоих наших станах только два богатыря, которые могут померяться богатырскими силами, то Караман дела-

ет вам вызов сразиться с ним. Согласны ли вы принять такое его условие? — сказал посланный Шура.

Шура принял предложение и послал к Караману человека, передать, чтобы он не нарушал условия поединка и не пускал своих воинов для общего побоища и что иначе и он, Шура, прикажет своим таминцам начать бой.

Тишина была могильная; ни один воин в стане не шелохнулся, все, притаив дыхание, остались словно застывшие, в ожидании небывалого побоища двух исполинов.

Наконец медленно и сурово выехал на своем сером скакуне Караман. Он был весь одет в железо. Рукоятка копья его по толщине не уступала балке, а ручка батика, висевшего на плечах, напоминала столб. Каждый воин в этот момент думал, что он видит пред собою Кахармана⁸⁴.

Одновременно выехал к нему навстречу и Шура. Чубарый в этот день был особенно красив, игриво махал он головою, выбивал землю копытом, раздувал ноздри и неистово фыркал.

Так сошлись два властелина и силача, приняв на себя каждый по несколько тысяч смертей, которые ждали их верных воинов.

— О Шура! Ты занял беззащитный мой город, отбил у жалких моих пастухов табуны, женился на беззащитной девице, не уплатив калыма! Это ли твоя храбрость?.. Ну-ка, взмахни своим батиком, пусти свою стрелу, побалуй своей шашкой, поверти своей пикой! — сказал полшутя Караман.

— Ты калмык, а я киргиз, но это не помешало нам породниться. Ты завладел моими табунами в отсутствие мое, а я, дурень, счел это за сватовство, и вот, по воле судеб, стал твоим зятем, а ты — моим тестем; итак, значит мы в расчете. Право начать поединок принадлежит тебе, как старшему, а я уже буду кончать, — сказал с усмешкой Шура.

Караман озлобился от шутки Шуры, встал боком, достал из колчана лук и стрелу и натянул последнюю с такою силою, что правая рука его очутилась у правого уха; стрела со свистом полетела, но не попала в Шуру. Затем Караман выпустил еще две стрелы, но таковые были отбиты щитом.

---

⁸⁴ Имя одного героя; победитель, непобедимый, могущественный (говорится о царях).

Настала очередь Шуры. Он встал левым боком вперед, вынул длинную стрелу, натянул ее до того, что металлическая часть ее коснулась дуги лука, и пущенная стрела с треском попала в Карамана, пробила кольчугу, но задержалась в *катдау*⁸⁵. Следующие две стрелы были пущены также метко, но благодаря кольчуге не причинили особенного вреда Караману.

Тогда противники сошлись на конях. Удары были ужасающие, от которых дрожала земля. Богатыри бились до тех пор, пока не разбили свои копья вдребезги. Оба они отличались необыкновенной силой, храбростью и ловкостью, так что перевеса не было ни на одной стороне. Противники разгорячились и взялись за батики. Сначала они разъехались, а затем налетели друг на друга, словно разъяренные львы. Началось жаркое побоище. Удары, наносимые друг другу, были настолько сильны, что кони богатырей едва удерживались на ногах, а треск и стук напоминали грохот тяжелых кузнечных молотов. Наконец Шура и Караман схватились за шашки. Здесь ожесточение дошло до крайних пределов. Бились они до заката солнца. Были перерезаны от ударов острых шашек, все ремни, на которых держались железные доспехи противников. Караман выбился из сил и прекратил побоище, прося Шуру отложить состязание до будущего утра. Так разъехались два чудо-богатыря.

— Мне уже сорок лет, но я еще не видывал такого молодца, — сказал утомленный Караман по возвращении в свой стан.

Немало также был поражен мужеством Карамана и Шура.

— Огонь наш еще не погас, счеты наши еще не окончены. Мы употребили в дело все оружия, которыми владеют доблестные воины, но все это не привело ни к чему. Попробуем мы теперь, светик мой, Шура, силы свои в единоборстве, — сказал Караман на другой день, выходя на поле поединка.

Шура принял предложение, и оба богатыря, привязав своих боевых скакунов к дереву, засучив рукава и шаровары, вступили в борьбу.

---

⁸⁵ *Катдау* — халат, специально предназначенный для ношения под кольчужой. Он простеган на шелке очень часто, чтобы задерживать стрелу и не дать ей войти глубоко в тело.

Таминцы с Исым-бием рыдали и просили помощи Всевышнего, они потеряли всякую надежду на победу, потому что Караман был величайшего роста. Когда они сходились на борьбу, голова Шуры не достигала плеч противника. Первые моменты Караман пытался встряхнуть Шуру, но усилия его были напрасны; Шура оставался на месте, как железный столб, врытый в землю. Караман, тем не менее, следил за удобным моментом, словно коршун, но Шура был крайне осторожен и следил за каждым его движением и попыткой. Так возились три дня и три ночи неутомимые богатыри. Наконец Шура вышел из терпенья, поднял Карамана, словно маленький сверток кошмы, и, ударив его о землю, сел ему на грудь.

— О неверный калмык Караман! Ты должен теперь принять мою веру, иначе тебе смерть! — закричал Шура.

— Лалай, лалай дух⁸⁶! — воскликнул хриплым голосом Караман. — Веру твою я отвергаю. Я был чист, как белый лебедь, но ты первый запачкал спину мою о землю, которая до сих пор не касалась ее. Прошу тебя, прежде чем слезть с меня, отрежь мне голову, владей сестрой моей и серым скакуном. Для тебя дорог базар сего мира, а для меня базар загробного мира! — продолжал Караман и затих на этих словах. Шура моментально выхватил кинжал и так же быстро отрезал голову Карамана.

Калмыки бессовестно нарушили договор. Пользуясь своею многочисленностью, они начали битву. Оба отряда ринулись друг на друга и слились словно две огромные реки. Рубились шашками, словно нагайками, кровь бежала, как вода, над полем битвы носились облака пыли. Богатыри Шура, Исым-бий и Тасан-мирза, с помощью Милосердного и Вездесущего, подметали калмыков, словно метлою. Поле брани было покрыто сплошною массою трупов, как обширное поле хлебопашцев нескончаемыми снопами.

После трехдневного ожесточенного боя таминцам был дан отдых. На каждого из таминцев за доблестный труд досталось при дележе по сто лошадей.

Это было одно из больших сражений.

Покорив столицу Карамана, таминцы еще не могли оставаться с спокойною совестью; им нужно было подчинить и других под-

---

⁸⁶ Вероятно, обращение к Всевышнему на калмыкском наречии.

ведомственных Караману калмыков. Для этой цели отряд Шуры делал походы на окрестных калмыков. Полное спокойствие и водворение порядка последовало только через семь лет после боя с Караманом.

И так наконец наступило для таминцев мирная и спокойная жизнь, после бесконечных походов, лишений и нескончаемых смертей.

Спокойная жизнь не особенно благотворно повлияла на настроение Шуры. Однажды на него нашла сильная хандра, и он слег в постель.

— О дорогой мой Шура! Что с вами случилось? Не имеете ли вы сосватанную невесту, не скучаете ли по ней? Или же нужно искать причину вашей грусти в чем-либо другом? — спросила с участием Ханькей-слу⁸⁷.

— Вы — единственная моя подруга жизни, другой у меня нет, — сказал прослезившись, Шура. — Но у меня есть другая тяжкая печаль. Я оставил своих дорогих родителей с сорока юртовладельцами таминцами среди многочисленных врагов-айрактинцев, а сам отправился в Казан, чтобы вернуться обратно с отрядом и отомстить этим извергам. Но Всевышнему угодно было распорядиться иначе. Я попал в ваши владения и вот застрял здесь на семь лет. Что стало с моими несчастными стариками, сказать даже страшно. Я не могу, дорогая моя Ханькей-слу, оставаться более здесь. Мы должны отправиться в Казан, а затем с отрядом таминцев, под предводительством Исым-бия, выступить в Аккала.

Шура немедленно потребовал к себе Кузмамбета, вручил ему полномочное управление калмыками, а сам, забрав все богатство, приобретенное войною в этой стране, выступил с таминцами и с сотнею человек близких родственников в Казан.

Ханькей-слу поехала на богато убранном иноходце по имени Ботбай, сам Шура на сером скакуне Карамана, а чубарого вели в поводу. Ровно через месяц таминцы были уже в Казане. Они были восторженно и радостно встречены почетными людьми, которых Шура награждал подарками; при этом Кариббай получил несметное количество драгоценных вещей.

---

⁸⁷ Ханькей и Танькей по вступлении в брак с Шурой и Исым-бием получили к именам своим придаточную частицу «слу», что значит в переводе — красавица.

По случаю радостного события устроен был той, который продолжался целую неделю.

По приказанию Шуры на базарах Казана разъезжали глашатаые, приглашая таминцев идти войною на айрактинцев в Аккала. Вскоре составился отряд в шесть тысяч конного войска при шести знаменах и двадцати четырех значках. Каждый воин имел при себе, как путевое довольствие, по одному курджуму *курт*⁸⁸.

Немало полей, рек и безводных пустынь пришлось переехать выносливым таминцам, пока наконец они в полном изнеможении не достигли пределов владений Аккала.

Переваливая каменистые кручи Тасбулака, чубарый скакун пронзительно заржал, наострил уши и отчаянно стал бить копытами. Он вспомнил опасные моменты, когда Шуре предстояла смерть от руки злополучного Тасмергена, которому Шура за его злой умысел отрезал нос и уши.

— О каменистый и высокий Тасбулака! Я приветствую твои белые снежные вершины! Семь лет тому назад ты был свидетелем, как сокрушенный Шура, один как перст, поехал в Казан, к своим родным таминцам. Теперь ты его вновь видишь, во главе шеститысячного удалого отряда!... О Кермесенсаз! Что-то ты сулишь к моему возвращению? — Так размышлял Шура, слезая с чубарого у опушки леса, перевалив Тасбулака.

В это время спустились к роднику два гурта баранов, и до слуха Шуры явственно стал доноситься разговор двух пастухов.

— О ты, собака-таминец! К чему смешал своих баранов с моими? Как я теперь выделю своих, не зная даже и примет их? Они достались мне недавно и совершенно случайно. Ты, должно быть, имеешь намерение присвоить их себе, как пригульный скот? Это весьма возможно, потому что вы и сами-то у нас пригульные, да и помыслы ваши такие же.

— О собака-айрактинец! Виноват ли я в этом? У тебя такой крошечный гурт баранов, ты скорее мог повернуть своих в сторону. Ведь зря ты меня ругаешь, чувствуя силу своих айрактинцев.

— Уж если ты сознаешь наше могущество, то я советую тебе поджечь хвост! Ведь вы, таминцы, ничтожные твари, обреченные пасти скот; а случись так, что кто-нибудь и убьет вашего брата-таминца, то и кун не обязан платить за вас.

---

⁸⁸ Сушеный сыр.

— Я и без тебя знаю, что вас много; да что ж из этого, что вас много, когда вы ни больше, ни меньше, как сорная трава, или стая ворон, на которых если налетит ястреб, похитит одну, то остальные только загалдят и больше ничего!.. Если уж вы очень храбры, то сколько получили куна с Шуры за убитых им тысячу сорок два айрактинца и за увечье Тасмергена?

— Куна мы не получили никакого; зато ваши таминцы стали нашими работниками: пасут наш скот, собирают нам топливо, девушки ваши готовят нам обед, таскают воду... А что ваш Шура? беглец и больше ничего.

— О светик мой! Ты говоришь сущую правду... Но посмотрел бы я на айрактинцев, когда б приехал из Казана наш величественный лев Шура! Тогда б, пожалуй, судьба наших девушек изменилась к лучшему, а вы, собаки, поплатились бы своими головами.

Угрозы эти вывели соперника из себя, и он, с прибежавшими айрактинцами, стал наносить таминцу жестокие побои.

— О заступник наш Шура! Когда-то ты приедешь к нам!.. О Всевышний, услышишь ли Ты нашу молитву? — зарыдал, громко приговаривая таминец-пастух, получая побои от своих недругов.

Долго крепился Шура, но, заслышав рыдания и мольбы несчастного пастуха, не выдержал, подбежал и разбросал всех айрактинцев во все стороны.

— Как вы смеете нападать на одного человека такую оравую? — закричал он на айрактинцев.

Несчастный пастух сразу узнал своего покровителя, со слезами упал на колени и обхватил ноги Шуры.

— Я здоров и невредим, — сказал ему Шура, — за мною следуют шесть тысяч таминцев. Скажи, дружище, здравствуют ли мои дорогие родители и сорок юртовладельцев-таминцев?

— Четыре года после вашего отъезда мы жили спокойно, и никто нас не тревожил, а потом прошел слух, что будто бы вы убиты калмыком Караманом. Айрактинцы, получив известие о вашей гибели, ограбили нас, превратили в своих слуг и всячески издевались над нами.

О мой Шура-батыр! Мы теперь беспомощные люди и безропотные холопы айрактинцев. Низведены до такой низости, что вынуждены выдавать своих дочерей за женатых своих врагов.

Отец и мать ваши, благодарение Богу, здравствуют. Но, увы! Беднота их дошла до крайних пределов: они нуждаются в ежедневной пище и добывают ее тяжелым трудом. Старик работает кетменем, а мать занимается пряжею. Много лет взоры их были обращены по направлению к Казану, но все было тщетно: не могли дожидаться вас.

— Я должен теперь отправиться к своему отряду; ты поезжай к моим родителям, сообщи им, что я еду, и получи с них суюнчу.

— О мой господин! Поездка моя будет бесполезна. Не раз приходили слухи о вашем приезде и не раз получали со стариков суюнчу, но впоследствии слухи эти не подтверждались, и старики преждевременно радовались. Теперь они и не поверят моему сообщению. Убедить их можно только тогда, если вы дадите мне съездить к ним вашего чубарого коня; он будет явным доказательством вашего прибытия.

Шура дал чубараго пастуху; он со страхом сел на него и, как вихрь, полетел в аул Нарикбая. Прискакав туда, он застал Гульханыс за прялкой, а Нарикбай стоял с кетменем, печально понуриив голову.

— О почтенные старики! Для вас и для нас настал сегодня светлый день: справа возшло солнце, слева — полная луна!.. Вы знаете, Богом вам данный и взлелеянный вами богатырь Шура едет вслед за мною! Дайте же мне суюнчу! Я разговаривал с ним, он едет с большим отрядом, в сопровождении Исым-бия и Тасан-мирзы! — воскликнул, торжествуя, пастух, срывая с головы Нарикбая жалкую баранью шапку.

— Много, светик мой, я получал таких вестей, но все они оказывались потом ложными. Спасибо тебе за доброе слово. Могу только сказать тебе одно: твои бы слова да ангелу в уши!

— Я вижу, вы мне не верите! Так посмотрите на чубарого скакуна!

Нарикбай, увидев чубарого, бросился к нему, заревев, как ребенок; обхватил шею коня и, как помешанный, стал целовать его в лоб. Чубарый стоял смиренно, с легкою дрожью. Гульханыс и Нарикбай не знали, что делать. Они трижды обошли с плачем чубарого коня.

— О мой дорогой чубарый! Благополучно ли ты довез мое единственное сокровище!.. О Боже! Мог ли я предполагать, что

поеду еще на этом чудном Твоем создании, — сказал сквозь слезы радости Нарикбай, садясь на незабвенного чубарого коня, чтобы поехать навстречу Шуре.

Минуту спустя чубарый уже мчал на себе Нарикбая.

Недолго ему пришлось ехать, как пред ним показался шеститысячный отряд. Впереди ехали величественно Шура, Исым-бий и Тасан-мирза. Заметив Нарикбая, все трое слезли и с лошадей; их примеру последовал и Нарикбай. Встреча была торжественная, трогательная и умилительная. Слезы радости лились потоками. Вслед за этим подъехала и Гульханыс. Она со слезами ринулась к Шуре и повисла, рыдая, на его шее. Восторгу ее не было конца; она не знала, как обласкать его. Во время этой суматохи поскакал гонец к Кара-хану, чтобы известить его о прибытии Шуры.

Получив от гонца сведение, Кара-хан пришел в такой восторг, что едва не случилось с ним разрыва сердца. Он впопыхах сел на лошадь и, в сопровождении одного лишь есаула, поскакал по направлению к отряду Шуры. Встреча Кара-хана с Шурой была не особенно задушевна.

— Скажите мне, пожалуйста, мой властительный хан! Чем я могу объяснить печальное положение моих несчастных родителей и горсти таминцев? — спросил Шура.

— О мой дорогой Шура! В течение четырех лет я отчески пекся о твоих родителях, носил их почти на своих руках и голове. Я тогда еще имел власть, подобающую хану. Но потом в моем ханстве распространился слух, что будто бы ты погиб от руки калмыка Карамана. С того времени для меня погибло все. Враги подняли головы. Я был уже беспомощным и с сокрушенным сердцем смотрел на насилия, грабеж и обиды. Можешь все это узнать от тех, кто был очевидцем этих тяжелых дней.

По требованию Шуры немедленно ему был представлен Тасмерген.

— Ты, очевидно, запамятовал мое поручение, данное тебе на Тасбулакае? Ведь я же просил тебя передать поклон Кара-хану и твоим айрактинцам, чтобы последние сидели смирно и не чинили насилий моим таминцам? Плохо же ты запомнил мою просьбу, — сказал Шура сверкая глазами и задыхаясь от гнева. Прошло одно мгновение, и от Тасмергена осталось только одно воспоминание: он был изрублен Шурой в мелкие куски.

— Да благословит Великий Бог! — Закричал громовым голосом Шура, обращаясь к своему отряду. — Истребите всех айрактинцев, чтобы от них не осталось и закваски, — приказал он своим воинам.

Трудно себе представить, что происходило в течение трех дней боя! Город и окрестности его были усеяны трупами айрактинцев; зловоние от разложившихся трупов было невыносимо. Пощады не было ни одному айрактинцу; все сорок тысяч айрактинцев, за исключением самого ничтожного количества, которые, скрыв свой род, успели укрыться у туркменов.

Вслед за этим Кара-хан был поднят на белой кошме и провозглашен ханом. Он управлял благополучно десятью тысячами ногайлинцев.

О дальнейших деяниях Шуры-батыра нам ничего неизвестно. По некоторым сведениям, он вернулся с своими таминцами обратно в Казань.

А теперь сотворим молитву за упокой души этих некогда прогретых по всей Вселенной чудо-богатырей! Да облегчит Господь тяжелую надмогильную их насыпь.

На этом мы закрываем свои уста. Да простит нас читатель, если в повествование наше вкралась невольная ошибка. Ведь мы люди, а люди иногда ошибаются.

Записано со слов киргиза Чимкентского уезда,
Арысовской волости, Майлы-ходжа Султан ходжина.

Сборник материалов для статистики Сырдарьинской области. Т. 3. Ташкент, Типолитография торгового дома «Ф. и Г. братьев Каменских». 1905.

ТАМЕРЛАН

(Киргизское сказание)

Гроза мира в свое время Тамерлан, *Темир-хан*, он же *Аксак-темир* (Железный хромец) изумлял своей жестокостью и кровожадностью не только врагов, но и отдаленных соседей своего обширного в позднейшее время государства. Его походы воспеваются киргизскими песнями *джирах* от поколения к поколению.

Вот содержание одной из этих песен.

Потомок Чингиз-хана Жидай, самаркандский хан, видел во сне, будто он стоит у своего дворца. К нему на осле подъезжает старик в белой чалме и говорит: «Великий хан! Я послан к тебе от пророка Ильяса (Ильи) и должен сказать, что тебе предстоит смерть от ребенка, которому сегодня минуло шесть месяцев от рождения». Старик тут же назвал имена родителей ребенка, живущих в области бека Саксама. Жидай проснулся, немедленно позвал к себе своих беков и приказал им распорядиться отыскать ребенка с родителями. Сказано — сделано.

Жидай приказал сбросить ребенка вниз с минарета, а родителей — повесить. Но палачи сжалились над несчастными: стариков отпустили, а ребенка, изранив ему ногу, отдали на воспитание бездетному пастуху.

Ребенку Темиру исполнилось семь лет; он стал помогать отцу в уходе за стадами. В одиннадцать лет Темир уже сам ходил в степь за телятами и там проводил время в кругу своих товарищей. Из числа игр, коими забавлялись молодые пастухи, интереснее других была игра в ханы.

Играющие делятся на две группы, каждая избирает из своей среды хана. Под предводительством ханов стороны идут на другую, отбивая у врага стадо.

Однажды во время выборов ханов Темир обратился к товарищам: «Друзья! Не лучше ли выбрать сторонам ханов раз и навсегда?» Те согласились.

К этому заявлению побудило Темира следующее обстоятельство: он, сидя как-то у развалин одной стены, видит, как хромой муравей пытается взобраться на камень. Муравей несколько раз обрывался, но наконец взобрался на камень. Темир вскричал: «Неужели я хуже муравья?! Неужели я, подобно этому насекомому, не стану выше мне подобных?!»

Группа пастухов, к коей принадлежал Темир (Гамерланом его стали звать гораздо позже), как сказано выше, согласилась избрать одного хана навсегда. Начались выборы. Воткнули в землю палку, отошли на известное расстояние и решили всем одновременно бежать к палке и кто первый сшибет палку, тому и быть ханом. Побежали. Темир бежал третьим. Видя, что товарищи его обгоняют, он ловко бросил вперед шапку и ею сшиб палку.

Пошли споры, кому быть ханом, первому ли из бежавших к палке, или Темиру, сбросившему ее по условию. Попался верхом путник. Мальчики к нему с просьбой решить их сомнение. Всадник решил дело в пользу Темира, и тот долго правил мальчиками.

Темир вырос и принялся обдумывать планы, как бы ему стать выше других, подобно виденному им муравью на камне. Он несколько дней не говорил с товарищами ни слова. Наконец в одно утро он и говорит: «Друзья! Не пора ли нам бросить пастушью жизнь и поискать счастья на другом поприще? Отправимся в ближайший аул; украдем там коней, оружие и одежды и пойдем грабить караваны».

Сказано — сделано.

Похитив нужное, пастухи вышли на большую дорогу и ограбили попавшийся караван. С тех пор Темир и стал называться Тамерланом.

Награбленное добро шайка увезла на продажу в Бухару и продала очень выгодно.

Много несчастных было ограблено и перебито шайкой Тамерлана. К его шайке примкнула масса разного сброда, и численность шайки достигла 3 тысяч.

Весть о грабежах тамерлановой шайки достигла Самарканда и местный хан Жидай с отрядом пошел на Тамерлана с целью истребления разбойников. Вовремя узнал об этом хитрый Тамерлан.

Он укрыл свою шайку в порослях, а сам с немногими товарищами образовал будто бы купеческий караван. Едет навстречу самаркандский хан и спрашивает Тамерлана: «Не пришлось ли тебе, купец, встретить шайку разбойников под начальством Тамерлана?»

Тамерлан уверил когда-то приказавшего казнить его хана, что все это хитрая сплетня туркмен-грабителей, сваливающих вину на несуществующую шайку разбойника Тамерлана.

Далее Тамерлан пригласил его отдохнуть в свой караван, а войско посоветовал отправить вперед к Самарканду, так как туда будто собираются туркмены с целью грабежа.

Жидай приказал войску возвратиться в Самарканд, а сам остался в караване Тамерлана.

Лишь только войско Жидаея скрылось из виду, разбойники Тамерлана выскочили из засады и убили Жидаея с его свитой.

Шайка помчалась вскачь, окольными путями, к Самарканду и доскакала туда ранее прихода к городу армии Жидая. Без труда город был взят шайкой Тамерлана, и тот наскоро в нем укрепился, предвидя бой с армией Жидая, подходившей уже к Самарканду.

Но случилось иначе: беки, прельщенные обещанием Тамерлана наделить их всякими благами, склонили армию признать ханом Тамерлана.

Обещание надо было исполнить, Тамерлан начал свои походы. Казни и жестокость его заранее устрашали неприятеля; враг смирялся, подчинялся воле Железного хромца безропотно, выделяя ему и свите десятину имущества.

Так воспеваются подвиги Тамерлана певцами киргизского народа. («Джрше») [1].

Тургайская газета. № 37. 1898. (13.09).

НЕВОЛЬНИК

ПРЕДАНИЕ О КИРГИЗ-КАЙСАКСКОМ ХАНЕ АБУЛХАИРЕ

Хан Абулхаир был первый человек из киргизов, который присягнул русской Монархине. «3-го и 4-го августа 1738 года в царствование Императрицы Анны Иоанновны киргиз-кайсацкий народ, во главе со своим ханом Абулхаиром, торжественно принял присягу на подданство России», — говорится в истории.

Все авторы, писавшие о киргизах, как-то Левшин, Мейер, Харузин, Крафт и другие, внимательно останавливаются на этом замечательном историческом деятеле, и все они отдают справедливую дань уму, благородству и политике хана Абулхаира.

Что же касается киргизов, то они до сих пор относятся с любовью к памяти великого хана Абулхаира.

И как киргизам не относиться с любовью к памяти этого мудрого и честного своего хана?

Начиная с первой половины XVIII столетия, киргизы со всех сторон были стеснены врагами: с севера, востока и юга теснили

зюнгары, тюркменцы, бухарцы и китайцы... На запад сплошной, несокрушимой стеной стояли русские границы... Таким образом, киргизы как бы очутились в тисках разноплеменных диких народов и готовы были раздробиться на мелкие части, так как дикие соседние народы только ждали удобного случая на нападение со всех сторон. В эту-то критическую минуту воцарился хан Абулхаир, под управлением которого киргизы прожили несколько лет мирно и спокойно. Однако его великий гений постиг, что киргизский народ не может существовать самостоятельно.

Абулхаир-хан видел надвигающуюся тучу над своим народом, тучу, которую нельзя ничем отвратить. Он видел, что лишь только он успел закрыть очи, как заклятые враги — зюнгары и тюркмены — бросятся на разрозненный киргизский народ, поделают его на мельчайшие части между собою и выместят прежние обиды. И вот Абулхаир, как истинно великий человек, решился принять подданство могучей и великой державы — России, в надежде на ее гуманность и справедливость, Абулхаир не ошибся.

Второе очевидное достоинство хана Абулхаира состоит в том, что он «не продал» своего киргизского народа.

Взгляните в историю; многие царьки, ханы, мелкие владетельные князья незначительных народов перед принятием подданства выговаривали себе пожизненные миллионные жалования, княжеский титул для своего потомства, земли в наследственное пользование и т. д.

Словом, они пользовались всеми выгодами своего исключительного положения для эгоистических своих целей⁸⁹.

Не таков был киргиз-кайсацкий хан Абулхаир. Он ничего не домогался и решился вместе со своим народом разделить и радость, и горе. Он ничего не выхлопотал даже для своего потомства, желая, чтобы и оно ничем не выдавалось от других киргизов и не служило укором его памяти. Подвиг, поистине благородный, подвиг, на который решится не всякий. Киргизы до сих пор посещают его могилу, которая находится в 80 верстах от города Тургая. Сын Абулхаира-хана Нурали хан долго хлопотал перед Императрицей Елизаветой о разрешении выстроить высокий вели-

---

⁸⁹ Так, например, в царствование Императрицы Екатерины крымский хан Шагин-Гирей отрекся от престола в пользу России (в 1783 году). *Авт.*

колепный курган над могилою отца, но Императрица отказала ему в присылке людей и вообще строительного материала. Она советовала перенести тело покойного хана Абулхаира на реку Эмбу, на берегах которой обещала выстроить ему самому дворец, а для Абулхаира и вообще его потомства фамильный склеп.

Но муллы запретили перенести останки великого любимого народом хана Абулхаира. Таким образом, не были выстроены ни дворец, ни фамильный склеп для потомков Абулхаира.

О хане Абулхаире сохранилось много преданий, и вот одно из них представляем на благосклонное внимание читателей.

Однажды известный и уважаемый народом батыр Джанибек⁹⁰ в сопровождении большой дружины выехал на баранту.

На пятый день в полдень они наткнулись на молодого человека, который крепко спал под тенью одинокого ветвистого дерева. Джанибек осадил кони, пораженный необыкновенной красотой спящего юноши.

— Какое мужественное, красивое лицо! Оно дышит энергией и гордостью... В жилах этого юноши течет благородная кровь, — обратился Джанибек батыр к своим спутникам. — Посмотрите, как смело и широко раскинул свои руки: словно хочет обнять своими могучими руками целый мир. Я уверен, что этого молодого человека ждет великая будущность. Будь я не Джанибек, если мое предсказание не сбудется!

С этими словами Джанибек дотронулся кончиком копья до руки спящего юноши. Не успел Джанибек отдернуть назад копье, как юноша проснулся, проворно вскочил на ноги и, схватив подле лежащий лук, дерзко натянул его прямо в грудь Джанибеку. «Остановись, безумный, остановись, закричал Джанибек, опусти свой лук, я — Джанибек, имя которого слышал и ты, наверно. Желаю тебе добра, не враг твой, а друг.

— Будь ты славный Джанибек, но разве ты смеешь беспокоить человека, который ни от кого не зависит и который ничего от тебя не просит. Разве я позволю кому-нибудь толкать меня копьем, не слезая с коня. Я беден, но благороден. Ты, Джанибек, ступай налево. Я, Султан Абулхаир, иду направо! Отец мой правил киргизами, был ханом, а сын...

---

⁹⁰ Джанибек — видный исторический деятель. Теперешняя фамилия Беремжановых ведет свой род от него.

Эй, Джанибек, давно ли «черные»⁹¹ стали так дерзки и неподчительны перед «белыми костями»⁹²?

Свита Джанибека была поражена дерзостью и гордостью юноши. К удивлению их, Джанибек слез с лошади и первый протянул руку примирения.

Юноша молча опустил лук и в свою очередь почтительно пожал руку благородного батыра.

Батыр Джанибек долго разговаривал с султаном Абулхаиром. Узнавши, что он беден, одинок, не имеет ничего, кроме сивой клячи, которая паслась в это время около дерева, Джанибек предложил ему поехать с ним на баранту. Сначала султан Абулхаир отказывался, но потом согласился, потому что он не знал еще, к чему приложить свои силы.

На второй или третий день все они приехали в большой богатый аул. Джанибек и султан Абулхаир остановились у богатого *аксакала*⁹³ этого аула, отца красивой взрослой дочери Бопай.

Настал день отъезда из этого аула, но тут Абулхаир объявил Джанибеку, что он дальше не поедет и останется в этом ауле. Джанибек, хотя, может быть, и догадывался о причине такого внезапно-го решения молодого Абулхаира, но ничего не сказал об этом.

«Послушай, Абулхаир, — сказал перед отъездом Джанибек, — я предвижу твое недалекое будущее... Ты умен и храбр, хотя безроден... При первой нужде обращайся к Джанибеку, который полюбил тебя, как родного сына... Верь, что он жизнью может пожертвовать для тебя, потому что, чувствуется мне, настанет день, когда судьба всего киргиз-кайсацкого народа будет в твоих руках... Пока прощай, будь здоров и не забывай меня, старика!»

Абулхаир остался один и нанялся в работники к старику, отцу красавицы и умницы Бопай. Бопай была единственная ненаглядная дочь старика богача. Отец ее становился все старше и старше; заботы согнули его в три погибели, и работники беспрестанно воровали и расхищали его добро. Новый работник выделился от других: в руках его работа просто кипела, так что он скоро сделался правой рукою отца Бопая. Он благословлял Бога за то, что

⁹¹ Черные — т. е. простые киргизы.

⁹² Белая кость — султаны; родственники и дети ханов.

⁹³ Аксакал — представитель, вождь.

Он дал ему такого расторопного, умного и честного работника, и не мог нарадоваться при виде жиреющего скота. Но не так-то дешево променял свою свободу Абулхаир: он крепко-крепко слюбился с красивой дочерью старика, Бопай. Прошло несколько месяцев, все было по-прежнему. И вот однажды молодая Бопай сообщила Абулхаиру, что она готовится быть матерью. На другой же день Абулхаир решил просить руки красавицы Бопай у ее матери, которая уже давно замечала их интимные отношения, но никому не говорила об этом, боясь скандала и жалея свою единственную дочку. Мать Бопая, узнавши о положении своей дочери, с охотой дала согласие на брак дочери с Абулхаиром и взяла на себя обязанность спросить на это разрешение мужа. Но не так был сговорчив отец Бопая.

Услышав о предложении Абулхаира, он в исступлении закричал: «Как, как? Бедный, нищий холоп мой, без роду, без племени, дерзнул сватать мою дочь, мою гордость? Быть не может!.. Откуда такое нахальство? Откуда? От того ли уже, что я стар и не могу отомстить за обиду? От того ли, что нет никого за мною, кто бы мог поднять меч и копье на защиту моих седин?» «Милый, послушай меня, — обратилась к нему мать Бопая, — чем хуже Абулхаир других женихов? Я согласна, он без роду, без племени, беден и находится у тебя в работниках... но сразу видно, что в нем течет кровь султанов... Порода... Ведь личными качествами он превосходит всех джигитов⁹⁴ нашей степи; храбр, крепок, высок, красив и нравится нашей дочери... Кого еще нужно тебе, старик?» — но старик был упрям и отчаянно мотал головой, по временам выпуская слюни струей между зубами.

«В таком случае я скажу вот что, — обратилась к нему супруга, — наша дочь Бопай носит в себе ребенка этого Абулхаира! Сам Аллах соединил их раньше нас». Старик был страшно поражен. Он отвернулся, лег в постель и, как гласит предание, пролежал трое суток без признаков жизни. На четвертый день он поднялся и дал такой ответ своей старухе.

«Пусть Абулхаир женится на Бопай, но пусть же он заплатит соответствующий калым⁹⁵ мне: девяносто гнедых мерингов с белы-

⁹⁴ Джигиты — молодцы, юноши.

⁹⁵ Выкуп.

ми ногами и 60 сивых меринов с черными пятнами на ногах. Вот мой калым!»

«С ума ты сошел, мой великий господин! — воскликнула от удивления старуха. — Откуда Абулхаир возьмет столько лошадей, когда все его добро заключается в сивой кляче?! Бога ты не боишься, видно, и не жалеешь своей дочери».

«Молчать! Не рассуждать, если ты не хочешь отведать нагайки! Такова моя воля. Ступай и передай это Абулхаиру», — внушительно сказал старик отец. Старуха присмирела и, выйдя из кибитки, сообщила требование своего мужа Абулхаиру.

«Передай своему господину, — сказал Абулхаир, уезжаю на месяц и, во что бы то ни стало, добуду требуемый калым». Долго и безутешно плакала красавица Бопай на груди своего возлюбленного Абулхаира.

Разлука была тяжелая. Наконец Абулхаир, поцеловавши свою невесту в мокрые глаза, оседлал сивую клячу и отправился на баранту⁹⁶.

Долго ли рыскал в степи влюбленный Абулхаир, но только вторично наткнулся он на Джанибека, который со своими аргынцами гнал бесчисленный табун лошадей.

Джанибек внимательно выслушал о том, что нужен большой калым для невесты Абулхаира, сказал:

«Мы, как видишь, гоним с баранты много лошадей. Я рад тебе, Абулхаир, услужить. И так, выбирай из нашей баранты требуемое количество скота и доставь в виде калыма упрямому старику. Ты с калымом отправляйся вперед, а я заеду домой и прибуду через два дня. Посмотрим, как он откажет тебе от руки Бопай, когда я буду у тебя сватом!» Абулхаир горячо поблагодарил Джанибека и, выбрав 150 лошадей для калыма, погнал их в аул будущего тестя.

Было яркое, светлое утро. Жаркое солнце постепенно накаливало землю, и отсыревшая за ночь пыль лениво поднималась под ногами.

Отец Бопая протер глаза и когда вышел из кибитки на воздух, вдруг весь аул окутался в туманную пыль. С удивлением осматриваясь, старик отец увидел Абулхаира, который спускал с ближайшего холма 150 голов лошадей требуемой масти.

Абулхаир подъехал.

⁹⁶ Баранта — набег, наезды.

Старик растерялся: он просто не верил своим глазам и отчаянно протирал их кулаками.

На шум выбежала из кибитки Бопай и кинулась было к Абулхаиру, но, увидев отца, остановилась, как вкопанная. Абулхаир посмотрел в глаза своей невесты и прочитал в них глубокую преданную любовь к себе.

Скоро приехал Джанибек с многочисленной свитой. Он стал сватом одинокого Абулхаира и принял на себя все расходы на пиршество.

Старик, отец Бопая, не только согласился на свадьбу своей дочери, но даже передал в скором времени все свое несметное богатство Абулхаиру. Разыгралась великолепная киргизская свадьба, которая продолжалась тридцать дней. На богатый пир собрались знатнейшие киргизы трех орд; тысячи кибиток не вмещали в себе собравшихся со всех концов киргизов, и, наконец, свадьба эта кончилась избранием в ханы Малой Орды Абулхаира.

В течение нескольких дней бии и аксакалы обращались к народу с речью, в которой указывали на Абулхаира, как на человека вполне достойного ханской власти.

Тогда собравшиеся киргизы «спеленали» Абулхаира в белую кошму и подняли на руках. Это был обряд избрания в ханы.

Таким образом, Абулхаир стал ханом Малой Орды, которая на самом деле была самая сильная и многочисленная.

Вопреки народному обычаю Абулхаир-хан женат был только на Бопай, которая пережила своего мужа.

После Абулхаир-хана осталось три сына: Нурали, Айчувак, Ерали. Нурали, как самый старший, наследовал отцу. Дети и вообще родственники хана по мужской линии у киргизов получили название *султанов*, или *ак-суяков*.

В настоящее время фамилии султанов Чингисханов, Сейдалиных, Каратаевых, Нуралихановых, Айчуваковых ведут свой род от великого хана киргиз-кайсаков Абулхаира.

А. Е.

ПЕСНЯ АЛАШИНЦА⁹⁷ БАЙТОКИ НА СМЕРТЬ ХАНА ДЖАНГЕРА⁹⁸ [1]

II. Русский перевод

Золоченые сараи, белые мечети
Не строились прежними ханами,
И после них не осталось такого наследства.

Не заводя знакомства с знатными,
Не брали они красавиц из благородных⁹⁹,

А прельщаясь богатством родителей
И румянцем их дочерей,
Выбирали красавиц из простых, —
Но впоследствии, в нужных случаях,
Никакой помощи от них не было...
Хан же Джангер, превосходя предков

И хана Исмагила,
Думал о последствиях...
Он занял землю, не бывшую у его предков,
И построил на ней здание¹⁰⁰.

⁹⁷ Из рода алаш.

⁹⁸ Сын Букея Нуралиева, Джангер Букеев, был последним ханом Внутренней киргизской орды, — умер 11 августа 1845 г. Джангер (Джангир) имел чин генерал-майора и был почетным членом Казанского университета.

⁹⁹ В 1824 г. Джангер вступил в брак с девицею, взрослою в образованном обществе. Это была Фатима — дочь оренбургского муфтия, она владела немецким и французским языками и занималась музыкой.

¹⁰⁰ По вступлении в брак Джангера с Фатимой, молодые супруги приятно проводили летние месяцы в кибитке на чистом степном воздухе; в той же кибитке пришлось провести и зиму. Ханша, привыкшая в отцовском доме к удобствам хорошего жилья, почувствовала все неудобства кибитки, как зимнего жилища; с наступлением весны она спровадила своего мужа в С.-Петербург — хлопотать о пособии на постройку дома. Пособие было дано, и Джангер поставил себе в Рын-Песках большой деревянный дом. Примеру хана последовали приближенные к нему богачи и султаны. Эта группа домов получила название Ханской ставки, существующей и до настоящего времени.

Превосходство Джангера над предками видно уже из того,
Что окружность его дома равнялась месячному пути,

А поперечник — дневному.
Увидевшие дома стоят в удивлении...
И как не дивиться,
Когда снег при самой сильной метели
Не может попасть внутрь здания.

Если оценить стоимость здания до мелочей,
Составится цена выше земного богатства.
Джангер-хан, рожденный выше предков своих,
Обгородил здание забором из дорогих камней;
Сделав вышину в шестьдесят аршин,

Во всю длину велел нарисовать фигуры¹⁰¹;
Над каждой фигурой поместил
По одному полукружью,
Которые закрыл золотом.
По забору с наружной стороны
Вырыл прекрасный ров.

И засадил этот ров тенистыми деревьями¹⁰².
Колонны дома построены из дорогих камней;
Башни выкрашены прочными красками.
Чтобы придать больше красоты башням,
В ров провели струящийся ручей,

А в нем развели породы рыб...
Рыбы плещутся, играя, как резвые жеребята, —
Лягушки квакают, многочисленные, как стадо овец,
Около ручья живут бедняки
И кормятся пойманною рыбой.

Для пользы бедняков
В саду посажены семена
Семидесяти плодовых
Прекраснейших деревьев,

¹⁰¹ Ромбы.

¹⁰² Хан Джангер старался развести сад, и дело шло довольно успешно.

Плоды которых очень вкусны и крупны¹⁰³,
Дела эти не постижимы уму!

И — удивительно — как на все хватило денег!
Внутри двора кругом забора
Построен каменный сарай;
В середине каменного сарая
Построен — вышиною до небес —
Белый сарай с минаретом.

Хвала построившим мастерам¹⁰⁴,
Которые золото и серебро
Употребляли, как глину.
Построенная во имя Бога

Белая мечеть осиротела¹⁰⁵.
Хранивший белую мечеть
При жизни покойного хана —
В каком положении теперь его народ?
Колонны мечети были из дорогих камней (рубинов),
Крыша была из цельного золота;
Считая пестрым серебро и золото, стены мечети хан
заставил выбелить;
Он выписал по 600 рублей за аршин сукно

И покрыл им весь пол мечети.
Так показал он народу всю роскошь!
Этот хан был великим для народа.
Он среди врагов находил спокойствие
И взял землю, с удобством вместившую его народ,
Состоявший из семи родов.

---

¹⁰³ Едва можно поднять рукой.

¹⁰⁴ Дословный перевод: «проклятие родителям мастеров», употребляется в смысле похвалы.

¹⁰⁵ Хан Джангер первый устроил для киргизов Внутренней орды мечеть. Мечеть представляла собой продолговатое четырехугольное деревянное здание с небольшою террасой, под которой была крыша, поддерживаемая шестью большими колоннами ионического ордена. Над центром крыши возвышался минарет, с которого открывался вид на ханскую ставку и ее окрестности.

После него не будет у нас хана,
А для киргизов прежнего закона....
Из сыновей предка Адама
Нет никого, прошедшего так жизнь!
.....¹⁰⁶
Хан выпросил у Государя обширные земли.

В темноте без компаса находил он дорогу,
Второпях, без советников, находил слова,
При оскорблении кем-нибудь
Лично представлялся Царю
И докладывал обо всем сам.
Можно назвать святою мать,

Родившую хана Джангера,
Подобно которому никто из ханов
Не был основательно знающим закон.
Люди, приехавшие из Хивы,

Почетные люди из Стамбула,
Сорок монахов из Крыма

И глава этих монахов
Собирались ежедневно на молитвы;
В присутствии 100 000 учеников и одного имама
Благодать Божья лилась с неба!
Теперь, когда лишились мы святого хана,

Молитва народа пересеклась!
Трудно родиться такому хану,
Который сравнил бы бедных с богатыми,
А Джангер давал сиротам пищу,
Для вдов отмежевывал землю,

На обидчиков же топал ногами,
Отчего они не знали, куда деваться.
Лишились мы такого великого хана,
Шутя управлявшего огромным народом.

---

¹⁰⁶ В подлиннике эта строка пропущена.

Хитростью исправив свой народ,
Он вывез с берегов Волги борс,

Борс заставил гранить, как камень;
Выписал из Москвы мастеров
Построить для гостей здание....
Постель в здании он заставил вызолотить,
А для собиравшихся ежедневно киргизов

Заставлял колоть по сотне лошадей,
И утолял жажду гостей белым чаем¹⁰⁷.
Джангер-хан, счастливо проведший жизнь,
Пример роскоши оставил на целый мир.
Бывший хан великого народа,
Как свеча, освещавший темноту

И прославившийся делами на целый свет,
Правдивым рожденный наш сокол,
Народ твой желал бы хоть взглянуть на тебя!
Подданные твои будут теперь народом без главы...
Белая лошадь с потертой спиной

Хуже пастушьей клячи.
Драгоценное имущество твое, хан,
Загрязнится без употребления;
Золотой кафтан с расшитым воротником,
Придя в ветхость, станет шерстяным.
Чем говорить много обо всем, скажу об одном
Лишились мы справедливого хана!

Кто же теперь будет защитой народа?
Ручей, вытекающий из белой горы,
Впадет при разливе в большое озеро...
Огромное бесконечное озеро
Обнаружит дно, когда высохнет.
Нет ничего светлее луны,

Когда закатится дневное светило.
Нет никого сильнее льва,

¹⁰⁷ Цветочный чай киргизы называли белым чаем.

Но от него останется одна кожа,
Когда охотники застрелят в сердце.
В табун лошадей и стадо овец
Как не забраться волку,

Если хозяин будет спать?³
Справедливый хан на золотом троне,
Лишась народа, уподобится одинокому лебедю.
Напрасны рыдания и слезы народа,
Когда справедливый хан ушел в вечность!
Веселые горы с играющими миражами

Наводят уныние после аулов;
Веселая счастливая утка,
Оставив озеро, не может летать спокойно.
Зеленый тополь, росший у озера,

Лишается всякой красоты,
Когда отцветет и завянут листья.
Старшая жена, уважаемая мужем,
Лишается своих прелестей,
Когда уйдет служанка-раба.
Конечно, нет порядка в народе,
Лишившемся хана правдивого!

Рабам остается только повиноваться,
Когда Бог ниспослал беду!..
Если бы Сахиб-Джан¹⁰⁸, поехавший в Оренбург,
Скоро возвратился с наследством,

Народ мог бы лично жаловаться ему...
Но пресеклось счастье тех,
Которые собирались сказать слово за него!
Отец его хан Джангер,
Восседая, подобно Соломону, на троне,
Был счастливым главою народа;

---

¹⁰⁸ Сын хана Джангера, родившийся от Фатимы, воспитывался в Пажеском корпусе, откуда был выпущен корнетом в лейб-гвардии казачий полк и состоял при Оренбургском военном губернаторе, умер в 1849 году.

Не было на земле равного ему.
Кун¹⁰⁹ храбрых ценится в 100 лошадей,
Но его кун дороже миллиона голов скота,

Если бы поехавший в Оренбург Сахиб-Джан
Возвратился благополучно.
Мы не нуждались бы в главе.
Но мы не увидим дня,
Когда Сахиб возвратится в свою орду!..
Четыре советника, живущие в орде¹¹⁰,

Не слушают наших просьб,
А стараются подавить тех,
Которые могут сказать слово.
Словом, мы приведены в положение
Ощипанного лебедя..
Прославлявшиеся при жизни хана

Коренные народные поэты
Будут ли петь теперь в орде?
Будут ли они выбирать из табуна
По паре вороных аргамаков?

Будут ли они, как павлин, охорашиваясь,
При стечении всего народа на паре
С подарками возвращаться из орды,
Посматривая свысока на своих врагов?

А. Е. Алекторов,
действительный член Общества

Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. Т. XIV. Вып. 6. 1897. С. 686–691.

---

¹⁰⁹ Пеня за вину.

¹¹⁰ По смерти Джангера ханское достоинство во Внутренней орде было уничтожено, и ордою управлял Совет с председателем во главе и четырьмя советниками, из которых двое были русские и двое из киргиз.

Ч. Ч. Валиханов**ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ
О БАТЫРАХ XVIII в.**

1. Аблай-хан [1] в одном набеге на джунгаров [2] отправил вперед для разведывания 1000 [человек], разделив на два отряда под начальством двух храбрых батыров: карабужур канджигалинца Джанатая [3] и из того же рода Богенбая [4]-старшего¹¹¹. Батыры долго не возвращались; Аблай начал беспокоиться не на шутку; о судьбе этих батыров спросил у барда (певца) своего Бухарджирау [5]: «Что сделалось с моими молодцами и отчего они так долго не возвращаются?» Бухар отвечал: «Джанатай пройдет через Талкын [6], Богенбай пройдет Кульд-жаном [7]. А Хан-Баба [8] назад прибежит. У Джанатаева Талкына проходы тесны и опасны». «Джанатай мой в беду попался», думает Аблай. «Джанатай пойдет, пройдет в улусы и возьмет, от края оторвет. Джанатаем взятую белолицую девицу хан Аблай-султан да возьмет». Сам Аблай говорит, что только однажды, именно тогда, когда сбылось это предсказание, ему казалось, что от радости макушка его задевает небо¹¹².

2. Однажды Аблай должен был ретироваться от отряда китайцев и был ужасно печален и сердит, зная, какое может иметь влияние на легкомысленных киргиз эта маленькая неудача. Тогда один из бардов его Татикара-джирау [9] для одобрения¹¹³ бегущих кайсаков и для самого Аблая пел так: «Бежавшие китайцы снова начали движение, натянулась тетива из куланьева хребта. Крепко-реберный и широкожелудочный Аблай, перенеси это одно дельце. У врага-китайца клячи, как копчик, изловчились, нет — хан Аблай не бежал, нехорошее слово «бежал», — он двигался только косо. Басентинец Серымбет [10], стрелы бросая, бился. Не ищи ума при бегстве! Нет хладнокровия при торопливости! Баян [11] уаковцев¹¹⁴,

¹¹¹ В смысле старейшего в народе.

¹¹² Задевать небо — *тубеси-кокке жетер* — выражение, означающее верх радости, чести и славы. (Прим. Валиханова.)

¹¹³ Искажение переписчика, следует: *ободрения*.

¹¹⁴ Это любимец Аблая и первый храбрец того времени. Родом был из рода уак-кирей и был убит в одном из набегов на калмыков с братом своим батыром Сары: отчего часто называют их вместе Сары-Баян. (Прим. Валиханова.)

да мы и это видели! Когда он, поворачиваясь назад, копьём работал».

3. Аблай собирал народ, чтобы предать на разграбление (чапу)¹¹⁵ аул одного уйсунского бия Эрдэнэ-батыра за какой-то относительно его проступок. Хан был на этот раз [так] недоступен, что никто не решался вымолвить словечко в пользу виновного, тогда по просьбе народа Бухар-певец решился и затрубил так:

«О Аблай! Аблай! Подобно ари и гури¹¹⁶ возносится и соперничает с горами твоя слава; не помещаются в пяти воротах отпущенники-рабы твои¹¹⁷. Перейдите за Алатау, потушите гнев, если потушите, то не придет ли с 80 вьюками вещей¹¹⁸ Эрдэнэ называемый, твой пестрошалаточный раб».

4. По преданию, Аблай, выехавший из Туркестана в степь к Абулмамет-хану [12], как к самому близкому родственнику, приехал с дядькой своим Уразом на одной лошади, и обстоятельства заставили его жить несколько времени инкогнито у одного богатого киргиза караульского рода, отделения якшилык Даулетбая, где он, как говорят некоторые, был при табуна лошадей. Жена Даулетбая не без удивления заметила, что молодой иностранец никогда не просит пищи, пока не дадут, и что тогда берет очень неохотно; а из нечистых чашек совершенно не пьет. Это совершенно не киргизское поведение: эксцентричность обратила внимание хозяина, который тогда через расспросы у Ураза узнал о его происхождении, тотчас увез его к хану Абулмамету, одарив его лучшей лошадью из табуна. Этот-то выбранный конь был тот знаменитый Чалкуйрук (пламя — хвост), первый сподвижник похода молодого султана, Чалкуйрук, на котором Аблай составил себе имя батыра и уважение киргиз.

5. Плен Аблая у Галдан-Черена [13]. В одном из нашествий джунгаров на киргиз Аблай убил на единоборстве сына Галданова Чарча. Галдан, узнав о смерти любимого сына своего, приказал виновника его, кто бы он ни был, где бы он ни находился, схватить.

¹¹⁵ Собственно: *шабу* — нападение, атака.

¹¹⁶ *Ари и гури* — сфера абсолютного пространства, что за 7-м небом. (Прим. Валиханова.)

¹¹⁷ Отпущение рабов есть на Востоке одна из первых добродетелей и есть первый признак великодушия. (Прим. Валиханова.)

¹¹⁸ Штрафу (араб). (Прим. Валиханова.)

Калмыки, посланные для сего, настигли его врасплох на охоте, схватили с несколькими биями, с знаменитым батыром Худайберды атыгаевского рода Джапеком¹¹⁹ и привели к Галдану.

На вопрос, где ты убил моего сына, Аблай отвечал: обвинение пало на меня, а был убит народом, через меня исполнилась воля народа над сыном твоим Чарчем. Галдан был так доволен этим ответом, что несколько раз повторил: мон, мон, остановил палачей и велел запереть в юрту и иметь строгий надзор. Тогда-то начались мучения Аблая: мать Чарча каждый день ходила смотреть на убийцу сына казаков (киргизов), каждый день исправно мучила их угрозами и проклятиями, отпускала изрядную порцию энергетического проклятия, сопровождала их не менее энергическими жестами и приговаривала: «Как ты мог убить его? Разве можно было убить его?» Аблай не вытерпел и однажды, когда по обыкновению после предварительных сентенций, [она], скрежеща зубами, поднесла кулак свой к его лицу, сделала обычный свой вопрос, он отвечал: «Где не умирал такой блудный раб, как твой сын, старая калмычка!» Она бросилась к мужу, требуя смерти дерзкого казака, и Галдан, боясь, чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его [14] и Джапака-батыра, взяв в аманаты (заложник) сына последнего, который по ловкости своей на охоте и храбрости прослыл под именем Рыжего киргиза (Сары-казака) [15].

6. Когда спросили у Аблая, кого он из батыров более уважает из всех 3 орд, он отвечал: «Из предшествовавших мне мужей двое заслуживают удивления: Казыбек [16] каракесековец, который возвратил от Галдана 90 своих пленных, и Дерпсалы уаковец, также возвративший своих пленных. Первый взял просьбой и был сам у Галдана, а последний устрасил врага, сидя в своем ауле. Из моих батыров басентинец Малайсары [17] по богатству, храбрости и по характеру и уаковец Баян по уму и храбрости стоят выше всех».

7. Байгозы [18] батыр тарактинец. Во время преследования торгоутов [19], бежавших из России, киргизы расположились на бивак, варили в своих походных котлах сушеное конское мясо, разводили в турсуках курт с водой; словом, завтракали и подкреплялись на целый день. В палатке сидел Аблай и в другой Джаныбек [20] батыр чак-

¹¹⁹ Искажение переписчика, следует: *Джапаком*.

чаковец-аргын, известный по своей чрезвычайной гордости. Батыр сидел молча и курил табак, тогда молодой киргиз дерзко подъехал к его палатке и, с лошади протягивая руку, сказал: «Джаныбек-батыр, дай-ка трубку!» Джаныбек не обратил на него внимания и, чтобы показать совершенное презрение, с достоинством выколол трубку о каблуки своих красных сапогов, бережно и медленно положил в свою калту (карман). Скоро хан снялся с поля, и каждый род сгруппировался под своим значком, выехали вперед батыры в кольчугах, в шлемах с перьями, с луками и стрелами, подошли к хану и образовали тоже кружок. Так вели совет: решено сделать нападение на неприятеля, хотя и в превосходном числе. Для расследования решено было послать караул, вызывали охотников, первый вышел тот молодой человек, который просил трубку у Джаныбека. На вопрос Джаныбека-батыра у посланных после возвращения их с разъезда¹²⁰ тот же молодой киргиз отвечал: «Не много и не мало». Бой начался, калмыков было 10 тысяч; киргизы потерпели ужасный урон, наконец не выдержали и бросились бежать. Впереди всех один высокий калмык на черной, как ночь, лошади с знаменем в руке вбивался в ряды киргиз, сбросил многих с седла. Джаныбек находился при этой ретираде, кажется, в доброй среде бежавших, но говорил громко: «Жаль, что не родилось ни одного киргиза, который мог бы убить этого болвана¹²¹». Тогда наш знакомец, тот молодой человек, о котором мы уже говорили, выехал вперед, обернулся, натянул стрелу; тетива взвизгнула, калмык закачался на лошади и упал, стрела завязла в щелку (?) и пошла зигзагами. Молодой батыр был так недоволен, что стрела его пошла не прямо, проговорил: «Этот, кажется, был в шкуре самого Аллаха». Смерть знаменосца произвела смятение в рядах неприятеля. Киргизы воспользовались, ударили назад и обратили калмыков в бегство и таким образом вырвали победу из рук неприятеля. Тогда Байгозы (это было имя молодого человека), закулив трубку и подходя к Джаныбаю¹²²-батыру, сказал: «Батыр, вот время, когда можно курить». Так начал свое батырство Байгозы тарактинец, и с этого времени все узнали его имя.

¹²⁰ Очевидно, пропущен сам вопрос: «Много ли врагов?»

¹²¹ Правильно: *балуан* — силач.

¹²² То есть к Джаныбеку.

8. Балталинец Уразумбет[21]-батыр славился удивительной ловкостью и быстротою действия. Баенбай¹²³-батыр [бага]налинец рассказывал, что ему однажды случилось быть вместе с Уразумбетом: ночью поехали они на аул калмыков из 8 юрт; они решились напасть — сказано и сделано; пока он, Баянбай, успел перебить калмыков в двух юртах, как явился Уразумбет-батыр, объявил, что он доканал всех. Он получил двойную добычу.

9. В одной из пещер в степи засели калмыки. У входа сидел один стрелок с знаменитым тогда корама [22] черным ружьем (калмык из него стрелял сайг через Иртыш); после смерти нескольких смельчаков никто из батыров не смел идти. Вдруг выезжает на буланой лошадке сырбелинец Ильчибек[23]-батыр и отправляется на калмыка мелкой рысцой. Все ожидают с трепетом, что он сейчас падет. Ильчибек, доехав таким образом довольно близко, вдруг устремился, калмык приложил фитиль — осечка, и не успел приложить еще раз, как был изрублен батыром.

Когда его спрашивали о причине того, что он ехал все рысью, он отвечал: «Калмык хотел моей лошади и дожидался, чтобы я подъехал ближе, я же рассчитывал, что пока я буду ехать, на фитиле образуется большой нагар и после даст осечку». У киргиз вошло в пословицу — фитиль с нагаром курунова¹²⁴ черного ружья.

10. Валихан в молодости был известен за большого чудака и *тентека*¹²⁵. Он был причиной одной войны с калмыками, которые покорились Аблаю и пришли в степь, чтобы остаться при нем. Поспорив с молодым нойоном [24] за девушку, Вали пнул его и изломал тяжелыми каблуками тогдашних античных сапогов ребра бедного калмыка.

11. Между башкирцами известен во время Аблая Исет-батыр; рассказывают, будто он имел однажды встречу с Аблаем, схватил его под мышку и понес с такою же легкостью, как бы свою шапку.

12. Киргизы Средней орды сделали набег на дикокаменных киргиз, «киргизы» были предуведомлены и были готовы для встречи известных гостей. Кайсаки бежали. Неприятель пре-

¹²³ Точнее: *Баянбай*.

¹²⁴ *Корун* (Корум) — имя меткого стрелка и легендарного изобретателя дальноточного фитильного ружья.

¹²⁵ *Тентек* — озорник.

следовал их до реки Или. Казаки переправились вброд. Киргиз Темирджан-батыр, увлекшись, зашел с малым числом удальцов, преследовал их на киргизский берег за Или. Тогда канджигалинец Томача-батыр, видя, что манап увлекся слишком далеко и не имел товарищей, повернул назад и воткнул копьё под самую грудинку лошади с такой силой, что благородное животное разом село на задние ноги. Манап быстро соскочил с лошади и бросился на сергелинца Джаулубай-батыра; канджигалинец Исет-батыр, увидев опасность товарища, дал удар копьём — манап повалился на землю. Томача-батыр был низкого роста, но с великой душой, он сел на него и распорол живот — это был сокол, затравивший лебедя. Белое обнаженное тело батыра осталось в поле, белея подобно белому сазану¹²⁶. (Манапами называются родоначальники дикокаменных киргиз). Темирджан был красив в полном смысле: бел и дороден. Киргизы увидели смерть любимого манапа, начали преследовать с ожесточением. Сергелинец Джаулубай был взят в плен, сошел с лошади, чтобы стрелять, затем [были] взяты киргизы Усен-батыр и Алтай, Байгозы-батыр. Байгозы-батыр был выбран по жребию, как жертва за смерть манапа. Его спросили, кто убил батыра? Он отвечал твердо: «Я не хочу быть доказчиком ни на кого».

Его посадили, обратив лицом к востоку, отмерили 40 шагов, и бурут с длинным ружьем сел напротив и начал медленно наводить оружие.

Сам Байгузы рассказывал после, что решительно ничего не думал и не боялся: «Завязав крепко на голове¹²⁷, я сидел, ожидая выстрела, но не замечая того, когда брат покойника пришел ко мне и сказал: «Брат мой был шайт, я не хочу крови, ты, казак, свободен». «Я не мог подняться, кровь в жилах совершенно остановилась, и пот градом лил с лица». Он был выменен на одного из братьев Темирджана, бывшего в плену у Аблая, и Джаулубай вышел с обещанием доставить выкуп. За него жизнью поручился товарищ по плену киргиз Усен. Он пас баранов и через несколько месяцев при благоприятном случае бежал.

¹²⁶ Белый жир. (Прим. Валиханова.)

¹²⁷ То есть обвязав крепко голову.

Вот плач сестры по Темирджану:

«В табуне сивая лошадь, у которой, если поворочу, будет болеть шея. Подобный ханскому сыну братец, если не потяну, будет болеть у него сердце; братец — что же я сделаю? Боже, как бояк¹²⁸ в бокше¹²⁹, как саяк в табуне, как манат (китайская материя). Подобного ханскому сыну, брата не помяну — будет болеть сердце, ох, братец, что я сделаю, боже!»

13. Последнее преследование бежавших торгоутов в преданиях народа известно под именем «тыльного похода». В этом походе народу было более *сан* (без счета), хан стоял на сборном месте, не двигаясь; он дожидался храброго батыра Баяна, несмотря на ропот других батыров. ||↓ Наконец явился с 540 человеками, и он предстал перед ханом: «Куда, что прикажешь, я исполню». Хан обратился к народу и сказал: «Вот зачем я так долго ждал Баяна». В это-то время кандигалинец Джанатай-батыр, державший передовой караул с отрядом в 500 человек в расстоянии суточной езды, был убит калмыками. Это случилось так: брат Джанатай Уйсунбай, делая разъезды, взял у калмыков 3 верблюдов; когда по возвращении у него брат же его Аркандар-батыр попросил должную саугу (добычу), Уйсунбай-батыр отвечал: «У калмыков верблюдов много, есть у тебя руки — можешь сам взять: болезни у тебя нет». Аркандар, глубоко оскорбленный этими грубыми словами, чтобы в свою очередь доказать брату свое удалство, с 7 товарищами, с знаменитым Конайем, сыном Куян-Кузды (заячьи глаза), напали на стадо калмык, взяли 9 верблюдов. Аркандар отправил добычу с 7 товарищами вперед, сам отстал, чтобы остановить или заманить в противную сторону направляющуюся погоню.

Сначала товарищи видели, как Аркандар искусно умел заманить их в противную сторону, ||↓ потом видели, как будто батыр окружен. Вззошедши на гору, увидели наконец. Показалось — со всех сторон идут. Туй! Аркандар убит. Когда узнал Джанатай о смерти любимого своего брата, сделал проклятие и поклялся против убийц: «Или умру, или напьюсь вашей кровью!» Велел подать лошадей, с 500 человек отряда ворвался в ставку калмы-

¹²⁸ Краска.

¹²⁹ Сума.

ков, их было 10 тысяч, и утонул в битве — битва была страшная, киргизы шли на смерть. Уйсунбай с распоротым животом, держа внутренности в полах своего халата, дрался и спрашивал: «А что, Джанатай-батыр, с распоротым животом можно ли жить?» Все пали, остался Джанатай и 8 человек и сын его Тоқыш. Джанатай слез с лошади, подал ее сыну, говоря: «Отправляйся домой, пробейся, ибо не будет человека, который при случае мог бы за меня отомстить», — и пал. Когда Аблай узнал о смерти Джанатай, плакал неутешно, говоря: «Не дававший себя точить, черный булат мой!»

Все войско (ходом чабдул¹³⁰) быстро устремилось на Или и до прихода калмык окружили все броды.

Калмыки остановились, послали семь человек послов, во главе которых ||↓ высокий черный калмык в огромной, как котел, лисьей шапке, сошел с лошади за несколько сажен, подошел к хану и приветствовал: «Алла джар (Бог помощник)! Уса и Серен-хан послали меня: калмыки и казаки были братья, будем же и теперь ими, примите белые юрты — дань — и будем мирны!» «Пошел!» — сказал хан, собрал батыров и начал совещание, выразив свое мнение: «Белые юрты надо взять, обнадежить и потом уже разграбить».

Баян отвечал: «Нет! Не берите белых юрт, не старайтесь обманывать: Уса и Серен обманули верхний и нижний Китай, обману и тебя».

Хан два раза повторял свое, он два раза отвечал свое. Хан остался на своем.

Калмыки стали в расстоянии коча¹³¹ баранов (переход 8 и 9 верст). Два дня ждали, нет калмыков, нет белых юрт, после (?) узнали, что прошло два дня, как они снялись и ушли. Баян взялся преследовать с 1000 человек, догнал в то время, когда они вошли в Китай, и не успел захватить только 40 саженями; на возвратном [пути] от воды, испорченной трупами ||↓ калмыков, они заболели болезнью *кара тышкак* (черные испражнения) и погибли, и погиб знаменитый Баян.

¹³⁰ Говорят также: *шабуыл* — атака, нападение, налет.

¹³¹ Точнее: *коша*, от слова *кош* — кочевка, кочевой караван; *кош жер* — состояние в один привал.

14. Галдан спрашивал у Аблая, когда тот был у него в плену: «Какие государи выше других?» — «Кондакер¹³², русский белый царь, Ижен¹³³-хан, Галдан, после я сам». «Мен, мен!» — говорил Галдан. «Управляешь малым народом, но достоин большого народа», — сказал Аблай.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1. С. 216–222.

А. Влангали

ПРЕДАНИЕ О БОРЬБЕ АБЛАЯ С ДЖУНГАРАМИ

Долина р. Лайлы вверх все более и более сужается и, наконец, близ самых вершин все ключи, ее составляющие, текут в узких, почти непроходимых ущельях. Они берут, большей частью, начало свое из отрог Калбы, окружающих Кур-Карагайский или Каиндинский бор, в котором солдаты, живущие в Кокбекты, добывают лес, пилят на доски и прочее. Проезд к нему из Кокбекты, через реки Буконь и Кулуджин, между последнею и р. Каргайлою. Дорога эта довольно хороша и называется солдатскою. Горы, находящиеся к ЮВ [1] от этого бора, состоят, большей частью, из глинистых сланцев, изменяющихся на прикосновении гранитов слюдяный сланец, и в метаморфическую породу, в ноздрах которой сконцентрирована слюда. Здешний же гранит составляет продолжение того, который образует гора Караш. На нем расположен бор. Спускаясь по Лайлы, этот глинистый сланец, господствующий в вершинах, начинает изменяться и, наконец, уже недалеко от выхода ее из гор образует подчиненные пласты в песчанике. Жилы роговокаменного порфира и кварца встречаются довольно часто. Последние представляют породу, несколько прозрачную, охристую и заключают часто щетки с до-

---

¹³² Под этим названием раньше у казахов были известны сельджуки, а в более позднее время Крымское ханство.

¹³³ Так называли казахи китайских императоров.

вольно правильными кристаллами горного хрусталя. Кварц такого вида встречается в песчанике, в глинистом же сланце он обыкновенный. Песчаник глинистый, несколько известковатый и содержит небольшие кусочки глинистого сланца. Известняк здесь весьма редок, и то по выходу Лайлы из гор. Пласты, им образуемые, очень тонки. Породы в вершинах р. Лайлы несколько железисты. Узкая долина этой речки так густо заросла березником, осинником и различным кустарником, что в некоторых местах нельзя даже было нам пробраться. Для того же, чтобы проехать сюда нашему каравану для шурфования, потребовалось бы много времени.

Вид с гор, находящихся в вершинах Лайлы, расстилается на обширное пространство. Прямо против нас виден был Нарымский хребет, следующий за Иртышом до Курчума, и потом за ним некоторые, едва приметные вершины, вероятно, Курчумских гор. Огромная равнина, идущая от Иртыша к югу, ограничивалась с одной стороны этими горами, а с другой — едва заметными синими тенями, обрисовывающимися на горизонте Тарбагатайские горы и к востоку от них, горы Саурканские или Саурские, как их называют киргизы, тянущиеся почти параллельно Черному Иртышу, к югу от него, на несколько десятков верст. Эти два хребта соединяются между собою, как говорят в Сибири, седловиною, так что второй составляет как бы продолжение первого. Ближе, недалеко от устья р. Букуни, освещались песчаные холмы, находящиеся за Катон-Карагайским бором, являющимся в виде черной тени. Несколько влево от него блестело озеро Бальк-Куль, от которого местность начинает как бы исподволь подниматься до горы, на которой мы стояли, где уже показывалась сеть небольших возвышенностей. Если взять расстояние этого пункта до Тарбагатая, то нельзя надивиться обширности видов в киргизской степи. Возвратившись вечером к стану, мы собрались вокруг небольшого огонька и заставили Джанбагыза рассказывать что-нибудь об истории этой страны. Рассказ его был приятен и, может быть, довольно верен, если выкинуть все прибавления, которыми украшало его восточное воображение. Вот чего мы могли добиться от переводчика. Северо-восточная часть киргизской степи или нынешний Кокбектинский округ был еще населен калмыками, когда остальная часть была занята киргизами. Закоренелая вражда, бывшая между этими двумя народами, была причиною беспрестанных

нападений то с той, то с другой стороны. Киргизам в особенности хотелось занять эти места, как представляющие отличные пастбища. Знаменитый киргизский султан Аблай напал врасплох с 300 человеками на калмыков, положил на месте множество из них, разграбил, что мог, и убил брата их главного князька или хана Кандара. Тогда калмыки, собравшись в значительном количестве, напали в свою очередь на киргизов, разбили их, взяли в плен самого Аблая и увезли его в горы за Чингистаем. Кандар, увидя его, очень рассердился на своих людей за то, что они привели его к нему живого, и, обратившись к Аблаю, сказал ему: «Неужели, Аблай, тебе нет смерти?» Он отвечал, что еще мало напился калмыцкой крови и что тогда только умрет, когда ею утолит свою жажду. Тогда Кандар снова начал выговаривать своим людям, зачем они привели его к нему живого, но не велел казнить, а выставить юрту, как бы в насмешку Аблаю. Видя своего хана в плену, киргизские бии и султаны собрались и решились послать депутацию к Кандару, просить его, чтобы он отпустил Аблая, обещаясь за то более не нападать на калмыков. Последние уступили киргизам эти места и удалились за Чингистай. С этого времени не было более стычки киргизов с калмыками.

Вот как, по всей вероятности, нужно объяснять исторически этот рассказ. Зюнгарского владетеля или Хон-Тайдзи [2] Кандара не было, а вероятно, под этим подразумевают знаменитого Галь-Дан-Цырена [3] или Черена, который был выведен из терпения набегамы киргизов во время войны его с китайцами, по окончании которой он выслал в степь два отряда: один в Меньшую, другой в Среднюю Орду. Последней, как ближайшей соседке зюнгаров, угрожала наибольшая опасность. Действительно, киргизы были разбиты, и султан Средней Орды Аблай был взят в плен в 1742 г. Несмотря на подданство свое России, владельцы киргиз-кайсацкие так испугались действий Галь-Дан-Цырена, что должны были искать его благоволения. Они послали к нему послов и отдали в аманаты ближайших своих родственников. Без сомнения, при этом просьба их была об увольнении Аблая. Но старания их, может быть, долго остались бы тщетными, если они не были подкреплены ходатайством России, пославшей в 1742 году из Оренбурга майора Миллера к зюнгарскому Хон-Тайдзи. Пробыв около года в плену, Аблай был освобожден в 1743 году. По смерти Галь-Дан-Цырена (1746) Зюнгарское государство пало от несогласий его наследников, из которых некоторые в 1745 году признали себя подданными Китая. Этим случаем воспользовался китайский

император для совершенного покорения Зюнгарии и тем положил, с 1756 года, конец беспокойствам, причиняемым зюнгарцами. Аблай, сколь возможно, старался поддерживать сперва ссоры между зюнгарскими владетелями, до того времени, как китайское войско взяло верх. Вероятно, во время этих происшествий киргизы вытеснили исподволь зюнгаров из северо-восточной части Киргизской степи и заняли места, соседние с китайскими владениями.

Влангали А. Геогностические поездки в восточную часть Киргизской степи в 1849 и 1851 годах. Ч. 1. СПб., 1853.

Мухмедгалий Ибрагимов

[АБЛАЙ В ПЛЕНУ У ДЖУНГАР]

(Из киргизских преданий)

Современник Аблая был калмыцкий хан Галдан. Он отправил своего посланника к Аблаю с предложением добровольно покориться, а в случае отказа грозил объявить войну. Хан Аблай, рассердившись, велел казнить посланника и потом ответить, что ждет неприятельских войск. Услышав это, Галдан отправил несколько тысяч войск, которые, прибыв на условные места, стали в позицию. На одиночное сражение из стана Аблая выехал шестидесятилетний его окул-атасы (нареченный тесть)¹³⁴. Ему пришлось сражаться с семью богатырями, выходившими из калмыцкого стана один за другим, и каждый раз, пронзенные копьем, они сваливались с лошади. Таким образом, победив этих богатырей, он возвратился с поля сражения. Тогда Аблай спросил, почему он раньше не показал свою храбрость. Тот ответил, что не имел возможности участвовать в прежних сражениях по недостатку различных принадлежностей, требующихся в таких случаях: если имел лошадь, то не оказывалось других принадлежностей и наоборот.

---

¹³⁴ Разница между окул-атой (нареченным) и каин-атой (настоящим) заключается в том, что окул-ата приходится ему не действительным, а избранным по взаимному согласию обеих сторон, хотя тот в действительности не женился на его дочери, по обычаю принято называть окул-атой.

Киргизское предание гласит, что посланникам нет смерти; если кто-нибудь вздумает повредить им, тот в свою очередь подвергается тому же наказанию; вследствие чего Аблай был побежден калмыками и взят в плен со ста человеками. После того победители воротились на родину с пленниками, где самого Аблая с четырьмя человеками из его свиты отправили на представление Галдану; остальных, находя не нужным показывать Галдану, заключили в юрту. Услышав об этом, один из вельмож Галдана поспешил объявить ему о представлении Аблая; тогда Галдан велел собрать ковры, посланные в его юрте, чтобы испытать достоинство, так как Аблай, войдя в юрту, решился бы или сесть на землю, или стоять на ногах, — действительно, он заметил, что в юрте негде сесть, а стоять ему было тоже неловко. В такой критический момент один из его свиты, заметив смущение Аблая, снял свой шелковый халат, постлал под ноги Аблая и предложил сесть ему и другим товарищам. Галдан сказал рядом сидящему с ним вельможе: «Вот тот самый Аблай, который казнил твоего отца; так как он теперь в наших руках, то отдаю его на твою волю: что хочешь, то и делай с ним». Тот обратился к Аблаю: «Ты ли тот самый Аблай, который казнил моего отца?» Тогда Аблай ответил, что причина не от него, а преступление совершено другими. Сын посланника заявил, что он не желает мстить и платить кровью за кровь и если казнить Аблая, то не воскресить своего отца, а потому он не решается совершить преступление, за которое ему пришлось бы отвечать на страшном суде.

Таким образом благополучно воротили Аблая на родину с той же свитой. За три дня до прибытия на родину все окружающие спросили у Аблая, кого из них он считает за хорошего, услужливого; в числе их был и тот шестидесятилетний и другие богатыри, спасшие его во время трудных критических моментов. Тогда Аблай сказал им, что они все одинаково хорошо служат ему, но из них один оказал более услуг, когда Галдан испытывал его достоинство. Этого богатыря звали Ембетом.

Акмолинские областные ведомости. 1891. Особое прибавление, № 13.

ПЕСНЯ ОБ АБЛАЕ¹³⁵

Спою-ка я песню удалую,
 Но о чем же я вам спою?³
 Спою о жившем в давние времена,
 О моем хане Аблае [1].
 Не остановлюсь на этом,
 Спою о его врагах,
 С которыми он сражался,
 О том, как он размножал свое богатство.
 Всадники мухортых коней —
 Есенгул и Ерсадыр [2] —
 Славные киргизские богатыри.
 Удалой Садыр раз поднялся,
 Сел на коня и собрался в поход.
 Он заставил казахов задуматься
 Не спал спокойно,
 Со своей конницей примчался
 И захватил он сартов.
 На Каракуус-Чункуре
 Разгромил семиз-найманов¹³⁶
 И наголову разбил кунгратов.
 На Аксу и Коксу,
 Под Сайкалтереком,
 У Муздыбулака
 Найдено множество ягнят и козлят,
 Унесенных бурным потоком.
 Пятнадцатилетний юноша —
 Жаугаш — тогда плачет:
 «Если не отомщу тебе, Садыр,
 Если не пошлю за тобой погоню,
 Если не сообщу моему хану Аблаю,
 Живущему на Арке,
 То никогда не возьму мою обиду!..»
 Так однажды наступил день,
 Жаугаш сел на коня,

¹³⁵ Перевод А. Х. Маргулана и Дж. Кармышевой.

¹³⁶ Подразделение казахского племени найман.

Привязал к поясу колчан,
Зажал в ладони черную кровь.
Когда день склонялся к вечеру,
В сумерках уложены ягнята,
Когда снимали шаровары¹³⁷,
Пригнал Жаугаш табун лошадей.
Взяв четверых в вожак,
Пятерых в сопроводители,
Представился к Аблай-хану на Арке.
— Аллах вам защитник, —
Склонив голову, сказал Жаугаш.
Хан Аблай осведомился:
— Куда путь держишь, Жаугаш-жан?
— Хан Аблай, государь ты мой,
Да будет у тебя обилие всего.
На Каракуус-Чункуре
Семиз-найман разбит,
В этом бою особенно
Мой кунграт сильно побит.
На Аксу и Коксу,
Под Сайкалтереком,
У Муздыбулака
Найдено множество ягнят и козлят,
Унесенных бурным потоком.
Твой Жаугаш сильно тоскует
О сверстниках, с которыми он играл.
— Ай, мой Жаугаш, Жаугаш!
Ты пока вернись домой,
Пусть взойдет, сверкая, звезда Сумбуле¹³⁸,
Пусть кони откормятся.
Я задам тогда Садыру,
Как бывало раньше;
Да будет нам бог защитой.

* * *

Вот пришло время,
Взошла, сверкая, Сумбуле.

¹³⁷ То есть укладывались спать.

¹³⁸ *Сумбуле* — а) самая яркая звезда неба — Сириус, видимая в наших широтах с начала августа до весны; б) название месяца августа.

Кони разжирели,
 А саврасый, купленный за сто баранов,
 Округлился, как сердце,
 Стал поджарый, как змея.
 Хан Аблай, государь,
 Собрал рать с Большого жуза,
 Собрал с Малого жуза,
 Особенно из уваков и кереев [3]
 Собрал несметное войско.
 И двинулся хан, как серый волк,
 Взмыл, как сокол-балабан,
 Взмахнул, как ястреб,
 Стал, как кобчик,
 Под Токалтереком,
 И, не слезая с коня,
 Устроил там совет.
 Сын басентина¹³⁹ Барлыбай,
 Непокорный, говорит дерзко,
 Не подчиняюсь никому:
 Ты рыщешь, как серый волк,
 Не слезая с коня,
 Под Токалтереком устроил совет,
 Дело плохо, пропадем в окружении,
 Давай вернемся, — вымолвил он.
 Тогда Аблай плачет.
 О чем же он плачет?
 — Жаль, среди вас нет ни одного
 Из богатырей кереев и уваков,
 Храбрых копыеносцев.
 Отчего ж я опозорился,
 Погас, едва воспламеняюсь?
 Тогда [он увидел среди воинов]
 Прославленного бедняка
 Сына кереев Турсунбая [4],
 Носящего кожаный колчан.
 — Я обращаюсь к народу, —
 Крикнул Турсунбай.
 — Не смотрите, что я на серой кляче,
 Не откажусь я от добычи.

¹³⁹ Казахский род.

Если не пойдём в атаку,
Может стать нам плохо.
Идем в бой, о хан Аблай!

* * *

О хан Аблай, ты ходил,
Гогоча, как [гусь],
Бушуя, как [бура]¹⁴⁰,
Бурля, как горный поток,
Сверкая, как метеор,
И печень [твоего врага]
Досталась тебе в руки.
Во время сечи
Пали юноши с чубами на голове,
Пали двукосые девицы.
О, как тяжело перенести!
Можем испортить все дело,
Давай, хан, в атаку, — крикнул он.
Аблай-хан еще в силе —
Бушевал, как старый бура.
Саврасый конь, равный сотне баранов,
Встрепенулся на всех четырех ногах,
Вспотел, как вражий конь.
Увидев, как конь вспотел,
Государь мой, хан Аблай,
Подтянул подпруги туго
И пустил аргамака вперед.
Мирно живших киргизов
Рассеял на Сарыбеле [5],
Свое дело он сделал,
Сломал хребет киргизам.
Итак, совершив набег,
Вернулся к себе Аблай.
Наступило время затишья.
И вот явился к нему Садыр,
Бурля, как горный поток,
Сверкая, как метеор.
Вздрыгнул хан Аблай.
Не признак ли это испуга?

¹⁴⁰ Бура — верблюд-производитель.

Задрожал он, растерялся.
 — О мой Жаугаш, Жаугаш!
 На правой руке моей сокол,
 На левой руке мой Жаугаш,
 Сколько бы ни искал,
 Не найду такого лучезарного сына, как ты.
 Есенгул и Ерсадыр —
 Славные киргизские богатыри,
 Ездят на мухортых конях.
 Иди, Жаугаш, к Садыру,
 Не стану враждовать с ним,
 Буду в союзе с Садыром.
 Тесны жайляу по Таласу,
 Но будем вместе летовать,
 Обширны жайляу по Кунгесу,
 В мире-согласии будем летовать
 И будем лакомиться казы и картой¹⁴¹,
 Раскрошивая на куски.
 Пошел Жаугаш к Садыру:
 — Садыр-батыр, ты постой,
 Хан-Аблай, живущий на Арке,
 Послал меня к тебе, сказав:
 — Иди, к Садыру, иди.
 Всадники мухортых коней —
 Есенгул и Ерсадыр,
 Славные богатыри киргизов.
 Не буду враждовать с Садыром,
 Пойду на мировую с Садыром.
 Жайляу по Таласу хоть тесны,
 Но будем вместе летовать,
 Жайляу по Кунгесу обширны,
 В мире-согласии будем летовать.
 Будем вкушать казы и карту,
 Раскрошивая на куски.

* * *

— Коки¹⁴²! Не помирюсь я с ним,
 Буду враждовать с этим рабом!

¹⁴¹ *Казы* — особо приготовленная конская колбаса с брюшным жиром; *карта* — толстая кишка лошади, считающаяся у казахов лакомым блюдом.

¹⁴² *Қоқи!* — восклицание у киргизов, выражающее удивление, досаду, гнев.

По Таласу джайляу тесны,
Не буду вместе летовать,
По Кунгесу джайляу обширны,
Не буду с ним вместе летовать.
Не хочу лакомиться казы и картой,
Раскрошивая на куски, коки!
Старый раб этот Аблай
Три раза разорил мой дом.
На этом не остановился
Старый раб Аблай,
Напился водки и опьянел.
Пусть вернет он наших пленных.
Не одну, а тысячу бед
Причинил он, коки!
Мое жабагы¹⁴³ он растеребил,
Сыромятный мой ремень
Выделал в кожу,
Юных сыновей моих
Сделал он рабами,
Белую юрту мою с молодоженами
Он полонил, коки!
И на этом не успокоился
Старый раб Аблай,
Теперь домогается моей жизни, коки!
Пусть снимет одежду,
Пока она не окровавлена;
Разорву ее в клочья,
Как простую бязь.
Надену его шлем,
Сяду ему на грудь,
Помочусь на его тело.
На труп этого раба,
Разорившего мой народ,
Башню навалю.

* * *

— Всадники мухортых коней —
Есенгул и Ерсადыр,
Славные богатыри киргизов.

¹⁴³ *Жабагы* — зимняя грубая овечья шерсть.

Мой посланец Жаугаш,
 Что сказал Ерсадыр?²
 — О милостивый хан Аблай,
 Что ты будешь делать?³
 Возгордился твой Садыр.
 Бог сулит ведь нам удачу.
 Ты пришел, разбил киргизов,
 Взял несметную добычу.
 Садыр-батыр сказал:
 — Коки, не помирись я с этим рабом!
 Теперь он домогается моей головы.
 Тогда Аблай [сказал]:
 — Ты мой голый витязь,
 Иди к тому Садыру,
 Застрели его,
 Обильную добычу возьми.
 Если не убьешь Садыра,
 Он поразит тебя самого,
 Привяжет к хвосту коня,
 Продолбит тебе небо
 И прожжет палящим огнем.
 О, повеление Аллаха!
 Куда ты можешь убежать [душа],
 Ничтожная, как муха?⁴
 (И сказав: «Кидаю!»,
 Бросил две горсти земли.)
 Многочисленные кунгратские мергены¹⁴⁴,
 Все они быстро и ловко
 Установили на коленях фитильные ружья,
 Зарядили их пулями,
 Устроили защиту из коней,
 Вытряхнули патронные сумки.
 И вот началась пальба.
 В день, когда сражался Аблай,
 Когда, крича «Коки!», бежали киргизы,
 Когда казахи взяли верх,
 Когда киргизов покинули духи предков¹⁴⁵,
 Скакун Аблая шел впереди.

¹⁴⁴ Мерген — меткий стрелок.

¹⁴⁵ То есть им изменило счастье.

Беспечно живших киргизов
Разбил на Сарыбеле,
Разбил и вернулся Аблай.

* * *

(В том году, когда в сражениях был убит Атеке-Жырык [6], его дочь сложила такую песню):
Тихо в верховьях Меркена,
Дорога по прохладному ущелью приятна.
Вот пришли эти казахи,
И не стало моего Атеке.
Садыр скрылся в камышах,
Мой Атеке вышел ради чести,
Накинув на себя красный чекмень;
Садыр был вместе с девушками,
Накинув черный чекмень,
Он был вместе с женщинами.
Копье хана Аблая
Негнущейся бронзовой стрелой взвилось,
Копье моего Атеке
Погнулось, как сосна.
Под Аблаем хотя черный потник,
Но он сверстник тебе, Атеке.
Кожаный потник под Аблаем,
Разве ты равен ему, мой Атеке.
Вверх он голову твою в беду,
Кровь твою слил в ведро,
Желчь твою взял себе,
Пил и не напился крови твоей.
Аблай, бешеный жеребец,
Не забыл старую месть.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5 т. Алма-Ата, 1984. Т. 1.
С. 265–272.

И. А.

КЕНИСАРА И НАУРУЗБАЙ [1]*(Киргизское предание)*

Много лет тому назад жил знатный хан Аблай. В молодости сын бедных родителей, отданный ими в работники к одному богатому человеку, Аблай терпел крайнюю нужду и, рано лишившись родителей, остался круглым сиротой. Не раз хозяйская ногайка гуляла по его молодецкой спине, не раз забитый и загнанный хозяйскими побоями, Аблай искал спасение в бегстве. Но каждый раз его ловили, и после этого жизнь его у хозяина становилась еще тяжелее. Аблай решил окончательно скрыться от своего хозяина. Пристав к одной шайке, производившей набеги на мирных сынов степи, Аблай, пятнадцатилетний мальчуган, навсегда через это освободился от своего хозяина. Вместе с разными удальцами, проводившими жизнь в набегах и кровавых боях с кочевыми племенами, населявшими степь, Аблай весь отдался новому роду жизни, полюбив ее всей своей юношеской душой. Своею храбростью он скоро выделился из среды своих товарищей и стал во главе их, а несколько удачных походов, совершенных под его предводительством, принесли ему большие богатства. Аблай стал богатым и знатным человеком, а через некоторое время даже ханом — правителем родного народа. По смерти Аблай-хана потомки его продолжали стоять во главе народа, нося титул ханов. Из сыновей его приобрело славное имя Тухтамыс-хан, а из сыновей Тухтамыса — Касым. Но больше всех прославились по степи сыновья Касым — Кенисара и Наурузбай [2]. Много преданий сохранилось среди киргиз об этих братьях, много песен сложили про них их дальние потомки, и эти предания и песни, прикрашенные вымыслом и фантазией, имеют для кочевника особую чарующую силу.

Воинственный дух славного своего предка Аблай-хана стал с ранних лет проявляться у Кенисары и Наурузбая. Еще будучи подростками, они не раз выказывали свою удаль и вызывали удивление к своей храбрости не только со стороны своих ровесников, но и старых почтенных аксакалов. Оба брата горячо любили один другого и всегда старались быть всюду вместе: если один

воевал, то и другой был тут же. Храбрость их завоевала им почетное место в ряду полководцев их отца Касым-хана. Наурузбай на своем быстроходном аргамаке Ак-бузат, а Кенисара на Ак-аузат, разъезжали во главе храбрых и преданных им войск по степям и, где бы ни появлялся их губительный меч, там мирные кочевники безропотно подчинялись их господству и клали оружие к их ногам. Покорив многие кочевые племена, разбросанные по степи, Кенисара, как старший брат, сделался ханом над ними, а Наурузбай стал его первым полководцем. Упрочив могущество своего ханства, оба брата предприняли поход против алтайцев — кочевых племен, живших на горах Алатау и Кшитау, и в короткое время подчинили их своей власти.

В войнах, предпринимаемых против неприятеля, Кенисара и Наурузбай проявляли необыкновенную жестокость. Свирепость и кровожадность их превосходили всякие границы. В войне Кенисара никого не щадил: ни стариков, ни женщин, ни детей. Так, в войне с алтайцами, забрав многих жителей в плен и боясь, чтоб потомки их со временем не свергли его ханства — Кенисара спустил в реку пятьсот мальчиков, которые все до одного погибли. Он не только не щадил жизни покоренных им народов, но позволял ругаться и издеваться над всеми теми, перед чем благоговел этот народ, так, например, он разрывал могилы знатных людей, вытаскивал их трупы и кости сжигал на кострах в присутствии целого народа.

В горах Алатау на границе с Китаем в то время обитало многочисленное племя каракиргиз, имевшее своего могущественного и сильного Макал обширные владения их хана выходили далеко за пределы Алатау; мир и спокойствие, доселе царствовавшее в этом ханстве, доставили большие богатства и благоденствие этому племени. Узнав о богатствах каракиргиз, Кенисара и Наурузбай решили предпринять поход против них и повели его очень удачно. Каракиргизский хан, терпя одно поражение за другим и боясь окончательно подпасть под власть Кенисары и испытать на себе все ужасы его жестокости, решил просить у него перемирия, хотя на короткое время. Кенисара согласился и ушел с войсками обратно в свои владения, довольный успехами одержанных побед. А тем временем каракиргизский Макал приложил все усилия к тому, чтобы увеличить свои войска и приучить их ко всем трудно-

стям войны, настроил крепостей в своем ханстве, укрепил многие позиции, изготовил массу боевых припасов. Как только кончился срок перемирия, он тотчас же объявил войну Кенисары. Кенисара явился со своим войском. Началась война.

Каракиргизский Макал занял неприступную позицию на одной высокой горе, вход на которую был известен только ему одному и, укрепившись там, стал оттуда наносить страшный вред войскам Кенисары.

Все снаряды, пускаемые Кенисарой, не могли достигнуть даже и верхушки горы, на которой находились неприятельские войска, взобраться же на гору он не мог, так как вход на нее неприятелем хранился в тайне и потому не был известен, ни Кенисары, ни его войскам. Разделив свое войско на две части, Кенисара с частью войск остался у подножия этой горы, а Наурузбай с другою частью войск направил брать другую неприятельскую позицию, приказав ему опять явиться на это же место в известный и определенный срок. Наурузбай ушел, а Кенисара остался сражаться с войсками каракиргизского хана. Долго длилось это сражение, меткие пули неприятеля все чаще и чаще попадали в ряды войск Кенисары, производя в них опустошение. Счастье на этот раз покинуло Кенисару, и он, в конце концов, попал в плен к каракиргизам.

В срок, назначенный Кенисарой, явился Наурузбай со своими войсками на место, где он его оставил, и здесь узнал, что войска брата разбиты, а сам он попал в плен и что спаслась от плена лишь самая незначительная часть войск Кенисары. Найдя вскоре эту часть спасшихся войск и присоединив ее к своему отряду, Наурузбай уговорил все свое войско возвратиться домой, а сам решил идти к неприятелю добровольным пленником, чтобы вместе с братом Кенисарой разделить одну участь. Отпустив домой войско, без всякого оружия, с одним лишь желанием умереть со своим братом, Наурузбай отправился в неприятельский лагерь каракиргизскому хану.

Забрав в плен Кенисару и зная, что брат его Наурузбай еще на свободе и боясь, что Наурузбай будет мстить им за своего брата и что рано или поздно им не избежать участи, какая постигла алтайцев, покоренных Кенисарой и его братом Наурузбаем, каракиргизы уже решили было отпустить на свободу Кенисару. Но в это время явился в лагерь сам Наурузбай и один, без всякого оружия.

Несказанно обрадовались каракиргизы его появлению и, тотчас же схватив его, заковали в цепи и посадили под крепкую стражу вместе с его братом Кенисарой. Враги вначале хотели было сразу умертвить обоих братьев, но потом устроили между собою совет и после него решили даровать жизнь Кенисары и Наурузбаю, с условием, чтобы они оставили им среди них свое потомство, которое могло быть таким же храбрым и воинственным, какими были оба брата.

Кенисара и Наурузбай не хотели, однако же, исполнить просьбы киргиз и в течение двух лет, несмотря на все чары и обольщения данных им в жены красавиц, остались непреклонными в своем твердом намерении — не оставлять среди неприятеля своего потомства. Каракиргизы, видя непоколебимую твердость Кенисары и Наурузбая, решили, наконец, придать их смертной казни.

Первым вывели на казнь Кенисару. Взглянул он тогда на собравшийся народ, на далекие горы, на высокое небо, откуда лились ласковые лучи веселого солнца, взглянул кругом себя и запел песню. Долго лилась его песня среди собравшейся толпы, и словам ее она долго внимала, не имея ни сил, ни желания оторваться от властных слов его песни, что глубоко западали в душу каждого, кто слушал их. И в песне своей вспомнил он всю свою жизнь в родных и привольных степях, в кругу родного аула, вспомнил свои славные молодецкие подвиги, про свои разбойничьи набеги и грабежи, вспомнил и про жертвы, замученные им, и про мучения, что придумывал он им... и затосковало его сердце, заговорила в нем совесть, стала она его терзать, и пред собравшеюся толпою поведал он про все свои грехи, уговаривая всех стоявших перед ним не гневить Великого Кудая так, как он его прогневил, чтоб не заслужить им за свои грехи такой же тяжкой кары, что теперь постигает его. Кончил Кенисара свою песнь. Палач приступил к нему. Привычной рукой длинным ножом одним взмахом руки распорол он Кенисары живот, внутренности вывалились, и Кенисара замертво упал, испустив последнее дыхание. Враги взяли его труп и долго над ним издевались, затем, распоров ему грудь, вынули они сердце его и с благоговением отступили от него: сердце Кенисары, как гласит о том предание, все было покрыто густыми волосами...а сердце такое бывает лишь только у храбрых людей!..

Затем наступила очередь Наурузбая, видевшего все мучения своего брата Кенисары. Подобно Кенисары вспомнил Наурузбай в последние минуты все грехи свои перед Великим Кудаем и стал вслух горячо молиться Ему. Чем больше враги издевались над ним, тем пламенней была его молитва к Кудая. Палач распорол ему живот, внутренности которого упали к его ногам, а Наурузбай так был увлечен молитвой, что ничего не слышал, лишь только усерднее стал молиться. Враги обратились к нему: «Наурузбай, взгляни, что у тебя в ногах». Очнулся Наурузбай, взглянул... и сильным взмахом своей могучей руки ударил палача, и грохнулся о землю палач, пав сразу бездыханным, а вслед за ним упал и Наурузбай, и отлетела душа его из его обезображенного тела. Враги распоролы ему грудь, достали его сердце и увидели на нем, как гласит о том предание, два больших сайгачьих рога, крестообразно сложенных. Такое сердце бывает лишь у самых отчаянных и храбрых людей. Пожалели враги, что храбрые братья не оставили среди них потомства своего, которое могло бы также прославить каракиргиз, как прославились по всей степи храбрые батыри Кенисара и Наурузбай, рассказы о которых, переложенные в песни и стихи, и теперь еще ходят по разным уголкам широкой степи...

Тургайская газета. № 21. 1901.

В. Симагин

МЯТЕЖНЫЙ СУЛТАН КИНИСАРА КАСЫМОВ [1] И ЕГО ПРЕСЛЕДОВАТЕЛИ

Осуществлению видов нашего правительства относительно движения в глубь Средней Азии, прежде всего, должно было предшествовать более прочное укрепление наших юго-восточных окраин, а затем постепенное распространение их далее на юг и юго-восток. Главными опорными пунктами на этих окраинах в первой половине настоящего столетия были, как известно г. Оренбург и крепость Орская, и отсюда должно было начаться дальнейшее за-

нятие нами среднеазиатских степей. Действуя в этом направлении, правительство наше в период времени 1816—1835 годов учредило Илецкую и Новую линии и заселило их оренбургскими казаками, а в 1840 году присоединило к оренбургскому казачьему войску все прилегающие к этим линиям земли — по левую сторону реки Урала и реке Илеку, издавна служившая привольем для кочевой жизни среднеазиатских орд и богатыми пастбищами для их многочисленных табунов.

Устройство этих двух пограничных линий и присоединение к оренбургскому войску земель, занимаемых киргизами, лишило их лучших угодий, вынудило их удалиться от линии далее в глубь степей и значительно подорвало их материальное благосостояние. Все это естественно возбудило в них сильнейшую ненависть к русскому прилинейному населению, вследствие чего чаще прежнего стали повторяться дерзкие и опустошительные набеги киргиз на линейные казачьи селения. Грабежи и разбои киргизских шаек дошли наконец до такой степени, что, кроме угона скота и разграбления имущества, у казаков стали захватывать прилинейных жителей в плен, так что прилинейные жители из опасения за свою свободу и жизнь не могли выезжать невооруженными ни на полевые работы, ни на другие промысла вблизи линий.

Главными защитниками волнений и беспорядков в киргизской степи являются в тридцатых годах текущего столетия известный в то время своими происками и интригами султан Кинисары Касымов и отец его Касым Аблаев, старавшийся постоянно возбуждать в своих аулах вражду к русскому населению, начавшие занимать прилинейные местности. Немало также волновали в то время киргизские орды своими подстрекательствами хивинские сборщики податей, которые появлялись иногда у речки Хобды — вблизи самой границы Илецкого района. Подобное появление их в 1836 году вызвало необходимость командовать 2-сотенный оренбургский казачий отряд под начальством командира оренбургского неперменного казачьего полка подполковника Подурова (впоследствии генерал-майор и наказной атаман оренбургского казачьего войска), но сборщики податей, как только узнали о выступлении отряда в степь, поспешно удалились.

Между тем султан Кинисара свои враждебные замыслы к русскому прилинейному населению старался распространять как

между преданных ему киргизских шаек, так и в независимых от него аулах и вскоре привлек на свою сторону многочисленные мятежные киргизские шайки и посредством происков нашел себе сообщников в появившихся в 1837 и 1838 годах в ныне оренбургской степи, бежавших из внутренней Букеевской орды султанах Исетае Тайманове, Каипе Галиеве и Джуламане [2].

Вследствие полученных сведений о появлении в степи значительных киргизских скопищ под предводительством Кинисары и его сообщников, в предупреждение могущих быть нападений их на линии, распорядилось командовать в 1838 году три отряда — один под начальством подполковника Подурова, другой — полковника Геке (впоследствии генерал-майор и наказной атаман уральского казачьего войска) и третий — полковника Мансурова. Во втором и третьем отрядах были и оренбургские казаки. Отряд полковника Геке, встретив скопище киргиз Исетае в числе около 2000 человек, напал на него. Сделав несколько ружейных выстрелов, полковник Геке пустил две оренбургские казачьи сотни в атаку, и все скопище было совершенно разбито и рассеяно, а сам Исетае убит. Отряд полковника Мансурова в верховьях реки Иргиза окружил аулы волновавшегося Дюрт-Кирченского рода и задержал главных зачинщиков, причем было убито до 80 киргиз и взято значительное количество скота. Таким образом, действия этих отрядов не только остановили попытки Кинисары и сообщников его прорваться к линии, но и заставили удалиться их с большими потерями: Кинисару к Ташкенту, Каипа Галиева в Хиву, а Джуламан ушел на реку Эмбу, зажигая за собою степь, с целью отрезать преследования полковником Геке.

Несмотря, однако, на такую неудачную попытку мятежных султанов, из них Кинисара не покинул своих хищнических намерений и для проведения их в исполнение постарался вместе со своим отцом Касымом воспользоваться случаем прикочевания родственников его — султанов сибирского ведомства Аблаевых с их аулами по реке Тургай на зиму 1838—1839 г. Кинисара со своими шайками отправился для соединения с Аблаевым с целью совместных с ним нападений на линию и грабежей, но как только было получено об этом оренбургским начальством сведения, то немедленно было послано в степь в марте месяце 1839 г. отряд оренбургских казаков и Башкирцев в числе 1900 человек, при двух метких орудиях под начальством полковника Геке.

Несмотря на начавшуюся уже весеннюю распутицу, отряд быстро совершил поход до реки Тургая и успел застать там на зимних кочевках султана Аблаева со всеми его аулами. Вследствие неожиданного появления отряда многочисленные аулы Аблаева растерялись, поспешно начали сниматься с кочевков и в паническом страхе в беспорядке обратились в бегство. При этом было убито до 50 киргиз, сам Аблаев с 13 киргизами взят в плен, и множество скота осталось добычей отряда. Дальнейшее преследование разбросавшихся по степи аулов, за разливом рек и за наступлением полной весенней распутицы, оказалось невозможным, и отряд принужден был возвратиться на линию. Обратное следование его было сопряжено с большими трудностями и лишениями по случаю наступивших проливных дождей, морозов и буранов.

С расстанием аулов Аблаева по степи и взятием его самого в плен султан Кинисара потерял и сильных своих сообщников и стал спасаться, чтобы не постигла его та же участь, какой подвергся Аблаев, тем более, когда он увидел, что оренбургские отряды представляют довольно сильную преграду для его хищнических действий и могут угрожать ему гибелью. Поэтому для спасения своего он решился обратиться к главному начальнику оренбургского края генерал-адъютанту Перовскому с раскаянием в своих поступках, оправдываясь тем, что сибирские отряды казаков нападали на аулы его родственников и приверженцев и совершенно незаконно разоряли их. Генерал Перовский, заботясь об умиротворении степи и важнее оной и тревожное состояние линейных жителей зависело от султана Кинисары и его сподвижников, приказал существенно необходимым прислушиваться в этом случае к рассказам Кинисары и попросил не только ему, но и его родственникам прощение, в надежде этой известной мерой остановить хищнические действия Кинисары и его сообщников. Но раскаяния Кинисары, как оказалось впоследствии, было ложным. Он в то же время для усиления своих средств начал искать себе приверженцев в киргизских шайках, производивших грабежи в степи сибирского ведомства, и в 1842 году, набрав многочисленные шайки, снова начал грабежи и разбой в стенах оренбургского и сибирского ведомств.

Злодеяния Кинисары в этих степях стали принимать ужасающие размеры: слухи о них начали доходить до линии и снова тревожить прилинейных жителей, так что оренбургское и сибир-

ское начальства вынуждены были вновь принять против Кинисары меры и в июне месяце 1843 г., был командирован под начальством воинского старшины Лебедева отряд из 304 оренбургских казаков, при одном трехфунтовом единороге, причем Лебедеву приказано было действия свои согласовать с действиями командированных против Кинисары сибирских войск и вообще не отступать от данной по этому случаю инструкции, которая, между прочим, включала в себя весьма стеснительные ограничения в распоряжениях войскового старшины Лебедева.

По выступлении из крепости Орской отряд через несколько переходов неожиданно встретил Кинисару с 1500 человек хорошо вооруженных киргиз. Он шел к линии с миролюбивою будто бы целью — починиться всем требованиям оренбургского начальства, вследствие чего Лебедев с отрядом должен был отступить к Орской крепости, а Кинисара остановился вблизи линии. В то же время Кинисара отправил два письма к председателю оренбургской пограничной комиссии с заявлением полного своего миролюбия и жалоб на клеветы его врагов и на обиды, которые будто бы он терпел от некоторых киргизских родов. Оренбургское начальство, снова поддавшись обману Кинисары, предписало войсковому старшине Лебедеву остановить свои действия против Кинисары. Но вскоре после того было получено несколько новых донесений о вероломстве Кинисары и нападении его на киргиз средней части орды, и потому в августе месяце того же 1843 г. было выслано против Кинисары несколько отрядов, в числе коих и отряд войскового старшины Лебедева, но за болезнью его отряд этот был поручен прикомандированному к оренбургскому казачьему войску из регулярной кавалерии полковнику Дуниковскому, далеко не соединявшему в себе качеств, необходимых начальнику вообще, а для степных военных походов в особенности.

Кинисара через своих лазутчиков, зорко глядя за отрядом полковника Дуниковского, сразу увидел отсутствие целесообразности в его направлении по степи, обнаружившееся в непрактичном выборе мест для ночлегов и отдыха и в безвременных и неуместных его остановках. Убедившись таким образом в полном незнакомстве полковника Дуниковского со степью, Кинисара стал лавировать по степи и замаскировывая различными способами движение своих шаек, он без особенного труда отклонялся от преследовавших их

отрядов, увлекая их посредством оставляемых за собою ложных следов — то в противоположные от себя стороны, то пропуская вперед себя. Таким образом, отряды проходили за Кинисарой совершенно бесполезно до осени, изнурили своих лошадей и в октябрь были отозваны на линию.

Кинисара, оставшись на этот раз безнаказанным, продолжал усиливать свои шайки для нападения на оренбургские отряды в случае нового появления их в степи. Действительно, в 1844 г., оказалось необходимым вновь командировать против Кинисары отряд из 1600 оренбургских казаков, который под начальством Лебедева (уже подполковника) выступил в степь ранней весной. Для наилучшего достижения цели и чтобы не проходить по степи бесполезно, подобно полковнику Дуниковскому, подполковник Лебедев старался обставить этот поход насколько возможно действительными средствами для своих действий. Он, прежде всего, нашел существенно необходимым иметь при отряде надежных разведчиков для получения через них точных сведений о достижениях и действиях Кинисары и в этом случае признал более полезным пригласить их из киргиз, потерпевших обиды от Кинисары и его приверженцев и считавших по своим обычаям обязанностью рано или поздно, отомстить ему свои обиды.

Подполковник Лебедев получил, таким образом, через этих агентов самые верные сведения о положении Кинисары, зная хорошо степь и угадывая по маневрированиям Кинисары его намерения, повел свои действия весьма удачно, по крайней мере, в том отношении, что движения его были вполне целесообразны, благодаря которым он не упускал из вида аулов Кинисары. Держал их в страхе и большей частью вблизи своего отряда подготавливая все свои средства для решительного и безошибочного нападения на Кинисару и захвата его в плен, так что Кинисара сразу увидел в Лебедеве опытного вождя и опасного для себя преследователя не только потерять всякую надежду на нападения на отряд, но принужден был искать спасения и, боясь вследствие своих неудач потерять прежнее свое влияние на степь, стал изыскивать средства к удалению Лебедева из степи.

Задавшись коварными замыслами против подполковника Лебедева, Кинисара обратился в этом случае к содействию старшины мирных аулов Байкадаму, который, как оказалось, был челове-

ком сомнительной преданности русскому правительству и 10 июля 30 киргиз, преданных Байкадаму, напали на двух киргиз, посланных Лебедевым с почтой в крепость Николаевскую, и захватили из них одного киргиза и почту, а другой успел скрыться и явился к Лебедеву. Между тем сам Байкадам 12 июля угнал 230 лошадей у мирных киргиз Аргынского рода, а на другой день после того Кинисара разбил и ограбил аулы дистаночного начальника Тычканбаева, бия Алтубашева и других, взял трех человек в плен и отбил множество скота.

Подполковник Лебедев, убедившись в мнимой преданности правительству старшины Байкадама и в явном сочувствии его Кинисары, счел нужным открыть против этих мятежников решительные действия. Он быстрым и безошибочным своим действием настиг Байкадама, разбил его наголову, взял многих его киргиз в плен и забрал все его имущество и множество скота. Имущество и скот раздал пострадавшим от мятежных шаек киргизам, а часть лошадей — казакам, которые лишились своих во время походов.

Вслед за этим полковник Лебедев намерен был преследовать Кинисару и во что бы то ни стало наказать его. Все принятые к этому строго обдуманые Лебедевым меры давали полную надежду на успех преследования и на неизбежную гибель Кинисары, но, к счастью его, Лебедев неожиданно был отозван в Оренбург и предан военному суду за разграбление аулов Байкадама, и отряд был поручен вторично полковнику Дуниковскому.

По прибытии в отряд полковник Дуниковский прежде всего нашел нужным установленный в отряде полковником Лебедевым порядок в большинстве случаев изменить. Он удалил всех бывших при Лебедеве надежных разведчиков, отдельные отряды стянул под личное свое начальство, из состоявших при отряде султанов и почетных киргиз, в числе 70 человек, составил авангард, который должен был следовать впереди отряда в 1½ версты и вообще движению отряда придать род какого-то церемониального шествия.

Кинисара, узнав об удалении полковника Лебедева и о замене его уже знакомым ему по своей неопытности и оплошности полковником Дуниковским, усилил свои грабежи до ужасающих размеров в полной надежде на бездействие Дуниковского и на всегдашнюю, поэтому возможность укрыться от его преследования.

Действительно, полковник Дуниковский по принятии под свое начальство отряда должен был без малейшего промедления начать усиленные движения на преследование Кинисары и для безошибочного открытия его следов и направления воспользоваться указаниями разграбленных Кинисарой киргиз аулов Тычкайбаева и других, искавших случая отомстить Кинисары; но вместо этого Дуниковский, устраивая в отряде новый порядок, простоял на одном месте несколько дней, а затем, двинувшись, шел чрезвычайно медленно с беспрестанными остановками, ни разу не встретив ни одной из шаек Кинисары, хотя и шел по его следам.

20 июля полковник Дуниковский с отрядом своим достиг наконец до вершины реки Тобола; он расположился здесь на ночлег и по безопасности своей не распорядился ни разведывать, ни пикетов, кроме лишь единственного авангарда из султанов и почетных киргиз в полтораверстном расстоянии от отряда. Кинисара между тем, следя за отрядом и видя такую оплошность, в ту же ночь напал на авангард, весь его перерезал и, оставив из него только 20 человек раненых, ушел в степь.

Такое внезапное и дерзкое нападение Кинисары взволновало отряд и возбудило в нем ропот на опрометчивость полковника Дуниковского, доверие к которому со стороны отряда стало уже сильно колебаться. Тем не менее отряд, ожесточенный почти беспримерным случаем такого дерзкого нападения со стороны простого степного разбойника, готов был еще с большим рвением кинуться за ним в погоню, но и в этом случае Дуниковский замедлил сборами к выступлению, и Кинисара успел уже уйти далеко, так что после десятичасового преследования его Дуниковский совершенно потерял его из виду, а затем, бесполезно бросаясь по степи, далеко уклонился от линии в глубь степи.

Между тем сверх всякого ожидания полковника Дуниковского, предполагавшего, что Кинисара должен укрыться непременно в глубь степей, он, напротив, по принятой им, по-видимому, против Дуниковского особой тактике рассчитал с большей вероятностью уклониться от преследования путем направления своих шаек прямо на линию и действительно не ошибся. Подойдя к линии с многочисленным своим скопищем, он 14 августа 1844 года напал на Екаторининскую станицу, сжег в ней 26 домов, разграбил у жителей имущество приблизительно на 46 тысяч руб., убил четыре человека,

шесть человек сгорело во время пожара, 27 человек взято в плен и угнал принадлежавшего жителям разного скота 2227 голов.

Этим злодеянием кончаются грабежи и разбои Кинисары как на оренбургской линии, так и в степях оренбургского и сибирского ведомств, а в 1846 году он совсем удалился из русских пределов к дико-каменным киргизам и был ими убит.

Таким образом, мятежный султан Кинисара Касымов, в продолжении почти целого десятилетия, производя в русских пределах опустошительные грабежи и разбои, держал в тревожном состоянии прилинейное население и степь, но не попал в руки правительства и ушел безнаказанным, оставив по себе легендарные сказания, как о каком-то заколдованном непобедимом герое-разбойнике, злодеяния которого до сего времени сохраняются в памяти оренбургских казаков и многих жителей города Оренбурга.

Частью оплошность некоторых начальников отрядов, командировавшихся против Кинисары, и недостаточное знакомство их с местными условиями степи, представляющими иногда непреодолимое почти препятствие к тому или другому действию, но главным образом, отличное знание Кинисарой степей, в необозримом пространстве которых он был руководитель своими шайками, как в своем родном гнезде, хитрость и пронырство его и наконец приобретенное имя среди киргизских аулов обаяние служили ему надежной охраной.

С погибелью Кинисары умолкло на некоторое время волнение в степях, и прилинейные жители спокойно отдались своим занятиям, а между тем в это время для водворения более прочного спокойствия среди киргизских орд и вместе с тем более надежного достижения своих целей в Средней Азии правительство нашло существенно необходимым, насколько возможно, скорее возвести в степи несколько укреплений, и, вследствие безотлагательного принятых к тому мер, в 1846 и 1847 г. были построены укрепления: Ново-Петровское, Раимское, Оренбургское и Уральское. Укрепления эти стали заселяться желающими оренбургскими и уральскими казаками, и усиленные гарнизонами, получили значенные передовых опорных пунктов в степи и обеспечили нам путь к дальнейшему покорению среднеазиатских владений.

И. СЫДДЫК [1]

(Киргизская сказка)

Однажды один из сыновей батыра Кенисары [2] — храбрый и отважный Сыддык вздумал испытать свою удаль и, собравши таких же удальцов и смельчаков, как он сам, решил отправиться путешествовать по степи, повидать белый свет и испытать свое счастье. Движимый любопытством и жаждой славы, с шестью товарищами выехал он из своего родного аула и отправился в дальнюю сторону по направлению к Ташкенту искать себе славы. Долго ехал по степи Сыддык со своими товарищами. Далеко уже позади остался их родной аул. Широкая беспредельная степь растилалась перед ними во всем своем величии и красе. И палящее солнце обдавало их своим жаром, а вечерняя прохлада освежала их, снова впивала в их молодецкие груди энергию и отвагу. Много дней уж ехали они, не один раз всходило и заходило солнце, а месяц, выплывая на темно-голубом небосклоне, не раз уж бросал свой серебристый свет на необъятную степь. Местность уже стала меняться, степь становилась все холмистее. И в синеющей дали стали показываться горы. Подъехав к горам, путники однажды были изумлены необыкновенным видом одной высокой горы, на которой что-то постоянно двигалось и при том такой громадной величины, точно на ней находилась живая гора. Заинтересованные, они подъехали ближе к горе, и глазам их представилось никогда невиданное и неслыханное чудовище, такой громадной величины, что у Сыддыка с товарищами шапки даже свалились, когда они начинали на него смотреть. Чудовище похоже было на человека, но только все обросшее волосами и косматое и притом с одним глазом посреди самого лба. У подножия горы паслись его стада баранов и тоже необыкновенной величины. Ошеломленные видом чудовища, неустрашимые батыри Сыддык и шесть его товарищей, как ни были храбры, а трусили не на шутку и хотели дать тягу, пока чудовище их не заметило. Но было уже поздно. Вдруг раздался голос, точно гром на небе или выстрел из пушки. То был рев чудовища Дяу [3], заметившего путников и подзывавшего их к себе. И пораженные этим громовым голосом, путники остановились как вкопанные, не имея сил даже двинуться с места. Дяу приказал им идти за ним в пещеру, а сам сошел с горы. Не имея

сил противиться его приказанию, с покорными головами, как бы виновные, поехали Сыддык и его товарищи на своих конях, следуя за чудовищем, как маленькие козлята за наром. Недалеко от горы лежал огромный камень, которым был прикрыт вход в пещеру. Подняв одной рукой огромный камень, на котором легко могла поместиться сотня киргиз с лошадьми, Дяу далеко отшвырнул его и потом, взяв каждого из путников за ногу, быстро спустил каждого в пещеру, оставив их лошадей около себя, а затем снова привалил тот же огромный камень к пещере и снова загородил им вход в нее. Пещера была огромная и темная и разделена была на несколько больших и просторных комнат. В пещере Сыддык с товарищами увидели много разных людей, связанных по рукам и ногам и, так же как и они, попавших в плен к чудовищу. От них Сыддык узнал об участи, которая их ожидает здесь. Дяу каждый день спускался в пещеру, выбирал одного самого жирного и полного из пленных, уводил его в другую комнату и там съедал его всего, а затем закусывал бараном. Запечалился Сыддык с товарищами, решили, что им не миновать этой участи. И затосковало их сердце: вспомнился родной аул, родные знакомые лица, и жизнь в широких привольных степях потянула их к себе со всю неотразимую и чарующую силою. На другой день явился к ним Дяу и, выбрав одного из товарищей Сыддыка, самого полного, утащил в другую комнату и там съел его; Сыддык с оставшимися при нем пятью товарищами слышали только предсмертные крики несчастного их товарища, попавшего на обед к Дяу, да хрустение его костей в зубах чудовища.

Жажда жизни и боязнь ее лишиться, попав в зубы Дяу, пробудило в сердце Сыддыка отчаянную решимость во что бы то ни стало спастись из плена и избежать участи, постигшей одного из его товарищей. Внимательно осмотрев пещеру, в надежде найти в ней какое-нибудь средство для спасения, Сыддык заметил наверху пещеры небольшое отверстие, откуда пробивался едва заметный свет. Но отверстие это было очень высоко над ними. Сыддык нашелся. Поставив одного пленного на плечи другого, он по их спинам добрался до отверстия и выбрался через него наверх самой пещеры. Затем, сняв с себя длинный пояс, одним концом его он обвязал себя, а другой спустил в пещеру и при помощи его вытащил наверх всех своих товарищей, которые, как и он, не

были еще связанными по рукам и ногам, как остальные пленники, попавшие туда ранее их. Освобожденные Сыддыком его спутники успели вытащить из пещеры и все свои охотничьи принадлежности, в том числе и ружье, с которым они попали в плен.

Выбравшись на волю, Саддык и его товарищи вскоре нашли недалеко от пещеры и своих лошадей, сев на них, тотчас же решили скрыться подальше от пещеры, пока не вернулся туда Дяу. Вскоре после их побега Дяу спустился в пещеру и, заметив отсутствие их, тотчас же догадался об их побеге и бросился догонять их.

А Саддык с товарищами далеко уже отъехал от пещеры. Вдруг слышат они, что за ними гонится чудовище Дяу и уже недалеко от них. На дороге им случайно попался огромный овраг. Саддык тотчас же опустил в него со своими четырьмя товарищами, а пятого уговорили ехать дальше от оврага, чтоб отвлечь от них внимание чудовища, и сами, засев в овраг, зарядили ружья стали поджидать приближения Дяу. Чудовище, не заметив, как они опускались в овраг, увидало одного впереди бегущего человека и бросилось его догонять. В то время, когда чудовище, ничего не подозревая, пробегало мимо оврага, раздался оружейный залп, и чудовище упало, заметавшись по земле в предсмертных агониях и оглашая степь диким ревом и криком. Саддык с товарищами выскочили из оврага и быстро поскакали вперед по степи. Едва они успокоились от пережитых волнений, как вдруг снова слышат за собой какой-то топот, точно от тысячи конских табунов. Оглянувшись назад, они увидели, что за ними гонится еще какое-то другое чудовище, такой же величины и с одним глазом на лбу, но уже в образе женщины с распущенными косами — то оказалась жена самого Дяу. Быстро зарядив ружья, стали ожидать они ее приближения, и лишь только жена Дяу приблизилась, как они одним залпом быстро уложили ее наповал. Увидев на ней богатые золотом тканые одежды, а в волосах дорогие камни и разные драгоценности, Сыддык и его пять товарищей поспешили все это снять и, поделив между собой, поехали дальше, довольные успехом своего бегства и избавлением от неминуемой смерти. Путники продолжали свой путь и, сбившись с дороги, не знали, где они и куда им надо ехать, чтобы попасть домой. Долго ехали они. Однажды на перепутье двух пересекающихся дорог увидели

они сидящего старца, покрытого с головы до ног седыми волосами. Сыддык спросил старца, по которой им дороге ехать, чтобы попасть в свой родной аул.

Старец сказал: «Если вы поедете в правую сторону, то скорее попадете домой, а если влево, то на дороге увидите огромного змея Айдагара [4], который может вас съесть, если подъедите к нему справа, а если слева, то увидите его лижущим огромный камень, который он постоянно лижет после еды; когда он излижет весь этот камень, то тогда наступит конец мира». Сыддык, поблагодарив старца, решил посмотреть этого Айдагара и узнать: много ли ему еще осталось лизать этот камень и когда он его излижет. Поехав влево по дороге, они вскоре в расщелинах гор увидели огромное чудовище-змея и, подъехав к нему, как говорил им старец, с левой стороны, они увидели Айдагара лижущим камень, который, как они заметили, был очень большой величины, но теперь от него оставался уже небольшой кусок. Уверившись в том, что скоро должна наступить кончина мира, Сыддык и товарищи, незамеченные Айдагаром, благополучно вернулись обратно туда, где они видели старца, и благополучно прибыли домой, где и рассказывали своим одноаульцам про все свои приключения и про все, что они видели и испытали.

И долго по степи передавались из уст в уста рассказы об их приключениях, а потомки Сыддыка сложили песни про него. И теперь еще в часы вечерней прохлады распевают по аулам народные певцы *джириши* [5] песни про славного Сыддыка и его товарищей славных батырей и под звуки заунывной домбры поют они про их молодецкие подвиги и про Дяу, и про таинственный камень, что лижет Айдагар. И верит этим сказкам простодушный кочевник-степняк, верит он и в Дяу, и в разные чудовища, верит и в то, что скоро наступит конец мира.

А. Д. Нестеров

ХВАЛЕБНАЯ ПЕСНЯ ДОСХОДЖИ [1] В ЧЕСТЬ СУЛТАНА КЕНИСАРЫ КАСЫМОВА [2]

Предлагаемая здесь песня, записанная летом 1895 г. со слов певца (*олеңши*) Утеббергена Исбергенова [3], киргиза № 1 аула Раимской волости Казалинского уезда, изображает момент окончательного вытеснения русскими знаменитого бойца султана Кенисары Касымова с мест его старых кочевых близ р. Тургая на р. Чу и Или, что произошло в 1846 году¹⁴⁶. Досходжа, сочинивший эту песню, был, по словам Исбергенова, придворным поэтом, если можно так выразиться, у Кенисары и приходился ему родственником.

Размер песни, за некоторыми исключениями, следующий:

┌ ◡ ┌ · | ◡ ┌ ◡ ┌ || ◡ ┌ ◡ ┌ .

Размер этот, выдерживаемый, обыкновенно, строго во всех киргизских песнях, в некоторых стихах нарушен (вместо 1 долгого 2 коротких слога), может быть, потому что мой переводчик, записавший песню под моим наблюдением, часто прерывал певца, не успевая за ним записывать, а это, видимо, иногда сбивало певца с размера. Киргизский текст песни транскрибирован, согласно требованиям современной науки, точной транскрипцией, принятой в изданиях С[анкт] — П[етербурга], Академии наук и Казанск[ого] Университета. Краткие звуки «ы» — «у» («і» — «я») часто не слышны, хотя и отмечены в тексте везде; выпускаются они перед гласными следующего слова или иногда по требованию размера.

¹⁴⁶ О Кенисары см. книгу Е. Т. Смирнова «Султаны Кенисары и Садък, Ташкент, 1889 г.», также статью Н. Середы «Бунт киргиз султана Кенисары Касымова (1843 — 1847 гг.)» в «Вестнике Европы». Т. 4. Август 1871 г. С. 655—690; также за 1870 г. № 8—9. Т. 4—5. С. 541—573; 60—86.

Хвалебная песня Досходжи

Привет тебе (букв. мир вам)
 Мой могущественный, подобный пери султан,
 Мой безгранично (сб., [4] бездонный) глубокий умом!
 Твой дед жил и сражался
 С Уса-Сереном калмыцким¹⁴⁷.
 Если (пространство), видимое с расстояния одного дня (езды),

Будет виднеться, сердце мое разделится.
 Сев на лошадь, переваливающуюся с боку на бок,
 Разодетый во всевозможные шелка,
 Сын богача Бай — Кончак¹⁴⁸
 Соскучится о своем народе (и) земле
 После того, как ушел с этой стоянки.
 О зеленеющая Счастливая гора¹⁴⁹:
 Гора, бывшая счастливою (и) изобильною;
 Гора, около которой останавливались, разнежась,
 Твой (Кенисара) народ, шедший вечер и утро с Идиля¹⁵⁰,

(И) промокшие косцы!
 Ты была горою, называвшейся Счастливою!
 Весь твой недостаток был (в) том,
 (Что) волки твои были жестоки к животным,
 Твои волки были жестокими врагами.
 Гора, около которой (в то время), когда у ее подошвы
 останавливался твой (хан) народ,

¹⁴⁷ Дед Кенисары Аблай-хан (†1781 г.), бывший ханом Средней Орды и утвержденный в этом звании русским правительством, действительно вел войны с калмыками (см. книгу Е. Т. Смирнова). Уса-Серен был, по преданиям казалинских киргиз, правителем калмыком в то время, когда они жили в низовьях Сырдарьи.

¹⁴⁸ Бай-Кончак был, по словам певца, двоюродным братом Кенисары. В книге Смирнова этого имени не встречается.

¹⁴⁹ Кочевья Кенисары, с которых они были вытеснены русскими, были расположены, как явствует из книги Смирнова, близ р. Тургая у подножия гор Улутая и Кичитау, на границе нынешних Тургайского и Атбасарского уездов. Вероятно, эти горы и разумеются под воспеваемой здесь Счастливой горою (Куттутау).

¹⁵⁰ Под Идилем здесь вряд ли можно разуместь Волгу. Вероятно, этим именем здесь названа какая-нибудь речка бассейна р. Тургая, где кочевал Кенисара, так же как и упоминаемая дальше река Исиль или Сарыисиль.

Мои богачи держали у себя (от волков) парами овчарок,
(Привязав их) у противоположного (жилищу) плетня «коры»¹⁵¹.

(Гора,) к широкому скату холмов (которой)
Приставали (и около которой)
Кочевали все, бедные (и) богатые! ...
Гора, около которой проводили жизнь с удобством¹⁵².
Что мне сказать (еще) в особенную похвалу (горе)?
Гора, — (после того) как приходили в последний раз,
Отделенная (и) оставшаяся без хозяина! ...
Гора, — (в то время, когда) жили на одном месте 5 дней,

Наполняя «сабу»¹⁵³ кумысом
(И) для дочери известного богача
Устраивая скачки (сб., пуская лошадей вскачь) и пиры, —
Бывшая счастливою (и) изобильною!
Гора, около подошвы которой (в то время когда)
шелестели листья
Раскидистого (сб., приволоченного) вяза,
(А) почки (сб., плоды) его свешивались (вниз как бы)
с неба,

Собирались девушки (и) молодухи,
Играли (и) смеялись у подошвы горы.
Что мне сказать (еще) в особенную похвалу (горе)?
Гора, — (после того) как приходили в последний раз,
Отделенная (и) оставшаяся без хозяина!...

Вы остаетесь позади меня,
Горы, предпочитаемые мною Сирии¹⁵⁴,
Среди вас (стояли) мои связки *чигев*¹⁵⁵ (т. е. кибитка):

¹⁵¹ *Кора* — загородка для скота около зимнего стойбища.

¹⁵² Так переведено мною, согласно толкованию певца, слово «сараман», неизвестного происхождения. Может быть, это киргизский выговор, сочиненного какими-нибудь грамотеями из арабского и персидского слов «шар — манд», что будет значить «городской, удобный как в городе, комфортабельный»?

¹⁵³ *Саба* — большой бурдюк для приготовления и хранения кумыса.

¹⁵⁴ Киргизы лучшими странами в мире считают почему-то Сирию (Сам) и Египет (Мысыр); почему когда хотят похвалить какую-нибудь землю, то сравнивают ее с этими странами.

¹⁵⁵ *Чии* — циновки из тростника, которыми обкладывают решетчатые стенки кибитки.

В помыслах (моих) не было, чтобы я ушел (от вас):
 Подняли меня враги — недруги...
 О мой ручей, текущий
 С каменных сводов, шумя
 Подобно кумысу, находящемуся в сабе,
 Подобно мышам, отправляющимся на добычу
 (в) бесчисленном (количестве).
 (Из меха) шестимесячной красной лисицы были
 Зимние шапки, надевавшиеся твоими
 обитателями (сб., рабами)...

В помыслах не было, чтобы я ушел (от тебя)!
 Мы ушли, а ты (гора) осталась!
 Мы не знали тебе цены!
 Прощай, мой светик!..
 Ты остаешься позади нас,
 Земля, на которой мы родились!..
 О мои холмы, на которых (во время перекочевок)
 держали совет

Аксакалы, собравшись,
 Пока подойдет сзади имущество!..
 Нет (более) возвышенности со склоном,
 Нет места, где поскользнулась лошадь,
 Вид или основа которого (сб., его) —
 подобны французскому бархату!..

Ужели вы остались, мои места?..
 Как говорят о таких делах (сб., делая так),
 Разве вы не печалитесь, мои герои?
 (Теперь) молодцы — на гриве лошади,
 Кибитка моя — на вьючном седле дромадера!..
 После того как я сделался кочевником — киргизом,
 Я узнал, что дети (мои) будут томиться жаждою.
 Желтея, тут остаетесь вы
 Покинутыми, мои озерные камыши!
 (Оставшийся же здесь) зимовать аул (сделается теперь)
 податною единицею (сб., податью)¹⁵⁶...
 О знакомая мне воткнутая нижняя часть кибиточной решетки!

¹⁵⁶ В этом стихе автор иронизирует над сородичами Кенисары, оставшимися на старых местах и сохранившими русское подданство. См. книгу Смирнова.

По уходе с этой стоянки,
 Могущественному Богу
 Много у меня будет жалоб на это!..
 (Не) слышен ли (уже) шум, свидетельствующий (сб., говорящий)
 О кочевании Малой Орды
 Прославленного¹⁵⁷ Кенисары?
 Пусть пропадут горные серны!¹⁵⁸..
 На земле, о которой (вы) слышали (т. е. на покидаемой нами)
 не остается (после нас и) зерна,

(А только) шум, (происходящий) от того,
 что досталась (врагам добыча)...

Позади меня остается
 Поросшая черными зарослями моя стоянка,
 Мои березы и сосны,
 Листья которых (сб., их) качаются!..
 Не было у тебя, стоянка, недостатков:
 Когда стояли на этой стоянке,
 Подобно лавочному миткалю
 Опрятны (сб., не грязны) были твои (народ) женщины¹⁵⁹;
 (На это стоянке), если (даже) ударит ветер с юга,
 Не будет (сб., не прикоснется) вреда кибитке, (ибо)

¹⁵⁷ Так переведено мною, согласно толкованию певца, слово *аркыраган*, неизвестного происхождения (в словаре В. В. Радлова, по крайней мере, его нет). Может быть, это искаженное выражение *ар караган* = на которого всякий смотрит.

¹⁵⁸ Этот стих переведен мною, согласно толкованию некоторых слушателей певца, так как он сам не мог мне вовсе объяснить значение слов *тарлан тагысын*. По толкованию названных лиц, *тарлан* значит «серна», а *тагысын* — повелительное наклонение от глагола *тагымак* — рассеиваться, исчезать, пропадать; принимая такое значение слово *тагысын*, нужно будет глагол *тагымак* считать старинным и первообразным к османскому — рассеивать. Смысл же всего стиха будет тогда таков, что автор восхваляя места прежних кочевьев, с которых Кенисара должен был уйти на юг, к предгорьям Алатавских гор, проклинает эти горы в лице населяющих их серн. Я могу предложить еще другой перевод слов *таудагы тарлан тагысын*, а именно: печалься (сб., суживайся = *тарлан*) о (покидаемых) горных сводах (*так*) ея (т. е. стоянки или горы). Тогда это будет уже обращением к покидаемой стоянке у Счастливой Горы, которую автор воспевае. Или можно перевести «пусть (потом) о Кенисаре горюют горные серны, но тогда ничего уже не будет» и т. д.

¹⁵⁹ Т. е. подобно только что взятому из лавки миткалю, еще не пошедшему на шитье платья и не заношенному.

Подпорка¹⁶⁰ моей (кибитки) — грива березы;
 (Точно также) прикрепляющий невыезженных лошадей,
 Мой укрюк¹⁶¹ взять из тала.

Эх, мир, увь! ... (т. е. все ушло безвозвратно)
 (Что) я сделал бы, (чтобы) вернуться на (эту) стоянку!
 По уходу с этой стоянки ты не сможешь увидеть Кенек¹⁶²
 (И) одного высохшего прута
 Растущей по берегам березы! ...
 Когда (бывало) наступала весенняя пора
 (И) народ останавливался на (какой-нибудь) речке,
 Когда твои (хан) богачи попивали кумыс,
 (А) хозяйка (сб., старшая жена), всхлипывая от лени,
 подобно желтому дромадеру,

Взбалтывала сабу, —
 Голов молодцов убавлялось,
 (Когда) они слезали (с коней) у зажиточной кибитки,
 (А хозяева ее) приказывали взять из ставки кумысу
 В разукрашенной¹⁶³ желтой чашке
 (И), охладив (и) остудив (его),
 Поставить перед благородными.
 (Да), позади меня остаешься ты,
 Моя поросшая черными зарослями стоянка!..
 (Хорошо) бы было, если б было счастливо

Это предпринятое тобою (хан) путешествие (на новые места)!
 Я готов отдать жизнь за тебя (сб., покружился бы),
 мой остров (т. е. моя прежняя стоянка),
 На котором (сб., на нем) у меня водятся куланы и маралы!..
 Будучи осажден (русскими уже) 3 года,
 Я не нашел (никакого) средства (отразить их):
 Я ушел, а ты (стоянка) осталась!

¹⁶⁰ Чтобы не снесло ветром, верх кибитки подпирается особым шестом, называемым по-киргизски *сырык*.

¹⁶¹ Длинный шест с веревочной петлей на конце для ловли и задерживания на месте лошадей, называемый по-киргизски *курук*.

¹⁶² Уменьшительное или ласкательное от Кенисара.

¹⁶³ Так переведено мною, согласно толкованию певца, слово неизвестного происхождения, у В. В. Радлова не показанное. Не значит ли это слово «Ирбитский», т. е. покупаемый на Ирбитской ярмарке?

Прощай, мой светик!
 Если мы пойдем отсюда, то отправимся
 На низ, к алимцам (и) чумекейцам¹⁶⁴.
 (Тебя, Кенисара) они сделают ханом,
 (Лишь только) скажут, что прибыль Кене, потомок Аблая:
 (А то ведь если не будешь, где-нибудь ханом),
 сердце твоего народа, ставшего низким (сб., черноватым),
 Не удовлетвориться (иначе, как)
 Не находя счета еде.
 По уходу с этой стоянки,
 Мы наткнемся, Кенеке,
 На темную, как ночь, стоячую воду (в колодцах),
 Глуби (которой) не достанет (и) пика.
 О ездившие на лошадях, переваливающих с боку на бок,
 Одевавшиеся в халаты (и) шубы из дорогих (материй),

На (речках) Идиль и Исиль
 Выросшие в неге мурзы!
 Вы поставлены (теперь в необходимость) ездить, —
 о несчастье! —

На двухгодовалых и трехгодовалых жеребятках...
 Если ты будешь кочевать, (то) скорее известие
 Пошлите, вы, Кенеке! ...
 Верхним дулатам¹⁶⁵, 4-м аулам (их),
 Бегену и Джанузаку¹⁶⁶.
 Отчего бы не кочевать и тебе, Джанузак,

Глаз, которого (сб., его) от печали истекает кровью
 Подобно осетру, ударившемуся головой о камень,
 После того как скажут, что мой Кенеке откочевал (к вам)?
 Лежащий вокруг гладкий (сб., лунный) *такыр*¹⁶⁷,
 Расставленный белый шатер, хотя и умершие (но и по сей час)
 как живые,

¹⁶⁴ Роды киргиз Малой Орды, кочующие по р. Сырдарье, М. Н. Галкину («Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. Спб., 1868») также по Куван-Дарье и Иргизу.

¹⁶⁵ *Дулаты* — род киргиз Большой Орды, кочевавшей около р. Или и Чу, куда направлялся теперь Кенисара, вытесненный русскими с мест прежних кочевьев. О дулатах см. книгу Смирнова.

¹⁶⁶ *Беген* и *Джанузак* были, по словам певца, ханами у дулатов.

¹⁶⁷ *Такыр* — гладкое, лишенное растительности место в степи.

Сердали (и) Найман¹⁶⁸,
 Несколько душ (других предков) —
 (все) это лежит за тобой (Кенисара)!..

По уходу моего народа с верху,
 Русские спустят (свой) скот (на оставленные нами пастбища)
 (И) заставят плакать души (предков наших)...
 Выстойку (сб., отдых до зари) бегущей лошади (русских),
 Пыль, поднимаемую (сб., пыление) исхудалой серой
 (лошадью их), —

Когда мой народ остановиться на низу,
 Не (будет) людей, которые бы стали молиться!
 Разве ты не видишь (этого), Кенеке,
 (А также) мертвецов, позади тебя
 Остающихся лежать в смятиении (сб., бродящими в смятиении)?..

Ты сидел (бывало), хан Кене,
 В большой ставке,
 Рыча подобно пятилетнему медведю,
 Если бии (твои) бывали непослушны (сб. ребристы),
 Призывая (их) и требуя к себе.
 (В то время, как) при наступлении самого полдня

Народ твой налезал (к тебе) подобно черноватым гусям
 (И) набивался в (твою) кибитку.
 Говоря, что (в) ставке будет жарко,
 (А в это время) листья ее (подпорок) покачивались,
 (И) почки их свешивались вниз (как бы) с неба —
 Ты просил взять из ставки кумысу
 В раскрашенной желтой чашке,
 (А) мы посиживали, переливая (его)
 Желтым ковшом, (ручка которого) украшена бубенчиками.

По уходу (же) с этой стоянки
 Не (будет) кумыса для питья!..
 Когда вспомнишь о стоянке,
 Разве ты (хан) не будешь плакать (и) реветь?²
 Очистив берег моей речки, текущей с журчанием,

¹⁶⁸ Сердали и Найман были, по словам певца, предки Кенисары: Сердали — прадед, а Найман — прапрадед.

убивать, ведь она не делала нам никакого вреда, лучше разбужу товарищей, что они скажут».

Товарищи, увидев змею, испугались, из глаз их выступили слезы, и они стали отговаривать Исета от убийства.

Однако батыр не послушался их и с мечом в руках грозил змее, чтобы запугнуть ее. Это нисколько не подействовало на змею. Она осталась равнодушной.

Тогда один из товарищей батыра, смельчак по виду, приблизился к врагу и сказал: «Пусти нас, не задерживай, нам предстоит большая работа и лежит далекий путь; мы, кажется, не сделали тебе вреда и наперед не будем делать».

Змея подняла голову, так что между ее хвостом и головой образовался проход. Собеседник ее прошел; за ним другой, третий и т. д. Хотел было пройти Исет, но змея снова опустила голову и загородила проход. Исет вышел из терпения и хотел нанести тяжкий удар врагу, но товарищи его опять-таки не позволили. После этого приблизился четвертый. Змея пропустила его. За ним пятый, шестой и т. д. Наконец все, за исключением Исета. Он один остался внутри круга, образованного врагом. Исет покорился змее, хотел ждать конца, видно, и батыру жизнь дорога, и сказал своим товарищам: «Оставьте меня одного, идите в ближний аул, поотдохните там, а ко мне придите вечером; к тому времени я справлюсь с врагом». Товарищи послушались и, плача, уехали, ибо не надеялись найти его в живых.

Не прошло полчаса после отъезда товарищей Исета, как пришла другая змея. Батыр думал, что настал конец.

Но он ошибся. Пришшая змея вступила тотчас же в бой с прежней и скоро начала одолевать. Исет, пользуясь случаем, хотел разрубить своего врага, но в его голову пришла иная мысль: «Зачем убивать ее? Она хотя задержала меня, но не сделала никакого вреда».

В это время его враг почувствовал себя ослабленным, стал смотреть по сторонам, как бы ища покровителя.

И больше всего смотрел на Исета. Глаза змеи молили о помощи.

Батыр понял это, решил помочь своему врагу и разрубил на куски пришшую змею. Исет хотел было уйти, но спасенная не пустила его. Он пошел за ней и пришел в солончаки у подножия горы. Здесь змея кувыркалась, терла свое тело землей, и все раны ее сразу залечились.

Потом они пошли дальше и пришли к одной пещере.

Змея сунула свою голову в пещеру, достала мешок с золотом, отдала Исету, обвилась вокруг его ног, в знак благодарности облизала его ступни и ушла в пещеру. Исет с находкой отправился к спутникам. Стало быть, Исет не простой смертный, он обладает святостью, иначе змея не просила бы у него помощи.

Оренбургский листок. 1890. 14 января.

ПАМЯТНИКИ КИРГИЗСКОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Киргизская былина о Бикет-батыре

(Записанная и переведенная А. А. Диваевым) [1]

Русский перевод

Во времена жившего когда-то Арыстан-хана, существовали города Орымпур и Петирпур¹⁷¹. Обитал в те времена род алшын-джаппас¹⁷², и жил также муж по имени Кутыбар, он был богач. Этот Куты-бар имел семь сыновей. Старшего звали Сиркебай-шалом, а младшими за ним были: Сарыбай, Сатай, Шынтемир, Матай, Дарыбай и Исет. Все они были дети одного отца. Кроме-того, Сиркебай имел единственного сына, которого звали Бикетом. Он был прекрасен, обладал пронизательным умом, был весьма справедлив, храбр как Рустем¹⁷³, смел как лев и атлет с мускулами тигра, словом, прекрасный молодец-богатырь; против него не шел ни один враг. Он имел две жены: одна была дочь ногай¹⁷⁴, а другая — дочь средней орды. У этих двух жен был один сын. Звали его Бекниязом; дали ему такое имя потому лишь, что в их обществе был хороший молодец и друг Бикета Ширнияз. Настолько они были друзья, что никогда не огорчали друг друга. В это самое время, предводительствуя несколькостами тысяч русских, прибыл с востока, из города

¹⁷¹ *Орымпур* — Оренбург, *Петирпур* — С.-Петербург.

¹⁷² *Алшын-джаппас* — рода киргиз: алшин и джаппас.

¹⁷³ *Рустем*, сын Зала — персидский герой, предводитель войска царя Кейкавуса, воспетый в поэме Фирдауси «Шахнамэ».

¹⁷⁴ *Под ногоем* здесь разумеется татарин.

Мискеу-думский¹⁷⁵, Арыстан-хан, победив по пути много народа. Этого самого Арыстан-хана убил Бикет-батыр, а казну его подверг грабежу мусульмане и получал таким путем военную добычу. После того прибывшие иноверцы были истреблены, но их вновь прибыло множество, которые и забрали страну. Все народы подчинились им, один только Бикет-батыр не подчинился. Тогда проживающий в городе Орымпур (Оренбург) уездный начальник разослал подведомственным своим народам ярлыки (приказы), в которых он писал: «Не найдется ли такой человек, который бы доставил мне Бикета в оковах?», но на это никто не откликнулся. Но все же нашелся один и сказал: «Этого Бикета ни один человек доставить не может. Ведь он — батыр, мужественный и крепкий молодец! Разве только его может привести один человек, это друг его Ширнияз, и то при помощи обмана. Так вот, скажите ему!» Уездный начальник совет этот признал хорошим и немедленно потребовал к себе Ширнияза. Ширнияз явился. «О молодец! Что хочешь, требуй от меня и будь (моим) старшим помощником!» — сказал уездный. «Хорошо!» — сказал (Ширнияз) и, вступив на путь шайтана (черта), стал сбивать друга своего Бикета-батыра с истинной дороги. Но Бикет не поддавался. После того (Ширнияз) возвратился к уездному (и сказал): «О Таксыр (Господин)! Не придумавши какой-либо хитрости, мы его не возьмем. Так дайте мне из казны 300 тиллей¹⁷⁶. Я с помощью этих денег обману его, иначе ничего не поделаем!»

«Хорошо!» — сказал начальник и дал 300 тиллей денег. Деньги эти (Ширнияз) повез и отдал Бикету, сказав: «О Бикет-батыр! Вы видите теперь, что они¹⁷⁷ к нам не имеют вражды? Иначе зачем бы давали Вам деньги?» После того сердце Бикет-батыра смягчилось, и он поверил другу своему Ширниязу. «Ведь он (Ширнияз) дурного мне не желает, да и что проку в существовании, скрываясь от кяфиров?» подумал Бикет и сказал (Ширниязу): «Ну, богатырь мой, едем так едем!» Итак, он поехал, даже не вооружившись. За ним вслед поехал брат его Исет-батыр и трижды просил Бикета не ехать, но он не послушался. Весь народ уже знал, куда едет Бикет-батыр. А он как сел на лошадь, так и приехал в г. Орымпур. Явился к губернатору — генералу и уездному начальнику.

¹⁷⁵ Мискеу, Мескау — Москва.

¹⁷⁶ Тилля (перс. слово) — золотая монета, стоящая около 5 рублей.

¹⁷⁷ Под «они» здесь разумеются русские.

Как только он прибыл, немедленно и не мешкая на руки мужа Бикета надели железные обручи, на шею повесили цепь, на ноги надели путы и, привязав к задкам зеленой телеги, отправили его через Орымпур и Петирпур¹⁷⁸ в Сибирь.

Теперь послушайте слова с другой стороны.

Песня героя Бикета

(стихи 1–231)

Мир вам, наши единоверцы-мусульмане!.. Издавна прослыли мы мужественным львом. Оpozорил (меня) друг мой Ширнияз, вот почему мы очутились в таком положении. Родился (я) от отца один-однешенек и стремился по его дороге... В моей мусульманской родине не уживался наш народ. Как тут вывернешься, когда друг стал врагом? Что поделаешь, если угодно так Всевышнему?... Остался бездетным за мною седой старик наш Сирке-бай... С тринадцати (летнего возраста) моего я с важностью садился на коня. Опоясавшись саблей, вооружившись ружьем, сколько я истребил (народа)! От низовьев до верховьев прошла слава обо мне, и стал известен я Бикетом у *алшын-джаппасов* и *шуменгке*¹⁷⁹. Еще смолоду я прославился (между теми), кто называет себя (мен казак-пын) «я казак, т. е. киргиз». Откормил я коня (на подножной) траве... О, не будь спутником Кобона¹⁸⁰! Говоря «отец его дерево», не руби дуба топором (безразсудно). Враждуя с ханами, предводительствуя всем народом, я думал, что выделялся между всеми. Когда два человека, обиженные ханом, сходились друг с другом, когда нужно (было) покончить с иноверцами, говорили: «пусть ведает душа Бикет». Что ж получил за то, что я ведал?... Еду вот теперь спутником глухого рыжего народа¹⁸¹. Если поедешь домой, передай привет умному брату моему Исету, сыну моему золотому Бекниязу¹⁸². Если спросит брат Исет: «Где остался Бикет?» скажи, что, мол, твой Бикет упал в бездну, откуда нельзя выбраться. По неосторожности я дал себя

¹⁷⁸ Т. е. по дороге, идущей из С.-Петербурга через Оренбург в Сибирь.

¹⁷⁹ Названия киргизских родов. Очевидно «Чумекей», (Н. Vambery: «Ts-chomekei») а не «шуменгке», «Алчин-джаббас» или «Алшын-джаппас» есть то же, что и «Alschin-Dschappas» у Н. Vambery (Turkenvolk. С. 285–286).

¹⁸⁰ Кобон — человек неизвестный.

¹⁸¹ Т. е. с русским конвоем, не знающим киргизского языка.

¹⁸² У И. В. Аничкова сын Бикета назван Дабылом.

схватить и свалить себя подножку, отчего сердце мое наполнено горем. По доверчивости своей я нарвался на такую особу, как Ширнияз. Не предвидя опасности, прибыль я в этот Орымпур и угодил под клевету. Сердце мое наполняется горем и молитвою (к Богу). О душа моя, старший брат (Исет), когда услышишь (обо мне), расстроив свое сердце, ты заплачешь. Я возвращусь и увижусь, если молитвы достигнут до Бога. Передай поклон отцу и матери, пусть они ежедневно катают на Кершбаке и игреневом¹⁸³, заарканив их, единственного моего сына. Нет быстрее горного зайца, который бегаёт в перепряжку. Хочешь поймать его, нет (у него) хвоста, так же как нет повеления Государя, чтобы вернулся Бикет. Мы продолжаем свой путь (туда), откуда нет возврата. Дома остались старуха со стариком, у старика осталась на руках скотина. Нет уж той свободы, что была ранее, а это натворил иноверец. Я недоволен Ширниязом; привезя меня обманом, успокоился этот бессовестный. Пред тем как выехать (мне) послом, когда уж собрался (я) сесть на 2-годовалого с лысиной, пришел (ко мне) мой старший брат Исет и трижды просил меня не ездить. Не послушался я его слов. Советы, которые давал мне брат, предстали пред моими очами, когда лежал я в темнице. Отца я не послушался, матери я не послушался, с Исетом не посоветовался, и проку из этого не вышло. Я ревел как верблюдица, лишившаяся верблюжонка, метался как голодный лев и, лежа поперек телеги зеленой, увидел предсказание Исета. Когда народ мой говорил: «не ездь», я, понадеясь на свою храбрость, выехал из дому, а когда прибыл в Орымпур, готов был (с горя) слопать свой саван. Взял я двух (жен)... И вот, несущая теперь кару, посланную Богом. Теперь узнал я всю ложь (сего) мира и, по опрометчивости (своей) попав в руки, следую с раскаянием в душе. Я не захватил оружия, а без него я беспомощен... Видно, уж такое повеление Бога. О собака Ширнияз! Да (будет) дочь (твоя) разведена (мужем)!¹⁸⁴ Думая, что ты друг, я поверил тебе. Единоверцы-мусульмане! Кто из вас побывает у меня дома, да передаст мой привет отцу моему, обойденному судьбой. Да не ездит он на Кершбаке и игреневом в течение трех лет. Передайте поклон обойденной судьбой жене моей. Пусть она не веселится, не смеется и не теряет надежды.

¹⁸³ Любимые лошади Бикета.

¹⁸⁴ Ругательное пожелание здешних туземцев, очень распространенное у сартов. Оно выражается кратким словом, *кыз-талак*, т. е. «дочь (твоя) да будет разведена!»

Пусть не говорит «не приедет Бикет». Кто может угадать, что Бикет не вернется из этого путешествия? Да не влюбляется (она) в каждого встречного и не обращает своих взоров на праздную толпу. Пусть не обедают ее голодные и не расточают ее добра¹⁸⁵. Пусть не заглядывается и не увлекается (*ком бастаган жігітке*) молодежью, едущим впереди во время перекочевки (аула), пусть не говорите «я не любила Бикета». Еще посылаю привет Сарыбаю с Сатаем, Шынтемиру с Матаем. Восклицают ли они: «О, увидим ли мы такого богатыря, как Бикет?»... Голубоглазые, остроносые день ото дня становятся лютее¹⁸⁶. Я начинаю верить, что не увижусь более. О шесть сыновей Кутыбара, получившие мои поклоны, о Исет, мой старший брат (и брат) Дары-бай! Кто не станет сопротивляться, когда он взбешен всею душою? Из гнущего железа повешена цепь на мою шею. Хотя ты и враг (русский), связывай же послабее, больно уж страдает моя душа... Пусть киргизы не налагают своих рук на мои табуны, о которых я пекся. Мой привет мужу Исету, да имеет он надзор над старухой и стариком. О Бикет! Сколько дней ты так пел, высказывая свою горечь и проливая с шумом слезы! Между (коленом) Мамбет-али никого не осталось, который бы выделялся из среды. Когда я находился на родине, не нашелся такой, который бы предупредил и посетил меня. Пришел приглашать меня собака Нияз, он как будто рыдал, а потом надул и слопал меня. Послушав слова русских, он подготавливал дурное дело. В сердце у меня залегла досада. Скажу вам причину (этой) досады: не опоясался я мечом, присланным мне, обойденному судьбой, от туркменов. Да не испытает никто рано или поздно того (зла), которое мне он (Ширнияз) учинил. Много дома у меня вздыхателей по мне, много между беками (такими), с которыми я делился секретами, много между киргизами моих сверстников! Исет был моим товарищем, он был моим товарищем-львом!.. Опозорилась голова моя, когда я достиг 33 (лет) и попал в руки врагов. (Да), не долго длились эти мои годы!.. Когда впервые пришли иноверцы, то, убив Арыстан-хана, я взял из-под него иноходца и сел на него, а кто говорил: «я — мусульманин», я наделял тех военной добычей... Если я сегодня помру, не буду сетовать на Бога. О голова, обойденная судь-

¹⁸⁵ Если принять во внимание киргизскую пословицу: (Акша казан астырба, тонганга от уактырба) «не готовь обеда для голодного, не разводи огня для замерзшего», то надо полагать, что киргизы не всегда-то благоволят бедным.

¹⁸⁶ Жалобы по адресу русского конвоя.

бой! Когда-то ты нежилась на пуховике. Мне, бедному, в подарок был прислан туркменами белый меч. Что ж я, профан, выехал, не опоясав его? Я был известен на родине, как обладатель счастья, которое даровал мне Господь, я пек лепешки на горячем своем дыхании. Я думал: «Я — сам Бикет, кто приблизится ко мне?»... Передайте поклон мой многолюдной мусульманской родине, моим близким современникам, моим сверстникам, выросшим вместе. Если я вернусь жив (и) здоров из этого изгнания, о Ширнияз, держись тогда!¹⁸⁷ Я, подобно 4-годовалому жеребенку, не уступающему приза (прочим лошадям) на байге¹⁸⁸, обгоню тебя, как тощую лошадедку; говорю это, не хвастаясь собою. Я тот, кто, предводительствуя четырьмястами воинов, не задумался разрушить орду, где пребывал Арыстан-хан, и решительным натиском (не боясь) очутившийся у него. Я тот, кто, отобрал из-под Арыстан-хана серого с лысиной коня и севший на него. Я тот, кто снял (с Арыстан-хана) дорогой халат с шелковыми завязками и надел на себя!.. Если б я даже сегодня помер, не стал бы сетовать на Бога!.. Схватив надменного торо-барина (Арыстана) за бороду наподобие того, как для гостей режут барашка, я причинил ему своими руками смерть. Я — тот представительный Бикет, который умертвил многих торо. Да, я был именно тот самый. Кому я уступал из богатырей (в коленях) Мамбет-али и Джапак? Да, я родился с дарованиями выделяющегося бека. Я говорил: «Если я Бикет, так кто ж тронет меня?»... К чему меня привела теперь поездка в качестве посла? Как подумаю хорошенько, выходит, что в Орымпур приведен я Богом. Следуя медленно, с ночевками, я напоминал одного из многочисленных (обыкновенных) киргиз.

Тут уж некому было смотреть на богатыря Бикета. Гнали (его) в оковах позади зеленой телеги.

Обещав принести в жертву аулие¹⁸⁹ — лошадь, Корасану¹⁹⁰ — барана, родная мать славного Бикета, готовая принести и свою ничтожную душу¹⁹¹ в жертву ради сына, стала собираться в путь, чтобы в последний раз взглянуть на него. Опечаленная и подавленная

¹⁸⁷ Буквально: «будет тебе беда» (сен — «ты» с местоим. аффиксом I лица).

¹⁸⁸ Т. е. на скачках.

¹⁸⁹ Святому — аулие (араб. слово).

¹⁹⁰ Корасан — святой, который исцеляет от оспы (М. Сыздыков).

¹⁹¹ В тексте *шыбын уан* (стих 240) знач. «муха — душа». По верованиям киргизов, душа спящего человека покидает его на время сна и летает в виде мухи; поэтому мух убивать не следует (М. Сыздыков).

горем, выехала она в дорогу и в один из дней, ровно в полдень, прибыла в Орымпур; там она узнала, что сын ее жив и живет в одном доме. Идет она туда, но его уж нет. Узнав, в какой комнате он лежал, она со слезами и рыданиями стала гладить и ласкать кирпичный пол, приговаривая: «Вот где лежал мой «светик». Приехал туда губернатор-жанда-рал¹⁹², увидел слезы старухи, сжалился и, сказав: «Хотя и противник он наш, все же был молодец!» — выдал бумагу с печатью величиною с ладонь, и отправил старуху догонять сына, дав в проводники одного татарина. Увидев свою мать, беспечный до того Бикет, обняв зеленую телегу, горько-горько зарыдал.

Песня матери (стихи 289–331)

О мой тулпар!¹⁹³ Ты превзошел всех единоверцев-мусульман. О моя горная лисица, выскакивающая из чащи! О мой крик, хватающий (на лету) с боку! О мой единственный желанный¹⁹⁴ (сын)! Какое расстояние я проехала, чтоб видеть тебя! Ты ехал не иначе, как на иноходце, к тебе не подходил неприятель, а ежели и подходил, ты не давала пощады. Совершаешь теперь ты долгий путь на телеге, да будет счастлива твоя дорога! Ты — мой единственный сын, которого я дождалась на склоне лет. Разве покидает родное дитя отца и мать? Ты был один у отца, ты был один у матери, о пеший Бикет. Когда я тебя настигла, ты не хочешь остановиться, куда ты идешь один-одинешенек? Уж если ты, дорогой, идешь (навсегда), то отсоси напоследок из груди твоей матери молока...¹⁹⁵ Весть о тебе дошла до Ургенча (Хавы) и Бухары. Подтяни поводья своей лошади и, если

¹⁹² Уандарал — изменение рус. слова «генерал».

¹⁹³ Боевой конь, скакун — тулпар.

¹⁹⁴ Слово «инкар» (желанный) в словаре В. В. Радлова (т. I, с. 713) записано иначе (М. Сыздыков).

¹⁹⁵ Киргизы говорят, что у женщины, которую постигло тяжкое горе или печаль, делается прилив молока к грудям, которое необходимо отсосать, иначе ей угрожает серьезная болезнь. То же самое может случиться с ней при необыкновенной и неожиданной радости. Бывают такие случаи, когда женщина-киргизка, желая проклясть своего сына, выдает молоко, обращая струю к небу. В былине «Шура-батыр» этим же угрожала своему сыну Шуру мать его Гульханьс за то, что он не хотел ехать в Казань. См.: Сборника матер. для статист. Сыр Дарьин. обл. Этногр. отд. Т. IV. С. 50.

освободишься от врагов, возвращайся, светик, домой. Если не удастся тебе, дорогой, возвратиться, то передай поклон своему отцу. Ведь ты — мой единственный сынок, которого я дождалась на склоне лет. Я прибыла (теперь) вслед за тобою. Получив от тебя приветственное письмо, народ твоей родины каким способом может забыть тебя?.. С раннего детства высоко стоял ты, мой ненаглядный, в цене. Во время перекочевки ты менял по два иноходца. Если сегодня ты садился на одного иноходца, на завтра оставлял его в покое. Ты забавлялся соколами и кречетами, о мой изнеженный единственный (сын)!

Песня Бикета (стихи 333–408)

Дорогая моя мать! Я ездил на ретивом коне... Я — дитя, родившееся от тебя. Мои руки связаны, как я могу освободиться? Очутился я в таком положении по воле Бога. Силы мои надорваны Всевышним. Как ты ни рыдай, меня уж больше нет, — я иду в ссылку. Матушка моя, передайте привет Сарыбаю с Сатаем, Шынтемиру с Матаем, Дарыбаю и старшему шестигривому брату моему Исету...¹⁹⁶ До ворота моего коснулась рука врага, имеющего другого отца. Из среды мусульман я один очутился в поле; очутившись в поле, я подвергся такому несчастью. Вы остались, а я пошел (в ссылку), пожертвовав собою для вас. Теперь, когда я вижу, что следую (бесповоротно), разве я не могу отсосать два твоих грудных соска? Передайте поклон отцу моему, обойденному судьбой, пусть он не ездит на Кершбаке и игренево в продолжение трех лет. Пусть жена моя не веселится, не смеется, пусть не покидает надежды на встречу со мною. Кто может угадать, что Бикет не вернется из этого путешествия? Пусть не влюбляется (она) в каждого встречного и не обращает своих взоров на праздную толпу, пусть не обедают ее голодные и не расточают ее добра. Пусть не отрезывает и не отдает кому-нибудь золотую пуговку

---

¹⁹⁶ По мнению киргиз, сильная лошадь имеет густую гриву, а слабая, напротив, жиденькую. Есть киргизская пословица: уаман атка уал битса, уанына торсык байлатпас — «Если плохая лошадь опустит гриву, она не допускает подвязать с боку торсука». *Торсук* — небольшой кожаный мешок, в котором везут обыкновенно кумыз. Сравнивая Исета с шестигривым (конем), Бикет хотел выразить этим силу и мужество Исета.

с своей груди¹⁹⁷. Пусть не увлекается и не выходит замуж за Шекти¹⁹⁸, которых так много вокруг (моей родины). Так пусть не сокрушается обо всем этом. Передайте мой привет сверстникам моим, считающим себя Мамбет-али и Джафак, да не чтят они своими друзьями русского с волосистым ртом¹⁹⁹, пусть не пользуются у русского деньгами. Передайте еще поклон мужу Исету, пусть он сделает один набег, да пусть не попадетя в темницу. Теперь мой совет таков: не укоряйте словами — «чтоб тебе осиротеть»²⁰⁰ оставшегося моего единственного сына. Пусть не укоряют моего отца Сиркебая словами «бездетный»²⁰¹ и «одинокий». Пусть не отнимает никто у старухи и старика их добра... Брось, не плачь, матушка, — сколько б ты ни плакала, меня уж больше нет. Я продолжаю путь в ссылку. (О Бикет), белая орда с высокими стенами так дорого обошлась тебе, обойденному судьбой! Дойду ли я благополучно и вернусь ли обратно здоров, увижу ль я вас, не увижу ль я вас — этого не обещаю. Не могу сказать, что буду ездить (по возвращении) на Кершбаке и игрене-вом, не могу сказать (так же), что не буду на них ездить... Я выбрал два оружия, чтобы рубиться и помереть. У меня нет теперь никакого оружия. Я не могу теперь сказать, что доеду благополучно и вернусь здоровым. Я не могу сказать, что (по возвращении) расцелую вас, так же как не могу сказать «не расцелую вас».

Пропев это, пеший Бикет обнял зеленую телегу и горько-горько зарыдал. После того зеленая телега, не останавливаясь, покатилаь, а за нею погнажи и Бикет-батыра. Дав немного поговорить с сыном, бедной старухе сказали: «теперь можете уходить» — и возвратили ее с этого места (домой). Тогда старуха зарыдала, и полились у ней слезы, словно проливной дождь в весеннюю пору. Прибыв на родину, она встретилась с женою Бикет-батыра. Обе они горько зарыдали и стали говорить меж собою стихами так: «Прежде всего

¹⁹⁷ Здесь Бикет говорит аллегорически, делая намек жене, чтобы она не изменяла ему, не отдавалась другому.

¹⁹⁸ Колено шекти есть то же, что и Tschikli у Н. Vambergy (Turkenvolk, 286), который транскрибировал слово по татарскому выговору, а не киргизскому. По мнению Vambergy, Чомекей, Чикли и Джапас — колена рода Алим-улу киргизов малой орды. *Прим. ред.*

¹⁹⁹ У мусульман принято подстригать усы, дабы они во время еды не лезли в ложку; русские же этого не делают.

²⁰⁰ *Уетім калгыр* — киргиз. восклицание.

²⁰¹ *Басын кубас* — киргиз. восклицание.

Бог сотворил всю живность и направил на путь ислама мусульман... Разлучившись с сыном, бедная старуха мать впала в печаль. На встречу ей вышла сношка, рыдая... На рыдающего раба Всевышний обращает свой милостивый взор. Лишившись его (сына) объятий, она точно испытала боль от когтей предопределения».

Песня снохи

(стихи 417–420)

О матушка! Сама вернулась, где ж твой сын?.. Видно, проку мало от советов Ширнияза! Если я поеду вслед за ним, смогу ли я, несчастная, помочь горю?

Песня матери

(стихи 421–424)

Ненаглядное мое дитя — сношка! Я не знаю... Если он тебе муж, то мне он сын. Последнее свидание с сыном единственным в сердце мое влило горе и молитвы к (Богу).

Песня снохи

(стихи 425–428)

О матушка, что, если и я последую за ним, что, если я обреку себя на трудный путь? И если я, пока жива, увижу его хоть один раз, на сердце у меня не осталось бы раскаянья!

Песня матери

(стихи 429–432)

Окажешь ли ты пользу своей поездкой, хорошо как поможет тебе Всевышний? Поехав за ним, я не наговорила вдоволь; не очутись и ты в таком положении.

Песня снохи

(стихи 433–436)

О матушка, дай мне разрешение, — я поеду, взяв в руки 8000 рублей. Может быть, он покажет мне хоть свой лик?.. Дай мне хоть раз свидеться с ним.

После того сноха, собрав весь свой народ на совет, решила поехать за ушедшим Бикетом. Взяла она 8000 рублей, села в повозку, переделась в мужскую татарскую одежду и, приняв облик мужчины, поехала. По пути она брала билеты. На себя надела черное боевое платье Бикета, навесила (боевое) его оружие. У Бикета был нож из лучшей стали, она взяла и его. Итак, обратившись в татарина, бай-батшу-торговца, поехала отыскивать Бикета. В дороге прошло несколько времени. Доехав до места, она заболела. Поэтому, дав обещание зарезать в *ай-туяк*²⁰² одну кобылу, она исполнила это обещание. Тут она оставалась три дня и продолжала приносить в жертву скот. Но Бикет-батыра здесь она не нашла. На четвертый день поехала еще в одно место, где тоже продолжала искать. Здесь она случайно встретила (Бикета), которого гнали со многими его спутниками. Хотя они и узнали друг друга, но показали вид, как будто не узнали один другого. Образованная жена купила лошадь и, принеся ее в жертву, начинила казы (колбасу), вложила туда записку и, поместив туда же, в колбасу, дорогой нож, отправила пищу с одним человеком. Человек этот и ранее, оказывается, носил пищу для ссыльных. Обо всем этом никто ничего не знал. Когда Бикет-батыр протянул руку к пище, чтобы поесть, подумал: «не с целью ли какую послала мне эту пищу бедная жена?» — и стал внимательно всматриваться в колбасу и увидел в ней исписанную бумажку. Прочитав эту бумажку, он узнал, что в колбасу вложен и дорогой нож. Сообразив в чем дело, он поел пищу, нож и бумажку спрятал и, порешив тайно убежать, лег. Когда настала полночь, соскочил и стал озираться кругом. Оказалось, что все спали, только один сын Кене-сары-торо, Джапар-торо²⁰³ — не спал. Оказывается, он угадал намерение Бикета. Он тотчас подошел к Бикету и сказал: «Батыр! Если будет угодно Богу, вероятно, ты сегодня освободишься. Если уж ты решил уходить, так возьми и меня с собою». Сказав: «Если (будет) Богу угодно»²⁰⁴, они сговорились уйти вместе. Взяв в

²⁰² *Ай-туяк* в переводе значит: «о копытные (животные)». Это восклицание выражает готовность принести в жертву все породы животных, обладающих копытами; стало быть, сюда входят лошадь, баран, коза и корова. Однако последнюю редко приносят в жертву.

²⁰³ По чтению М. Сыздыкова: Джафар-торо.

²⁰⁴ *Ин шаа'лла* — араб. восклицание.

руки нож из лучшей стали, Бикет изрезал в мелкие куски свои железные цепи. Освободившись от них, он не мешкая пошел к своей жене. Жена была готова, и они немедленно стали садиться в повозку, а в это время тут же очутился и Джапар-торо. Сели они все вместе, и Бикет бежал. Вскоре хватился и русский караул, весть дошла и до прочих, и все они вместе пустились преследовать по пятам Бикет-батыра и сразились с ним. (Бикет)²⁰⁵ со всеми ими дрался, там, где нужно, упорно. Уничтожив всех иноверцев, он успокоился. Кяфиры были поражены. Показав, не жалея, все свое искусство, он здраво-невредимо отделался от русских. Теперь (Бикет) пришел в ярость, словно царственная птица²⁰⁶, бесился как ретивый конь, стоящий на привязи, рвался словно голодный лев. Убежал он, нагнав страх на кяфиров и подавив гордость своих врагов. Значит, дела его были угодны Богу. С кипящей злобой он вернулся на родину, открыл пикой дымник юрты²⁰⁷ Ширнияза и расплескал красную кровь его, словно воду. После того прошло много дней. Бикет достиг желаемого, Бог даровал ему, бедному, счастье. Ширнияз поплатился жестоко за сделанное им зло и потерял цену своей головы. При свидании с семейством и родственниками Бикет приходил в умиление. Бог внял его молитвам.

Рукопись оканчивается известным арабским изречением из книги («Кырык хадис» — 50 священ[ных] преданий) и его киргизским переводом.

Приблизительный русский перевод:

Пророк рек [2] (да будет над ним мир): «если кто либо окажет помощь ищущему знания сломанным ли пером, или кусочком тряпки, или утолит водой жажду, — Бог Всевышний запишет тому награду, полагаемую за совершение 70 т. кратного хаджа (пилигримства в Мекку).

г. Ташкент.

Августа 1896 года.

Ученые записки Казанского университета. 1897. Т. XI. С. 1—72; Отд. отт. Казань. 1897. 72 с.

²⁰⁵ Стихи 437—465.

²⁰⁶ Словно царственная птица — *кыран кустай*.

²⁰⁷ Дымник юрты — *тундук*.

Раздел 3

**ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ
ПРЕДАНИЯ**

А. Е. Алекторов

ПРЕДАНИЯ КИРГИЗОВ

Легендарные сказания о происхождении киргизов

Во владениях одного среднеазиатского хана, по имени Алачена или Алача, стали рождаться пегие или чубарые люди¹, называемые ченчак². Этими людьми пренебрегали, не любили их, но боялись и считали дьявольским порождением. Они терпели самую горькую долю; им не давали никаких прав, ни участков земли, и они без приюта и пристанища часто умирали с голода. К большому несчастью их присоединилось еще то, что хан повелел лишать жизни матерей, у которых находятся такие дети, топить их, как ведьм, в нечистой воде... Но Провидение сжалилось над ними: случилось так, что у первой любимейшей жены хана оказался пегий сын, первенец и наследник. Хан, желая пощадить мать и сына, вымещал свой гнев на подданных, рубил правому и виновному головы... К успокоению печали и гнева хана и во предотвращение несчастий, Шукурлабай — слава Богу, богатый на вымыслы, — визирь его, дал благой совет Алача-хану — сохранить жизнь ханше под условием, чтобы она впредь пегих детей не рожала, и избавиться от пегого сына, не лишая его жизни, выпроводив чубарага в степь и дав ему утешение кырк-кыз, т. е. сорок девушек. Что было задумано, то и сделано. От этого ханского сына и сорока дев в степях произошло потомство и народ киргизский.

В то же баснословное время какой-то знаменитый полководец с огромными полчищами проходил через киргизские степи — с запада на восток. Этот поход совершался по безводным степям

---

¹ Вероятно, от оспы.

² Рябые.

в самое знойное время; несмотря на то, он был счастлив, так как в войсках не было никакой убыли. Все ратники терпеливо переносили нужду, голод и жажду. Полководец первый подавал им собою пример твердости и терпения. Многие из воинов ослабевали, но до последних сил тянулись за вождем и товарищами: мысль о приближении к родине утешала и подкрепляла их. Один из начальников, Калча-Кадыр, так, однако же, расслаб, что не мог двигаться, пришлось хоть умирать. Все войско за примерную доброту души, твердость духа, невероятную отвагу, храбрость и воинскую опытность и мудрость в советах любило без ума Калчу-Кадыра и отличало среди толпы воинов, как луч от звезды среди ночи. Все сожалели Калчу, но помочь горю не могли и ничего не придумали, а решили на Божью волю оставить его в степи... Войско двинулось на путь. День выдался невероятно жаркий; с каждой минутой увеличивалась жажда Калчи; услужить больному и утешить его было некому; смерть, видимо, приближалась... Собрал последние силы, при чувстве снисходящей смерти Калча встал на колени и начал молить небо о ниспослании скорейшего конца жизни и о прекращении страданий... И вдруг видит чудо... Небеса разверзались, вняв мольбам несчастного ветерана, и к нему спустилась казак, т. е. белая гусыня. Она его утешала, слетала за водой и быстро укрепила силы его настолько, что он забыл и думать про страдания и несчастья. Вид гусыни приняла на себя одна из добрых Пери. Эта добрая и милостивая Пери превратилась затем из гусыни в прекрасное существо и стала жить с Калчею. От этого маститого воина и прекрасной Пери родились люди, потомки которых, в знак памяти о необыкновенном явлении Калче утешительницы и родоначальницы, стали называться каз-ак или кайсаки.

Соединившись с киргизами, кайсаки образовали киргиз-кайсацкий народ³.

Чтобы сказать по-киргизски «белый гусь» или «белая гусыня», нужно поставить слова *каз* — гусь, гусыня и *ак* — белый, белая в обратном порядке, т. е. *ак каз*, так как в киргизском языке определение ставится всегда перед словом определяемым: *ак жлан* — белая змея, *ак-тобе* — белая вершина.

³ «Описание киргиз-кайсаков». Илья Казанцев. СПб., 1867.

По другой киргизской легенде народ этот происходит от сорока дев и красной собаки — символа дикой бродячей жизни.

Легенда о происхождении султанов

Некая царица, которую отец никуда не пускал, держа ее запертой в темной комнате, забеременела от случайно попавшего луча солнца. Отец бросил ее в воду, но царицу спас охотник, по имени Домполь. От луча родила она родоначальника царствовавших фамилий — Чингиз-хана, а от Домполя родились сыновья Бургелтай, Буданатай, Табанатай и Таргалтай, от которых происходят «тюри» у киргизов, или султаны⁴.

Век человека

Сотворив мир, Аллах чинил распорядок среди обитателей новой планеты. Он сказал человеку:

— Человек! Радостна доля твоя на земле... Живи тридцать лет!

Человек поклонился и отошел, ликующий. После него было определено количество лет жизни многих животных: настала очередь ишака. Аллах сказал ему:

— Тебе, ишак, я определяю суровую долю... Работай без перерыва, получай палки без счета, ешь солому да колючку, срок твоей жизни — пятьдесят лет!

— Помилуй, Творец! — взмолился ишак. — Такой каторги, да столько!.. Сократи хотя немного...

— Ну, живи до двадцати лет.

Ишак убежал, довольный; вдруг его место перед Аллахом занял человек.

— Что скажешь? — спросил его Аллах, улыбаясь.

— Великий! Даруй мне тридцать лет, от которых отказался неблагодарный ишак, — просил, низко кланяясь, человек.

— Возьми.

Очередь была за собакой.

---

⁴ Н. И. Гродеков.

— Твоей обязанностью, — сказал собаке Аллах, — будет стеречь дом и караулить имущество прикованною на цепи; не доверяя никому, даже луне, ты должна будешь лаять на каждую тень; на пищу даю тебе кости, которые ты будешь глотать... Срок жизни твоей — тридцать пять лет.

Собака упала на колени, взмолилась:

— Если суждено мне влачить такую жалкую жизнь, — только и делать, что стеречь дома да сокровища людские и притом существовать глотанием костей, то лучше сократи уж мой век на пятнадцать лет...

— Ладно, — говорит Аллах.

Поспешно приблизился человек и стал просить о прибавке тех пятнадцати лет, от которых отказалась собака.

Настала очередь свиньи.

— Живи среди нечистот, питайся ими и будь зла, безобразна и себе в тягость толста... Жизни тебе сорок пять лет!..

Свинья угрюмо захрюкала, опустив рыло в землю:

— Великий Творец! Сократи жизнь мою хоть на сколько-нибудь лет...

— Сокращаю на двадцать пять лет: живи только двадцать.

Свинья убежала, весело стараясь поднять рыло, а пред очи Аллаха предстал опять человек.

— Аллах, — сказал он умильно, отдай мне двадцать пять лет, от которых свинья отказалась.

— Возьми.

И вот человек может жить сто лет, но за то по-человечески живет из них только тридцать, а остальное время хуже, чем ишак, свинья и собака.

Человек и собака

Господь сотворил тело человека из глины, положил его на землю и, приставив собаку караулить, отправился сам за душою человека. Явился дьявол, посмотрел на тело и вздумалось ему разрушить это тело, но собака не допустила дьявола, бросаясь на него с лаем и стараясь укусить. Тогда дьявол напустил страшный холод, от которого собака, в то время голая, замерзла, подошел к человеку и несколько раз плюнул на тело его. Вот причина

грехов, болезней и мучений. Когда Бог вернулся, вложил душу в тело человека и побранил дьявола; болезни же и грехи оставил человеку, так как убедился, что они необходимы для его земной жизни. Собаке Господь, в вознаграждение за верную службу, дал теплую шубу.

Мушель

У киргизов наибольшей мерой времени считается *мушель*, равняющаяся двенадцати годам, которые имеют названия животных. Так, первый год в *мушели* называется *тишкан* — мышь, второй *сиир* — корова, третий *барс* — тигр, четвертый *коян* — заяц, пятый *лу* — крокодил, шестой *жылан* — змея, седьмой *жылкы* — лошадь, восьмой *кой* — баран, девятый *мешин* — обезьяна, десятый *таук* — курица, одиннадцатый *ит* — собака и двенадцатый *донгуз* — свинья.

Об установлении *мушели* существует следующая легенда.

Животные заспорили между собою, чьим именем называется первый год в *мушели*.

— Мне следует быть первой, — сказала лошадь, — так как я для людей более полезна, чем другие животные: они совершают на мне продолжительные поездки, путешествия; я исполняю тяжелые работы, доставляю кумыс, и даже из волоса моего приготавливают веревки.

— Нет, — прервал верблюд, — ты недостойна этого, хотя ты, действительно, и оказываешь людям услуги, но за то уничтожаешь немало сена, овса и даже пшеницы. Ты служишь для своей пользы, лишь бы добыть корм, а я на деле полезен им; для тебя непосильные тяжести я несу в дальние страны и не требую овса и сена, хотя нередко голодаю: я довольствуюсь тем только, что есть под рукой, ем почти всякое попавшееся и при том очень мало употребляю воды, а в случае отсутствия ее продолжаю путь и без воды, — первенство должно принадлежать мне.

— Люди, — сказала корова, — берут молоко, пьют молоко и приготавливают из него масло и сыр.

— Если бы меня не было, то киргизы не имели бы возможности устраивать себе юрты: из моей шерсти делают кошмы, веревки и другие предметы домашнего обихода, из молока добывают сыр и молоко, — сказала овца.

— Если бы меня не было, — говорит собака, — то многих из вас, пожалуй, уничтожили бы воры или волки, против которых стою я одна, оберегаю и в случае какой-либо опасности лаем своим предупреждаю хозяина.

— Без меня люди не могут вставать рано и отправляться вовремя на работы — утром я их бужу криком своим, чтобы не проспали и не пропустили занятий, а вечером и в полночь повторяю то же самое, — заявил петух.

Одна мышь ничего не могла скакать, но, придумав особую хитрость, предложила собранию: нет, господа, эти споры ни к чему не приведут, лучше давайте ждать наступления года, и кто первый увидит восход солнца, то пусть его имя и будет первым. Все молчали, но верблюд, будучи уверен, что он при своем громадном росте должен ранее всех увидеть восход, подтвердил предложение мыши и все согласился. Ждут. Тем временем мышь вползла на верблюда и, усевшись на самой вершине горба, стала ждать, когда появится солнце, и, увидев его, к удивлению других, первая заявила право свое на то, чтобы ее именем был назван первый год в мушели. Тогда верблюда большинством голов из собрания исключили. Поэтому у киргизов существует такая пословица: «надеясь на огромный рост, верблюд не мог удержаться за собой ни одного года».

Астраханский вестник. 1894. № 1338, 1351.

Ч. Ч. Валиханов

ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ БОЛЬШОЙ КИРГИЗ-КАЙСАЦКОЙ ОРДЫ

|| Киргизы Большой орды производят себя от древнего монгольского народа уйсунув [1], родоначальником своим [считают] Майки[2]-бия, современника Чингис-хана [3].

О происхождении же народа киргизского казак и соединении своем в союз трех орд казачьих [они] имеют весьма темное понятие. Одни из них говорят, что киргизы произошли от ногайцев, заблудив-

шихся в степях ишимских. [Другие] говорят, что предки их не имели ни рода, ни племени, долго скитались по степи, пока не похитили себе жен от какого-то неверного народа чеген [4], а так как ногайцы были мусульмане, а жены их неверные, то и народ киргизский, произошедши от их смешения... в себе и в своей религии смешение двух элементов. Надо сказать вообще, что предания этой орды носят на себе следы тюркестанского влияния и сами киргизы опираются на их сказания; так говорят узбеки, так мы слышали в Канале. Вот другое предание, очевидно, произошедшее под религиозным влиянием среднеазиатских мусульман. Родоначальником Средней орды был товарищ, сахаба⁵ Мухаммеда [5] «избранного». Пророк, по откровению архангела Гавриила, узнав о скором своем оставлении правления сего тленного мира, чтобы там, в эдеме, на лоне гурии, отдыхать вечно и вечно, призвал своих друзей и товарищей и сказал им об этом, прося прощения, если он сделал кому-нибудь из них обиду. Все плакали и говорили: «Ты друг Аллаха, мог ли ты сделать обиду!» Только один сахаба, по имени Оксе [6], объявил претензию, что пророк при осаде какого-то города безвинно ударил его в спину. Мухаммед действительно вспомнил свою ошибку и в возмездие предложил ему свою спину. Абубекр [7], Омар [8], Осман [9], Али [10] и другие вельможи тщетно отговаривали Оксу оставить безрассудное свое намерение. Оксе ничего не хотел слушать и при общем проклятии народа, подошел с плетью к священной спине любимца Аллаха и просил его обнажить тело. Пророк снял свое верхнее платье. Оксе того и нужно было: он знал, что на спине «избранного» есть божия печать, приложившись к которой смертный делается недоступным адскому огню. Оксе вместо ожидаемого удара только наклонил голову, поцеловал и отошел прочь. Но за неудовольствие, причиненное им пророку, и по ... общественного проклятия бог обрек его и его потомков бродяжничеству, благословив, впрочем, вместе с тем на довольство и безбедность. От него [Оксе] происходит... родоначальник [уйсуней] и всего народа.

Родоначальником [киргизского] поколения Большой орды уйсунов считают они [еще] какого-то Тобей⁶, жившего еще задолго

⁵ Сахаба (араб. друг, попутчик) — так называли сподвижников пророка Мухаммеда.

⁶ Тобей — сокращение от Тобей-бий.

до [Майки]. Тобей имел, по преданию, четырех сыновей— Коёлдера [11], Мекрена [12], Майки и Когама. От Коёлдера произошли катгамы [13], что впоследствии [XV—XVI вв.] вошли в состав нового народа узбеков ([катаганы]—главный род [узбеков]). От Мекрена произошли..., от Майки — собственно уйсуну. (Когам) был родоначальником канглов [14], Абак, сын Майки, | | от старшей жены имел сына Байдебек, от второй... и от рабыни..., у Байбека⁷ старший сын был Сары..., второй же Джоркчи, был сын второй жены, по-киргизскому — аулие, святая. От Джоркчиевых трех детей произошли: от первого Албана — албаны [15], от второго Дулата — дулаты [16] и Сувана — суваны [17]. Меркес родоначальник .... имел двух сыновей: Чуманака и Сваманака [18]. Адбаг⁸ имел двух сыновей: Сары и Чебеля. У Сары было два сына: Суеркул и Тау-базар⁹; у Чебеля дети назывались..., а дети Майки носят собирательное имя — Абак [19]. Название же [уйсун], даваемое всей орде, употребляется по большинству [и касается] собственно уйсуну, но потребления в строгом смысле предание не допускает [20]. Сказания орды говорят, что они были отдельным народом до [монголов], что Майки-бий уйсуну участвовал [в сейме] при избрании [Чингиса] на ханство.

Что же касается до соединения их [уйсуну] в состав народа [казахского], они говорят так: Золотая [21] и Джагатайская [22] [орды пали], внутренние беспокойства разъединили единство племен, некому было содержать властей и заботиться об обществе, каждый род должен был думать о себе, тогда в степях ишимских собравшийся народ...

Старики говорят, что ногай было общее название [степных] кочевых татар, для отличия от полусоседных. Ногайли, узбекли¹⁰... их называли ногай.

Действительно ... не мудрено при этом делать гипотезу, что ногай — «собака», дано было кочевникам их же собратьями, которые, приняв в Золотой орде при Узбеке [23] и в [Джагатайской] при [Тарма-Ширин] хане [24] мусульманство, и .... называли

⁷ Искажение переписчика, точнее *Байдебек*.

⁸ Искажение переписчика, правильно: *Албан* или *Албан*.

⁹ Правильно: *Таубасар*,

¹⁰ *Ногайли, узбекли* — в смысле союза ногайцев или узбеков.

улусников за их пристрастие к древнейшим повериям и старым обычаям — собаками.

У киргизов, найманов и крымских ногайцев остатки магометанства¹¹ [были] все еще в [силе], и время не могло истребить их до нас. Что касается последующей исторической судьбы этого народа, как орды.... предание говорит так: до [Ишима] [25] храброго (1636) все орды были [объединены] и управлялись одним ханом. Уй[суны] .... за чуйских и находились в соседстве с резиденцией ханов¹².... непосредственно [пребывая около] самого хана. При [катаганском] хане [Турсуне] [26] они брали с ним вместе Ташкент.

Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 1. С. 273–276.

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ КИРГИЗ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

Сказки, былины, легенды

СУЛТАНЫ, ТАРХАНЫ И БИИ

(Историческая справка)¹³

В литературе и обществе, несколько интересующемся киргизами, до сего времени распространены довольно смутные понятия о султанах, тарханах и биях. Что такое султан? Некоторые готовы видеть за этим званием владетельную особу, которая пользуется среди родовичей известными прерогативами; другие смотрят на султана как на богача, вельможу, в распоряжении которого и гаремы, и золото, и сады подобные Бахчисарайским... Такие «поэтические» воззрения, благодаря настоящей исторической справке, превращаются в довольно грубую прозу.

¹¹ Описка, следует: *язычества*.

¹² То есть с г. Туркестаном (Азретом).

¹³ Тургайская Газета. № 120. 1897 г.

У киргизов в прежнее время существовали почетные звания султанов, тарханов и биев. Ныне эти звания, за исключением султанского, имеют скорее историческое, чем юридическое значение. Документальные данные об этих званиях приводятся ниже о каждом особо.

Султанами называются потомки киргизских ханов. По вступлении киргизов в русское подданство сыновья хана Абулхайра Эрали, Нурали, Хожа-Ахмет и Айчувак [1], а также дети и племянники последних во всех Высочайших грамотах и указах, именовались султанами. Султану Эрали, участвовавшему с отцом своим ханом Абулхайром и представителями народа в принятии присяги на подданство России, были оказаны и почести, причитающиеся детям владетельных особ (см. церемониалы в деле Арх. Тург. обл. правл. [2] 1738 г., д. 14, 17). Впоследствии даже побочный сын хана Нурали, рожденный от калмычки, Чингис назывался султаном (указ коллегии иностр. дел, от 2 ноября 1749 г. за № 411, д. Арх. Тург. обл. правл., сборник указов 1749 г.). Благодаря обычаю многоженства, которым не пренебрегали и киргизские ханы, потомство последних сильно размножилось, так что, когда возникал вопрос о выдаче жалованья султанам, правительство не находило возможным разрешить его в утвердительном смысле, так как опасалось огромных расходов казны на содержание всех султанов, которых в ордах было «великое множество» (Высочайший указ 25 мая 1777 г., д. Арх. Тург. обл. правл., сборник указ. 1776 г. ст., 169—174). Вопрос о личных правах султанов рассматривался в Правительствующем Сенате, который в указе от 14 марта 1776 г., на имя военной коллегии, высказал, что дети и родственники турецкого султана, крымского хана, а также хивинского, бухарского и киргиз-кайсацкого ханов называются на языке этих народов «султанати», что, по мнению коллегии иностранных дел, султаны могут быть почитаемы за «князей» (указ Сената напечатан в «Тург. обл. вед.» 1895 г., № 8). Но сколько известно, в княжеском достоинстве утвержден лишь один из киргизских султанов, именно Чингис. Киргизским султанам сибирского ведомства, однако ж, предоставлены права потомственного дворянства при условии прослужения по выборам трех трехлетий в звании старших султанов (прилож. к 31 ст. IX т. зак. о сост., изд. 1876 года).

*Тарханы*¹⁴. Высочайшим указом, от 11 июля 1743 года, были пожаловано звание тархана Джаныбеку батырю, который, как упомянуто в указе, между всеми старшинами Средней и Малой орд был самый «знатный» и имел «почти с самим ханом равную силу». Вместе с тем было повелено жаловать достойнейшим старшинам для примера прочим тарханское звание, которое означало служилого и от податей свободного человека (Сборн. указ. 1743 г., с. 84—85. Арх. Тург. обл. правл.). Звание это было наследственным, так как и в изданных затем указах сыновья тарханов назывались также *тарханами*. Например, сын упомянутого выше тархана Джаныбека, Даут, в указе Военной коллегии, от 9 января 1759 г. за № 7, наименован тарханом (Сборн. указ. 1759 г. с. 19—21. Арх. Тург. обл. правл.). После этого пожалования званием тархана встречаются в Высочайших указах до конца XVIII столетия. Так, в марте 1793 года дана жалованная грамота на тарханское достоинство старшине Меньшой киргиз-кайсацкой орды Суфру-бию, и грамотой этой повелевалось султанам, биям, батырям и всему киргиз-кайсацкому народу признавать Суфру-бия пожалованным ему «чином» (П.С.З. 1793 г., № 17110). В 1869 году на рассмотрение Правительствующего Сената восходил вопрос о порядке выдачи тарханам видов на жительство, и Сенат разъяснил, что с тарханским, *ныне почти совершенно исчезнувшим*, званием соединяется свобода от подушного оклада и право именоваться во всех делах тарханом, и что имеющим звание тарханов следует выдавать бессрочные паспорта на том же основании, как установлено законом для всех вообще лиц не состоящих в подушном окладе (2-е П. С. 3. 1859 г., 30 октября № 35063).

Бии. В прежнее время биями назывались у киргизов влиятельные и уважаемые люди, к которым народ обращался за разбором своих тяжёбных дел и споров. Право решения исковых дел киргизов было утверждено за биями из «почетных киргизов» и по Высочайше утвержденному 23 июня 1822 г. уставу о сибирских киргизах (П. С. 3. 1822 г. № 29172). Затем, по Высочайше

---

¹⁴ *Тарханы* или *дарханы*, т. е. свободные. Во время кокандского владычества в Средней Азии дарханами назывались все освобожденные ханскими грамотами от податей (объяснит. запис. к проект. полож. 1867 г. об упр. Сырдарьин. и Семиреч. обл.).

утвержденному 19 мая 1854 г. положению Сибирского Комитета, было установлено звание *биев*, которое сохранилось за всеми теми киргизами, которые им тогда пользовались. Вновь это звание предоставлялось, по общественным выборам, с утверждения окружных приказов только султанам и аульным старшинам прослужившим не менее шести лет, а также лицам, Всемилостивейше чем-либо награжденным, или отправлявшим какие-либо должности, правительством установленные (2-е П. С. 3. 1854 г., № 28263). Но по Высочайше одобренному 21 октября 1868 года временному положению об управлении степных областей (§ 135, 137 и 141) звание биев получило временное значение, присвоенное лишь на время состояния в должности. Им пользовался всякий избранный народом и утвержденный губернатором для решения дел, подсудных народному суду. Биями назывались народные судьи, терявшие это звание вместе с увольнением от должности. По введении в действие степного положения 25 марта 1891 г. звание биев не сохранилось уже и за народными судьями.

«ВДОХНОВЕННЫЙ» КИРГИЗ МАРАЛ КУРМАНОВ¹⁵

К началу 20-х годов истекающего столетия в киргизских степях господствовало безначалие¹⁶. В степи Оренбургского ведомства велись раздоры за ханскую власть, возникшие вследствие убийства хана Джантюри и поставления в ханы султана Ширгази, который, как внук младшего сына хана Абулхаира, считался, по понятиям народа, и в особенности султанов, недостойным ханского звания. Ширгази боялся показываться в степь, где бесчинствовал умный и предприимчивый султан Каратай, являвшийся, по старшинству¹⁷, главным претендентом на ханское звание. В Сибирской степи доживал свои дни престарелый хан Вали, не имевший достаточной

¹⁵ «Тургайские Областные Ведомости» 1899 г., № 16–17.

¹⁶ Фактические данные для этой заметки взяты из дела С.-Пб. Глав Арх. Мин. Иностр. Дел 1821 г., № 24/2 «О появлении в киргизских степях лжепророка киргизца Марала Курманова и собрании сведений о нем».

¹⁷ Каратай — сын хана Нурали, старшего сына хана Абулхаира, вступившего в 1731 г. с своею ордою в русское подданство.

воли для водворения порядка и спокойствия в номинально управляемом им народе. В это смутное время в киргизских степях появился воспитанный в Бухаре киргиз Марал Курманов, выдававший себя за святого, призванного объединить своих соплеменников и спасти от влияния «неверных». Но, не найдя в среде нефанатичных и добрых по натуре степняков удобной почвы для своих замыслов, Марал Курманов — этот «вдохновенный» и «лжепророк», как его называли в официальных бумагах, попробовал искать громкой славы народного героя, но безуспешно, так как ни в истории киргизского народа, ни в устных преданиях последнего имя Марала, насколько нам известно, не упоминается.

Марал Курманов, как гласят о нем собранные официальным путем сведения, был по происхождению киргиз Киреевской волости¹⁸, кочевавшей около Троицкой крепости. По смерти отца, занимавшегося лечением киргиз¹⁹, Марал, оставшись малолетним, был продан своими ближайшими родственниками одному бухарцу, который увез его в Бухару и чрез несколько лет отпустил на свободу. В Бухаре Марал долгое время обучался разным «азиатским наукам» и наконец в 1820 году выехал к киргизам, кочевавшим при р. Сырь-Дарье, где и объявил себя святым, отгадывая прошедшее и предсказывая будущее. Простодушные киргизы первоначально поверили Маралу, и он, поощренный таким успехом, окружив себя свитою из киргиз, занимавшихся ворожбою, переехал к р. Тургаю и, остановившись там, разослал гонцов на родину и в другие волости с приглашением киргизов откочевать к нему. Слух о новоявленном «святом» быстро разнесся по степи. Рассказывали, что Марал делает чудеса, исцеляет слепых, хромых и «недвижимых». Сначала многие киргизы и их родоначальники и старшины, поверив слухам о чудесах Марала, стекались к нему толпами, откочевывая от пограничной линии. Но вскоре многие должны были разочароваться в святости Марала: лечение его не

---

¹⁸ Вероятно, из рода кирей Средней орды. Киргизы этого рода и ныне живут недалеко от г. Троицка в Миндыгаринской волости Кустанайского уезда Тургайской области.

¹⁹ Лечением киргиз занимаются так называемые *баксы* (шаманы) и *дергеры* (знахари). Ныне с постепенным введением в степи врачебной части число бакс и дергеров заметно сокращается.

отличалось ничем особенным и, по-видимому, только составляло благовидный предлог для призыва легионов толпы. Вместо ожидаемых чудес киргизы слышали от Марала такие мысли, которые не соответствовали их взглядам и привычкам, и потому не могли быть встречены сочувственно. Марал убеждал киргизов прекратить связи с Россией, соединиться всем вместе и заняться земледелием, которое должно было обогатить народ.

Променять привольную кочевую жизнь на унижительное (по тогдашним понятиям киргизов) занятие земледелием не представляло ничего заманчивого для степняка, а мысль об отделении от России в то время, когда киргизы враждовали между собою из-за ханской власти, казалась непрактичною. Разочарованные в своих ожиданиях, киргизы стали называть Марала обманщиком и постепенно удалялись от него на прежние места.

Потерпев неудачу в осуществлении своих замыслов путем непосредственного обращения к народу, Марал сделал попытку вступить в переговоры с русским правительством об отделении киргизов от России.

С этою целью он отправил в Омск с старшиною Киреевской волости Байсалом два письма на имя оренбургского военного губернатора, генерала-от-инфантерии Эссена и командира сибирского отдельного корпуса генерал-лейтенанта Капцевича. Так как оба письма одинакового содержания, то для выяснения сущности замыслов Марала достаточно будет привести содержание одного из этих писем. Письмо это, написанное по-татарски, в переводе означает следующее:

«Пребывающему в Омске под покровительством Государя Императора господину генералу и разных орденов кавалеру свидетельствую мое почтение.

В начале есть истинно Бог, во-вторых, пророк Мухаммет и праведные его четыре достойно усовершенствованные ученика, два пастыря праотца, во-первых, Адам, а во-вторых, пророк Мухаммет, и с того времени мусульмане назывались мусульманами, неверные — неверными, и между ними не было никаких междоусобий и вражды, а Бога призывали вообще одного.

И так, господин генерал, за несколько до сего лет на границах Российской Империи существовало благополучие, мир, тишина и спокойствие; и во времена тогдашних России государей не имели

права и смелости русские без соизволения проходить в землю киргизскую, и киргизы тоже боялись заходить в русскую, а ныне, господин генерал, во времена твои и мои сделалось так, что русские совсем отняли и овладели землею, принадлежащею киргизцам, и сии последние стали находиться и совсем вошли в землю русскую; почему это так и по каким причинам и обстоятельствам это случилось? От вас ли это, господин генерал, или от нас? И мы, как скоро получаю о вас известия, никак не сомневаемся, чтоб во времена ваши и наши как русские, так и киргизы могли бы разориться и расстроиться, потому что русские все находятся в зависимости вашей, а киргизы все в руках наших — по прямому предопределению пророка, и я вас, господин генерал, покорнейше прошу дать мне позволение и путь ехать к Государю Императору, и сия есть самая убедительная до вас просьба. Во уверение сего Иса хазрет²⁰ печать свою прилагаю». Далее приписка: письмо сие имеет быть доставлено Средней орды старшиною Байсалом Аткалтуровым. Муса Богатур во уверение печать свою приложил».

О появлении в киргизских степях выдававшего себя за вдохновенного свыше Марала Курманова и о желании его прибыть в Петербург было донесено от сибирского начальства азиатскому департаменту. Тогдашний вице-канцлер граф Нессельроде, от 30 декабря 1821 г. за № 760, просил сибирского генерал-губернатора Сперанского высказать свое мнение по поводу просьбы Марала.

Сперанский, находившийся тогда в Петербурге, ответил графу Нессельроде следующим письмом, от 24 января 1822 г.: «Милостивый Государь, граф Карл Васильевич! На отношение вашего сиятельства о киргизце Марале, выдающем себя в киргизской степи за вдохновенного, честь имею отозваться, что я совершенно согласен в мнении вашего сиятельства, что полезно было бы дозволить ему приехать сюда и дать нужно бы было предписание корпусному командиру, чтоб он постарался вызвать его под бла-

---

²⁰ Иса — магометанское имя, а хазрет — человек ученый, святой жизни. Очевидно, Марал в Бухаре, сделавшись хазретом, переименовал свое киргизское имя на магометанское. Киргизы раньше давали имена своим детям произвольно по имени какого-нибудь предмета или животного или называли тем словом, которое услышат от кого-нибудь в момент рождения ребенка. Ныне этот обычай сохранился у дальних киргизов, кочующих в глухих местах, а остальные, в особенности богатые, дают магометанские имена.

говидным предлогом и отправить сюда. С совершенными почтением имею честь быть вашего сиятельства покорнейшим слугою М. Сперанский».

По всеподданнейшему докладу графа Нессельроде, 12 февраля 1822 г. последовало Высочайшее соизволение на вызов в Петербург Марала Курманова, и тогда же были сделаны об этом все необходимые распоряжения.

Но письмо, отправленное генералом Капцевичем к Маралу Курманову с извещением о Высочайшем разрешении, не застало уже Марала на месте и осталось у старшины Байсала для вручения по принадлежности.

Сведения об удалении Марала из киргизских степей получались различные. По одним данным Марал, по приглашению киргизов Алачинского рода, отправился с ними на помощь бухарцам, воевавшим с хивинцами, а по другим — он будто бы откочевал на р. Сыр-Дарью, ввиду обильного там урожая хлеба.

Более положительные сведения о Курманове были получены лишь в начале 1824 г. По этим сведениям Марал, узнав о нападении летом 1823 г. хивинцев на караваны, шедшие в сопровождении киргизов в Бухару, и о разграблении у киргизов 1000 верблюдов и 100 000 баранов с убийством до 50 человек киргизов, решил двинуться на хивинцев для возвращения ограбленного ими скота. Чтобы склонить киргизов на этот поход, Марал объявлял, что последовавшие за ним будут невредимы от пули и холодного оружия, и что при этих условиях их ожидает блестящая победа над хивинцами и полное удовлетворение за ограбленный скот.

Ускорить поход на хивинцев Марала заставило и то обстоятельство, что хивинцы, устроив укрепление и пикеты при р. Сыр-Дарье, на караванной дороге, намеревались грабить караваны, отправлявшиеся из Троицка и Оренбурга.

Очень многие киргизы прельстились обещаниями Марала и последовали за ним в октябре 1823 г. в поход на хивинские владения.

Чем кончилось это рискованное предприятие и что случилось с «вдохновенным» Маралом — осталось невыясненным.

По этим отрывочным данным можно заключить, что Марал Курманов был вовсе не «лжепророк» или «вдохновенный свыше», а сепаратист-мечтатель по натуре, выделявшийся из толпы обыкновенных киргизов не столько умом, сколько духом исключительно-

сти, свойственной фанатикам. Воспитанный с детства в Бухаре и привыкший к тамошней своеобразной культуре, он задумал произвести крупную реформу бытовой и политической жизни своего родного народа и для осуществления своих планов выбрал удобное время — время смут и раздоров из-за власти. Но способы, какие употреблял Марал, оказались негодными для достижения его целей. Киргизы в то время имели в массе очень смутное понятие о магометанстве, и поэтому воздействие на умы народа не могло вестись на религиозной почве. Марал понял это и захотел эксплуатировать народную волю, пользуясь присущими кочевникам суеверием и предрассудками. Как сын баксы, или дергера, Марал старался применять унаследованные от отца приемы врачевания, распространяя в доверчивом населении слухи о чудесах. Народ собирался к Маралу, но скоро и уходил от него, как только узнавал, что за мнимыми чудесами скрывается желание внести нелюбимое новшество. Потерпев неудачу к применению «чуждого» врачевания, Марал обратился к другому способу воздействия на массу: он стал во главе движения против разбойничьих шаек хивинцев, но и тут не утерпел от обещаний чудес.

Погиб ли он в схватке с хивинцами, брошенный своим народом, в то время, когда рассказы его о невредимости пуль не подтвердились, или удалился разочарованный в своих иллюзиях, сделавшись ревностным суфи — осталось невыясненным, но несомненно одно, что он был проникнут искренним желанием добра своему народу, но за образец своих реформаторских действий он взял идеал магометанской обособленности, чуждый натуре и привычкам мирных и добродушных кочевников.

КИРГИЗСКИЕ ЛЕГЕНДЫ, СКАЗКИ И БАСНИ²¹

В бытность свою, в ближайшей к Оренбургу Буртинской волости, нам удалось записать несколько произведений киргизского народного творчества. В некоторых из этих произведений упоминаются исторические лица и местности, но, конечно, легендарные сказания не согласуются с установленными историей фактами и

²¹ Тургайская Газета. 1897 г. № 131–136 и 140; 1898 г. № 1, 14–15, 25 и 36.

событиями. Легенды и сказки могут интересовать читателей только как произведения, в которых выразилась народная фантазия, а басни и пословицы, имеющие обыкновенно поучительный характер — как образцы выработанной веками народной мудрости. В легенде «Иван Калита», по-видимому, выражено представление об известном князе Московском Иоанне Даниловиче Калите, хотя ни место действия легендарного героя, ни время, указанное в легенде, (при татарском хане Джанибеке) не совпадают с известными по истории событиями во время княжения первого собирателя русской земли. Легенда эта интересна еще и по своему сходству с мифическим преданием об основании в Африке крепости Бирсу и города Карфагена дочерью тирского царя Муттона — Дидоной.

Своеобразное мирозерцание киргизов, как кочевников-скотоводов, выражается и в произведениях народного творчества. Скот и вообще животные составляют главный интерес в жизни кочевников, и поэтому в их сказаниях животные занимают после человека первое место.

ИВАН КАЛИТА²²

Много веков тому назад ханом был могущественный Джанибек. При нем состоял в качестве придворного шута Джиренче, жена которого отличалась своим умом. Однажды к хану явился с просьбой какой-то русский. Хан сказал Джиренче, чтобы он поговорил с просителем.

Джиренче, обращаясь к русскому, сказал,

— Скажи, ты, красный как лиса, высокий как верблюд, с глазами белыми, как соль, и носом тонким, как шило, откуда, ты пришел, кто ты такой?

— Твои сравнения не только не унижают, но радуют меня. Из лисиц у хана сшита шуба, верблюд служит для перевозки ханского имущества, соль подают к ханскому столу, а шило употребляют для шитья обуви для хана, — ответил русский, а затем сказал: — Но вот разгадай ты мне следующую загадку: что означает взять вместе десять собак, двадцать волков, тридцать тигров, сорок ка-

---

²² Записано в Буртинской волости, Актюбинского уезда, со слов почетного аксакала, народного судьи № 4 аула Мамбета Асаова.

банов, пятьдесят козлов, шестьдесят быков, семьдесят треножников (путь), восемьдесят кочерг, девяносто чурбанов и сто яиц?

Джиренче затруднился решить эту загадку сам и попросил дать ему некоторое время на размышления.

Пользуясь отсрочкою, Джиренче спросил свою жену о значении заданной ему русским загадки.

Жена разъяснила, что загадка означает разные периоды человеческой жизни. В десять лет человек развивается беззаботно, как собака, в 20 лет рыскает по белому свету, как волк, на все нападавая, в тридцать лет становится хищным и сильным, как тигр, в сорок лет бывает опасен, как кабан, в пятьдесят лет может быть предводителем или правителем народа, как козлы бывают вожаками овечьих стад, в шестьдесят лет малоподвижен и упрям (т. е. стоек в своих убеждениях), как бык, в семьдесят лет ходит, как спутанный в треножник, в восемьдесят лет лежит около печки, как кочерга, в девяносто лет неподвижен как чурбан и, наконец, в сто лет обращается в зародышевое состояние, как яйцо, или, как яйцо же, становится хрупким, нуждающимся в осторожном уходе за собою.

Запомнив это, Джиренче вновь предстал пред очи своего владетеля и сказал русскому разгадку заданной им загадки.

— Твоя правда, — сказал русский.

Хану понравился ответ русского на вопрос Джиренче и остроумие его загадки.

— Проси у меня, чего хочешь, — сказал хан русскому.

— Велики справедливость и милосердие твое, могущественный хан, но я малого прошу у тебя: дай мне в собственность только такое пространство земли, какое может занять бычья кожа, — поклонившись, отвечал русский.

— Да будет так, — произнес хан.

— Выдай, хан, мне свою грамоту на владение землею, пространством с бычьей кожей, — попросил русский.

Хан исполнил эту просьбу и выдал русскому грамоту за свою печатью на владение просимым количеством земли.

Получив грамоту, русский разрезал бычью кожу на тончайшие ремни и занял такое количество земли, какое можно было окружить ремнями. Прошли годы, и на занятой земле был выстроен

город Уйшик²³ и крепость Сарайчик²⁴, поселилось в них очень много русских.

Подданные хана, видя захват земли русскими, пытались прогнать их, но были всякий раз побиты камнями и отражены.

Тогда стали являться к хану с жалобой на русского, что он, вопреки ханскому повелению, захватил много земли. Хан не верил жалобам и казнил жалобщиков. Но на место казненных являлись к хану другие с этими же жалобами.

Это заставило хана проверить жалобу и, приехав на указанное место, хан действительно увидел многолюдный город. Рассердившись на своеволие русского, хан закричал на него:

— Как ты смел захватить мою землю?

— На основании твоей ханской грамоты. Ты пожаловал мне землю в таком количестве, какое может быть занято бычьей кожей, и я занял нисколько не больше, разрезав кожу на ремни и окружив ими землю.

Хан убедился в справедливости слов русского, который был не кто иной, как Иван Калита.

МУДРЫЙ АЯЗ

(Не все то золото, что блестит)

(Киргизская сказка²⁵)

Однажды хан Джанибек на большом собрании своего народа предложил на общее обсуждение следующие вопросы: 1) какой человек самый худой; 2) какая именно самая худая и самая хорошая земля; 3) какая самая нехорошая трава и 4) какая самая худшая птица?

Долго обсуждал народ эти вопросы, и все они, кроме первого, были решены удовлетворительно.

²³ Так по-киргизски называется город Гурьев Уральской области.

²⁴ Сарайчик — Сарайчиковский форпост в Уральской области. В Сарайчике, по словам киргиз, имеется мечеть, выстроенная ханом Джанибеком.

²⁵ Записана в полном переводе со слов того же Мамбета Асава, как и легенда «Иван Калита».

Самая хорошая земля — та, которая может дать наибольшую выгоду человеку, и самая плохая — та, на которой можно разочариться. Такая земля, совмещающая одновременно оба условия — базар. На базаре люди богатеют и разоряются, и поэтому базар есть хорошая и самая плохая земля. Так решен был народом второй из поставленных ханом вопросов.

— Самая нехорошая трава та, которая не годится ни в пищу, ни для топлива. Такая трава называется *кугою*, — ответил народ на третий вопрос.

— Самая худшая из всех птиц это та, которая не имеет своего гнезда и не выводит своих детей. Птица эта — кукушка, — был единогласный ответ на четвертый вопрос.

Но по первому вопросу о том, какого человека следует считать самым плохим, высказывались различные мнения.

Одни говорили, что самый плохой человек — хромым, другие считали таким слепого, третьи — безрукого и т. д., перечисляли людей, страдающих теми или другими физическими недостатками.

Долго спорил между собою народ по поводу первого вопроса, и спору не предвиделось конца.

Тогда из толпы выделился грязный и оборванный нищий, по имени Аяз. Весь в лохмотьях и с ранами на теле, он смиренно приблизился к хану и, низко поклонившись, произнес:

— Великий и мудрый хан! Как солнце на небе светит и греет одинаково всех живущих в мире, так и милосердие и справедливость твои равно простираются на всех твоих подданных. Дозволь мне, несчастному, ничтожному рабу твоему, высказать свое мнение по вопросу, который так долго утомляет ум собравшихся здесь людей.

— Ухо властителя не должно быть закрыто ни для кого из верноподданных. Говори, Аяз, — сказал хан.

— Да будет мудрость твоя благословенна вовеки! Ты ищешь самого плохого человека, но не найдешь такового среди хромых, слепых и уродов: они могут быть самыми хорошими и полезными людьми для своего государства, и не их вина, что они сделались калеками. Но самый плохой человек в твоём громадном царстве — это я, — смело сказал Аяз.

— Объясни почему? — спросил удивленно хан.

Видишь ли, я родился и рос в нищете, возмужав, поступил в работники и в первое время зарабатывал себе не только пищу и

одежду, но и деньги, спустя некоторое время я мог зарабатывать себе только пищу и одежду, затем, еще немного спустя, я получал за свой труд только пищу, а после того я не мог зарабатывать себе и пищи. Я сделался нищим, но и в этой профессии оказался негодным: покрытый лохмотьями, изъеденный червями, гонимый и отверженный всеми, я блуждаю по свету, не имея ни пристанища, ни хлеба. Негодный и ненужный никому, я — самый плохой человек, — ответил Аяз.

Задумался хан, и все вокруг него смолкло. Понравились хану слова Аяза, и он решил, что Аяз — несчастный, но умный и хороший человек.

— Ты решил задачу, которую не мог решить весь народ, и я за это тебя назначаю своим первым министром, — сказал хан.

Удивился народ такому решению хана, и особенно поразило оно приближенных повелителя. Оборванный нищий, человек самого низкого происхождения, вдруг становится первым советником государя!

* * *

Прошли годы. Аяз, сделавшись первым министром хана, выказал замечательный ум и большие способности. Хан любил Аяза и следовал его мудрым советам. В ханстве Джанибека были введены различные улучшения и нововведения, благосостояние населения постепенно улучшалось, и народ любил Аяза, и благословлял хана за его мудрое правление. Но чем больше трудился первый министр и чем больше приобретал любовь народа, тем сильнее росла ненависть к нему со стороны придворных хана. Завистливое чувство людей, не одаренных ни умом, ни способностями, обратилось в явное недоброжелательство к человеку, благодаря своему уму, достигшему высокого положения. Начались происки против Аяза; его обвиняли во многом, чего он не совершал, клеветали, позорили, поносили его и наконец уверили хана, что Аяз захватил в свои руки управление государством, сделав хана послушным орудием в своих руках. Долго не верил хан наветам на своего первого министра, но в конце концов должен был уступить придворным, хотя сознавал, что с удалением Аяза лишится преданного и верного советника.

Аяз был смещен и жил в бедности.

* * *

Однажды хан, окруженный своими бездарными советниками, сидел, поджавши под себя ноги, на богатых коврах и о чем-то мечтал. Министры, склонив головы, в почтительной позе ожидали ханских повелений. Наконец хан, обращаясь к министрам, произнес:

— Скажите вы, мои мудрые советники в делах, чего я желаю в настоящее время. Я жду от вас верного ответа, и если не получу его через день, то знайте, что вы будете казнены.

Испугались министры и собрались на совет для решения заданного ханом вопроса. Но сколько ни думали министры, никак не могли придумать, какия у хана желания. Тогда порешили они обратиться за советом к тому самому Аязу, который был смещен по их же проискам. Боязнь смертной казни заставила униженно просить Аяза выручить их из беды.

Аяз сначала уклонялся от дачи ответа, но затем, видя своих врагов жалкими и потерявшими головы, сжалился над ними.

— Скажите мне в какой позе был хан, когда предлагал свой вам вопрос? Если он говорил, сидя, сжавши ноги, значит — нужно переменить трон, если, лежа на спине, смотрел вверх — следует перестроить дворец, если лежал на животе — нужно найти ему молодую жену, а если сидел на коленях, значит, хочет, чтоб ему доставлен был хороший конь, — разъяснил министрам Аяз.

Обрадованные министры поблагодарили Аяза и в назначенный срок дали ответ хану.

Хан удивился находчивости министров, но, сомневаясь в том, чтобы они сами могли решить заданный им вопрос, строго потребовал назвать ему того человека, который подсказал им верный ответ. Министры должны были сознаться, что человек этот был Аяз.

— Вот видите, вы клеветали на Аяза, а он спас вас от смертной казни. Он умнее вас, и ему, а не кому другому, подобает быть моим первым министром, — сказал хан.

Аяз был восстановлен в прежней должности и вновь сделался любимым советником хана. Но зависть и злоба его врагов возобновились с прежнею силою. Люди глупые или малоспособные обыкновенно большие завистники и в борьбе с противниками употребляют не знание и ум, а происки, клевету и донос; они отличаются большою нетерпимостью ко всякому, кто выдается своим умственным превосходством. Так было и с Аязом. Придворные

хана сумели восстановить его против него, и Аяз был вновь удален от должности первого министра.

* * *

Прошли годы. Джанибек-хан, оставшись без Аяза, видел, что дела по управлению государством приходят в упадок, благодаря бездарности министров. Однажды хан, окруженный своею свитою, отправился на охоту. Дорогой он задал своим министрам на разрешение, под страхом смертной казни, следующий вопрос:

— Укажите таких сорок живых существ, с которых можно снять шкуры без крови, и после этого они останутся живыми?

Долго думали министры и никак не могли решить заданного ханом вопроса. Опять порешили умолять Аяза, выручить их из беды.

Отправившись к Аязу, рассказали ему обо всем и слезно просили спасти их от смерти.

Вновь сжалился Аяз и забыл нанесенную ему врагами обиду.

— Скажите, сколько людей сопровождало хана во время охоты? — спросил Аяз министров.

Стали считать министры, и оказалось, что в свите хана было сорок человек придворных.

— Ну видите, — сказал Аяз, — хан желает видеть своих министров и придворных нагими. Если снять с них одежды, крови не будет, а они останутся живыми.

Министры обрадовались скорому решению вопроса и доложили хану, что удачный ответ был подсказан опальным Аязом.

Хан пристыдил министров за их прошлую несправедливость к Аязу и опять вернул последнего на пост первого министра.

После этого хан не верил наветам на Аяза, и он до самой смерти оставался верным советником хана.

ПРЕДСКАЗАНИЯ КУДЕСНИКА

(Киргизская легенда²⁶)

В то отдаленное время, когда все земли по великим рекам Волге и Уралу и все степи, населенные ныне кочевниками, состав-

---

²⁶ Записана в вольном переводе со слов того же Мамбета Асамова, как и легенда «Иван Калита».

ляли одно большое ханство, властителем этих земель и повелителем народов, на них обитавших, был хан Джанибек. В ханстве его проживал некто Асан Кайга [3], отличавшийся большою прозорливостью: он предсказывал людям, обращавшимся к нему, их будущее и, по мере того как предсказания его сбывались, слава его распространялась по всему ханству и достигла хана. Джанибек часто приглашал к себе Асана Кайгу, выслушивал внимательно его предсказания и любил его за то, что он всегда прямо и смело, без лести высказывал хану правду. Постарел уже Асан Кайга, ему было 95 лет, когда хан Джанибек достиг апогея своего могущества, но в минуты раздумья о будущих судьбах государства хан любил послушать мудрые рассказы старого кудесника.

* * *

Однажды хан вздумал выстроить для себя в Сарайчике²⁷ большой новый дворец. При постройке этого дворца для возведения прочного фундамента хан распорядился пригласить русских рабочих. Дворец был выстроен на славу, к великому удовольствию хана, который вздумал по этому случаю сделать большой пир. Помчались чабары²⁸ по всему государству с приглашением от хана на пир по случаю постройки дворца, и к назначенному сроку собралось к хану народа великое множество. Пирует хан с своим народом, выслушивает льстивые речи своих приближенных, с утра до вечера гремит музыка, и песни лучших певцов приятно услаждают слух хана. Но время от времени на веселом лице Джанибека пробегает какая-то грустная тень, и он становится молчалив и задумчив. Никто не может объяснить себе, о чем по временам среди шумного веселья грустит хан. Взор повелителя часто обращается вдаль: он все смотрит, не покажется ли Асан Кайга, но напрасны были ожидания хана — старый кудесник не прибыл на пир.

* * *

Прошло немного времени. Вновь сзывают чабары народ на празднество, устраиваемое ханом Джанибеком. Но на этот раз большой пир задуман Джанибеком по случаю своей женитьбы.

---

²⁷ Сарайчиковский форпост в Уральской области.

²⁸ Чабар — рассыльный.

Он страстно полюбил одну из своих рабынь — молодую, красивую и умную Карашаш, ему казалось недостаточно иметь Карашаш в качестве своей наложницы, и он вздумал, женившись на ней, окружить ее почетом. Вновь гремит музыка, раздаются песни, и гости разделяют радость своего повелителя. Но среди радости и веселья хан внимательно присматривается к лицам прибывающих толпами гостей, как будто ищет кого-то. Кончился веселый пир, и того гостя, которого нетерпеливо ожидал хан, не было: старик Асан Кайга не прибыл и на второй пир хана.

* * *

Джанибек любил охотиться. У него были лучшие охотничьи собаки и хорошо выученные ловчие птицы. Но охота обычными способами, доступными и другим охотникам, не удовлетворяла прихотливого хана. Он думал выучить для охоты птицу куладын, самую последнюю птицу, питающуюся только мышами. Долго ездил хан с куладыном и все не мог научить ее ловить крупных птиц. Однажды хан, отправившись на охоту, увидел, как его куладын поймал лебедя. Хан так обрадовался этой добыче, что в ознаменование своей удачной охоты решил устроить празднество. Разослав чабаров приглашать гостей, Джанибек строго приказал позвать на пир и старого Асан Кайгу. Обычным порядком прошел и третий пир, но старый кудесник, вопреки ожиданиям хана, не явился и на этот пир.

* * *

Огорчился Джанибек упрямством Асана Кайги, он послал гонцов с приказанием доставить во что бы то ни стало старика. Предстал кудесник пред своим суровым повелителем и смиренно спросил его:

— Зачем понадобился тебе старый Асан Кайга? Ты велик и славен среди других государей, твои дела удивляют весь мир, а для меня скоро настанет тот час, когда я должен буду переселиться в иной мир и дать отчет в своих земных поступках Творцу вселенной.

— Я ожидал, что мой верный Асан Кайга разделит мои радости, но ожидания оказались напрасными — ты не явился ни

на одно из трех торжеств, устроенных мною, и я хотел бы знать причины твоего упрямства, — сказал хан.

— Я молился за тебя, добрый хан, страдал в то время, когда ты радовался, и оплакивал будущность твоего народа, который много переживет переворотов, — ответил Асан Кайга.

— Скажи мне правду о причине твоей печали во время моих пиршеств, не бойся огорчить меня своими предсказаниями, как бы они не были тяжелы, — сказал Джанибек.

— Много десятков лет Асан не боялся говорить своим повелителям одну правду, и теперь, на краю могилы, ему не страшен гнев доброго хана. В твоих поступках, по поводу которых ты пировал со своим народом, я вижу такие предзнаменования: русские построили тебе дворец — они и завладеют им. Женитьба на рабыне даст тебе потомство, которое не будет властвовать, а покорится другим. Ловля лебедей самою ничтожною птицею означает, что народ твой будет покорен чужеземцами. Но в отдаленном будущем я вижу святые века полного счастья и благоденствия твоего народа под властью белого Царя...

Выслушал хан Асана Кайгу и решил, что старик, должно быть, выжил из ума. Народ также не верил этим предсказаниям.

* * *

Прошли века, и потомство современников Асана Кайги и Джанибека уже не сомневается в верности предсказаний старого кудесника.

ЛЕГЕНДА О СВЯТОМ] ПРОРОКЕ ИЛЬЕ

Когда-то, в давно минувшее время, один хан объявил своему народу желание видеть св. пророка Илью, взятого живым на небо.

— Тот, кто возьмется доставить мне случай видеть пророка, получит 5000 тиль в награду, — объявил хан.

Народ молчал, никто не вызвался взять на себя такое невозможное поручение. Наконец вышел из толпы один оборванный бедняк и заявил о своей готовности исполнить волю хана.

Хан выдал бедняку обещанные 5000 тиль и отпустил его исполнить поручение.

Прошло много времени, и хан слышит, что бедняк, получивший 5000 тиль, живет беспечно, проматывая деньги. Истошилось

терпение хана, и он потребовал бедняка, который успел уже прожить все деньги, к ответу.

Бедняк является и на вопрос хана сознается в своей вине.

Тогда хан публично, при народе, спрашивает министров о том, какое следует назначить наказание виновному в обмане его, хана.

Один из министров говорит:

— Тяжкое преступление совершил обманувший своего государя, он достоин беспощадной казни и должен быть сожжен на костре.

— Совершенно верно, — раздается в толпе голос какого-то незнакомца.

Другой министр восклицает свое мнение:

— За обман хана виновного следует казнить на колесе чигирия, т. е. колесовать.

— Совершенно верно, — раздается прежний голос незнакомца.

Третий министр говорит:

— По моему мнению, обвиняемого должно простить. Давая ему деньги, ты, хан, должен был знать, что он не в силах исполнить твоего желания. Св. пророк Илия взят живым на небо, и никто из смертных, живущих на земле, не может доставить его, Один Бог мог бы исполнить твое желание, если бы ты, хан, был достоин этого.

— Совершенно верно, — вновь кричит в толпе тот же незнакомец.

Хан пришел в затруднение, но его заинтересовало, почему в толпе один неизвестный человек признает правильными совершенно различные мнения министров. Хан призвал незнакомца и спросил:

— Почему ты находишь правильными высказанные сейчас три разных мнения министров?

— Потому что каждый из министров высказал свое мнение искренно, по совести, и каждый из них был по-своему прав. Предки первого министра в продолжении семи поколений были хлебопеками, и поэтому он, по наследственному инстинкту, не мог предложить ничего иного, кроме сожжения обвиняемого на огне. Предки второго министра, не менее семи поколений, управляли чигирями, и понятно, что этот министр мог предложить только колесование. А семь поколений предков третьего министра были люди справедливые, и он высказал свое мнение по сущей справедливости, хотя, быть может, многие и ты, хан, не согласны с этим мнением, — ответил незнакомец.

— Как же ты можешь знать предков за семь поколений? Не ты ли сам пророк? — удивительно спросил хан.

— Может быть, — ответил незнакомец и вдруг исчез.

Хан, конечно, не наказал бедняка, так как благодаря ему желание его осуществилось.

Материалы по этнографии киргиз Тургайской области. Сказки, былины, легенды / Крафт И. И. Из киргизской старины. Оренбург: Типо-литография Ф. Б. Сачкова, 1900. С. 80–125; то же. Тургайская газета. 1898. Приложение 80 с.

Л. Искаков

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛОВА «САРТ»

(Киргизская легенда)

В реку забвенья времена
Седой волной катились живо,
Когда народов племена
Слагали песни и мотивы.

Унылой, мрачною тюрьмой
Без чудных звуков и без песен
Людям обширный мир земной
Казался сумрачен и тесен.

Тогда, кочуя по степям,
Свою настроив звонко лиру,
Дарил мотивы племенам
Бог песен, странствуя по миру.

Являясь всюду и везде
Для степняков как бы сюрпризом
Мотивы раздал он орде
И песни дал кара-киргизам.

Вперед к кочевникам бог шел
В степи глухой неутомимо,

Но все ж к оседлым не зашел,
Пройдя с презрением их мимо²⁹.

²⁹ В этом сказывается презрение кочевников к туземному оседлому населению.

Послав укор своей судьбе,
Собравшись наскоро в дорогу,
Пошли оседлые себе
Мотивы вымолить у бога.

Прождав ночную темноту,
На утро в путь пустившись трудный,
Явились странники в юрту
Где песен бог скрывался чудный.

Но из юрты в край светлых грез
Откочевал давно бог гордый,
И только выл в ней рыжий пес,
Подняв высоко кверху морду.

Тогда, признав собачий вой
Мотивом, данным им от бога,
Счастливо путники домой
Пришли обратною дорогой.

С тех пор, преданье говорит,
Оседлых жителей для знака
Зовут киргизы сары-ит³⁰,
Что значит желтая собака.

Тургайские областные ведомости. № 11. 1894. (13.03).

АЛИФ [КЫЗЫДАРЬЯ] (Старая киргизская элегия)

Приводимое ниже в переводе киргизское стихотворение представляет собою элегию или «плач» о положении киргизского народа: оно найдено в одной старой рукописи, остальное содержание которой не имеет с этим стихотворением ничего общего: судя по почерку, стихотворение написано довольно давно. Не представляет ли оно собою

---

³⁰ В скороговорке — сарт. Сары — желтый, рыжий, ит — собака.

отголосок тех чувств, которые вызывались в свободолюбивых кочевниках политическим господством над ними оседлого населения³¹.

Чрезвычайно важно и интересно упоминание о реке, или протоке, соединявшем Сырдарью с Амударьей. Не имеет ли самое слово Кызылдарья (Красная река) какой-либо генетической связи с современным названием пустыни между Сыром и Аму, Кызыл-кум? Весьма любопытной чертою являются также жалобы на необходимость вести кочевую жизнь, на отсутствие у киргиз городов и селений, мазаров и мечетей.

³¹ Отношения между кочевым и оседлым населением Средней Азии в эпоху до русского завоевания были всегда дурные: оседлое население, немало терпевшее от киргиз, ненавидело их, боялось и вместе с тем презирало, как плохих мусульман и полудикарей. В книге *«Тарих-и-муким-хани»* киргизы называются «неверными (куфара), проклятие да будет над ними», а книга *«Талкират-и-азизон»*, именуют их «проклятыми неверными и бичом мусульман». Эти указания относятся к XVII–XVIII векам. Среди сартов Ташкентского района существует насмешливое четверостишие по адресу киргиз:

Я спросил у тюльпана:
«Отчего у тебя черное сердце?»
Что за причина этому?»
Он сказал (мне на это):
«Таков всякий, кто живет в степи».

Понятно, что правители и чиновник среднеазиатских ханств при случае не щадили киргиз и жестоко обижали их (см., например «Обозрение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии», в записках Императорского Русского Географического общества за 1849 год, с. 209, и *«Таарих-и-Шахрохи»* с. 49). Отношение администрации этих ханств к кочевникам вообще было строгое, как к элементу неблагонадежному. Мне пришлось недавно слышать рассказ одного старого туземца о ташкентских порядках до прихода русских: между прочим, уличенного в воровстве дважды, в базарные дни водили по городу, со связанными назад руками; при этом водившая вора стража осыпала его палочным ударами и громко провозглашала его вину; затем, если родственники арестованного являлись просить за него и уверяли, что он сделал это в первый раз, по молодости, неразумению и т. д., его на первый раз освобождали; если же вор был киргиз или чужеземец (*мусафир*), то его после двукратного проведения по городу казнили, хотя бы кража была совершена впервые.

Киргизы платили сартам презрением и грабежами, и это была одна из причин малого распространения культуры за пределами старых оазисов: оседлое население боялось выглянуть за стены своих городов и кишлаков (ср., например, статью П. Е. Кузнецова «О таджиках Ташкентского уезда» в известиях Туркестанского Отдела Императорского Русского Географического общества, т. II и II, 49). *Ред.*

Мы — киргизы («казаки»), родом из Туркестана,
Предмет насмешек всех народов,
Без родины странствуем мы, бесприютные,
В скитаниях, проведя нашу жизнь, состарились мы.

Словно трава под черными камнями,
Попираемы мы всеми людьми.
Мы презренны для современных людей.
Бесприютные, униженные, огорченные, существуем мы.

Когда приближаемся к городам, (в нас) бросают каменья.
Найдется ли кто, бросающий взгляд сострадания нам?³²
Говорят: это город, к которому принадлежат киргизы («казаки»),
Но говорят (также): собаки и ослы лучше вас.

Не можем мы пойти и пожаловаться начальникам,
Кроме Бога, никто не знает, в каком положении находимся мы.
Всякая собака и щенок, не стесняясь, едят наше добро.
Едят его великие и малые, не боясь Бога.

Была в старое время у нас река,
Называлась она Кызылдарья;
Ее началом был Сейхун (Сырдарья).
Перерезывала она Кызыл-Кумы до Джейхуна (Амударья).
Была культура везде, когда была река,
Но и она высохла по повелению Бога³².

Наша жизнь в степи постоянно проходила расстроено; —
Так устроил Творец.
Когда приходила беда, мы разбегались во все стороны,
Уходили в пустыню и жили там.

Во время движения иногда переходили через Сыр,
Глотая от притеснителей кровавые слезы,
Приходили мы в эту сторону, испуская вопли,
Рыдая, проливая кровь из глаз.
Приходили мы и жаловались царю ислама³³,
Веселя этим свое опечаленное сердце.

³² Говорится от имени киргизов «у них была река»

³³ Эмиру Бухары, игравшему в старое время (до XIX ст[олетия]) первенствующую роль в Средней Азии.

Потому что в тени его справедливости
Улетала вся пыль, омрачавшая сердца.

Нет у нас другого печальника, кроме Бога;
Сильно бедствуем мы в этом мире,
Опустив голову книзу, как заходящее солнце,
с разрывающимися сердцами;

Как восходящее солнце будут сиять наши лица на страшном суде.
Во владениях этого мира не были счастливы мы,
Но зато нас освободят на том свете от горя.
Взгляни, (о читатель), на положение несчастных:
Сердца их превратились в воду, а печень раздробилась в куски.
Я бесприютен, нет у меня города, селения.
Вникнет ли в эти мои горькие стоны (Всевышний)?
О брат, вот какова моя жизнь.

Темны для меня светочи мира.

Нет у нас ни медресе, ни мечети, ни зданий,
Нет у нас ни угодников, чтобы к ним совершать богомолье.
Нет у нас ни соборного намаза,
Нет ни сладостного спокойствия в сердце.

Поэтому-то и сделал я такое описание,
Что недостаток всего этого ощущается ежечасно.

Да не будет этого, но если бы (жизненные)
затруднения сделались легкими,

То тогда кончилось бы (истинное) мусульманство.

Да не унизит меня Бог в обоих мирах (этом и загробном);

Ради того написал я эти слабые стихи.

Мое желание — делать то, что сказано Им — «делай»;

Я не делаю ничего неприятного Ему.

Тургайские ведомости. 1902. № 1.

А. Е. Алекторов

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ ШИЙШИБ-АКЫНА

— Шийшиб-акын болен, вряд ли поправится, третий уж месяц
едва из кибитки выходит, худой стал да желтый.

— Жаль старика, добрый он человек, да и пел хорошо; теперь все Богу молится... жаль, сильно жаль! А может, еще поправиться? Как ты, Куаныш, думаешь?

— Где уж поправиться! Третий месяц едва из кибитки выходит.

Так разговаривали два знакомые мне киргиза на Ахунском хуторе, на ярмарке, 14 сентября 1891 года. Шийшиб-акын, хороший мой приятель; я знал его несколько лет, и не однажды он развлекал меня своими звучными песнями о житье-бытье киргизов в старое доброе время. Я решил навестить старика на следующий же день, 15 сентября, выехал в Дузбай-Кужбаевский аул. Верст за тридцать, если не больше, от урочища Сарскей-Джамке, где стояла кибитка Шийшиб-акына, мне то и дело попадались киргизы, державшие путь в одну со мной сторону.

— Куда это, Кайлибай-Кенджбай, направляешься? — спросил я, обгоняя одного моего знакомого киргиза.

— В Дузбай-Кужбаевский аул; говорят, старый Шийшиб-акын собирается умирать; слышно, наставление сделает.

Я приналег на коня, а конь у меня был добрый, верст по 120 делал в один переезд, и далеко за собою оставил Кайлибая.

Около кибитки Шийшиб-акына толпилось десятка два приезжих киргизов; многие только еще подъезжали, слезали с коней и, закинув повод за луку, привязывали мохноногих степняков к стоявшей недалеко арбе и к приколам, разговаривали тихо, почти шепотом, и многозначительно кивали головами по направлению к кибитке.

Старик, полусидя-полулежа, дремал на кошме; он был накрыт цветным халатом.

Бледно-желтый, с глубоко ввалившимися глазами, Шийшиб, знаменитый акын — певец, походил скорее на мертвеца, чем на живого. Когда я пошел в кибитку, он приподнял веки, медленно стал всматриваться, узнал меня и улыбнулся.

— А, тамыр! Хорошо, что не забыл меня, навестил старика; жить-то мне немного осталось, не ныне — завтра помру, — сказав это, Шийшиб несколько с трудом приподнялся. — Садись, садись... вот тут на ковер. Давно уж, года два, а может, больше, с тобой не видались. Как живешь? Здоров ли?

Он пожал мою руку и снова прилег. Несколько минут помолчали, а затем рассказали друг другу новости.

— Собрались, что ли? — обратился Шийшиб-акын к одному из вошедших в кибитку сыновей.

— Да, отец! Народу порядочно.

— А Сары-Мулла тут?

— Не видно что-то.

В это время приподняли дверь у кибитки, и вошел убеленный сединами, но бодрый еще киргиз; то был Сары-Мулла Чинайбек, закадычный друг и приятель Шийшиб-акына.

— Говорят, ты умирать собираешься... Что-то рано задумал, — улыбнулся Сары-Мулла.

— Все в руке Аллаха, — серьезно ответил Шийшиб приятелю.

Посидели, поговорили, а затем старика вывели под руки из кибитки и посадили на приготовленный ковер под открытым небом.

Солнце давно уже закатилось, но луна так хорошо светила, что мы друг друга прекрасно видели, и я был даже в состоянии писать. Такие чудные светлые ночи только и могут быть в степи, где чист и прозрачен и как-то необыкновенно легок самый воздух.

— Давно не пел я вам, друзья, — начал Шийшиб-акын, — а теперь спою в последний раз...

Вот те обстоятельства, при которых записана лебединая песня Шийшиба. Голос его дрожал и часто прерывался; пел он утомительно долго, нередко сбиваясь и повторяясь. Это был далеко не тот певец-акын, каким я знал его несколько лет тому назад — веселым и бодрым, остроумным певцом, приятным собеседником. Все же песня его, почти дословно записанная, имеет весьма большой этнографический интерес.

В мире было немало хороших людей, —

В мире же немало умерло их.

Бог — для всех равный Бог!

Один Бог терпит то, что делают люди,

Некоторые из людей воздержанны, умеренны,

Некоторые отрекаются от мира

И все-таки завидуют ближним.

Желая быть последователями

Достигших святости людей,

Они идут к ним и берут их руку

В знак того, что думают идти по их стопам,

Но не пройдет и года, как они отступят!
Осуждающие, не зная достоинств за другими,
Придет время, опечалятся.
Не заботящиеся собиранием благ для будущей жизни,
В день страшного суда, очевидно, погибнут.
Берите в пример бывшего хана Джангера!
Джигиты! Будьте предусмотрительны при жизни.
Кто унес из умерших свое богатство с собой?
Бог заповедовал нам исполнять сорок заповедей,
Из коих пять мы знаем и не исполняем,
За что по смерти могилы наши будут тесны!
Джигиты! Будьте предусмотрительны.
Придется дать ответ перед Богом,
Даже за приобретенное состояние,
Если дело не всегда обстояло чисто.
Скажу вам, друзья мои, слово,
Но чтобы начать, произнесу сперва «бисмилля»,
Так как без этого, по данной нам заповеди,
Не должно начинаться ни дело, ни проповедь.
Джигиты! При жизни приносите покаяние,
Которое принимается Богом в оправдание.
Немного поговорю, — да поможет Бог моему языку!
Передайте от меня поклон не прибывшим сюда.
Поклон мой всем, с кем жил я и мужался,
С которыми приходится теперь мне расставаться,
Подобно лебедю, слетевшему с пением с озера,
На которое он больше не может прилететь и сесть...
О Боже, помилуй меня!
Боже, сотворивший Адама и Еву из праха,
Боже, умноживший их потомства в несколько тысяч!
О Боже — Царь! Всемогущий Царь,
Сотворивший 18 000 видов творений,
Помилуй меня по заповедям твоим!
Душа моя, вошедшая в утробу,
Душа эта сладка, как мед,
И живет во мне, как гость.
Если вылетит стрела смерти,
Как спасешься от нее?
Ничего не поделаешь!
Когда суставы твои здоровы,
И душа твоя, как царь!

Язык мой не будет петь, как канарейка,
Там, на том свете...
Думаючи, я пришел к заключению,
Что в ум мой вошли шестьдесят две мысли,
Подобно тому, как в новую сабу
Влить свежий кумыс...
Передайте поклон от меня родным
И сроднившимся братьям-сватьям,
С которыми не придется мне увидеться.
Хотя на свете есть светила,
Но без веры все равно, что их нет.
На войну поезжай без оружия...
Смелый не умрет, и душа не выйдет из него, если не суждено.
Как на этом, так и на том свете,
Увидит две радости щедрый,
Который щедр был от богатства, нажитого честным трудом;
Щедрый же, нечестно наживший добро, ответит.
В день страшного суда, когда явится Бог,
Все люди будут равны, как цари и ханы.
Свет этого света есть вера.
А если нет веры, без нее все равно что ночь.
Кто не умрет на свете,
Когда все святые и праведные умерли?
Только архангел Гавриил вострубит,
Шайтаны и черти умрут.
Джигиты, поверьте моим словам,
Они верны, как стихи Корана!
Живя, мы все собираем для своего удовольствия,
И глаза наши не насыщаются;
Когда умрем, их засыпят песком,
И тогда они насытятся.
Наука есть текущая река,
Ведущая к познанию веры,
А ум — это страж веры.
Если не знаешь своей веры,
Подпадешь власти шайтана,
Который караулит жертву,
Подобно волку, караулящему овцу.
Настало тяжелое время —
Имеющий тысячу маток
Говорит, что мало!

Когда свет поколеблется, будут напасти...
Люди испортились...
Внутреннее желание их сделалось теперь хотеньем сатаны,
Искусившего человечество.
Душа — гость наш, пришедший раз,
Уйдет и больше не вернется.
На свете, сколько ни живи, все жить хочется,
А в конце концов секира смерти пресекает жизнь.
Все родившиеся должны умереть,
Никто не останется в живых.
Когда явится Гавриил с ангелом смерти,
От тебя ли будет зависеть жизнь твоя?
Не прельщайтесь, джигиты, нынешнею жизнью,
Не гонитесь за ее прелестями.
Когда неправoverные стеснили нас,
Осталось ли что непоколебленным до основания?
Сделались сообщниками неверных,
И что осталось у нас непродажного с того времени,
Как с ними смешались мы?
Теперешние люди, что твое топливо...
Прежние батыри, смелые, стойкие, храбрые, умерли.
А теперешние подобны женщинам.
У людей настоящего времени нет даже родства, —
Они готовы перегрызть друг другу горло.
День ото дня нарождается новая беда...
Мусульмане не удивят собою мир...
В этот век нет у джигитов мужества...
Без насмешки и поругания не произносится ни одного имени.
Когда святые угодники ушли от нас,
То враг отнял у нас всякую силу.
Бог отнял у мусульман силу в тот день,
Когда они помыслили нарушить закон в день притеснения...
Теперь все узнали, что свет переменялся,
Когда холодный ветер подул с севера,
И все... завертелось, закружилось,
И прекрасное далось в руки неправoverным.
Если светила не будут светить,
То без их света будет темно, как ночью.
В этих моих словах нет лжи, —
Они истинны как Коран.
Настанет миру конец... Мусульмане, знайте это!

Перед концом все люди и шайтаны умрут.
Рай сотворен для правоверных мусульман,
Но его наследуют восемь и других исповеданий.
Когда архангел затрубит,
Тогда сравняются высокие горы и глубокие овраги;
Когда настанет страшный суд,
Тогда сравняются богатые и бедные, цари и ханы.
Разрушится мир и прекратятся козни шайтана.
Много прошедший наук и сдавший экзамен
Найдет место, где поставить слово Корана.
Все 18 тысяч творений созданы Богом...
Четыре раза Бог открывал ангелам тайну людей.
Из рая выгнан наш праотец Адам,
За то, что съел одну пшеничку.
Не будешь больше жить того,
Насколько дано тебе дыхания.
Настанет день, и мы умрем,
И попадем мы в темную могилу.
А как только туда попадем,
Явятся два ангела-допрашивателя
И будут допрашивать, — как будем отвечать?
Пусть Бог даст нам место в раю около золотого трона.
Мусульмане, давайте милостыню со скота и имущества,
Определенную шариатом, если вы боитесь за свою душу.
По мосту тоньше волоса будут водить вас за душу.
Если будете богаты, путешествуйте в Мекку.
Будьте предусмотрительны и собирайте запасы
для будущей жизни.
Пища того света — молитва и пост, —
Приготовляйте ее!
Давайте милостыню, положенную законом.
Жена, не знаешь ли ты своего мужа?
Не знаешь ли, что умрешь и будешь под землею?
Во время еды, хотя и произнесешь перед вкушением «бисмилля»,
Но если не дашь от муки должную долю просившему,
То пища, которую ты ешь, будет поганой,
Увидишь по смерти свои худые дела,
Но не найдешь тогда возможности избавиться от них
И принести в жертву белого барана.
Не притесняйте и не унижайте друг друга.
Самый скот, мясо и молоко от него поганы,

Если за него не давалось милостыни.
Дела людские известны Богу.
Брюхо неправедного вырастет с гору
И наполнится жуками и змеями.
Будьте снисходительны и добры и не делайте бедным обид.
В ад попадут гордые, которые говорят: я, я!
Каждому предстоит из нас смерть,
И скот, приобретенный на этом свете,
Не принесет пользы на том.
Остерегайтесь делать добро с лицемерием...
В рай богатые не попадут, если будут скупы.
Слушайте шариат ушами.
Не делайте правого виноватым.
Сотворил нам Бог два глаза,
Чтобы мы видели все доброе и хорошее.
На том свете это доброе и хорошее нам пригодится.
Никто вас не обидит, если вы невинны;
Если же вас и обидят напрасно,
На том свете угодны будете Богу.
В грехах своих кайтесь перед Богом и перед всеми открыто,
Чтобы от них избавиться,
Джигиты! Бойтесь Бога и познайте Его,
Знайте, что мертвые лежат и ждут,
И что есть крошечный ад,
И в него попадешь, если обидишь сироту.
Бог сотворил язык человеку, чтобы он говорил правду.
Отцы! Не учите детей сквернословию,
А приучайте к труду и послушанию,
Когда умрешь, тело твое делается добычей червей.
Не нюхайте табак, — он повредит ваш мозг.
Не пейте водку поганую, — за нее сгорите в огне.
Хорошие слова говорятся складно;
Хорошие люди бывают снисходительны.
Не делайте, джигиты, зла мусульманам,
Женщины, не показывайте своих волос мужчинам!
Женщины, не гневайте своих мужей,
Так как они для вас сотворены.
Не показывайте свою физиономию холодной,
неприглядной, недоброй...
Это все свойственно неверным.
Не воруйте, джигиты! Воровство погубит вас.

Говорите чаще слова шариата, если их знаете.
Если будешь ходить близ мечети — и то спасение!
Смех в мечети грешнее, чем блуд.
Джигиты! Прибегайте к Богу.
Пост и молитва не помогут вам,
Если вы не будете почитать родителей.
Ради неверных веры своей не меняйте.
Женщины, вам не будет от поста и молитвы пользы,
Если не будете почитать мужей ваших.
В рай попадут только те мусульмане,
Которые, насторожив уши, слушают слова шариата;
Райских дев будет обнимать тот,
Кто предается Богу и молится ему.
Первый в рай войдет читавший по пятницам Коран,
Вторым — дававший щедрую милостыню,
Третьим — много плакавший о своих грехах
Для скупого двери рая закрыты...

Так вот она, лебединая песня! Тот же голос Шийшиб-акына только слабый-слабый, как бы сдавленный, дрожащий, прерывающийся... но содержание песни меня изумило и даже возмутило. Я просто не верил себе, что слышу это от Шийшиб-акына. Давно ли он сопровождал меня почти во всех моих этнографических экскурсиях, давно ли считал и так усердно называл себя приятелем русских, давно ли, наконец, пожимал мне руку?

Всего лишь несколько часов назад и вдруг:

«Когда неправовверные стеснили нас,
осталось ли что непоколебленным до основания?
Сделались сообщниками неверных,
И что осталось у нас с того времени,
Как с ними смешались?»...

Слова раскаяния... Неужели каждый, умирая, делает подобные наставления? Пока я размышлял над невольной засевшими в мою голову стихами, голос Шийшиб-акына стихал, замирал; слова становились отрывочными, как бы не договаривались. Вдруг поднялась страшная суматоха; окружавшие старика подскакивали с мест, заговорили, зашумели, загалдели.

— Старик дурно.

- Дурно.
- Он умирает...
- Умирает.
- Кумысу бы, кумысу!
- Лучше чаю!
- Чаю!
- Ладно!

Два старших сына положили Шийшиб-акына на ковер и понесли в кибитку.

- Дышит.
- Слава Богу, дышит.
- Может, еще отойдет.
- Отойдет.

Больного внесли в кибитку и уложили на кошму.

- Кумысу бы ему!
- Эй, кумысу!

Подали кумысу, отхлебнул немного Шийшиб-акын, приподнял веки, вдохнул глубоко и вдруг раскинул руки... Мне показалось, что он испустил последний вздох. Я незаметно, почти ползком выбрался из кибитки, оседлал поскорее лошадь и двинулся, под неприятным, весьма тяжелым чувством, в обратный путь.

Оренбургский листок. 1894. № 38.

Раздел 4

**ПРЕДАНИЯ
ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СОБЫТИЯХ**

П. П. Иванов

ПРЕДАНИЕ О КАЛМЫЦКОМ НАШЕСТВИИ НА САЙРАМ¹

“Вы знаете, что Сайрам [2] наш был раньше большим городом и так часто были дома, что по крышам их целые десятки верст мог пробежать, козел, перепрыгивая с одной кровли на другую.

Появился в то время в Китае сильный царь по имени Коонтаджи², который решил уничтожить в Туркестане ислам и заменить его язычеством. Войско его было настолько велико, что нужно велико для продовольствия воинов ежедневно сто тысяч баранов. В какой бы город ни являлся царь, все подчинялись ему беспрекословно. Дойдя до Сайрама, Коонтаджи потребовал от старшин, чтобы они заставили народ отречься от ислама и поставить в своих мечетях идолов. Никто не согласился этого сделать. Тогда Коонтаджи решил взять и разграбить город. Жители обратились к основателю и защитнику Сайрама, пророку Идрису (да будет над ним мир!)³ с молитвой защитить город от врагов. Пророк

---

¹ В период между 1681 и 1723 гг. калмыки совершили несколько опустошительных набегов на Сайрам.

Унковский, близко знакомый с ходом военных действий калмыков, в своем дневнике, однако, не дает никаких подробностей о походах на Сайрам, хотя город, по-видимому, с таким трудом поддавался, что приходилось даже прибегать к осаде (1681 г.). См. «Посольство к зюнгарск. Хун-Тайчжи Цэван Рабтану» изд. Веселовского (Зап. Р. Г. О. по отд. этн. Т. X. Вып. 2. С. 249.).

² За собственное имя рассказчиком принимается титул калмыцких владетелей. Титул хунтайчжи в 1634 г. впервые принял на себя Батур, объединивший под своей властью союз ойратских племен (В. В. Бартольд, «Очерк истории Семиречья». С. 92).

³ Пророк Идрис, по словам «Рисаля», основал Сайрам и прожил в нем 30 л., постоянно избавляя жителей города от различных несчастий. (Лист 1–3 принадл. мне рукописи).

сказал, что покуда процветает в Сайраме благочестие, неверные не возьмут города.

Мусульмане стали усиленно молиться и тщательно следить за тем, чтобы никто не нарушил заветов Пророка. Так прошло много времени. Неверные стояли лагерем в окрестностях города, но не были в состоянии им завладеть. Однако некоторые из мусульман, подружившись с неверными, стали нарушать чистоту своей веры. Тогда по допущению Божию Коонтаджи послал часть своих войск в горы и приказал, чтобы они большими камнями перепрудили реки Тувалак⁴ и Сайрамсу. Бросаемые воинами камни до того были велики, что от одного грохота сайрамцы стали дрожать. Когда камни были положены, вода повернула в другую сторону, и мусульмане стали испытывать жажду.

Долго крепились они, защищая город, но наконец язычники победили, взяв постепенно город и крепость⁵. Коонтаджи хотел перебить всех жителей, но ему было жаль имущества, которого в Сайраме было так много, что воины, взяв себе сколько было нужно, больше не хотели брать. Чтобы не оставлять богатства в Сайраме, Коонтаджи приказал пощадить жизнь самым богатым жителям с тем, чтобы они сами увезли свое имущество в Китай. Богатейших оказалось сорок тысяч. Им было приказано забрать все свое богатство и ехать, куда велят. Доведа сайрамцев до своей земли, Коонтаджи остановил их на границе и приказал там жить. И тот город, который основали переселенцы, был назван Бай-Сайрам (богатый Сайрам)⁶. А наш настоящий Сайрам так был

---

⁴ Это теперешний Таш-Сай, действительно напоминающий сухое русло большой реки. Тянется Сай с северной стороны Сайрама на большом протяжении с востока на запад, т. е. в том же направлении, что р. Сайрам и Ак-Су. Теперь лишь посредине сая, ширина которого доходит до версты, протекает небольшой арык.

⁵ Старая цитадель Сайрама еще в X в. Лежала в развалинах (Бартольд. «Туркестан в эпоху монг. наш». Ч. II. С. 177). Очевидно, в позднейшее время были возведены другие укрепления. Следов их мне заметить не удалось. Укрепление, остатки которого теперь видны на берегу Таш-Сая, около мазара Ибрагим-ата, было, видимо, незначительно и едва ли могло иметь серьезное значение.

Впрочем, более тщательное обследование этой местности, может быть, приведет к другим заключениям.

⁶ Бай и Сайрам, как известно, два равные селения в Восточном Туркестане, расположенные по дороге из Ак-Су в Куча и находящиеся на расстоянии около 35 верст одно от другого.

разрушен, что и до сих пор не может достигнуть тысячной доли того, что было раньше⁷.

Уходя, китайцы захватили с собой чудотворный камень, который теперь лежит на мазаре святого Абд-ал-Азиз-баба. Погрузив святыню на верблюда, они довели ее до Тюлькубаша (около 60 в.), но дальше везти не захотели и бросили камень около тюлькубашской горы, где он и пролежал много времени.

Новые жители Сайрама, узнав, что их святыня находится неподалеку, привезли ее к себе обратно, и камень до сих пор лежит на своем прежнем месте [»]⁸.

(Записано со слов сайрамского жителя
Муллы [1] Турдымеда летом 1920 г.)

Сборник Туркестанского Восточного института в честь профессора А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923. С. 57–58.

С. К. М.

ОБ АЛАМЕСЕКСКОМ ПОБОИЩЕ

Во времена киргизского султана Абулхаира долины Сырдарьи и Янадарьи (Жанадайра) были заселены каракалпаками (хивинцами), занимавшимися земледелием и совершавшими набеги на кочующие киргизские аулы. Однажды один из главарей хивинцев под именем Нуртай-батыра остановился на ночлег у киргизского батыра Жилки Айдара, с дочерью которого Нуртай провел ночь насильственным образом, а наутро совершил омовение (купание) по ша-

---

⁷ Сообщение заслуживает некоторого внимания, так как выселение, как мера наказания, «весьма употребительно на Востоке», по словам В. В. Григорьева, и практиковалось калмыками, как, например, переселение ими забунтовавшихся яркендцев — в Джунгарию и т. д. (См.: Землевед. К. Риттер. Восточн. или Киргизск. Туркестан». В. В. Григорьева. Вып. 2. Дополнения. СПб., 1873. С. 360).

⁸ Любопытно, что один из трех камней, лежащих у названного мазара, имеет выбитый перехват посередине, как будто бы сделанный для того, чтобы камень было удобнее перевязать веревкой. Все три камня, по-видимому, не старого происхождения. По форме, способу отделки и характеру письменности очень похожи на камни на кладбище около Шах-и-Зинда в Самарканде.

риату, заставляя мать изнасилованной девушки лить на себя воду. Возмутительный поступок его задел киргизскую гордость. Киргизы условились собраться около Аламесека с тем, чтобы отомстить каракалпакам во что бы то ни стало или самим погибнуть. Собравшись на условленное место, киргизы долго не могли выбрать лицо, которому можно было получить знамя (ту), так как знаменщик ехал всегда впереди, и он подвергался опасности более всех. После долгих споров Абулхаир-хан указал на Байсары батыра, как опытного человека. Байсары батыр в то время был уже в преклонных летах. Обращаясь к хану, Байсары батыр сказал: «Хоть и стар я, а все же в состоянии повезти знамя, но в состоянии ли ты мой хан следовать за мною?» Задетый за живое хан отдал приказ 8 своим приближенным ехать сзади полчища с обнаженными саблями и предавать смерти всех, кто вздумает отставать от Байсары батыра. Каракалпаки также готовились к этой битве и в несметном количестве двинулись навстречу киргизам. В те времена обе враждующие стороны старались занять прежде противника повыше холм на месте битвы. Как бы по условию намечался холм. Занятие намеченного холма ранее противника служило предзнаменованием того, что победа останется за обладателем его. Так и тут. Обе стороны во всю прыть бросились по направлению одного бугра. Нуртай, братья Косназар и Ешназар в числе около 60 батыров далеко выделились вперед от своего полчища и прежде заняли холм, но Байсара-батыр, проскакал мимо холма, остановился между 60 батырами и остальными хивинцами и таким образом совершенно отрезал их от главного полчища. Почти вся масса киргизов нахлынула на отрезанных батыров и стала уничтожать их.

Нуртаю и ранее были известны превосходные боевые качества и изворотливый ум Байсары-батыра, и он, проговорив: «Да прославится мое имя бегством», бросился на своем скакуне Ак кус ат наутек. Видя бегущих своих главарей, все бесчисленное каракалпакское «войско» обратилось в... бегство, а киргизы, нагоняя, рубили, кололи их до тех пор, пока лошади не отказали служить. После этой победы мужской пол каракалпаков по Сыру, Яныдарье был перебит киргизами, а женский — разобран в жены и рабыни. Так гласит киргизская молва об очищении долин рек Сыра, ... и Яныдарьи каракалпаками.

П. Р. [1]

ОБРАЗЦЫ КИРГИЗСКОЙ ПОЭЗИИ В ПЕСНЯХ ЭПИЧЕСКОГО И ЛИРИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ, ПЕРЕЛОЖЕННЫХ В РУССКИЕ СТИХИ

I

Едва показавшись, ты скрылся от глаз,
И я лишь тогда оценила,
Насколько тебя, друг, любила.
Тоскуя в разлуки, постигнувшей нас,
Слагаю я песенку вновь
Про старую нашу любовь!

День ясный еще догореть не успел,
Как я, друг, с тобою рассталась,
А сердце уже стосковалось,
И взор мой влюбленный вослед все глядел,
Знать, свыклась душой я с тобой,
Что горькие слезы катятся рекой!

И все перед взором твой образ стоит,
И слышится говор любовный;
Упорно гляжу по дороге я ровной;
Устану тоскливо глядеть — и облит
Слезами платок твой: его
Целую в тоске я тогда одного.
Мой милый, так вот как теперь я томлюсь!
На свете едва ли другою
Любимым ты будешь, как мною;
Безумно, как бабочка, к свету стремлюсь,
Чтобы, как она, может быть,
Обжечься огнем и себя погубить.

II

Путь жизни извилист, путь жизни неверен:
Изменит лишь счастье, ни в чем не везет!
Счастливый, однако, бывает уверен,

Что горе к нему никогда не придет!
 Так конь плоховатый подкормлен овсом,
 Упрямо дурит под своим седоком.
 Лишь глупое счастье спиной повернется,
 И самый разумный собьется с пути;
 А очередь бедствий как только начнется,
 Так в жизни каких уж нам бед не найти!
 Но, дух мой, на Бога надеясь, терпи:
 Уныньем от горя себя не спаси!

III

Каратау

*(Песнь о перекочевке по случаю неурожая трав
 в кормежных стоянках)*

С горы Кара-Тау идут караваны:
 То, зная, перемена киргизской кочевки;
 Верблюдов грузить молодых еще рано:
 Нет клади на спинах, в носах нет веревки!
 Тяжка нам разлука с родными, с семьею,
 И жжет наши очи слеза за слезою.
 И как нам назвать это время? Ужасно,
 Что всякий лишь прошлое счастье знает!
 Погода к тому же буранна, ненастна,
 И пыль, и песок нам пути заматают.
 Для нас непогодье теперь будет хуже,
 Чем в зимнее время январская стужа.

В какую ж живем мы тяжелую пору!
 Вернется ль когда к нам прошедшее счастье,
 Все семьи в разброд, и в детях опоры
 Родители больше не видят, к несчастью!
 Там мать, там отец без детей остаются,
 И слезы рекою все льются да льются!

Увы, сколько бедствий послал ты нам, Боже,
 В гневе своем! И земля, что нам к ночи
 Постель заменяет, не мягкое ложе.
 Лежать ночью больно, идти днем нет мочи:
 Подошвы распухли, хоть в степи и гладко.
 Хотя бы плохую послал Бог лошадку!

IV

В сердце храню я предмет обожания!
Боже, страданий не знает никто!
С милым рассталась я против желанья,
Горято сколько мне, горя за то!

Черные тучи висят надо мною;
Много надежды на Бога у нас!
Боже, за что же, как чудо какое,
Скрылись и радость, и счастье за раз.

В сердце тоска все полнее, полнее:
Дум о разлуке не знала ведь я!
Горем, какого нет в мире сильнее,
Пусть вдохновляется песня моя!

Прошлое счастье я в ней вспоминаю:
Думы в минувшую даль все манят;
Есть ли другой кто на свете, не знаю,
В ком столько скорби он пробудит!

V

Круглоокая, к тебе
Страстью я пылаю:
День и ночь томлюсь, себе
Радости не знаю.

Взглядом и одним твоим
Был пленен душою;
Нет сравнения другим
Девичам с тобою.

Страсть бушующей крови
Ты уймешь, наверно;
Коль другому ты в любви
Не клялась быть верной.

Помни, впрочем, что и я
Не корабль тонущий,

Без одной только тебя
Жить уж не могуций.

Не упрямыя ж, в час иной
Берегись, чтоб разом
Не нашел тебя дурной
Отрезвленный разум.

VI

Песня Шалкииза хану Битемиру⁹

Тучи в небе мрачно ходят,
Близкой бури признак то;
Лебеди в озерах бродят,
Песню слезную заводят,
Точно их обидел кто!

В многочисленном собрании
Чей-то слышен горький стон;
Раздаются там рыдания,
Словно кто на поруганье
Там народом обречен.

С горделивою осанкой,
Как арабский конь гнедой,
Иль как меч с золотой чеканкой,
Испаганскою приманкой,
Ты блестяшь передо мной.

Что б невежды ни твердили,
Таковы слова мои.
Мы в Каабу не ходили,
Нам Каабу заменили
Очи светлые твои!

---

⁹ По киргизским сказаниям, сохранившимся в Букеевской орде, Битемир был сын хана Эдигея и славился мудрым своим правлением. Под старость ему вздумалось предпринять путешествие в Мекку, на поклонение Каабе. Народ всячески умолял хана отказаться от этой поездки, но безуспешно. Тогда обратились к посредству певца Шалкииза, находившегося в опале у хана, благодаря проискам врагов, но славившегося своим поэтическим даром. Тот явился перед ханом во время пира и экспромтом пропел ему эту песню, после чего хан снова приблизил его к себе, а от путешествия в Мекку отказался.

Если б мог я, чашу меда,—
В чистом золоте янтарь —
Здесь тебе, султан, у входа,
Преподнес бы от народа,
Будто жертву на алтарь.

Твой покорный раб, готов я,
Как верховый конь, служит,
Лучше тех, без прекословья,
Что своею ты любовью
Здесь изволил наградить.

Тех избранников я ниже
Был поставлен, хан, тобой;
Неужели ж, раз обижен,
Вновь не буду я приближен
Вровень с избранной толпой?

Если так, то на верблюда
Вздев походный свой мешок,
Я пойду бродить повсюду,
Может, где в дали добуду
Счастья скромный уголок.

Коль Господь того захочет,
Может малая река,
Что по нитке воду точит
И колена не замочит,
Стать, как море, велика.

Где когда-то по Идилю¹⁰
И тальник расти не мог,
Там теперь деревья в силе,
Разветвляясь, берег скрыли,—
Значит, так хотел сам Бог!

Пусть бы я в борьбе с тобою
Оказался равных сил;
Все же я тебя не стою,

---

¹⁰ Волга.

Потому что надо мною
Бог тебя установил.

Если деревце при восходе
Защитит ветвистый кров,
То и слабый по природе
Отпрыск крепнет на свободе
И сам ветви дать готов.

Для связей со знатным родом
Можно счет забыть деньгам,
Рано ль, поздно ль, пред народом,
Тот, кто силен знатным родом,
Пригодиться может нам.

Бережет кора растенья,
А кольчуга нашу грудь;
Тех, кто силен был в сраженьи,
Не оставь в пренебреженьи
И героев не забудь!

Если ж доблестным презренье
Ты оказывать привык,
Берегись, чтоб в затрудненьи
Не пришлось бы с сожаленьем
Вспоминать тебе о них.

Слуг искусных, быстрых, верных
Запасай на всякий день,
От которых бы примерно
Средь равнин степей безмерных
Не укрылся и слепень!

С силачами не по силе
Берегись в борьбу вступать,
Чтоб тебя не поносили,
Злой насмешкой не клеймили
И не стали оскорблять.

Враг с умом нам лучше друга
Без ума — ты знаешь сам:

Осторожность и кольчуга,
От врага спасут, — от друга
Кто спастись поможет нам?

Стрел нельзя над головою
Вверх метать, не то потом
Упадут перед тобою.

Так и тайной никакою
Не делись ты с дураком.

В дни суровых испытаний
Друг такой изменит сам,
Добрых много здесь в собраньи,
Но и злые есть: желанья
Не у всех на благо нам.

Ты меж них — как чисто злато,
Я — как медь перед тобой;
Я — руно, ты — шелк богатый,
Ты — султан, я — раб в плен взятый,
Ты — сокол, я — лебедь твой!

Он, когда бы было надо
Хану голод утолять,
Не надеясь на награду,
Сердце собственное сряду
Хану в пищу рад отдать!

Враг мне всякий недруг хана;
Чтобы счастлив был мой хан,
Я себя щадить не стану...
Но ты белого барана
В жертву уж принес, султан!

Флагом пестрым в синем море
Вон — корабль твой уж убран,
Нагрузишь его ты вскоре,
Поплывешь ты, нам на горе,
В Божий храм, Каабу, хан!

И исполнится желанье,
Раз возникшее в тебе,
И святым местам лобзанье
Передашь ты с упованьем
В сердца искренней мольбе.

Но пока все это будет,
Как султан наш повелит,
Он народ свой позабудет,
На сиротство нас осудит
Иль другим препоручит.

Все мольбы и плач народа,
Петли, что на шеях тут
У старшин седобородых¹¹.
Старцев вопль ужели хода
К сердцу хана не найдет?

На рыдания осуждаешь
Седовласых ты старшин;
Об отъезде заставляешь
Плакать всех; народ бросаешь,
Будто с яру, властелин!

Все разлуку предвещает:
И та белая овца,
Что для жертвы выбирают,
И корабль, что надувает
Перед нами паруса.
Море синее уж серым,
Начало казаться нам;
А листам бумаги белым
Ты штрихом чернила смелым
Все искусно передал.

Ну, а, Бог храни, из похода
Не вернешься ты к друзьям, —
Твоего не только рода,
Но всего ведь уж народа

---

¹¹ Знак усиленной мольбы.

Общий вопль готовишь нам!
Знатный род твой славят люди,
Ты делами знаменит
Доброты и правосудья;
На тебе, как на верблюде
В косяк, покой лежит.

Без тебя же все потонет,
Словно плот дубовых плах;
Бестолковый люд застонет,
Сонм невежд главы преклонит,
Растрявшись впопыхах.

И когда о том уроне
Людам весть лишь подадут,
Все они, клянусь, как кони
Без кобыл, в глухом загоне,
Бесполезно пропадут.

Все ж, счастливаго похода
Я тебе желаю, хан!
Но мудрей тебя народу
Не найдется воевода,
Не отыщется султан!

Да, в правленье Битемира
Стал могучим наш народ;
Но когда во власть Тебира¹²
Перейдет его секира,
Он погибель в том найдет!

Разлетится в прах та сила,
Что нагайцам до сих пор
Птицу с неба приносила,
Кости вражия крушила
И с зверей давала сбор.

Свил гнездо грознее тучи
Здесь, над озером степным,

---

¹² Младший брат Битемира.

Лебединый царь могучий;
Девять там птенцов летучих
Было выведено им¹³.
Лебедей озерных стаи
Покоряются ему!
Белый сокол мой, я знаю,
Ты ведь царь родному краю
И народу своему!

Что Тебиру до народа?
Что тебе до тех людей,
До того слепого сброда,
Что не ценит славы рода
И красы души твоей?

Ты один — хозяин краю;
Что тебе Тебир урод?
В битве он бессилен, знаю;
Тростниковой дудки, чаю,
Он ударом не погнет.

Мышелову не угнаться
За лебедкой на воде;
Так с тобой нельзя сравняться
Твоему меньшому братцу:
Не чета Тебир тебе!

Да, не люб Тебир киргизам;
С ними справиться ль ему?
Для меня, для Шалкииза,
Так высок твой род, что сизый
Не взлетит орел к нему.

Но, увы, коль Битемира
У киргиз отнимет рок,
Сгинет с ним все счастье мира,
И, как корень под секирой,
Изобилья треснет рог!

---

¹³ Сыновья Битемира.

Да и я ль один так мыслю?
Собирал я мудрецов,
Чтобы в истинность той мысли
Мне поверить в полном смысле,
И ответ их вот каков:
«Храм святой Каабы Богу
Авраам соорудил;
Дух строителя святого
Принял в область неземного
Ангел смерти Гавриил.
О, султан, и ты всегда бы
Здесь тот храм воздвигнуть мог:
Помощь серым, бедным, слабым,
Вот какой себе Каабы
От тебя твой хочет Бог!»

VII

Песнь о временах владычества коканцев¹⁴

Приветствие хану, виновнику счастья!
Вернейший твой раб здесь стоит пред тобой;
Он жалобу скорби на злое несчастье,
Постигшее всех нас, приносит с собой!

О, выслушай, хан мой, его ты прошение:
В нем чистая правда, не гнусная ложь,
Он даст тебе голову на отсечение,
Коль живое слово ты в просьбе найдешь.

Посланник твой, присланный в наши аулы,
Закетчи* Жузбай нас тиранит совсем:
В народе рыдания слышны огулом,
И страх овладел населением всем!

Дадан Каратымерец, вместе с Жузбаем,
И свиты их до сорока человек:
Шанмурун, посла секретарь, с негодяем,
Отъявленным плутом, прозваньем Тулег,

¹⁴ Обращение неизвестного певца к коканскому хану от имени киргиз.

Все кормят коней своих даром повсюду,
В торбу засыпая до верху овес;
Сбирают зекеты¹⁵ с домашней посуды,
Кеусен¹⁶ собирают на нивах с полос.
Особым зекетом снопы обложили!
Найманы¹⁷ бедняги в окрестных степях
Молчат поневоле, чтоб их не убили,
И делают все, что прикажут, за страх!

Зекетчи тиранствуют слишком раздольно:
Не смеет никто им ни в чем отказать;
Киргизы несчастные, как им ни больно,
Должны все смиренно сносить и молчать.

Кто рот лишь откроет, того они вяжут,
Управы на них для киргиза нигде:
Хотя бы он делал все, что ни прикажут,
Они ненасытны в грабежной вражде.

Лишь хохот, — в ответ на все наши рыданья;
Насилуют наших красавиц они;

Старух, стариков предают поруганью;
Почетнейших доля — побои одни!

Нет меры их буйству и злему разбою;
Когда бы не страх, о султан-властелин,
Сказал бы я много, но и пред тобою
Не смею всего я сказать, господин!

VIII

Вот четвертое посланье
Мною шлетя, милый мой!
Долго я томлюсь разлукой
И сердечною тоской.

¹⁵ Подать.

¹⁶ Обычай — дарить приходящих во время молотбы хлебом, обращенный коканцами в обязательный взнос в пользу хана с каждой нивы.

¹⁷ Сырдарьинские киргизы.

Сон далек от глаз при мысли,
Что уж счастье для нас,
Как мираж неуловимый,
Промелькнуло лишь на час.

Думы гнетом над душою;
В сердце лишь любовь моя;
Как дух злобы безнадежный,
Безутешна в жизни я!

Страшно вспомнить, как обласкан
Мной ошибкой был другой
Честь погибла безвозвратно,
И погиб с ней мой покой,

О, зачем тем ласкам, милый,
Отдавал не ты себя?
Так ласкать неуждержимо
Можно было, лишь любя.

Много жалоб слезных другу
Было мной принесено,
Клятв готовности на жертвы
Много мной повторено.

И в безумьи страсти жадной
В мыслях видя лишь тебя,
Я, обманута жестоко,
Погубила лишь себя.

Верно Бог внушил мне чувство
Той любви, что все растет;
Пусть, коль чувство не взаимно,
Бог назад его возьмет.

Страсть в себе как погашу я?
Будь верна твоя любовь,
За один остаток счастья
Я страдать готова вновь.

О, когда б мечты свершились!
За свиданье — жизнь отдам,
Как Хануза¹⁸, но моим ты
Верить станешь ли словам?

Что со мной, никто не знает;
Вздох теснит и давит грудь;
Мне Ляйли—Мяжнун безумной
Неужли готовишь путь?

Не хочу такой я доли,
Хоть об ней здесь речь веду;
Дай мне раз себя увидеть,
Прежде чем с ума сойду.

Я не верю, чтоб хотел ты
Видеть, как я целый свет
Полуумной Шахизатой
Исхожу тебе во след.

День наступит ли свиданья
Чахну с думы вечной я,
Больших жертв, о друг жестокий,
Хочешь, что ли, от меня?

Коль не любишь, что мне делать?
Горе мыкать без конца
И лобзать лишь в сонных грезах
Образ милого лица?

Шлю поклон тебе сердечный
И горячих чувств привет!
Милый, ты один лишь в сердце,
И другим там места нет.

Сердцу все в тебе так мило,
Что нет мысли о другом.

---

¹⁸ Хануза, по киргизским преданиям, умерла, а Ляйли—Мяжнун и Шихизата сошли с ума от несчастной любви.

Раз еще тебя увидеть —
Вот мечтаю я о чем.

Что ж меня ты так терзашь?
Кто другой теперь мне мил?
Без любви коль жить на свете,
Станет самый свет постыл.

Мой удел — тоска-кручина,
В самом сне ты все со мной;
Без тебя на троне царском
Я стоскуюсь, милый мой!

Ах, зачем, меня встревожа,
Ты исчез, как сладкий сон?
Отвечай же непременно
На последний мой поклон.

Промелькнув передо мною,
Ты забыл, мне клялся в чем,
Но когда ты благороден,
Не болтай хотя о том.

IX

Точно волны в море, вьется
Прядь густых твоих кудрей,
И огнем палящим жжется
Взор бриллиантовых очей!

Словно месяц новолунья
Изогнулась бровь твоя,
Лоб рукой не заслону я —
В четверть будь ладонь моя!

Ярче роз твоя ланита,
И ты вся светлее дня!
Стан твой гибок, как ракета,
Гурьей создал Бог тебя!

Будто ровных перлов нитка,
Зубы белы и крепки

И осенний снег, поди-т-ка,
 Не белей твоей руки.
 А от слов, что вылетают
 Из прелестных уст твоих,
 Боли сердца утихают
 У людей, душой больных.

Алой розою пылают
 Щеки белыя твои,
 Кудри черныя скрывают
 Их в густой своей тени.

Слов, тобой произнесенных
 След всегда в душе глубок,
 И звучит, как в рощах темных,
 Соловьиный голосок.

Кто с тобою сладострастье
 Делит, счастливо любя,
 Тот какого еще счастья
 Ждет на небе для себя?

Х

Привольно в степях Учкундынских скоту!
 Тоска же людей вызывает в них плач
 Между Ахмамом¹⁹ и Надмаздигером²⁰
 Думы волнуют девичью мечту,
 Страх сторожить души дев, как палач,
 Чего не приходит тут в голову девам!

ХI

Ты — мой бархат многоценный,
 В шестьдесят рублей аршин!
 С грудью ровно треть саженой!
 Шея — стебель яблонин!
 Чудновекая, с тобою
 Сотни б раз я побывал,

¹⁹ Молитвы до и после заката солнца.

²⁰ Молитвы до и после заката солнца.

Если б с телом и душою
Мне Господь и крылья дал!

XII

На Аксаре Джаксыбая²¹
Мой аул теперь стоит.
Коль глупца я принимаю,
Верно он меня корит.
Что я плохо угощаю.

Но ведь умный гость не станет
За плохой обед бранить;
Ест охотно, что застанет,
Надо лишь уметь почтить:
Он почета цену знает.

Будто лебедь над волною,
На кошму облокотясь,
И к решетке сев спиною,
Я, бывало, прислонясь,
Так доволен сам собою!

XIII

Пред кибиткою моею
Круглой рощи манит тень;
С милым весело под нею
Сердцу, сытому весь день.

На седле чуть видном сидя,
С неприметным потничком,
Как стрела в степи, он виден
Мне над серым бегунком.

XIV

Боже правый, никаких
Нет мне средств от благ земных
В этой жизни отказать.

---

²¹ Урочище.

Дай же мне ты их хоть так,
 Чтоб меня богач дурак
 Не заставил унижаться.

Боже праведный, мольбу
 Ты исполни и рабу
 Своему не шли ты горя!

Ты, как всемогущий Бог,
 Все создать бы снова мог,
 Хоть из золота нагорья!

Так пошли же блага мне,
 Чтоб я мог помочь семье,
 Чтоб поклонов у порога

Богача глупца не бить;
 Кто мне может пособить,
 Кроме Бога всеблагого!

XV

Певица Болык и певец Илентай²²

(Диалог)

Б о л ы к
 О славный в песнях Илентай,
 Певец, от Бога одаренный,
 Прошу тебя, ответ мне дай:
 В природе, Богом сотворенной,
 Что, вышней волею Его,
 Явилось ранее всего?

И л е н т а й
 Болык, известны мне давно
 Твои заветные все тайны,
 И, как мои, звучат равно
 Твои все песни — не случайно.

²² Подобные песни называются у киргиз Каим — состязание и поются всегда экспромптом перед толпой слушателей, которые решают, кому из состязующихся отдать преимущество.

— Первосозданье, слышал я
От мудрых, — небо и земля.

Б о л ы к
Всего не спросишь, Илентай,
И нет того, кто б знал то время;
Но ты певец, так отвечай,
Певцу ль в ответе видеть бремя!
И так, скажи, как это мог
Создать с землей и небо Бог?

И л е н т а й
Созданье первое — земля,
Мир целый — людям в заселенье:
Затем Господь струе огня
Расплавить камни дал веленье,
И неба изумрудный кров
Он в девять выслоил рядов.

Б о л ы к
Складно ответил, Илентай,
Задам вопрос теперь я новый,
И ты мне в песне отвечай:
Коль мироздания обновой
Была земля, то как она
В пространстве том утверждена?

И л е н т а й
Сначала песню лишь, Болок,
Пропеть просила ты меня;
Но и к вопросам я привык,
Их не боюсь вовсе я:
— По воле Бога, шар земной
Рогами держит бык седой.

Б о л ы к
Искусен твой теперь ответ:
В нем видно все твое уменье.
Теперь я знаю, чем наш свет
Поддержан, в этом нет сомненья!
Но, если так, то бык-то сам
На чем держаться может там?

И л е н т а й

Где воля Бога, там всегда
Бывает все уже возможно.
Тот бык, которого рога
Подпорой служат нам надежной,
На камне черном сам стоит,
А камень тверд тот, как гранит.

Б о л ы к

Неужто это ты умом
Постиг? Под ношею такою,
Всегда поддержанной быком,
Рога устать должны порою?
Да черный камень-то велик,
На коем тот поставлен бык?

И л е н т а й

Того познать нам не дал Бог,
Ученых нету между нами.
Но, слышно, океан облег
Своими землю всю водами.
А камень так огромен тот,
Что меру кто ж ему найдет?

Б о л ы к

Ты так находчив, Илентай,
В ответах, что тебя прошу я,
Еще один ответ мне дай,
На тот вопрос, что предложу я:
Коль камень тот неизмерим,
То что ж под камнем-то самим?

И л е н т а й

Господня сила велика,
Ничто ему не невозможно,
И камень, держащий быка,
Лежит, за чудо счесть то можно,
У рыбы на спинном хребте!
Но мы коснулись позабыли
Луны и солнца, хоть и те
Для нас же созданы ведь были...

А как огромна рыба та,
Спиной что держит камень черный,

Суди сама ты: от хвоста
До головы сокол проворный
Летел, как из лука стрела,
И долететь не мог в три года!
Поддержкой рыбе той — вода
И пар особенного рода...

Вот каково от предков к нам
Дошло старинное преданье;
Всего ж того не видел сам
Никто от самого созданья!

Б о л ы к
Откуда все это узнал ты, дивлюсь,
Дивятся и все здесь в собраньи;
То правда ли, нет ли, решить не берусь,
Загадку ж ты мне разгадай на прощанье:

«В поле деревце, на нем
Всех двенадцать веток.
И на каждой-то притом
Тридцать листьев-деток;
А листочки те двойной
Каждый цвет имеют:
Сверху блещут белизной,
А внизу чернеют».

И л е н т а й
Отгадать могу я верно:
Дерево то — это год,
Ветки ж — месяцы, примерно,
Тридцать листьев — суток счет;
А их обе стороны —
Значит, день и ночь должны!

XVI Песня о Кенесаре

Перлы многоценные,
 Зерна жемчугов,
 Сирым были верные
 И приют, и кров.
 Вот их родословная!
 Наурузбай и с ним Кенесара²³
 Хана Аблая родные то дети;
 Распря народа причиной была,
 Что на чужбине они в этом свете.
 Вон кузнецы за щипцами пошли,
 Молот с собою они прихватили...
 Хана киргизы²⁴ Кене оскорбили
 Думы о мести, как тучи, нашли
 На душу Хана — Кене; через Или²⁵
 К верхним Дулатовцам он перешел,
 С ними в союзе искал он отмщенья,
 Но у Дулатовцев Хан не нашел
 Даже приюта для отдохновенья.
 Кони так дикие путы свои
 Рвут, когда ищут лишь освобожденья,
 Так и Дулатовцы: рвали они
 Узы тогда своего уваженья.

Осень наступила.
 Полон злобой мести,
 Хан собрался с силой,
 И с отрядом вместе,
 Сквозь бурьян густой,
 Пробрался он к бору
 Чунгур и, в бой

²³ Имя Наурузбай произносится в этих стихах в четыре, как здесь, или же в три слога; в первом случае ставится над буквой *у* двоеточие, а во втором краткий знак. Имя Кенесара заменяется в подлиннике часто сокращенными: Кене и Кенекем; тоже сделано и в переводе.

²⁴ Под именем «киргиз» в переводе везде понимаются киргизы дикокаменные; те же, у которых сложилась эта песня, везде называются здесь «кайсаками», как они и сами себя называют.

²⁵ Река.

Там вступивши, скоро
Кушчинское племя
Он разбил в Чунгуре,
Взявши в то же время,
После бранной бури,
В плен вождя иль хана
Их Калчу. И вот
Шлют два каравана
С выкупом: идет
Поезд нагруженный
Верблюдов, с казной,
И верблюд отборный
С девицей красой
И ея утавом²⁶...

Было перо криво,
Стало оно прямо!

Послано судьбой
Счастье Кене-хану

И толпой густой,
От границ Кокана,

Дулатовцев рой
Собрался вокруг хана.

Баюзак, Мамбета
Сын и Медеу,
С Балгоджей — все это
Храбрецы в бою!

Все эти союзники хану слово дали
И разить врагов с ним вместе обещали.

Сверху вниз так воды
Падают по склону.
Кольца их кольчуги
Ратным оборона.

---

²⁶ Новая кибитка, ставящаяся для новобрачных.

Дулатовцев, орды, те,
Помогли Кене
И за помощь, ласково
Приваты они.

Крылья орлы распустили,
Взяли с народа наряд;
Хану они подчинили
Свой многолюдный отряд.
Восемь сотен всадников,
Выступив в поход,
Поразили ратников
У Аксуских вод.

Наурузбай подвиг тут
Славный совершил

И четыре цепи вдруг
У врагов пробил.
Славою и честью
Он себя покрыл!

Девушек рыдающих
Роздал он бойцам,
Но скота отбитого
Не коснулся сам.

Не велел слугам
Он скота касаться,
Чтобы тем врагам
Лучшим показаться

И привлечь без бою
Всех их за собою.

А Кене хан всех пленил их
Так одним умом своим,
Что, как вновь поход предпринял,
На призыв его из них
Ни один не отказался
И в сопутники ему

Всяк охотно вызывался
Уж как к хану своему.

И с низовьев Баюзак
Прибыл, ради сечи,
С Кенесарой мудрым он
Был доволен встречей,
А с Наурузбаем,
Как велит обычай,
Он делился вместе
Всякою добычей.

Тысяч в двенадцать нагрянул отряд
И разгромил все аулы,
Что по шести горным речкам сидят.

Пушек широкая дула
Через перевалы они провезли
Там, где в ущельях горы Алатау
Не перейти было даже Аблаю.

И повсюду прилетая
И Кене, и Наурузбая
Прогремела слава: знать,
Стали предков затмевать!

Недоступные Аблаю
Перевалы Кене хан

Перейти теперь желая,
В горы двинул караван.

Но враги не пропускали;
До полудня длился бой,
Все кайсаки верх не брали.
По долинам пыль столбом
К Карабалтах и Суклык,
Так что не один джигит
Был от знамени отбит.
И киргизы, и кайсаки
Бились в той упорной драке,

Овладеть стремясь одной
Узкой горною тропой.
Тщетны были все усилья,
А врагов несметна рать,
И бойцы, их не осила,
Стали головы терять.

Были недоступны эти перевалы
Даже и Аблаю, но Кене решил:
Должно одолеть их и во чтоб ни стало
Сил своих на это он не пощадил.

Но киргиз несметных
Стойко стала рать,
Чтоб от мест заветных
Уж не отступить.

Не жалея жизни и своих голов,
Всякий умирать тут был из них готов.

Выстрелами снизу
Сбить их попытались,
Но с вершин киргизы
Выстрелам смеялись...

Полный гнева, хан Кене
Двух верблюдов рядом
Положить велел; к спине
Пушки им с зарядом
Прислонил — и в рать
Вражью стал стрелять:

Но не страшны были
Выстрелы врагам:
Ядра в горы били,
По одним скалам.

Помощь дай, покойный
Хана дед, Аблай!
Помощь дай всесильный
Ты ему, Алла,

Чтобы по желанью
Совершить дела!

Был тут в ханском стане
Год уже другой
Вожаком при хане
Бугабай косой.

И, остановившись,
Крикнул Наурузбай,
Как бы спохватившись:
«Где наш Бугабай?»

«Бугабай, обидно!
Помоги же нам!
Средство тебе видно —
Год уже, как сам,

Ты с отрядом ходишь
Всем трем Алашам²⁷
Ты пути находишь!

Не могу одолеть я тропинки одной,
Нас на ней закидали камнями,
Потерпел много здесь я от битвы такой,
Не пробить мне преград с кайсаками!

И все средства свои я почти истощил;
Коль умрем, Бугабай, мы в сраженьи,
Берегись ты в душе сокрушенья!
А сегодня меня должен ты довести
Вон по этой горе до заката
В стан врага, чтобы мог я и копья ввести
В это дело, ему на расплату.

Бугабай тогда промолвил —
Ну, и что же: он сказал?
— Отделить отряд, — он молвил: —

---

²⁷ Алаш, по преданию, общий родоначальник всех киргиз-кайсаков; от трех сыновей его происходят три орды: старшая, средняя и меньшая.

Если б хан вам приказал,
Я бы мог и указал
Вам бы, помощью Бога,
Как туда найти дорогу,

Только б было мной на то
Разрешение взято!»

Вы наглазники снимите,
Мне тогда и самого
На преграды те пустите
С дозволения его!»

Хоть владею невеликой
Силой я, Наурузбай,
И разить врага я пикой
Не могу, но только дай
Мне приказ, и я дорогу
Вам готов открыть всегда,
Чтоб избавлену быть Богом
От напрасного стыда!»

Как только кончил Бугабай,
Его тотчас повел с собой
Пред хана, твердого душой,
Пред Кене-хана Наурузбай.

Привожу я башчу²⁸
Бугабая с собой:
Храбрый он, и хочу
Вместе с ним идти в бой,

Чем стоять пред укрепленьем,
Как пред каменной стеной!
Кенеке, дай позволение,
И пусть тридцать молодцов
Отделятся — и к сраженью
Я вести их всех готов.

---

²⁸ Вожатый.

Мы взберемся на вершины,
Ты ж любуйся из долины,
Как работать мы начнем
Четырехгранным копьем²⁹,
Как стрелою смертоносной.
Будь одеждой броненосной
Вражья грудь ограждена,
Не спасет его она!»

Бугабай прибавил слово
Коли мне дозволишь, хан,
То к походу все готово
И идти готов я сам».

Да, — Кене-хан отвечает:
Отомстить своим врагам
Мы должны: пусть выступает
Бугабай — вожак он нам —

Если раз он обещает,
То возьми ты сотни три,
И отряд пусть выступает
К месту раньше, до зари.

Наурузбай прибавляет:
«Коль Господь Всевышний нам
Допустить лишь пожелает,
Отомщу киргизам сам
Я за все те оскорбленья,
Что за прошлый вынес год;
Но три сотни ополченья
Наурузбай не возьмет.
Да и не к чему нам столько
Брать товарищей: они
Нам известны; знаем, сколько
Все в борьбе закалены.
Места мало здесь сразиться
Нам такой толпой: кругом
Не равнины; можно биться
«Лишь в числе здесь небольшом.

---

²⁹ Метательным.

Тридцать всадников хочу я
Взять с собой, а труд борьбы
Облегчить нам всем молю я
Покровителя судьбы!»

Речь такую Наурузбая
Тут одобрил Кене-хан
И забыл, ему внимая
Об опасностях Найан³⁰.

Он от хана дозволенье
Получил и отобрал
Многоопытных в сраженье
Молодцов; на их закал
Можно было положиться:
Как булат, тверды они
И об камни притупиться
Никогда бы не могли.

Тридцать выступило их,
Всех джигитов удалых.
Во главе пошел у них
Бугабай башча, чтоб трудный
Путь-дорогу показать
И киргизов безрассудных
По заслугам наказать.

Летние кочевки наши Сырдалы,
Зимние стоянки наши Каргалы!

Наурузбай отделился,
Как ему дозволил хан,
И к горе, где укрепился
Неприятель, сквозь бурьян
Он с отрядом устремился.

Хан Кене, оставшись сам,
У подножья, дал велье
Больше уж не биться там

---

³⁰ Уменьшительное от Наурузбай.

Только из за овладенья
Старым лишь одним путем,
А стремиться проложить
Новый путь, и, всех собравши,
Хан Кене стал говорить.
Что ж сказал он, речь начавши?

«Алатауские долины
Пылью крыты от копыт;
Словно бора исполины,
Стан соратников стоит.
Вот Кокан, а вон Россия,
Тех и этих города.
Кто бы мог, скажу, в степи я
Здесь обидеть кайсака,
Если б мы все дружны были,
Мы все, дети кайсаков?
Если б поводу послушны,
Хана слушали мы слов?
Пусть бы камень малый, с чашу,
Каждый с места своротил, —
И себе дорогу нашу
Весь отряд бы проложил».

Байзак-датка³¹ тут же бывший,
Смысл тех слов уразумел
И, от хана отступивши,
К землякам он подлетел.
Байзак, — он сказал дружине:
Говорить, внимайте мне:
Зимний путь проторен ныне
От разбездов по зиме.
По Алатау долинам,
Ровно бор густой, Дулат³²
Ханским спутник стал дружинам.
Хан желает, чтоб отряд
Перешел те перевалы.
Что Аблай не одолел

³¹ Байзак-датка. Ударения изменены для размера.

³² Вм. дулатовцы.

И горами теми, стало,
Чтобы хан наш овладел.
И хотя с таким решением
Хан пришел, но перейти
Гор не мог и с посрамленьем
Был бы вынужден уйти.
Хан Кене желает, чтобы
Новый путь был проложен
И тогда уже легко бы
Овладел Кумбилем он.
Сил жалеть теперь не надо
Вам, товарищи, коль хан
Через гранитные преграды
Путь указывает нам.
Кто посмеет, хану веря,
Здесь послушаться его?»

И стегнул Байзак Бедеря,
Скакуна тут своего,
И сам первый он из стремя
Ногу вынул, в то же время
Соскочив совсем с него.

Всех собой одушевляя,
Камень взял Байзак с земли,
И, Байзаку подражая,
Хан и все с коней сошли.

Было совестно остаться
Им теперь на лошадях
И хотя за камни братья
Не пришлось, но оставаться
Не желали на конях.
Вдруг послышался в горах
Шум, и будто бы в тумане
Пар спускался в облаках,
Но тот шум во вражьем стане,
Что туманом опускался,
Дым ружейный оказался,

И со знаменем зеленым
Наурузбай явился там,

Тридцати волкам матерым
Предводительствуя сам.

Так и встретились с врагами:
Мы внизу, они над нами.

И к твердыне укрепленной
Храбрый витязь Наурузбай
Уж донесся; конь хваленый
Был под ним на тот случай
В дар предложенный Джанзаком
Кок-Донен; ворвался он
В самый центр врага в атаку,
Где горы восточный склон,
Как огонь, в бою пылая,
И, как он, все пожирая,

Наурузбай на Кокдонен
— Белый плат на голове —
Как *куян*³³, увертлив в беге,
К вражьей ринулся толпе.
Лишь заметил нападение
Хан Кене, — не утерпел
И, сгорая жаждой мщенья,
Уж спокойно не сидел,
И хоть труден путь был в гору,
Духа силы не снесли:
Лишь мелькнули перед взором
Вражьих выстрелов огни.
Въехал Наурузбай с востока,
Чтоб в засаде переждать,
Не стерпел Кене-хан: скоком
Он коня стал в гору гнать.
Но недалеко, как из лука

Пролетит когда стрела,
Проскакал он, — вдруг подпруга
Пополам, и из седла
На земь вместе с ним валится
С кукбурула хан коня.

---

³³ Заяц.

А в душе Кене стремится
Как бы за горы прогнать
Всех киргиз, Кумбиль занят
И самим в нем укрепиться.
Вон из вражеского стана
Наурузбай летит верхом
На глазах теперь у хана
С окровавленным копьем.

Как стерпеть Кене при виде
Наурузбая в беде
И, его опасность видя,
Позабыл хан о себе.

На седло не обращая
Уж вниманья, продолжал
Он тянуть чумбар³⁴, сжимая
Ручку сабли. Увидал
Остальной отряд, что боя
Уступать не хочет хан,
И со всех концов толпою
За султаном мчит султан.
Как бы разом спохватились

Иль очнулись ото сна,
Так вперед все устремились.
Никому на мысль не шла
К самому себе пощада...

И подошва гор покрылась
Ратью воинов; стремилась
Вся она врагов разит.
До двух тысяч, может быть,
На вершину уж поднялось,
А киргизские вожди,
Увидав, что развевалось
Знамя хана впереди,
Все спешат укрыться в горы,
И отчаянье нашло

---

³⁴ Повод.

На защитников в ту пору
Укрепления всего.

Плач и вой поднялся там
Где несчастным матерям
Был, приют и их детям,
Сыновьям и дочерям.

Хан Кене, меж тем, арканов
Сорок вместе навязал
И втащил, промеж бурьянов,
На телеге в перевал
Пушку снизу, где она
Им была оставлена.

Раз велел он из орудья
Поразить толпу врага
И рассеял многолюдье
Этих скопищ, а тогда,
Притянув телегу выше,
Научил, как направлять
То орудье, чтобы свьше
Во все стороны стрелять.

Горы, камни сотрясались
И, поднявшись до вершин,
Что Аблаю оказались
Недоступными, один
Кене-хан покрылся славой!
Наурузбай его правой
Был рукой и кайсаками,
И киргизами воспет
Храбрецом пред храбрецами,
Так что ровни ему нет!

Цепь стрелков спешат киргизы
Живо выставить вперед;
Ряд орудий тотчас снизу
Разом залп по ним дает.

Повалило на дорогу
Теми ядрами стрелков,

И скота по стану много
Уничтожено голов.

С залпом пушек все кайсаки,
Призывая Бога сил,
Разом ринулись к атаке,
И «Аблай» их криком был.

Тьмы бойцов, все с самкалами³⁵,
Сотни целия стрелков!

Вот, обставленный стрелками,
Хан-Кене объехал ров
И въезжает в укрепление...
Наурузбая ищет он.
Бросив на поле сраженья
Ружья, в бегство все стрелки
Обратились с укрепления.

Торжествуя, кайсаки
Даже золота не брали,
Попадавшего там,
И добычи не искали,
Только вишни собирали,
Что ветречались по горам,
Да молитву повторяли:
Аллагула, Аллагам!

На пути из укрепления
Видит хан: Наурузбай,
Бед наделав пораженьем,
Шесть десятков, почитай,
Лошадей, десятком боле
Верблюдов сбарантовал.
(А в другой раз он в неволю

Мать с ребеночком забрал.)
С тьмой самкалов, с сотней ружей,
Хан Кене как проезжал,

---

³⁵ Длинные фитильные ружья.

Наурузбай еще хуже
Свирепеть, чем прежде, стал.

До сих пор все ж осторожней
Был герой наш, а теперь
Не сдержал себя, и что же?
Все и вся разил, как зверь.

Он значок держал зеленый;
Засучивши рукава,
Видом дяди восхищенный,
Он к джигитам в обращенной
Речи вымолвил слова:
На высотах, заповедных
Для Аблая, Кенекем
Водрузил значок победный!
Неприлично же вам всем
Так бездействовать, джигитам,
И не выехать к полям,
Чтоб с врагом сразиться там.

Кенекем сюда к нам прибыл
Ради нас и вас, друзья,
Покажи ж, каким и ты был
Удальцем и не щадя
Живота, Курман. Таминец!
Нам окажет свой покров
Дед Аблай, нам всем родимец,
А Господь, единый Бог,
Всех желаний к исполненью
Да пошлет благословенье!

Вы, джигиты из Аргипцев,
Джауке и Тюлебай!
Да и ты, герой Табынцев
Покажись нам, Бухарбай!
И ружье стрелять не может,
Коль не вспыхнет порох тот,
Что стрелок на полку вложит;

И кольчуга нам оплот
Стали яркой от свинцовой

Пули, что ея не рвет,
Лишь до тех пор, пока новы
Эти кольца; утончит
Время их и тем доспехом
Грудь никто не защитит.

Трусоватый воин с спехом
Уступить готов врагам!
Вы игру вели с успехом
По Алатауским горам —

Молодцы! Но коль для битвы
Сил и ловкости своих
Мните не употребить вы
Здесь, то будете об них
Сожалеть, как возвратитесь
Каждый в свой родимый стан.
Если ж в битве отличитесь,
И доволен будет хан,
То дарю киргизок черных
Я по паре пленниц вам.
Тьмы тут всадников отборных
Счету нет их самкалам
И еще при них сто ружей!

Не задумываясь, ну же,
В дело! Кажется мне, вот,
Кенекем сюда ж идет.
Ну, а с ним кто ж удержаться
Сможет против удалцов?
Смелым натиском стараться,
Вы должны сразить врагов!

Алатауские долины
Пылью крыты от копыт,
И султаны-исполины
Ждут, что вот к ним поспешит
Дед Аблай, своим подмога,
И об этом молят Бога.

Всю добычу в этот раз
В лагерь переслали

И, исполнивши приказ,
Снова грабить стали

По аулам, а Аксов
Как игрушку срыли,
Хоть сто двадцать в ней домов
Выстроены были.

Восьмисотенным отрядом
Еще взяли крепостцу,
Чтоб ее разрушить сряду.
Хоть начальствовавшим там
Был киргиз батыр Имам.

Наурузбай и Кенесара
Не дают киргизам спать;
Часть киргиз от их удара
В горы бросилась бежать.
В недоступных горных скалах
Укрепились беглецы;
Хан Кене лишь разыскал их
(Донесли ему гонцы),

Тотчас шлет туда Ирджана
И четыре сотни с ним.

На другой день утром, рано,
Взяты ханом уж самим,
После жаркого сраженья,
Два киргизских укрепления:
И Мерке, и Аспару...
Нас двенадцать тысяч билось
На кровавом том пиру,

И всех больше приходилось
Все дулатовцев; в Мерке
Был правитель сарт Мадели.
На его аргамаке,
Акаузе, славном в деле,
Наурузбай все ездил: он
Был в подарок от Мадели
Наурузбаем получен.

Достигает слава Кене
Аспары и Буана!
И душа его победой
Над врагом восхищена!

Убежавшие с Чунгура,
После боя там в бору,
Зиму всю в верховьях Чуя
Крепость строили свою.

А когда на них войною
Хан войска повел с собою,

То в долинах Алатау
Войску тесно уже стало.
Хан дулатовцев направил
На врагов киргиз; на них
Зол он был, а из своих —
Было всех семнадцать тысяч —

Он две тысячи отправил,
Чтобы горный взять проход
Кекилик. Туманом пыльным
Доли Кзылсу и Самсу
Все покрылись; помощь сильный
Дед, Аблай-хан, тут ему
Оказал. С Наурузбаем,
Что вперед отряда шел,
Мы киргизов вдруг встречаем
С сыном храброго Каная,
Карибузом. И повел

Речь он тут Наурузбаю, —
Что ж ему он говорил?

«Наурузбай, тюр³⁶ отважный,
В чем меня твой хан винит
Кенесара? Все ль нам страшно
Ваша месть еще грозит?»

---

³⁶ Султан.

За былое оскорбленье
Неужли еще все вам
Мало кажется отмщенье?
Ты в бору Чунгуре сам
Поразил Кушчинцев племя
И вконец их разорил,
Хана их, Калчу, в то время
Ты связал, как захватил.
Разве было при Аблае,
Чтоб, тебе девиц давая,
Не брали калым; народ
Зиму всю ты только грабил,
Разорял; семей приплод
Ты в дележ пускал, ослабил,
Выгнал нас и все, издревле
Наши ты присвоил земли.
Было ль прежде иль когда,
Чтоб посланцев истязали,
Или смерти предавали?
А убить Джаманкара
Ведь тобою, поясницу
Ты всему народу тем
Как бы выломил, — десницу
Ты занес тогда затем,
Чтобы в нашем укрепленье
Беков наших напугать
И у них, без сожаленья,
Даже и коней отнять.

Но живых казалось мало
Для тебя; а что могли
Сделать те, кого не стало?
Ты покойных из земли,
Исходжу, да и Каная
Из могил порасшвырял
Будто долг отца взимая,
Прах зачем ты разрывал?
Земли отдали мы наши,
Только б вас нам ублажить.
И стада все стали ваши,
Вы их начали делить.

Мы ж, имея под собою
По коню лишь одному,
Все укрылись за горою..
Разве этому всему
Не придал ты вес победы?
Так скажи же, почему
Вновь такие мщеньем беды
Нам наносит Кене-хан?..
Да, киргиз белокопачных
На съедение кайсакам
Сам Господь, зная, предназначил.
Мы покуда снабжены
И оружием, и конями;
Пусть за то пощажены
И не будем мы тюрями...

Но детей-то в колыбели
На пути побед своих
Хоть бы раз вы пожалели
И не трогали бы их!

Чем таким то бессердечным
Здесь на белом свете жить,
Лучше было бы, конечно,
Уж тебе происходить
От китайца или быть
Калмыка какого сыном!»

Тут уж начал Наурузбай
Говорить и слово кинул
Он такое: «Карибуз!
Говоришь ты это дело:
Как отнял у нас Урус³⁷¹
Все кочевки, за пределы
Мест родных откочевал
Кенекемь. Тогда к народу,
Что места те занимал,
Охладел он, хоть народ
Был ему привержен тот.

---

³⁷ Русские.

А от озера Кокья
Мы к тебе Джике-батыря
И двенадцать кайсаков
Посылали в лагерь ваш,
Ваши ж беки тех послов —
И Джаптай, и Джанкараш
В плен тогда же захватили
И два месяца томили.

Только лишь благодаря
Всех аулов прикочевке,
И спаслись они, а я
По твоей же уж сноровке,
Джаманкару твоего
Умертвил. — И где ж тягаться
С счастьем, коль рабу оно
От Аллаха самого
С неба будет посылаться?

Будь всяк славен в той среде,
Что считает сам своею!
Я разрушил место, где
Был зарыт в сырой земле
Твой Канай, а ты в могиле
Разве сам то пощадил
Моего Андаса? Или

Долг какой на прахе был?
Карибус! Ты, мной гнушаясь,
Все вины своей не знаешь!
Коль себя ты не признаешь
Бога вышнего рабом,
За Кенесару, клянусь в том
И ручаюсь сам за то я,
Он не даст тебе покоя.

Если ж нам ты поклянешься
Бузу бросить и арак,
Две сабы его привезши,
Пусть Джантай и Джанкаран
Их распорют, с клятвой то же,

Вот тогда и Кенекемь
Возвратит на ваше ложе
И детей, и жен вам всем.

Кто же хану в том откажет,
Наурузбай всех накажет!»
Карибуз ему на эти
Говорит слова: «На свете
Если счастье тебе
Улыбается, тюре,
Говори, что сам ты знаешь,
Но себя большой горе
Ты зачем уподобляешь?

Покривись перо судьбы
От киргиз погибнешь ты.
Многолюдною ордою
Правил дед твой, хан Аблай.
Ты же не дал ей покою
И с меньшей ордой на край,
Только подданных волнуя,
Что с собою ты повел,
Землю бросивши родную,
Неуживчивый, ушел.
Девяносто вас в то время
Джангабай, сын Тюлегеня,
Умертвил и кожи их,
Оскальпировав живых,
Тотчас передал из стана
В руки жителей Кокана.

Так же точно, может быть,
Будешь сам ты без защиты,
Перестанешь телом жить,
Как лишишься в нем души то.

Твой отец, Касым отважный,
С горстью крови в свет родился³⁸
Так скажи скорей, что страшный

---

³⁸ Признак жестокосердия.

Ты в родню лишь уродился,
А не сам стал по себе.
И поверю я тебе!»

Ночью выступил Ирджан;
С ним четыреста джигитов
Покидают главный стан:
Для разведок по степи там
Посылает всех их хан.

Только сумерки настали,
Как отряд пустился в путь.
Ночью кони приустали;
Надо б было отдохнуть,
Как враги на нас напали.

И Ирджан, казалось, там
Попадется в плен врагам...
Наурузбай молвил хану:

«На врагов напал Ирджан,
Конь его, Байшкук усталый,
Чай, не выдержит — Ирджан
Со вчерашнего числа
Не сходил еще с седла.

Может быть, и в плен попался
Наш герой; в плену по нас
Как бы он не стосковался.
А в степи, в недобрый час,

А в степи — пройдет то слухом
И падет герой наш духом!
На засаду невзначай
Наш Ирджан наткнулся, чай!

Если старший брат в неволе,
Младший в муке и на воле,
Раз Ирджан попал к врагам
Нам остаться здесь — харам³⁹.

---

³⁹ Постыдно.

Я прошу о разрешеньи
Сотни две-три взять с собою
И пушу без сожаленья
Коней вскачь; своей судьбой
Я без жалости рискую,
И охотно кровь пролью я
За Ирджана; удаль всю
Молодецкую свою
Тем киргизам покажу я
Вы ж молитесь за успех!

С тремя стами человек
Мы, до гор не допуская,
Отобьем киргиз; тогда я
Сам его освобождаю,
Возвращаюсь и заик —
Тех киргиз, я в тот же миг
Кровью харкать заставляю!»

Но Кене не разрешил...
Рек Самсу и Кызыльсу там
Берега отряд покрыл,
Коням и джигитам будто
Час урочный наступил
Быстрым бегом отличиться,
Ловко проджигитовать.

На майдан⁴⁰ уже стремится
К поединку вызывать
На коне рыже-пятнистом
Бедер, Шона сын и внук

Храбреца Каная. С свистом
Вождь дулатовцев тут вдруг
Сам Байзак, к толпе приблизясь,
Молвил: «Ныне от копыт
Алатай хребет покрыт.

---

⁴⁰ Поле битвы.

Ты, как бор, могучий витязь,
Многочисленный Дулат,
Хану спутник стал и брат.

Вон Бедерь уж на майдане!
Разве мать-отец у них,
Лучше наших? Кто удалей,
На коня пусть сядет вмиг!

Не осталось у Мамбета⁴¹,
Что ли, больше сыновей,
Чтоб могли на поле это
С пикой выехать своей».
Но джигитов от печали
Никнут головы вокруг:
Разыграется едва ли
На майдане кто сам друг!
Ни один не отвечает
Байзаку, и даже мест
Вся толпа не покидает;
Только ниже поникают
Головами все окрест.

У врагов же ополченье
Все растет со всех сторон...

Захромали об каменья
Кони, бывши под седлом,
У кайсаков той зимою.

Наурузбай не стерпел
И, не властвуя собою,
Он теперь не усидел:

Стан свой прутом изогнувши,
Полушубок меховой
По завязкам распахнувши,
С плеч спускает он долой
И, вскочив на Акауза,

---

⁴¹ Родоначальник дулатовцев.

Иноходца своего,
Он, раскачиваясь грузно,
Вниз с горы пустил его.

В руку взяв значок зеленый,
Засучивши рукава,
Вражьем видом оживленный,
В речи бросил он слова:

«Как дерев в высоком боре
Так вас много, кайсаки;
Здрав пусть будет хан на троне,
Будь несчастья далеки!
Думал я, что вы при встрече
Со врагом, вступая в бой,
Храбро все порветесь к сече,
Делу жертвуя собой.

Но как в плен попал Ирджан,
То пускай из-за него
Брызнет кровь на стройный стан
Акауза моего!
Как в бору деревья часты,
Так, кайсаки, здесь и вы!
Вот когда приходит час то
Вам напомнить, кто вы.
Вы, кайсаки, удалы!

Пусть туман вершины кроет
Мглой густою облаков,
Ныне пусть земля нас скроет,
Нет пощады для врагов!
В день на веки расставанья
Мы простимся с жизнью сей,
Вас веду теперь на брань я;
Всяк врагов по сотне бей
И себе всяк саван шей!»

«Наурузбая стремление —
Чтобы бой был оживлен;
Рукопашное сражение

Хочет дать сегодня он.
Вы, бойцы, моей хлеб-солью
Угощаемы не раз.
Сабли с яркою тесьмою
Опясывают вас.
Думал я, что вы в дни боя
Мне все будете нужны,
Не жалел вам ничего я,
И вы всем награждены!»

И едва сказавши эти
Им слова, он по бедру
Акауза толстой плетью
Приударил, стеганул...

Ни на миг не помышляя
О домашних, о скоте,
И подарок Туразбая,
Меч булатный, сжав в руке,
Вскачь понесся Наурузбай...
И быстрее стрелы летел он
Вниз с горы Кекилека,
А ему навстречу смело
Рыже-пятнистым конем

Управляя, Бедер в дело
Мчался вихрем, пыль столбом
Поднимая; три джигита,
Отделясь от ханской свиты,
Вслед помчались: Мендыбай,
С ним Дулат и Агыбай
А к Бедерю подскакали,
Сколько их мы насчитали,
Пять джигитов: Тюлебай,
Джауке, Шакир, Бухарбай
И Кабан; последних двое
Из Табыновцев; а вслед
К Наурузбаю мчались в поле
Восемь всадников; без бед
Все прошло благополучно:
Счастья звездочка в сей раз
Озаряла справа нас.

Храбрый Бедер бросил слово,
Наурузбаю говоря:
«Наурузбай, царевич кровный,
Ты отважный мой тюря!
Славен ты глубоким знаньем,
Счастьем славен чрезвычайным:
Ты киргизов пред собой,
Их детей и жен гоняешь,
И гоняя, той борьбой
Ты совсем нас истребляешь!

Наурузбай, тебя отважным
Называли, отчего ж
Ты один на бой нейдешь?
И куда теперь идешь
Да зачем с собой ведешь
Собачонок ты своих?»
От речей тогда таких
Наурузбай отвернулся,
И назад он перегнулся,
Обращаясь к батырям,
И сказал: «Подобны львам
Здесь теперь вы; рок суровый
Коль присудит ныне нам,
Чтоб из тела души наши
Отлетели, от того вы
Не спасете нас; когда же
Мне пошлет Господь Бог счастья,
То коня из под него,
Как с седла собью его,
Вы возьмите; при несчастье,
Коль паду я сам, смотрите:
Тело вы мое спасите!

То, что мне сказал Бедер,
Стыдно слушать; так теперь,
Чтоб мне больше не стыдиться,
Вы обратно возвратиться
С поля на места свои
Все должны, богатыри!»

И тут друг они на друга
Устремилися напасть;
Хитрость, верная подруга,
Не дала тюре пропасть.
Да и батырская сила
Службу верно отслужила.
Лишь схватился с ним Бедер.
Как копьё его взлетело
Кверху выбитым; теперь
Рукопашным стало дело.
Выезжали же сразиться
На майдан, чтобы побиться,
Бедер от обеих рек
Самсу и Кизылсу ехал;
От горы же Кекилек
Встречу Наурузбай приехал.

И слетел при схватке той
Из седла Бедер долой!

По долинам Алатау
Тропы все проторены;
Их конями протоптало
От зимы и до весны
Войско хана. Храбрый дед
Внуку сам, знать, посылает.
Покровительство от бед!

Поле криком оглашают
Трех потомки алашей.
И молитву повторяя,
Пикой верною своей
Храбрый Наурузбай Бедеря

В сердце самое кольнул
И, насквозь его промеря,
Пику в ране повернул.

Но она не вырывалась,
Только кровью обливалась:
Шелком стеганный наряд
Не пускал ее назад.

С гиком бросились киргизы,
Чтоб хоть телом овладеть, —
Наурузбай — на них, но близ их
Было некому велеть
К нам на помощь подоспеть.

Бухарбай один помчался,
И чумбур на всем скаку
У Бедеря оказался
Вплоть продернут к кушаку.

Так тюре свалил героя.
Бухарбай-батыр привез
Труп Бедеря, после боя,
И Кене-хану поднес
Он его. Была от деда
Внуку послана победа.
И желания все в срок
Исполняет Вышний Бог!

Прежде чем скакун Бедеря
В руки недругов попал,
Поле вскачь за ним измеря
Эту лошадь поймал
Дорогой себе гостинец
Агыбай чубуртналинец.

На майдан, взамен Бедеря,
Тут Улджибулата сын —
В счастье он понес потери, —
Ураз выехал один.

Мести жаждущий от злобы,
Он едва не умирал.
Да и как ему, еще бы,
И не жаждать мести: знал
Он, что в кош Наурузбая
В плен была отведена
Чья-то милая, родная
И законная жена.

И из лагерей противных
Наурузбай и Ураз,
Разогнав коней ретивых,
Вместе съехались как раз.

При толчке Ураз свалился
Слева сивого коня;
Агыбай, что очутился
Назади, подстегоня
Лошадь, тотчас подскочил
К Наурузбаю, где он был.

Только лишь там бой решился
И тюре с седла скатился
Тилькунура на хребет —
Агыбай его берет.

Так счастливо совершился
Наурузбаем подвиг тот.
Но Кене-хан все успехом
Не довольно отомщен;
На коне вороно-пегом
Едет — видит в поле он —
На майдан для состязанья
Новый, третий уж, боец,
И на спрос наш про названье,
Что он был за удалец,
Нам сказали: это младший
Бия брат Джанкараша
Кровью скоро, в битве падший,
Берег Кзылсу ороша,
Он рукою Наурузбая
Храбреца заколот тут...

Близко к ним киргизы стаей
К месту боя подлетая,
Тело мертвого влекут.
Рвется Акауз на драку
С каждым скоком все сильней.
Наурузбаеву отвагу
По раздолию степей

И киргизы, и кайсаки
Славят и дивятся ей,
Наурузбаевой отваге!
Вверх рекой отряд киргизов
Из двух тысяч и стрелков
Подниматься начал снизу,
Чтобы стать вдоль берегов
Пешей цепью. Знак от хана
Подан тотчас нукерам,
Из телег, чтобы среди стана
Был лафет устроен нам.

Мы из пушки выстрел дали,
Без прицела навели,
В хвост отряду все ж попали
И урону нанесли:

Восемь выбыло из строя
С одного конца джигит,
Да с другого — вижу то я —
Чей-то сивый конь убит.
Видя это, всполошился
И расстроился наш враг;
Наурузбай устремился
На него напасть впросак,
Будто сокол. Выстрел снова —
Но не знаю, в этот раз
Уж от случая какого
Пушка треснула у нас
В середине. Все же страх
Мы нагнали: припустился
Без оглядки в бегство враг.
Наурузбай вслед стремился,
Добивая в пух и прах.
Утомясь гоньбой, усталый,
Вот из пыли облаков
Выезжает тюре бравый —
С ним пять коней-скакунов.
От крыла врагов с востока
Трое наших: Миндыбай
И Дулат, и Агыбай
Увели в мгновение ока
Еще девять лошадей;
Да от запада пригнали
Их двенадцать, и все стали
В этом месте: Тюлебай,
И Кабан, и Бухарбай

Два Табыновца; а с ними
И Шакир, и Джауке —
На Кизылсу — на реке.

Очень был Науан доволен,
Рад за батырей своих,
Что они на бранном поле
Рядом подвигов лихих
Все надежды, что на них
Возлагал он, оправдали.

Им отдавши лошадей,
Наурузбай стремится дале,
Где две тысячи стояли.
Там зажженных фитилей
Восемнадцать счетом в ряд
У стрелков в цепи горят.
Все прицелились сразу
В одинокого тюре,
Дали залп, но знать нигде
Без Господняго указа
Ничего, ни в чьей судьбе,
Не свершается, и Бог
Нам тут, видимо, помог...
А свинец, в овечий кал.
Наурузбаю никакого,
По решению Всеблагого,
Зла в бою не причинял.
Увидав Наурузбая
Невредимым и живым,
Ружья на скалы бросая,
Отступают все пред ним...

Им товарищи навстречу
Лошадей подать спешат
Но внезапно с ними сечу
Начинает, в перехват,
Наурузбай, не допуская
Коней тех довести к стрелкам
И дорогу преграждая,
Одного он колет там
Насмерть, трех копьем сбивает
Из их седел с лошадей,
Пятерых же забирает
Из стрелков живых людей.

И, имея восемь ружей
У седла на перевес,
Он и пленных, и оружие
Кене-хану преподнес.
Акауз скакун играет,
Горячась под седоком;
Наурузбай выезжает
С окровавленным копьём...
Хану двинут в то ж мгновенье,
Как на мысли не пришло —
Главной силы? Помраченье
На него вдруг, зная, нашло,
Акауза — до заката
Что по полю гарцовал, —
Наконец тут пуля чья-то
Настигает — и он пал.

Кровью алой заливает
Землю всю кругом; туман
Все долины застилает
Кизылсу, Самсу, Буан
Мглой густою покрывает.

Не видать бойцам значков,
И от них поотбивались
Рати наших и врагов —
К Наурузбаю побросались
Обе стороны бойцов.
Бухарбай, что был далеко,
Очутился рядом с ним,
И в одно мгновенье ока,
На скаку, прыжком одним,
Пересел с седла на край он,
Ноги вынув из стремян,
И вдвоем уж с Наурузбаем
Вместе едут; сквозь туман
Вслед киргизы нагоняя,
Устремляются за ним;
Агыбай навстречу им
Заскакать стремится с тылу.

На одном коне им было
Невозможно биться; их
Руки связаны; на них
Враг все больше напирает

И их тщетно защищает
Агыбай; не в силах был
Он отбить их, хоть убил
К ним ближайшего джигита
И на миг остановил
Натиск тот; затем он в битву
Снова ринулся; к нему
Тут один по одному
Скачут вместе с Дауке
И Кабан, и Тюлебай,
И Дулат, и Миндыбай.

Восемь съехалось джигитов
Драться на берег реки,
А враги все не отбиты:
Слишком силы их крепки,
Отбиваться продолжая,
Наши в гору стали брать;
Удалось тут Агыбаю
Одного врага прибрать
Пикой в сердце. В этой драке
Ранен был Шакир врагом
В локоть пулей. Как собаки,
Огрызнулись все гуртом
И тюре был тем спасен,
И Наурузбай огражден.

Поскакал последний к хану
И, с коня прыгнув, сказал
Худаймезде, что устана
Тут поблизости стоял:

«У киргиз в плену Ирджан?
Как попался он врагам,
То, наверно, думал сам,
Что родными оскорбленье
Отомстится, без сомненья,
И что коль убьют его,
Кун возьметса за него!

Ты один из тех, надежду
На кого он возлагал;

Ну, и что ж? Твоей одежды
На майдане не видал
Я ни разу день уж целый!

Чем Ирджану быть в плену.
Лучше б дряни неумелой,
Вот как ты, быть пленену.
Беззаветно храбр душою
Всякий истинный джигит:
Вечно жертвуя собою,
Как товарищ, с пикой, к бою
Вслед за другом он спешит.
Если б здесь Ирджан со мною
Был, когда мой конь упал.
Разве шуточной молвою
Я бы жертвой смеха стал?

И не камни Алатау ли
За врагов с оружием мы
В страхе диком принимали.
И всех прежде Нысамбая⁴²
Увлекал дурной пример.
Сам кобыз его остался
За чужим даже седлом;
И кобыз тот побросался,
Как бежал он пред врагом
Чтоб спастись в стану родном».

От разъездов по зиме
На Алатау-горе
Все долины торны стали.

Бог не принял в этот раз
Кайсаков мольбы; пристали,
Сговорившись на нас,
Все к врагам киргизам тут:
И Рустем, и Суатай
Вместе против нас идут —
Вот коварного их рта

---

⁴² Певец, сочинитель этих песен.

Какова, знать, пестрота!
И в двенадцать тысяч ровно.
Был Рустемом тот отряд,
Сговорен обманом словно,
И вдруг бросился назад.

Пусть за грех он отвечает,
Что передался врагам,
Все ли мало он считает
Злобной мести своей к нам!
И вот с той поры к народу
Нет возврата для тюре;
Их из всех, подвластных роду,
Не видал никто нигде.

Слезно весь народ молился,
Но Творец не внял мольбам!
Тот, кем целый род гордился,
Кто детьми всегда плодился
Лишь в сорочках, кто им сам
Сабли в золото оправил,
С криком кто летал «Аблай!»,
Кто прогнать врагов заставил,
А теперь нас всех оставил
Горе мыкать, отвечай
Нам, Кене-хан, что случилось,
Отчего нейдешь ты к нам?
Ты ж, кого с торбы кормили
И поили кумызом,
Кукбурул, тебя не мы ли,
Оставляя Кенеке,
«Вывози его», твердили?
Где ты скрылся вдалеке?

У царя престол из золота!
Бог с рожденья даровал,
Счастьем быть тебе богату,
Наурузбай: не ты ль летал
Ненасытный, непокорный,
Быстрый, словно беркут черный,
Ты у матери один
Был достолюбезный сын.

Что ж, домой не возвращаясь,
 Неизвестно где скитаясь,
 Долго так страдать своих,
 Как бы скрывшись от них,
 Ты заставил; что с тобою
 Приключилось, Наурузбай?³
 Горе над моей главою
 Разразилось, и судьба
 Так теперь меня стеснила,
 Что всего меня лишила.

О султаны вы мои,
 Величавые, лишаясь
 Вас, и я совсем теряюсь.
 Крылья оба я свои⁴³
 Потерял. Они сломались
 Вплоть до корня. Ах, увы,
 Сколько раз, мои султаны,
 Наводили ужас вы
 Здесь на вражеские станы!

Драгоценный бархат мой
 И в бездожде промокает⁴⁴
 Рукояткой золотой
 Не об камень ударяет
 Мой булат и притупляет
 Лезвие; душе покой
 Где найти, коль верой в Бога
 Не проникнешься душой
 И спокойствия какого
 Ожидаешь сердцем ты
 В этом мире суеты,
 Не имея никакого
 Людям видного добра,
 Всем заметного имения?

Будь военная пора,
 В сорок тысяч ополченье
 Будь у нас, но коль при нем
 Ни литавр, ни труб не слышно,
 Что же толку будет в том?³
 И не блещут звезды пышно

⁴³ Т. е. Кенесару и Наурузбая.

⁴⁴ От слез.

Красотою без луны;
Весь народ теперь расстроен
Сирой нашей стороны.

И куда же он пойдёт,
Как оправится от войн,
Коль себе он не найдёт
Ни Кене, ни Наурузбая?⁴⁵
Правоправящих вождей
Сколько я ни выхваляю,
Все не лишнее, ей-ей!

У ошипанных фазанов.
Как же перьям отростать,
И гусей тех кто же рано
Здесь заставит гоготать,
Что и сов ночных страшатся:
Где же голосу тут взяться,
Коли гуси таковы,
Что боятся и совы.

Мы во время Кене-Хана
Бушевали, как Бура⁴⁵,
Пуще снежного бурана
Та для нас была пора.
С криком: «Хан Аблай!» бросались,
Заграждая путь врагам;
А теперь мы раскидались
Все по разным сторонам.

С той поры, как Кене в сечи
Злополучный рок постиг,
Мы с врагом боимся встречи
Ставши слугами других.

Сам Сузак, что был когда-то
Нашим ханом покорен,
Нам слывет теперь за брата,
И дает советы он.

---

⁴⁵ Старший верблюд.

Счастье светлое от нас
 Унеслось в недобрый час!
 Трон остался без владыки,
 Как султанов род угас:
 Без значенья, горемыки
 Мы теперь, хоть много нас!

С подстрочного перевода, сделанного султаном *Джантюриным* [2], переложил русскими стихами *П. Р.*

Образцы киргизской поэзии в песнях эпического и лирического содержания, переложенных в русские стихи П. (Распоповым). Оренбург, Типо-литография Евфимовского-Мировицкого, 1885. 85 с.; то же. Оренбургский листок. 1885. № 8—13; 15—17.

В. В. Поярков

ОБ ОСАДЕ ХОДЖЕНТА

(*Легенда*)

В незапамятные времена кяфир Алекэ (надо полагать, был калмык, прибавил рассказчик) окружил со своей дружиной город Хорджент, т. е. нынешний Ходжент, который есть один из самых древних городов, и, обложив его своими полчищами, стал осаждать его, не выпуская никого из города и требуя сдачи последнего, для чего явилась бы к нему депутация от города. Так как Алекэ был идолопоклонник, то из депутатов, являвшихся к нему в покоренных им землях и городах, он одного, по выбору, приносил в жертву своим идолам. Зная уже об этом, жители осажденного им Ходжента боялись послать к нему депутацию и собрали совет из стариков, что им делать и как поступить, так как это был уже последний день назначенного Алекэ срока. Весь народ в городе и собравшиеся на совет старики находились в большом горе и унынии и ничего не могли придумать для своего освобождения. Печаль их еще от того увеличивалась, что один из депутации должен неминуемо погибнуть от рук кяфира (идолопоклонника) ужасною и позорною смертью, а такая смерть в

глазах их считалась грехом. В то время когда старики совещались между собою, как пособить бы своему горю и выйти из такого ужасного положения, к ним подошел мальчик лет 7—8 и спросил, что у них за совет и не может ли он чем им помочь, на вопрос его сидевшие старцы, обратясь к нему, сказали «э куть» т. е.: «а, задница, что тебе нужно». Мальчик ответил им, что он один пойдет от города депутатом к Алекэ-кяфиру. Старики и все другие, здесь находившиеся, услышав такие слова от мальчика, рассмеялись. Тогда мальчик возразил им, что теперь время тяжелое, не досмеху и он действительно сделает так, как говорит. Старики и народ, видя настойчивое требование мальчика, высказываемое им серьезно и убедительно, после некоторого размышления согласились послать его депутатом. Когда наконец объявили о своем решении мальчику, последний тогда сказал им, чтобы они нашли и дали бы ему одного большого верблюда и одного белого, с большой бородой козла; народ, изумленный таким требованием, начал смеяться и издеваться, но мальчик с самым серьезным видом продолжал убедительно настаивать на своем, говоря, что он знает, что делает и нисколько не шутит. После чего народ и старики дали ему большого верблюда и белого, с большой бородой козла и выпроводили из города за ворота, но сами не были уверены, что мальчик пойдет в лагерь к неприятелю, и стали наблюдать, чем все это кончится. Увидя подходящего к своему стану или лагерю мальчика с верблюдом и козлом из осажденного города, Алекэ громко закричал ему: «Неужели в городе, кроме тебя, нет никого из больших и старых, которые могли бы явиться ко мне», а сам уже мысленно предвкушал заранее великое удовольствие принести в жертву своим идолам этого мальчика, но последний на вопрос Алекэ серьезно отвечал ему: «Если желаешь об этом знать относительно стариков, то спроси аксакала (белая борода) этого, т. е. у козла, так как он самый старый, а если хочешь спросить у маленького, то спроси у меня». Такой ответ понравился Алекэ, и он сказал: «Мальчик ты меня покоришь словами, во всех покоренных мною странах никто не мог меня победить ни словом ни делом, а потому выбирай, что тебе нужно». Тогда мальчик попросил у Алекэ, чтобы он позволил ему вырезать из живого быка ремень толщиной в палец, и после

этого что хочет, то пусть и делает с его родным городом. Мальчик же, вырезав ремень из быка толщиной в палец обвел им кругом города. После чего Алекэ со всем своим войском никак не мог взять города, хотя он и осаждал его в течение нескольких месяцев, и, видя, что осада его будет бесполезна, так как не кончится желаемым для него успехом, отступил от Ходжента и пошел забирать далее следующие города, а Ходжент таким образом остался цел и невредим и нисколько не пострадал от руки неприятеля. Мальчика этого звали по имени Бузрук-аулье Буудин, могила с его костями (прахом) и теперь находится в Ходженте, и, будто бы около его могилы протекает целебный источник⁴⁶.

6 января 1899 г.

Пишпек

Поярков В. В. Киргизские легенды, сказки и верования // Памятная книжка и адрес-календарь Семиреченской области. Верный. 1900.

Садыр Калиев

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

(Киргизское стихотворение)

Предлагаемая при сем вниманию читателей «Краткая история России», изложенная в стихотворной форме, включает в себе 36 четверостиший и принадлежит перу киргиза Внутренней, или Букеевской, орды Торгунской части № 3-го старшинства Садыра

⁴⁶ Я читал или слышал, сейчас только не помню где, эту легенду с таким вариантом: мальчик, попросивши вырезать из быка живого ремень толщиной в палец, сказал вождю неприятеля, осаждавшему город: «Дай мне столько земли, сколько можно охватить этим ремнем». Вождь согласился. Тогда мальчик разрезал этот ремень на самые тонкие части, связал их в одно целое и обвел им вокруг стен всего своего города, благодаря чему город был спасен. Быть может, у каракиргизов существует эта легенда и с таким вариантом, но нам не удалось ее записать. Бесспорно, эта старинная легенда и существование ее у каракиргизов даже и в таком виде является фактом интересным, на что и обращаем благосклонное внимание местных специалистов-этнографов. Поярков.

Калиева, человека образованного в мусульманском смысле и сведущего также в русской истории. Инспектор киргизских школ Астраханской губ., жительствующий в Ханской Ставке, автор известного в Казани «Русско-татарского словаря» [Казань, 1894] и др. сочинений об инородцах Восточной России, Алексей Андреевич Воскресенский в письме ко мне от 12 февраля 1901 года сообщает о вышеупомянутом Садыре Калиеве следующие небезытересные сведения:

«Дед Садыра Калиева назывался Байназар, был богатый человек, жил близ Ханской Ставки и был даже досом, т. е. другом хану Джангеру⁴⁷. Сын Байназара и отец Садыра-Калий Байназаров был также богатый человек, но «коян» 1890 года⁴⁸ истребил скот, и они обеднели. Все они — Байназар, Калий и Садыр (стихотворец) принадлежат к Ногайскому роду, Костанбалиеву отделению и числятся в № 3-м старшинстве Торгунской части Орды. Мать Садыра-Назира, тоже Ногайского рода, Куясова отделения, из № 4-го старшинства Торгунской части. Отец Садыра имел только одну жену Назиру, и от нее получил шесть сыновей и двух девиц. Все они, как сказано, жили прежде недалеко от Ханской Ставки на урочище Мечеть-кум и занимались скотоводством. Садыр родился тоже на Мечеть-куме, и было ему лет около 6-ти от роду, когда он вместе с родителями перекочевал на теперешнее его урочище Джумат-ишкен, верстах в 75-ти к северу от Ханской Ставки. На Джумат-ишкене было много травянистых лиманов, удобных для скотоводства; поэтому они и избрали это урочище главным местом для своего пребывания в Орде. Отец Садыра умер лет 19 тому назад. Садыру же Калиеву теперь от роду 41 год. Учился Садыр в мектебе указного муллы № 5 старшинства Торгунской части Сафаргалия Мусы, теперь уже умершего; поступил в учение к Сафаргалию 12 лет и учился всего 6 лет, т. е. до 18 лет от роду. В мектебе Сафаргалия всего учащихся

⁴⁷ Этот хан Джангер, или Джиангир Букеев, генерал-майор Русской службы, был почетным членом Казанского Университета; ему проф. А. К. Казембек посвятил свое издание «Мюхтесерюль-вигкает» [Казань, 1845].

⁴⁸ Слово «коян» знач. заяц, здесь под кояном 1890 года разумеется, вероятно, зима 1890—1891 годов, так как годом Зайца, несчастливый, по верованиям киргизов, монголов, таранчей и др. народов, для скота и людей-скотоводов, был именно 1891 год.

было до 150 человек, и товарищами по мектебу Садыра были известные теперь в Орде указные муллы: Мамбеталиев — на Сайхине и Абдул-Халик⁴⁹ — на Джумат-ишкене. Жену Садыра зовут Аппак, из ногаева же рода куясова отделения; имеет жену только одну и детей от нее — четырех мальчиков: Камаледдин, Валий-Ахмед, Салих, Кадир, и одну девочку — Джанылган. Занимаются скотоводством, но имеют только 1 верблюда, 2 лошадей, 15 овец, 10 коров, а потому живут небогато, даже бедно. Джумат-ишкенский указный мулла Абдул-Халик, товарищ Садыра по учению, имеет медресе, в которой по временам учится до 70 человек; в этой медресе Садыр иногда занимается, по приглашению Абдул-Халика, обучением младших детей письму и чтению. Составлением стихов Садыр занимается в свободное время и составляет их для пения, но сам не поет. Из Орды Садыр никуда не выезжал, да и по Орде немного путешествовал: был только в Таловке и в Казанке. Таким образом, Садыр Калиев своими познаниями и развитием обязан, по-видимому, всецело нашей Ордынской медресе».

Дальше А. А. Воскресенский, описывая обстановку мусульманских школ (мектеб и медресе) Букеевских киргизов, замечает, что у этих киргизов совсем нет религиозного фанатизма и неприязненного отношения к христианам вообще, а к русским в частности; этим, надо полагать, и объясняется то, что Букеевские киргизы, напр. Садыр Калиев, интересуются Русской историей. Сколь велики познания Садыра Калиева в этой науке, читатели могут судить по его произведению сами; меня же его произведение интересует больше со стороны языка.

В своем стихотворении автор говорит о русских завоеваниях за время с Михаила Феодоровича до последнего года XIX века и о главнейших деяниях Русских государей на пользу их подданных. Стихотворение писано обычным киргизским размером, читающимся так [слева направо]: — ◡ — | ◡ — ◡ — || ◡ — ◡ — и, по выпадении первого краткаго слога во втором полустишии, получающим несколько иной вид, именно: — ◡ — | ◡ — ◡ — || — ◡ — . В киргизских четверостишиях, как иногда и в персидских — руба'и, рифмуют только первый, второй и четвертый стихи, а третий может быть и

⁴⁹ По писанию А. А. Воскресенского: Абул-Халик, какого имени я никогда не слышал.

без рифмы, но у Садыра Калиева стихи белые, т. е. без рифмы, размер же выдержан почти всюду; размер плох преимущественно в строках с собственными именами. Необходимые для размера слоги, отсутствовавшие в тексте, добавлены в моей транскрипции. В стихотворении, благодаря начитанности автора в мусульманских ученых книгах, немало встречается арабских и персидских слов; эти слова транскрибированы часто не по народному выговору, а по ученому, в котором встречается и «х» вместо народного «к», и «ф» вместо «б» или «п», и «ш» вместо «с», и «в» вместо «у», «п» и отступления от гармонии гласных.

Неясность в произношении и смысле некоторых слов разъяснил мне тот же А. А. Воскресенский, о котором я говорил уже выше. По его указанию я оставил в народном выговоре слова, получившие уже везде у киргизов права гражданства, и в ученом выговоре — слова редкие. Двойное написание слов, по народному выговору и ученому, встречается и у самого автора. Русские собственные имена переписаны все русскими буквами и должны быть произносимы по-русски, а не по-киргизски, ибо автор и в русских словах, как и в арабских и персидских, пренебрегал киргизским произношением. Русское произношение и произношение на манер русского отмечено у меня особым шрифтом.

К чему считаю нужным добавить, что не только киргизы, но и другие инородцы России, напр[имер] инородцы Поволжья, Западной Сибири и Туркестанского края, сочиняют стихи в честь Русских государей и обыкновенных лиц, прославившихся какими-нибудь делами, поразившими инородцев, напр. постройкой железнодорожных мостов, обильным угощением и пр.⁵⁰ Но умением сочинять стихи из наших инородцев отличаются более всего киргизы и сарты.

---

⁵⁰ Здесь я могу указать между прочим на следующее: в Готвальдовском отделении библиотеки Казанского Университета, под № 53, есть «сартские стихи в прославление Императора Александра III» 1883 года, этому государю посвящены также стихи, напечатанные в № 47 «Туркестан. Туземной Газеты» 1894 года и в № 16 того же издания 1895 года.

Н. Катанов**Русский перевод⁵¹**

1. Жизнь сия — преходящая, ненадежная;
Есть ли кто, нашедший в сем мире постоянство?
Ничего не может поделать бедный раб
Против воли Господа, против Его определения⁵².
2. Появился подобно солнцу, находящемуся на небе,
И свет Его⁵³ наполнил собою весь мир;
Во время Его не проливалась человеческая кровь,
И Он сделал много в сем мире равного добра.
3. Право-правил в сем мире великий Государь,
И оставил сей мир по определению Божию;
Удоставается милостей Господа (своего)
Раб, если он был доволен (здесь) своей судьбой.
4. С печалью Он покинул визирей и вельмож,
Ушло (от Него) царство и с головы венец;
Сделав серым престол (Русского) царства,
Какие-какие люди оставили этот бранный (мир).
5. Весьма великое горе постигло Россию,
И княгиня⁵⁴ оделась в черные⁵⁵ платья.
Престол царства Он оставил, конечно,
Заступившему Его Наследнику Николаю.
6. Царские сыновья — Николай и Георгий,
Благородной фамилии (они) Романовых;

---

⁵¹ Сам Садыр Калиев рукопись свою озаглавил не «Краткая история России», а «Оповещение о царственной потомке. Стихи, выпущенные после кончины Государя Александра Александровича».

⁵² Киргизы, как и прочие мусульмане, верят в то, что Бог определил каждому вперед срок жизни, место смерти и разные беды, и потому не ропщут никогда на Бога, какое бы с ними несчастье ни случилось.

⁵³ Разумеется тут Александр III, царствов. в 1881—1894 гг.

⁵⁴ Под княгиней здесь разумеется Государыня Мария Феодоровна.

⁵⁵ Т. е. траурные.

Стал (некогда) царем Михаил Феодорович⁵⁶,
И Россия благодаря ему получила улучшение.

7. Очень далека (была) к России Камчатка⁵⁷,
И он взял ее, оспаривает ли (кто это) у Михаила?
После него царство доставалось преемникам,
Царство это переходило ко многим.

8. Стал царем сын его Алексей (Михайлович)⁵⁸
И умиротворил народ справедливостью;
Установил он пошлину за торговлю со всякого,
Особенно известны (с этой стороны) англичане⁵⁹.

9. После нескольких годов войны с Польшей,
Он взял Смоленск и Витебск с Вильной⁶⁰;
Сыном у Алексея был Федор (Алексеевич),
Правил он царством шесть лет⁶¹.

10. После войны с турками, возникшей при нем,
Наконец он соизволил заключить мир⁶²;
Просветил эту Русь Петр Великий⁶³,
И основал своим умом корабельную науку.

11. Поехал в Европейские государства и осмотрев (их),
Он изучил (там) всякого рода мастерства;
Со старанием проложив дорогу по безлюдью,
Он пошел и спустился в Балтийское море.

⁵⁶ Царств. в 1613–1645 гг.

⁵⁷ При Михаиле Феодоровиче русские казаки пробирались по рекам все далее и далее к Восточному Океану, но Камчатка была завоевана между 1696 и 1706 гг.

⁵⁸ Царств. в 1645–1676 гг.

⁵⁹ Тут указывается на то, что по ходатайству русских купцов англичанам было позволено торговать в Архангельске с платою пошлины.

⁶⁰ Смоленск взят в 1654 году, а в следующем взята и Вильна.

⁶¹ Царств. в 1676–1682 гг.

⁶² Перемирие было заключено на 20 лет в 1681 г.

⁶³ Царств. в 1689–1725 гг.

12. В начале третьего года (XVIII) века
Правил этими землями шведский народ⁶⁴;
Дрался со шведом целых 9 лет⁶⁵
И основал большой город Петербург.

13. Много царей после него прошло и ушло,
Некоторые умершие были из женского пола;
Если стану перечислять всех, речь протянется,
Я рассказал о последующих лишь вкратце.

14. Затем стала царицей Екатерина (Великая)⁶⁶,
(Далее следовали) царевичи Николай и Александр⁶⁷;
Замечательным во время (Екатерины) делом (было)
Разделение сего (Русского) народа на губернии⁶⁸.

15. После большой войны, возникшей с турками⁶⁹,
Присоединены к этой России Крым⁷⁰ и Кубань,
Выпустила она в свое время «положение»⁷¹,
И оказывала покровительство и помощь ученым.

16. В свое время она обработала русский язык,
И издала всякого рода исторические сочинения⁷²;
После того, как открылась большая война с турками,
Присоединены к этой России Крым и Кубань.

⁶⁴ Намеряется на основание в 1703 году С.-Петербурга, после ухода шведов.

⁶⁵ Тут разумеется, кажется, время 1700—1709 г., т. е. время с начала Великой Северной войны до Полтавской битвы.

⁶⁶ Царств. в 1762—1796 гг.

⁶⁷ Сыновья Павла Петровича и внуки Екатерины Великой.

⁶⁸ В 1775 году Россия была разделена на 50 губерний.

⁶⁹ При Екатерине II русские воевали с турками дважды: 1768—1774 и 1787—1791 гг.

⁷⁰ Крым присоединен к России в 1783 г.

⁷¹ Тут разумеется «Положение» 1785 г., которым утверждались за податным классом права на собственное управление и на суд и определялся состав «Городского Общества».

⁷² Тут указывается на любовь Екатерины к истории и литературе.

17. Потом был император Павел⁷³,
(При нем) Европа завела войну с французами;
Замечательное событие во время Павла—
Взятие на Кавказе грузинского народа⁷⁴.
18. Далее (был) замечательный государь Александр⁷⁵,
Этот справедливый царь воевал с французами;
После большой войны, бывшей с французами,
Русское войско вступило наконец в Париж⁷⁶.
19. Затем усмирен (умиротворен) Наполеон,
Возникла большая война со шведами⁷⁷;
После этого произошла война с турками⁷⁸,
И он взял Бессарабию⁷⁹ и болгарский народ.
20. Наполеон, вознамерившись взять Россию,
Наводнил Русскую землю многочисленным войском;
Разграбив (разгромив) Смоленск и Чернигов,
Он пошел на Москву и Калугу и вошел (в них).
21. На это дело разгневался Александр,
Но не нашел закона бежать от него;
Сделавши военачальником Кутузова,
Употребил против него разные меры.
22. Избавил (спас) Европу от тех французов,
Благородный и храбрый из мужей;
Проявив весьма великое рвение и мужество,
Он отнял из рук французов Париж.
23. Завещал он престол свой Николаю⁸⁰,
Оставил (ему) царство и царскую власть;

⁷³ Царств. в 1796—1801 гг.

⁷⁴ Грузия покорилась Павлу Петровичу в 1779 году.

⁷⁵ Царств. 1801—1825.

⁷⁶ В 1814 году 19 марта.

⁷⁷ Происходила в 1808 и 1809 гг.

⁷⁸ Происходила с 1806 до 1812 года.

⁷⁹ В 1812 году.

⁸⁰ Царствов. 1825—1855.

С каким бы старанием я ни говорил,
Мне не перечислить всех его заслуг.

24. Царствовал Николай целых 30 лет,
Много лет воевал он с Персами⁸¹
Замечательным делом в его время (было)
Взятие русскими Эривани и Нахичевани⁸².

25. Представив эти земли (в собственность) России,
(Персия) заключила потом мир с Николаем⁸³;
Затем он вел войну с Венгрией⁸⁴,
(Наконец) русские взяли Ургенч и Хиву.

26. Во время (государя) Александра Второго⁸⁵
Тишина и спокойствие наступили во многих городах;
Взял он Самарканд и Хиву, Ташкент и Ургенч
И проложил грань за Туркестаном и Бухарой⁸⁶.

27. У (закавказского) ислама отнял Эрзерум и Карс⁸⁷.
И заставил дрожать во многих местах халифов⁸⁸;
Знанием своим он превзошел весь мир,
И чтит он по справедливости каждую веру.

28. В Дагестане, Туркмении, Киргизии и всех странах
Он дал свету (установил) правый суд;
Возникший пожар потушил он добрым словом
И прояснил в свое время много справедливости.

⁸¹ Персы в тексте названы «красноголовыми», каковое прозвище произошло, говорят, от того, что одно воинское племя Курдинцев во время шаха Исмаила носило красные колпаки; русские воевали с Персами за обладание Закавказьем в 1826–1828 гг.

⁸² В 1828 г.

⁸³ 1828 года в Туркманчае.

⁸⁴ Поход в Венгрию совершен в 1849 г.

⁸⁵ Царств. в 1855–1881 гг.

⁸⁶ Присоединение Средней Азии произошло в 60-х и 70-х годах XIX века.

⁸⁷ Отнятие этих городов у турок произошло в 1878 г.

⁸⁸ Под халифами мусульмане разумеют ныне одни турецкого султана и другие персидского шаха.

29. Наступил конец жизни его — смертный час,
И из брэнного мира он отошел в вечный⁸⁹;
Я не в состоянии перечислить его добрых качеств, —
Бог свидетель, (и без того) знает их каждый.

30. Указав замечательные дела этих (государей),
Я дал (этим) некоторые сведения простым людям;
Все они благоустроили свое государство
И во всех отношениях прославили свое царствование.

31. С каким бы старанием я ни говорил (об них),
Я не мог бы перечислить их истинных заслуг;
Коснувшись в изложении дедов нынешнего Государя,
Я предназначил свое письмо Вашей благосклонности⁹⁰.

32. Вельможи знают заслуги (предков Государя) и сами,
Я же предназначаю свое письмо (лишь) простонародью,
Именно живущий в Ташкенте, Тургае, Семипалатинске,
И Букеевской Орде, всем нашим киргизам.

33. Если (это писание) в виде стихов напечатается,
Оно доставит, надо думать, наслаждение сердцам их;
Сотворят они чистую молитву по Царевиче,
И чистая просьба (их) будет принята Богом.

34. Происходя из киргиз нашей Букеевской Орды,
Мы были гостем у Вашего (в Бозе почившаго) деда;
Получив от Вашего деда много милостей,
Творим о Вас молитву, о Августейший.

35. Да продолжится Ваше счастье до будущей жизни,
И да распространится свет Ваш по государству;
Господу моему угодно было даровать потомство, —
Да даст Он Августейшему счастливую жизнь.

---

⁸⁹ В 1881 г.

⁹⁰ Тут автор обращается к Государю Наследнику Николаю Александровичу, ныне благополучно царствующему Императору.

36. Да служат Вам вечно визири (министры),
Врагов же Ваших да обуяет страх перед Вами;
Войско Ваше да не испытывает ни страха, ни опасения,
И да руководит Вами всегда (пророк) Илья⁹¹.

Калиев Садыр. Краткая история России. (Киргизское стихотворение) / С предисловием, научной транскрипцией, русский перевод с примечаниями Н. Ф. Катанова и с дополнениями А. А. Воскресенского // Ученые записки Казанского университета. 1903. Кн. 7–8. С. 1–28.

---

⁹¹ По верованиям мусульман, пророк Илия, или, как зовут его киргизы, Кыдыр-ата, руководит царями и указывает им путь ко спасению и благу народа; он вел к источнику живой воды и Александра Македонского. Киргизы, желая добра какому-нибудь уважаемому и любимому человеку, обыкновенно говорят ему: «Да будет тебе счастливо путешествие, и да сопутствует тебе отец Кыдыр!»

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

А. Е. Алекторов

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА КИРГИЗОВ

Отечественную территорию киргизов составляют обширные степные пространства, которые расстилаются на юго-западе Сибири — по обе стороны Улу-Тау и Чингиз-Тау — и которые известны под именем ишимских и киргизских степей. Отсюда часть киргизов с Букеем-султаном во главе перешла через реку Урал и поселилась в степях европейской России, между реками Уралом и Волгою. В настоящее время киргизы составляют главную массу населения области Семиречинской, северной части Сырдарьинской, Семипалатинской, Акмолинской, Тургайской, зауральской части Уральской области и северо-восточной части Астраханской губернии. В Семиречинской области киргизы сплошь занимают три уезда — Верненский, Сергиопольский и Копальский; в Ауле-Алматинском и Чимкентском они составляют большинство относительно других кочевников и оседлого населения; в остальных уездах — Кураминском, Джизакском и Ходжентском, ровно как и в Заравшанском округе они живут не постоянно, а только приходят на короткое зимнее время из разных других мест. В Сырдарьинской области киргизы занимают Казалинский и Перовский уезды. Самая северная точка заселяемой киргизами страны находится приблизительно под 55° северной широты на левом берегу Иртыша, недалеко от г. Омска; на юге киргизы, кочуя, доходят до 42° ; с запада на восток граница земель их простирается от $68^{\circ}35'$ приблизительно до 102° восточной долготы (от первого меридиана). Северную границу киргизских земель, по направлению от востока к западу, составляют небольшая часть Алтайских гор и река Иртыш; от этой реки до Тобола, или, собственно, до Звериноголовской станицы границею служит так называемая «Горская сибирская линия», от Звериноголовской станицы до устья реки Уя-Тобол, далее Уй и потом река Урал, Спасской до Нежинской станицы, от которой пограничная линия идет по реке Бердянке, по речке Бурале и по Илеку до его устья, а затем — опять по Уралу. Западным пределом служит тот же Урал и часть Каспийского

моря. На юге киргизы примыкают к туркменам, кочующим на восточной стороне Каспийского моря, доходят до Хивы, до Заравшана, хребта Кашгар-Даванского, гор Уртак-Тау, хребта Александровского и гор Киргизын-Ала-Тау. Восточную границу составляет китайская укрепленная линия, идущая от малой Бухарии на север до пределов России. Здесь киргизские кочевья доходят до хребта Ала-Тау, озера Ала-Куль, гор Тарбагатайских, озера Нор-Зайсана и хребта Тянь-Танского.

Киргизов около двух с половиной миллионов. Это крепко сложенные коренастые люди, с толстой и короткой шеей, широким и невысоким черепом, плоским лицом, выдающимися скулами, приплюснутым носом, маленькими косолежащими глазами, редкой бородой и очень смуглым цветом кожи. Киргизы обладают большою физической силою, но очень вялы и неповоротливы; народ — весьма умный, хитрый и любопытный; любопытство — одна из самых главных его особенностей. Если в кибитку киргиза заедет путник, киргиз измучит его положительно самыми разнообразными вопросами: кто он? откуда? зачем и куда едет? какие новости знает? Киргиз интересуется положительно всем, что только может совершаться в подлунном мире, близко принимая к сердцу совсем даже на относящиеся к степи явления современной жизни. Образ жизни киргизов обуславливается главным их занятием — скотоводством. Летом они кочуют со стадами своими в поисках за пастбищными местами, а с наступлением холодов поселяются на зимовьях. Оставляя скотоводство, некоторые киргизы начинают заниматься земледелием, искусственно орошая поля. Жилищем киргиз в летнее время служит юрта, а зимою не особенно больших размеров мазанка из воздушного кирпича с плоскою крышей, в юрте добрую половину ее занимает целая масса сундуков, сундучков и кожаных мешков, всегда уложенных в симметричном порядке и завернутых в узорчатые кошмы. В сундуках хранится все богатство киргиза, все его имущество. Пол юрты богатые устилают коврами, а бедные кошмами; дверь закрывается войлочным пологом. Пища киргизов состоит из мяса, молока, хлеба и проса; любимый напиток — кумыс; как последователи Магомета, киргизы совсем почти не употребляют спиртных напитков; чай у них в большом употреблении, — пьют его с сахаром и без сахара, утром, вечером и в полдень. Одежда киргизов очень проста;

они носят обыкновенно тиковые или ситцевые штаны и бязевую рубаху с прямым воротником. Ноги киргизы обувают в кожаные сапоги с очень узкими носами и высокими, иногда деревянными, каблуками; сверху надевают они в большинстве случаев желтого цвета халаты или бешметы из панки, казинету и плиса, которые опоясывают ремнем с серебряными бляхами. На голове у киргиза всегда бывает шапка или шляпа из войлока; тюбетейки и фески встречаются редко. Зимой киргизы надевают овчинные шубы и яргаки из шкуры лошадиных жеребят, которые шьются вверх шестью. Костюм богатых киргизов делается из шелковой материи и украшается, для девушек, серебряными и даже золотыми бляхами и монетами. Семейный быт киргизов поражает своей простотою, патриархальностью и замечательной устойчивостью семейных начал. Киргизы любят своих детей и хорошо относятся к женам, которых могут иметь до четырех. Свадьбы у киргизов отличаются целой массой мелких обрядностей, имеющих то или другое значение, обойтись без которых не согласится не один киргиз. Начиная с сватовства и кончая последним днем путешествия молодых в аул отца мужа, — совершается почти непрерывный ряд празднеств. Особый интерес представляет собой погребение умерших, которых хоронят всегда близ дороги, в такой местности, где есть ключ, речонка или озеро, чтобы родные и приятели усопшего почаще могли совершать молитву над курганом под которым лежит тело покойного. Для кладбища избирается всегда высокий холм, который далеко виднелся бы в степи. Довольствуясь при жизни легкими переносными юртами, умершим своим киргизы воздвигают нередко массивные вековые жилища. Утомленные однообразием и пустотою степи, глаза путника невольно останавливаются на сложенных из камней и глины пирамидах, башнях и оградах, и он с удовольствием осматривает эти сооружения, эти нередко целые города мертвых. Проходя или проезжая мимо могил, киргизы считают долгом сотворить молитву с коленопреклонением у подножия кургана и оставляют там для нуждающихся разные вещи, одежду, съестные припасы и деньги. Это один из видов степной благотворительности.

Если киргизы не совсем первобытный народ, то во всяком случае — народ юный и свежий, которому предстоит еще в будущем развитие, если не задавить проявление умственной жизни

этого народа... и скорее совершиться, где можно, переход киргизов от скотоводства к земледелию. Правда, нам не узнать тогда беззаботно-добрых, часто ленивых своих кочевников, как мало узнают теперь их люди, видевшие степь лет сорок тому назад, - в новое время будут новые люди, новые люди станут петь новые песни и говорить новые сказки, но эти новые люди, их новые песни и сказки не будут помехой к развитию киргизов, так легко и свободно воспринимающих все хорошее. Юн и свеж киргизский народ; юна, свежа и с отзвуком первобытности его поэзия — плод высшей творческой силы, в которой, как в зеркале, отражается вся жизнь номада с тончайшими оттенками несложного, по-видимому, быта кочевников. Непритворно-простодушны поэмы и песни киргизов, как простодушны сами они, в них изливающие свои чувства под впечатлением тоски или радости, при свободе или в день плача по умершим.

Самые ранние произведения киргизской поэзии — народные песни, которые заключают в себе и доселе много древнетюркских и даже монгольских слов, особенно если они касаются родового, кочевого и пастушеского быта. Пел степной, как птица, вольный ордынец про удалые свои набеги, в которых нередко был предводителем, пел он про мужество храбрых сородичей — батырей¹, пел про тоску и кручину, про верность в дружбе, про красоту и страстность женщины, и все это покрывало собою любовь, распаленная чувственными прелестями какой-нибудь киргизской дамы или проникнутое нежностью сердце. Из рода в род передавались старые песни, из года в год присоединялись к ним новые, и ныне киргиз любит свои народные песни, любит народных певцов и сам поет, когда и где случить. Вот почему очень часто киргизы проводят летние ночи, сидя близ кибиток, глядя на месяц и налаживая песни на унылые голоса.

Напев вообще киргизских песен монотонный и протяжный. Тянет киргиз, пока голос не оборвется, а ему все кажется, что чем дольше он тянет, тем лучше поет. То и дело слышится на далекое расстояние «ау» и «яу» обыкновенно рифмующие стих. Своеобразные мотивы киргизского народа были бы, впрочем, довольно

---

¹ *Алекторов А. Е.* Народная литература киргизов. Астраханский вестник. 1893. № 1177.

приятны, если бы не пелись таким резким голосом с каким-то приятно гнусливым визгом. Эта манера пения распространена по всей Центральной Азии; ее можно слышать и в Хиве, и между бухарцами. Пение киргизов очень занимательно и совершенно гармонирует с окружающей их обстановкой.

Несмотря на то, что между киргизами развивается теперь повсюду грамотность, песни их редко записываются; а передаются обыкновенно от певца к другому, в большинстве же случаев каждый певец или, вернее, поющий киргиз сам сочиняет песню: когда поет ее, он поет про то, что видит или чувствует в данный момент <...>

КОММЕНТАРИИ

К разделу 1. Топонимические предания

Е. С.

Легенда об основании Баян-Аула

[1] Каз. *Сабынды көл*, рус. — *Сабынды коль*.

[2] В современном написании — *Карабай, Сарыбай* (каз. *Қарабай, Сарыбай*) — родители Козы-Корпеша и Баян-Сулу — главных героев казахского народного эпоса “Козы-Корпеш и Баян-Сулу” (каз. “*Қозы-Көрпеш пен Баян-Сұлу*”).

[3] Каз. “*Қозы-Көрпеш*”, рус. “*Козы-Корпеш*”.

Е. Александров

Жанкент

(*Жангиткент*)

[1] “*Минь-тюбе*”, каз. *Мың төбе* — “Вершины тысячи холмов” или “Крыши тысячи домов”.

[2] “*Минь-кала*”, каз. *Мың қала* — “Тысяча городов”.

[3] джавнук, каз. *жаулық* — головной убор замужней женщины.

[4] урда, каз. *орда* — ставка верховного правителя.

[5] *албасты* — дьявол.

Д. Н. Джетбысбаев

[О Богатыре Айдагуле]

Тазтаг

(Из киргизских легенд)

[1] *Тазтаг* — одна из вершин Тарбагатая.

[2] *Наймано-муренцев* — правильно: *наймано-мурынцев*.

[3] *Кендк-тюбе* — правильно: *Киндык тобе* (каз. *Кіндік төбе*)
(Сост.)

А. Е. Алекторов

**Предания киргизов
Таз-Таг**

[1] Хазоразбанд — каз. *адыраспан*, трава гармала.

Л. К. Чермак

Кзыл-Кенч

[1] Легенда о происхождении развалин Кзыл-Кенч в 40 в. к югу от Каркаралинска в Кентских горах, записанная в 1898 г. со слов пожилого казаха *Мухаметче*, уроженца Кентских гор. Относится ко времени казахко-джунгарского противостояния. По всей вероятности, в легенде речь идет о калмыцком хане *Аюке*, который назван как *Аука*. Конец XVII — первая четверть XVIII вв. были временем интенсивного развития калмыцких племен и укрепления международных позиций калмыцкого хана. Этому способствовал приход к власти на территории Калмыкии в 1669 г. умного, энергичного и властолюбивого сына хана Моншака *Аюки* (1646—1724 гг.), который начал активную борьбу с местными правителями за восстановление на новых территориях объединенного Калмыцкого ханства.

[2] *Кзыл-кенч* (Правильно: *Кзыл кент*, *Қызыл кент*), в пер. с каз. *Красный город*.

Я. Я. Полферов

Среди киргизских могил

[1] *Тури*, правильно: *торе*.

О каменной бабе, найденной в Киргизской степи
(Из письма члена-сотрудника Географического Общества
Хаджи Салиха Бибаджанова)

[1] **Бабаджанов (Бабажанов)**, *Ходжа Мухаммед-Салих* — первый казахский ученый-этнограф, награжденный серебряной медалью Русского географического общества за “содействие трудом отделения этнографии и, между прочим, доставление статей о быте киргизов (казахов) и разных этнографических предметов”

(ЦГА РК. Ф. 25. Оп 1. Д. 970. Л. 39. См. также: Ивлиев Н., Масанов Н. Видный казахский ученый С. Бабажанов // Вестник АН КазССР. 1982. № 11.). Выпускник Оренбургского кадетского корпуса. (Сост. — С. М.).

[2] **Нарын-Пески** (правильно: *пески Нарын; Нарынқум, Нарынқұм*) — район, прилегающий к побережью Каспийского моря. В 1827 г. хан Джангир объявил об учреждении постоянной Ханской ставки в урочище Жанкус в Нарынских песках и о желании управлять Внутренней Ордой из этого центра. В течение 10 лет в ней было построено 40 деревянных домов, а к 1846 г. — 89. В 1841 г. им была основана летняя Ставка на р. Торгун. Через пять лет в ней было 9 деревянных домов. По примеру хана, а также по его указанию стали обзаводиться домами султаны, бии и старшины; строили себе землянки и отдельные группы шаруа. К концу 40-х годов XIX века в разных местах Орды имели зимние жилища две трети населения (История Казахстана. Т. 3. Алматы: Атамура, 2000. С. 240.).

К разделу 2. Предания о видных личностях Казахской степи

А. Диваев

Алача-хан

[1] Алдар Куса — *Алдар Косе*, герой казахских бытовых сказок.

[2] батман — прав. *батпан* (каз.) — казахская мера веса, 1 батпан равен 10 пудам (около 160 кг.) (*Рысбаева Г. К.* Казахский язык. Грамматический справочник. Алматы: Словарь, 2000. С. 75.).

Добрый хан

[1] Аккоңыл — *каз. Ак қоңіл* — добродушный.

[2] *зындан* — темница.

[3] *саба* — сосуд для приготовления кумыса.

[4] *нар* — одnogорбый верблюд.

К. А.

**Предания адаевцев о святых, секты ханафие,
живших и умерших на Мангышлаке**

[1] Казахи *Младшего жуза* обитали на территории всего Западного Казахстана до восточной оконечности Каспийского моря и низовий Урала и Тобола. Младший жуз подразделялся на три крупных родоплеменных объединения: *алимулы, байулы, жетыру*. Самое крупное — *байулы* — подразделялось на племена: *адаи, жаппас, алаша, баибакты, маскар, берен, тазлар, есентемир, серкеш, тана, казылкурт, шихлар, алтыни, исык*. (Сост. — С. М.).

[2] Общепринято: *Ходжа Ахмед Яссави* — мистик, автор широко известного сборника суфийских стихов на тюркском наречии (“Хикметы”). Он жил в первой половине XII века. “Святая могила” шейха стала местом паломничества, превратилась в одну из основных святынь всего мусульманского мира. В честь него и приказал воздвигнуть в конце XIV в. прекрасный памятник эмир Тимур (1336—1405 гг.), вошедший в историю как завоеватель. Причастностью двух этих людей к возникновению выдающегося исторического памятника отчасти объясняется та легендарность и таинственность, которая до сих пор окутывает историю комплекса в г. Туркестане. Ахмед Яссави остался в памяти народной не только как выдающийся проповедник, но и как замечательный, глубоко народный тюркоязычный поэт. Его стихи вошли в мировую сокровищницу поэзии и до сих пор любимы и почитаемы.

Б.

[Легенда о Чингиз-хане]

[1] *аскеры* — воины.

Н. Джетбысбаев

[Чингизхан и Чингизтау]

[1] Здесь, очевидно, речь идет о покорении улуса найманов, предводителем которых был *гурхан* Кучлук.

[2] Майке (Майкы, каз. *Майқы би*). Майкы би. Байкы, Байка, Байку — легендарный герой казахской истории; в казахских гене-

алогических источниках (*шежіре*) и современных энциклопедиях содержится информация о том, что Майкы би был среди тех двенадцати биев, которые провозгласили Темучина Чингизханом. Есть споры по поводу его принадлежности к эпохе государства *уйсуней* — Усунь-го. В 6 томе “Казахской национальной энциклопедии” (Алматы, 2004) годы его жизни датируются 178—189 гг. до н. э. (Жүз тұңғыш. Алматы: Жалын, 2005.).

[3] джувантояк — *каз. жуан таяқ.*

А. Е.

Песня алашинца Байтоки на смерть хана Джангира

[1] Настоящее произведение представляет собой причитание по покойнику, которое у казахов принято называть “жоктау” (“*жоқтау*”) или “жылау” (букв. “плач”). Для таких причитаний характерны сравнения, приводимые плачущими в отношении умершего. Полуднее дает основание для утверждения, что причитания содержали в себе информативный компонент, свойственный в целом народным преданиям казахов. Во вступительной статье к разделу “Б. Этнографические материалы” Известий общества археологии, истории и этнографии Казанского университета за 1897 год Т. XIV. Вып. 6. было отмечено: “В ряду многочисленных обычаев, существующих в киргизском (казахском. — С. М.) народе, особенно интересен один, который привлекает к себе внимание этнографа тем, что ярко обрисовывает характер, умственное развитие и сердечные качества женщин кочевников; а это все выступает на вид особенно рельефно в том случае, когда умирает глава семьи. Смерть киргиза, происходившего из султанского рода белой кости или занимавшего в обществе видное положение, оплакивается в причитаниях, в стихах, в которых воспеваются всевозможные качества покойника” (Известия общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. Т. XIV. Вып. 6. 1897. С. 558).

Исторические предания о батырах XVIII в.¹

Печатается по тексту ССВ, т. I, с. 220–227. Автограф не сохранился. Текст был напечатан по отрывочной рукописной копии ЦГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 491. Л. 1–32, и опубликованному ранее тексту в ЗРГО (СПб., 1904. Т. XXIX).

Мысль о собирании казахских исторических преданий зародилась у Валиханова еще в 1852 г. во время учебы в Сибирском кадетском корпусе. По словам Г. Н. Потанина, над этим вопросом Валиханов не раз размышлял. “Он мечтал сделать открытия в древней истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки киргизской старины”. Вероятно, работа написана в 1855–1856 гг. С некоторыми искажениями она впервые опубликована в “Сочинениях Ч. Валиханова” (ЗРГО ОЭ. Т. XXIX. СПб., 1904, изд. под ред. Н. И. Веселовского).

[1] *Аблай-хан* (1711–1781) — казахский хан Среднего жуза, один из наиболее авторитетных государственных деятелей в Центральной Азии нового времени. В первой половине XVIII в. приобрел большое влияние среди казахов благодаря своим умственным и организаторским способностям, особо проявившимся в борьбе с джунгарами. В 1740 г. принял российское подданство. Источники характеризуют Аблая как дальновидного политика, деятельность которого была объективно направлена на создание централизованного и самостоятельного казахского государства. В 1771 г. он был избран ханом Среднего жуза и в 1778 г. официально утвержден в этом звании Российским правительством (см.: *Н. Г. Аполлова. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII– начале XIX в., М., 1960; Басин В. Я. Россия и казахские ханства в XVI–XVIII вв. Алма-Ата, 1971; Кузнецов В. С. Цинская империя на рубежах Центральной Азии, вторая пол. XVIII — первая пол. XIX в. Новосибирск, 1983).*

[2] *Джунгары* (ойраты) — под этим названием были известны западно-монгольские племена; соседние тюркоязычные народы называли их калмыками. В первой половине XVII в. эти племена

---

¹ Настоящий комментарий печатается по изданию *Валиханов Ч. Ч. Собрание сочинений. В 5 т. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. Т. 1. С. 283–286.*

составили сильный союз — Джунгарское или Ойратское государство, оттеснившее на второй план восточных монголов. Ойратское государство достигло наивысшего могущества в конце XVII в. и в первой половине XVIII в. — в период правления ханов Батура, Цеван-Рабтана и Галдан-Цэрэна.

[3] *Джанатай* (точнее, *Жантай*) — батыр Среднего жуза, рода канжигалы (XVIII в.). В ряде исторических и поэтических преданий и спевах устного народного творчества казахов фигурирует как герой борьбы с джунгарами. (См.: “Казак әдебиеті, тарихы”, I т. Алматы, 1948, 307–308 б.).

[4] *Богенбай* — батыр Среднего жуза, рода канжигалы (его прозвище Канжигалы карт Богенбай). Один из организаторов и руководителей казахского народного ополчения в борьбе с джунгарами (20–30-е годы XVIII в.). О нем сложено в устном народном поэтическом творчестве казахов много легенд и преданий. Широко известна историческая поэма “Богенбай”, возникшая на основе преданий и исторических спевов о нем.

Восхваление подвигов Богенбая, а также других известных героев борьбы с джунгарами — Кабанбая, Казбека и др. — в исторических преданиях XVIII в. сопровождается большой идеализацией этих образов в соответствии с традициями героического эпоса. В этих идеализированных образах Богенбая, Кабанбая и других батыров, лишенных каких-либо отрицательных черт, которыми в той или иной степени обладали их прототипы — реальные исторические личности, отразились чаяния народа, мечтавшего об идеальном герое, защитнике простых людей от чужеземных завоевателей. (См.: *Аманжолов С. Богенбай-батыр*. Алматы, 1946).

[5] *Бухар-джирау* (правильнее — *жырау*) Калкаманов (1693–1787) — известный казахский певец-импровизатор, автор многих песен дидактического характера, получивших большую известность.

Несмотря на классовую ограниченность творчества Бухар-жырау, выражавшего интересы патриархально-феодальной верхушки казахского общества, в его произведениях нашли верное отражение отдельные исторические события того времени. Он воспевал освободительную борьбу казахского народа против джунгар и народных героев этой борьбы — Богенбая, Кабанбая, Джаныбека и др. Будучи тесно связанным с ханом Аблаем, Бухар-жырау

поддерживал и одобрял его политику лавирования между Россией и Китаем. Лишь в конце своей жизни он подошел к пониманию необходимости союза с Россией.

В творчестве Бухар-жырау появляются элементы, ставшие потом свойственными казахской письменной литературе. (См.: “История казахской литературы”. Т. 2. Алма-Ата, 1979. С. 33–51).

[6] *Талжын* (Талкан, Талкы) — военная крепость около Хоргоса, недалеко от Кульджи.

[7] *Пройти Кульджаном* — т. е. вырваться из рук врага, искусно ведя бой, проявляя ловкость и отвагу (от имени древнего богатыря Кульджана, бесстрашного воина и замечательного тактика).

[8] *Хан-Баба* (XVIII в.) — сын знаменитого Барака, соперника хана Абулхайра. В исторических преданиях символизирует тип малодушного, бесславного воина. (См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Т. II. СПб., 1832. С. 63)

[9] *Татикара-джирау* (жырау) — крупнейший казахский певец-импровизатор и сказитель первой половины XVIII в. В его песнях и поэмах наряду с сохранением основных традиций устного народного творчества уже появляются элементы, ставшие позже характерными для письменной литературы.

[10] *Серымбет* (Сырымбет) (XVIII в.) — один из знаменитых батыров рода басентиин, отличившийся в борьбе с джунгарами.

[11] *Баян* (первая половина XVIII в.) — батыр Среднего жуза, рода уаккирей, герой освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей. В исторических преданиях XVIII в. и в устном народном творчестве казахов широко известен исторический спев “Баян-Батыр”, содержащий описание его героических подвигов и гибели в бою. (См.: “Қазақ, әдебиеті тарихы”. I т. 308–309 б.).

[12] *Абулмамет* (правильно — Абулмамбет; в литературе неточно: Абулмагамет, Абулмахамет и т. д., ум. в 1771 г.) — хан Среднего жуза, был провозглашен ханом в 1739 г., после победы над джунгарами.

[13] ...*Галдан-Черен* (Цэрэн) — джунгарский хунтайджи (1671–1745 гг.). Вел войны с Китаем и казахами. В 1741–1742 гг. явился организатором опустошительных набегов джунгаров на земли казахов Среднего жуза. В результате этих вторжений часть казахских

кочевий в Семиречье была временно оккупирована джунгарскими войсками. После смерти Галдан-Цэрэна в Джунгарии усилились центробежные тенденции, начались феодальные междоусобицы. Это способствовало распаду феодального ханства, и в 1758 г. оно было разгромлено маньчжурскими войсками.

[14] *Галдан, боясь, чтобы она в самом деле не убила бы Аблая, отпустил его...* — Вопреки народным преданиям, источники убедительно показывают, что Аблай был освобожден из джунгарского плена благодаря настоятельным требованиям российской пограничной администрации, которые были предъявлены джунгарскому нойону Мандже в Семиречье российским послом К. Миллером. (См. РГАДА. Ф. 248. Кн. 28/149. Д. 190; Казахско-русские отношения в XVI—XVIII вв. Алма-Ата, 1961. С. 258—262; Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XIX в. М., 1979. С. 77).

[15] *Сары-казак* — двусоставной этноним; термин *сары* часто употребляется в составе этнонима сары-кыпшак, сары-аргын, сары-уйгур и др. в географической номенклатуре, а в области космогонии имел значение “западный”. (См.: Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках. Тюркологический сборник 1975. М., 1978). Вместе с тем известно также употребление слова *сары* в значении “большой”, “широкий”, “сильный”.

[16] *Казыбек* — известный бий Среднего жуза, один из главных биев казахского ханства первой четверти XVIII в. По народным преданиям, Казыбек — один из авторов “Свода законов Тауке-хана”, известного под названием “Жеты жаргы” (“Семь истин”), фрагменты которого дошли до нас в записях Я. П. Гавердовского, Г. И. Спасского и А. И. Левшина (см.: РО Ин-та истории РАН (г. Санкт-Петербург). Коллекция 115. № 495; Спасский Г. И. Киргиз-кайсаки Большой, Средней и Малой орды // Сибирский Вестник. СПб., 1820. Ч. IX—XI; Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. Т. III. С. 169—177).

Казыбек пользовался большим влиянием среди казахов Среднего жуза. По данным русских источников, Казыбек “почитался в орде за главного судью, с которым советовались даже Абулмамбет-хан и Аблай и без его согласия ничего знатного не предпринимали”.

В исторических преданиях и народной поэзии Казыбек изображается как организатор общей борьбы против завоевателей-джунгар.

Сохранилось много изречений, афоризмов, образцов ораторского искусства, авторство которых приписывается Казыбеку. Значительная часть их опубликована в советское время.

Краткую характеристику Казыбека, как правителя Среднего жуза при Тауке, дает татарский ученый Марджани (у него Козыбек) в своем сочинении на татарском языке “Мустафад ул-ахбар фи ахвал Қазан ва Булғар” (Казань, 1885, стр. 155). См. также: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей, т. II, с. 63; “Қазақ, әдебиеті тарихы”. I т. Б. 271–272, 275, 308; *Байболов К.* Төлебидің тарихы. РОБАН КазССР. № 763. Л. 22–26; *его же.* Есім ханның жыры. РОБАН. КазССР. № 513. Л. 398).

[17] *Малайсары* (Малай-Сары) — батыр Среднего жуза, рода басентийн, один из героев освободительной борьбы казахов против джунгарских завоевателей (XVIII в.). Его имя увековечено в географических названиях местностей, в частности, в долине р. Или, недалеко от Алтын-Эмельского хребта, т. е. там, где в XVIII в. происходила историческая битва казахских батыров во главе с Малай-Сары с джунгарами. (См.: “Қазақ, әдебиеті тарихы”. I т. 308 б.).

[18] *Байгозы* (XVIII в.) — батыр Среднего жуза, рода таракты (Акмолинская степь), один из героев борьбы с джунгарами.

[19] *...во время преследования торгоутов...* — Имеется в виду переход калмыков из междуречья Яика и Волги в 1771 г. через территорию Казахской степи на места их старых родовых кочевий — в район современного Синь-цзяна (бывшей территории Джунгарского ханства).

[20] *Джаныбек* — батыр Среднего жуза, рода сары-жетым шакшак, сподвижник Аблай-хана; стоял во главе одного из ополченческих отрядов во время борьбы с джунгарами.

В устном народном творчестве казахов Джаныбек выступает также как один из популярных судебных ораторов, отличавшийся большим красноречием, в частности, своими речами на межродовых судебных разбирательствах. (См.: “Қазақ, әдебиеті тарихы”. I т. 308–309 б.; “Жанибек-батыр”, РОБАН РК. № 955).

[21] *Уразумбет* (XVIII в.) — известный батыр Среднего жуза, рода баганалы (из улутауских найманов), один из героев борьбы с джунгарами.

[22] *Корама* — легендарное дальнобойное ружье казахского султана Ондана, погибшего во время войны с джунгарами (XV в.). В поэтических преданиях султан назывался “ұзын оқты Ондан” — длиннострельный Ондан.

[23] *Ильчибек* (XVIII в.) — батыр Старшего жуза, рода сыр-гелы, населявшего долину Чирчика и Келеса; один из героев борьбы с джунгарскими завоевателями, вторгшимися в Южный Казахстан. (См.: “Қазақ, әдебиеті тарихы”. I т. 308 б.).

[24] *Найон* (нойон) — монгольский княжеский титул.

А. Влангали

Предание о борьбе Аблая с джунгарами

[1] ЮВ — юго-востоку.

[2] Хонтайдзи — хунтайджи (каз. *қонтайшы*), джунгарский правитель.

[3] Гальдан-Цырен — Галдан Церен.

Ч. Ч. Валиханов

Песня об Аблае²

Черновая запись на смешанном казахском и киргизском языках арабским алфавитом. Датируется 1855 г. Печатается по ССВ. Т. I, с. 172–187. Рукопись находится в РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. № 469. Л. 4–5.

[1] *Аблай* (1711–1780) — казахский султан, а с 1771 г. — хан Среднего и части Старшего жузов, выдвинулся в борьбе с джунгарами.

Объединив под своей властью казахов Среднего жуза, Аблай распространил свою власть и на Старший жуз и некоторую часть Северной Киргизии (см.: комментарий 1 к ст. “Исторические предания о батырах XVIII в.).

² Настоящий комментарий печатается по изданию *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 395.

В своей внешней политике Аблай лавировал между Россией и Цинской империей, стремясь создать прочное централизованное государство на основе удельной системы. С этой целью он передавал управление отдельными областями своим сыновьям (например, Сюк Аблайханов управлял казахами Старшего жуза, Адиль — Южным Казахстаном, Касым — племенами Центрального Казахстана и т. д.). Но Аблаю не удалось осуществить идею образования централизованного государства, тем не менее, при нем политическое положение и экономика Среднего жуза значительно укрепились, расширились торговые и культурные связи с Россией.

[2] *Есенгул и Ерсалдыр* — предводители киргизского племени сарыбагыш, оказавшие героическое сопротивление вторжению Аблая в пределы Киргизии.

[3] *Увак* (Уак-керей) — родоплеменной союз Среднего жуза, в XVI—XVII вв., играл значительную роль в составе казахского союза в борьбе с джунгарами. (См.: *Потанин Г. Н. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. С. 56; Аманжолов С. Вопросы диалектологии и истории казахского языка... С. 16*).

[4] *Турсунбай* (XVIII в.) — знаменитый батыр Среднего жуза, племени керей; особенно отличился в период борьбы казахов с джунгарами. В исторических преданиях он известен под кличкой Балта-Керей Турсунбай.

[5] *Сарыбель* — горный проход в Киргизском Алатау, против Карабалты и Сокулука. По историческим преданиям, Аблай с войском хотел пройти через этот перевал на тучные джайляу Сусамыр, но киргизы преградили ему путь.

[6] *Атеке-Жырык* (XVIII в.) — знаменитый киргизский батыр из племени сарыбагыш. Известен своей мужественной борьбой против завоевательных походов Аблая и среднеазиатских ханов.

И. А.

Кенесара и Наурузбай

[1] В период присоединения Среднего жуза к Российской империи во главе народного возмущения встал самый младший из тридцати сыновей Абылая — султан *Касым* и его дети — султаны *Саржан*, *Есенгельды*, *Агатай*, *Кушак*, дочь *Бопай*, *Кенесары* и *Наурузбай*. Они и стали организаторами почти 20-летней изнурительной борьбы,

в ходе которой царскому режиму был нанесен значительный морально-политический и физический удар. Касым-торе, его сыновья, многочисленные аулы отстаивали прежнюю систему ханской власти, территориального деления и управления. Их борьба была направлена на сохранение хотя бы ограниченной независимости.

В условиях жесткого внедрения в Среднем жузе административно-политических нововведений движение приняло *народно-освободительный характер*. Эту борьбу теперь возглавил один из внуков Абылая — султан *Кенесары Касымов* (1802—1847 гг.). *Наурызбай Касымов* был ближайшим сподвижником и руководителем части войска Кенесары. Оба брата были казнены в *казахско-киргизской войне 1847 г.*

[2] Следует читать: *Кенесары, Наурызбай*.

В. Симагин

Мятежный султан Кинисара Касымов и его последователи

[1] Кенисары (*Кинисары, Кинисара, Кенисара, Кене, Кенеке*) Касымов (*Касимов*) — правильно: *Кенесары Касымов, Кенесары Қасымұлы*.

[2] Исатай Тайманов (*Исатай Тайманұлы*), Каипгали Ишимов (*Қайыпғали Есімұлы*), Жоламан Тленчиев (*Жоламан Тіленііұлы*) — руководители и участники протестных движений казахского народа в первой половине XIX века.

И.

Сыддык

[1] Сыддык (*Саддык, Садык, Сыздык*) — сын хана Кенесары Касымова, возглавившего народно-освободительное движение казахов в 1837-1847 гг. Гибель последнего казахского хана не остановила борьбу народа. Дело отца продолжали его сыновья. Среди них особо выделился Садык Кенесарин. На доводы своих братьев он отвечал им: “Я не оставлю пути моего отца”. В лице султана Садыка царские генералы встретили умного, энергичного и храброго военачальника.

[2] Правильно: *Кенесары*.

[3] *Дяу* — мифологический образ великана.

[4] *Айдагар* (правильно: *айдахар*, каз. *айдаһар*) — дракон.

[5] *Джириши* (каз. — *жырышы*) — народные певцы, сказители.

А. Д. Нестеров

**Хвалебная песня Досходжи в честь
султана Кенисары Касымова**

[1] Дос-Ходжа (по-казахски: *Досқожа*) — казахский *жырау* (поэт, сказитель), родственник Кенесары Касымова.

[2] Кенисары (*Кинисары*, *Кинисара*, *Кенисара*, *Кене*, *Кенеке*) Касымов (*Касимов*) — правильно: *Кенесары Касымов*, *Кенесары Қасымұлы*.

[3] Утебберген Исбергенов (по-казахски: *Өтепберген Исбергенов*)

[4] сб. — *собрательное, буквальное, дословное*.

[5] “Зекят” (*закет*, *закят*, по-казахски: *зекет*) — обязательная “очистительная” милостыня в размере сороковой-двадцатой части скота; один из “пяти столпов исхода”, предусмотренный в Коране. “Усур” (*ушур*), по-казахски: *үшір* — подать для земледельцев в размере одной десятой урожая. Подлежали распределению среди бедных. Со временем стали уплачиваться мусульманами служителям культа.

Памятники киргизского народного творчества

**Киргизская былина о Бикет-батыре,
(Записанная и переведенная А. А. Диваевым)**

[1] В апрельском выпуске “Ученых записок императорского Казанского университета” за 1896 год был опубликован труд И. В. Аничкова под рубрикой “Памятники киргизского творчества. Киргизская былина о героях Ир-Назаре и Бикете”. Данный вариант предания был записан им на казахском языке арабской вязью в г. Казалинске Сыр-Дарьинской области. За три года до этого, т. е. в 1893 г. в редакцию “Ученых записок” поступил вариант “Былины о Бикет-батыре”, записанный со слов Эркинбека Ахенбекова, проживавшего в Ногай-Куринской волости Чимкентского уезда. Последний вариант предания в отличие от того, который был записан И. В. Аничковым, оказался более обширным и обсто-

ательным. Если вариант И. В. Аничкова заканчивался прощанием Бекета со своей матерью перед ссылкой в Сибирь, то по варианту Э. Ахенбекова можно проследить, как Бекет учинил побег из Сибири, как вернулся на родину и расправился с Шерниязом. Казахский вариант на арабской графике был проверен казахом Мухаммеджаном Сыздыковым. Русская транскрипция текста была сделана Н. Ф. Катановым по чтению М. Сыздыкова. Н. Ф. Катанов также составил перечень иностранных слов. Русский перевод варианта Э. Ахенбекова был осуществлен А. А. Диваем.

Поэтическим продолжением осмысления народной памятью причин выступления трудящихся против царских угнетателей и раскрытия внутренней динамики этих протестов стала историческая поэма “Сказание о Бекете”, посвященная событиям 1852–1853 гг. в Оренбургско-Актюбинском регионе. Есет и Бекет возглавили вооруженное выступление, которое продолжалось до 1858 г. Бекет ранее был арестован и сослан в Сибирь, а Есет после поражения пошел на примирение с властями. “Ценность поэмы в том, что во времени, когда народ был еще лишен возможности писать свою полную событий биографию, историческая песня, сложенная акыном, становилась его памятью, летописью, обобщением исторического опыта, подобно боевому оружию, она не ржавела, не старела и верно служила в его борьбе за свое освобождение” (История Казахстана Т. 3. Алматы: Атамур, 2000. С. 76).

[2] В значении: предрек, наказал.

К разделу 3. Этносоциальные предания

Ч. Ч. Валиханов

Предания и легенды Большой Киргиз-кайсацкой орды³

Незаконченный набросок, первая запись казахских исторических народных преданий, интерес к которым, по свидетельству Г. Н. Потанина, пробудился у Ч. Валиханова еще в кадетском корпусе. Запись отражает творческий процесс работы Валиханова первых лет его научной деятельности и относится к началу 1855 г. — времени

³ Настоящий комментарий печатается по изданию Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 396–398.

первых его путешествий по Казахстану. Запись дошла до нас в виде двух рукописных копий (ЦГАЛИ. Ф. 118. Оп. I. № 49. Л. 48—49; Ф. 159. Оп. 1. № 179. Л. 1—2), содержащих много пропусков и искажений. Впервые опубликована в Сочинениях Ч. Ч. Валиханова под ред. Н. И. Веселовского (ЗРГО ОЭ. Т. XXIX. СПб., 1904). Печатается по тексту ССВ. Т. 1. С. 107—111.

[1] *Усуни* — одно из древнейших племен на территории современного Казахстана. Первые известия о них появляются в конце II в. до н. э. В это время они обитали в Семиречье. В I в. до н. э. согласно письменным сведениям количество усуней превышало 600 тыс. Это было могущественное объединение, с зачатками государственной власти, проводившее самостоятельную внешнюю политику. В древнеусуньском обществе складывались классовые отношения. Отдельные представители знати имели по 4—5 тыс. лошадей. Они занимались не только скотоводством, им было известно ремесло и земледелие. К середине V в. н. э. в результате внешнеполитических перипетий усунни потеряли свою политическую независимость. Вопрос о языке усуней спорен, существуют предположения об их тюркоязычности и ираноязычности. Имеются достаточные основания констатировать об этнической преемственной связи древних усуней с уйсунями, вошедшими позднее в состав казахского народа. В составе населения Старшего жуза уйсунны представляли одно из наиболее крупных племенных объединений. По данным генеалогических преданий, уйсунны отождествляли себя со Старшим жузом (см.: *Аристов Я.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и каракиргизов. ЖС, 1894. III—IV; *Гафуров Б. Г.* Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972; *История Казахской ССР.* Т. 1—2. Алма-Ата, 1977—1979).

[2] *Майки* (в литературе также: Байки, Байку) — легендарный родоначальник казахских биев Старшего жуза. О нем сохранилась народная поговорка: *Түгел сөздің түбі бір, тұл атасы Майқы би* — “Все истинные слова (изречения) восходят к одному источнику, основоположником их был Майки-бий”. По данным исторических источников, Майки (Байку) — современник Чингисхана, жил в первой четверти XIII в. По Рашид ад-дину, Майки происходит из племени уйшин (уйсун), был тысячником в улусе

Джучи и руководил войском правого крыла. (*Рашид ад-дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.-Л., 1952. С. 274).

Казахские предания о Майки (Байки) приведены в работе Г. Н. Потанина “Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки” (ЖС. 1917. Вып. II—III. С. 51, 54—55, 59).

[3] *Чингисхан* (“Великий хан”, первоначально — Темучин) (1155—1227) — монгольский хан, основатель огромной Монгольской империи. В 1203 г. овладел всей Монголией. С 1209 г. начались завоевательные походы Чингисхана. В 1215 г. он вторгся в Китай, в 1218—1220 гг. завоевал Туркестан, в 1225 г. возвратился в Монголию. Умер во время китайского похода.

[4] *Чеген* — древнее племя, обитавшее на территории Казахстана еще до арабского завоевания. В состав казахского народа вошло племя чегендык, которое расселялось по р. Ишим в Атбасарской степи.

[5] *Мухаммед* (Мухаммед, ок. 570—632) — основатель ислама, по представлениям мусульман — пророк, посланник Аллаха.

[6] *Оксе* (искаженное от арабского имени Уккаша) — исторически неверная легенда о происхождении казахов от Акаше и Апеса, приведена у Г. Н. Потанина (см.: ЖС. 1917. Вып. II—III. С. 54, 57.)

[7] *Абубекр* (Абу Бакр) — первый арабский халиф (632—634 гг.), избранный после смерти Мухаммеда.

[8] *Омар* — второй арабский халиф (634—644 гг.).

[9] *Осман* — третий арабский халиф (644—656 гг.).

[10] *Али* — четвертый арабский халиф (656—661 гг.).

[11] *Коелдер* (Калдар, Келар) — родоначальник катаганов и чанышклы — племен, входивших в конфедерацию уйсунув, или Старшего жуза казахов.

[12] *Мекрен* (в литературе: бекрен, бекрин, по Рашид ад-Дину также — мекрин) — древнее племя (названное по имени своего родоначальника), входившее в конфедерацию уйсунув. Стойбище его находилось в области расселения уйгуров, в труднодоступных горах. Племя, родственное уйсунам, жило в горах Восточного Тянь-Шаня (Сарыяз).

[13] *Катгамы* (правильно: катаганы) — древнее племя, обитавшее на территории современного Южного Казахстана и Средней Азии. В начале XVII в. катаганы составляли основную силу ташкентского владетеля Турсун-хана. С середины XVII в. часть их

вошла в состав узбекского народа, а часть слилась с казахским племенем чанышклы.

[14] *Канглы* — одно из древнейших племен, известное с III в. до н. э. История его хорошо отражена в древних и средневековых письменных источниках, написанных на восточных языках. Согласно данным этих источников, канглы занимали обширную территорию от р. Таласа до низовьев Сырдарьи и предгорий Каратау. В XIII—XIV вв. часть их распространилась до гор Улутау и Тургайской степи, к зиме они возвращались на Сырдарью. В древние времена канглы входили в конфедерацию племен, позднее составивших Старший жуз казахов. После распада Золотой Орды и Чагатайского улуса канглы составили один из основных компонентов казахского союза. В истории казахского народа канглы и уйсуны считаются самыми старшими племенами казахских жузов, установителями древнего правопорядка, поэтому они занимают почетное место в народных преданиях (см.: *Аристов Я.* Опыт выяснения этнического состава... С. 424; *Аманжолов С.* Вопросы диалектологии... С. 67—72; *История Казахской ССР.* Т. 1—2, Алма-Ата, 1977—1979 гг.).

[15] *Адбаны* (правильнее — албаны) — основное подразделение казахского племени уйсун.

[14] *Дулаты* — одно из древних племен, генетически связанное с племенной группировкой западных тюрок *дулу*, имевших в Семиречье в VII—VIII вв. свое объединение, затем входивших в каганат карлуков и Караханидов. После распада Чагатайдского государства на территории Семиречья и Восточного Туркестана в сер. XIV в. на местной субстратной основе образовалось государственно-политическое объединение Могулистан (Джете). Ведущую роль в государстве Могулистан играли вожди племени дулат (дуглат). Дулаты в это время обитали в долинах рек Чу, Или, Талас, к югу от Иссык-Куля, а также в Южном Казахстане. В XV в. дулаты наряду с другими племенами Семиречья вошли в состав Казахского ханства. В Старшем жузе дулаты являлись одним из наиболее крупных племен (см.: *Бартольд В. В.* Очерки Семиречья. Соч. Т. II. Ч. 2, М., 1964; *Пищулина К. А.* Юго-Восточный Казахстан в середине XIV — начале XVI веков. Алма-Ата, 1977).

[17] *Суваны* — подразделение племен уйсун.

[18] *Сваманак* (точнее, *сырманак*) — по казахской народной легенде, в древности существовало два родственных племени: *сырманак* — на Сыр-дарье и *чуманаки* — в долине Таласа и Чу. Основное племенное название “манак” впервые встречается в анонимном сочинении X в. “Худуд ал-’Алам” (см: “Худуд ал-алем”. С введением и указателями, изд. В. В. Бартольда (рукопись Туманского), Л., 1930).

[19] *Абак* — собственно родоначальник племени кереев (керитов). Казахи — абак-керей теперь живут на Черном Иртыше и соседних с ним районах Северо-Западного Китая и Монголии.

[20] *Название же (уйсун)... в строгом смысле предание не допускает.* Т. е. название уйсун в преданиях подразумевается.

Эти предания также записаны и опубликованы Г. Н. Потаниным в его работе “Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки” (ЖС, 1917, вып. II—III, с. 61).

[21] *Золотая Орда* (Улус Джучи) — феодальное государство, возникшее в результате монгольского завоевания в 40-х годах XIII в. В Золотую Орду входили кыпчакские степи, т. е. основная территория современного Казахстана, исключая Семиречье, Северный Хорезм с г. Ургенчем, Волжское низовье, Северный Кавказ и Крым. Золотая Орда прекратила свое существование в конце XV в.

[22] *Джагатайский улус* — тюрко-монгольское государство в Средней Азии составлявшее с 1224 г. удел Джагатая (Чагатая), второго сына Чингис-хана.

[23] *Узбек* (1282—1341) — хан Золотой Орды, в период его правления (1312—1341 гг.) Золотая Орда достигла наивысшего могущества. При Узбеке столица Золотой Орды была перенесена в г. Сарай-Берке (на монетах — “Новый Сарай”), превратившийся в крупный для того времени культурный и ремесленный центр. Узбек способствовал распространению ислама; с его именем связано строительство ряда мечетей и медресе в Крыму и Поволжье. (См.: Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 64, 67—69, 90—93).

[24] *Тарма-Ширин* — чагатаид, сын Дува-хана, распространитель ислама в Средней Азии в XIV в. (См.: Абулгази. Шеджере и тюрк. Изд. Демезона. СПб., 1871. С. 150—151). Правитель улуса Чагатая в 1326—1334 гг.

[25] *Ишим-хан* (ум. в 1628 г.) — сын Шигая, брат Тевеккеля; глава династии казахских ханов XVII—XVIII вв. Последними его отпрысками были Аблай (1771—1780 гг.) и Вали (1781—1821 гг.)⁴ — ханы Среднего жуза. Ишим-хан вел борьбу против ойратов. Во внутренней политике стремился к созданию централизованного государства на удельной основе. С его именем связаны регламентирование казахских юридических обычаев и упорядочение феодальных кодексов, применявшихся в Белой орде в VIII—XV вв. (*Есімханның ескі жолы* — древний путь Ишим-хана). Ряд установлений Ишим-хана впоследствии отражены в законах его внука Тауке-хана. Несколько памятных строк посвятил Ишим-хану известный историк писатель Абулгази, который, будучи в изгнании, нашел приют и гостеприимство в г. Туркестане. (См.: *Абулгази. Шеджере-и тюрк*, с. 306). Отдельные факты о деятельности хана Ишима встречаются и в русских источниках XVIII в. (См.: Архив РГО. Разр. 64. Оп. 1. Д. 14).

[26] *Турсун* — казахский хан, правивший Ташкентом в первой трети XVII в. Погиб в 1628 г. в междоусобной войне с Ишим-ханом, правившим в г. Туркестане (См.: *Абулгази. Шеджере-и тюрк*. С. 306).

Материалы по этнографии киргиз Тургайской области

Сказки, былины, легенды

[1] *Эрали, Нурали, Хожа-Ахмет и Айчувак* (каз. *Ералы, Нуралы, Қожахмет, Айшуақ*) — потомки хана Младшего жуза *Абулхаира* (1680—1748 гг.), принявшего российское подданство в 1731 году.

[2] *Архив Тургайского областного правления.*

[3] *Асан-Кайгы* — легендарный поэт и философ. Настоящее имя Асана Кайгы — Хасан Сабитулы, но в народе он стал известен как Асан Печальник. Асана Кайгы волновала будущность Казахского ханства, поэтому в народе на века сохранились его обращения и советы ханам, особенно Жанибеку. Мечты Асана Кайгы о *жеруык* — земле обетованной — связывают с периодом образования Казахского ханства.

⁴ Указаны годы правления Средним жузом с момента официального избрания.

К разделу 4. Предания об исторических событиях

П. П. Иванов

Предание о калмыцком нашествии на Сайрам

[1] Мулла — служитель мусульманского религиозного культа, нередко совмещал отправление культа с преподаванием в низшей школе, выполнял обязанности судьи.

[2] В эпоху караванной торговли велико было значение древнего города — *Испиджаба*, или *Сайрама*. Ни один дорожник не обходился без описания этого славного города и его богатств. В исторических хрониках IX—X веков Испиджаб назывался первоклассной военной крепостью. В борьбе с арабским нашествием город мужественно защищался и власть завоевателей признал формально. Халифат, распростерший свое владычество на Пиренеи, Северную Африку, Ближний и Средний Восток, обложил покоренные народы весьма обременительным поземельным налогом-хараджем. Единственное исключение было сделано для Испиджаба. Арабы вынуждены были согласиться с тем, что Испиджаб ограничится чисто символической данью Багдаду. За независимость и достоинство арабы величали Испиджаб одним из лучших городов Востока, почтительно именуя его *Белым городом*.

Образцы киргизской поэзии в песнях эпического и лирического содержания, переложённых в русские стихи

П. Р.

[1] *П. Р.* — сокращенно от: Петр Распопов.

[2] *Джантюрин Ахмет* (каз. Ахмет Жантөреұлы) — султан-правитель Восточной части Букеевской Орды, выпускник Неплюевского кадетского корпуса в Оренбурге.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ауэзов М.* Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961.
2. Известия Общества археологии, истории и этнографии Казанского университета. 1897. Т. XIV. Вып. 6.
3. История Казахстана Т. 3. Алматы: Атамұра, 2000.
4. История казахской литературы. Алма-Ата, 1968. Т. 1. Кн. 1.
5. Казахский фольклор в собрании Г. Н. Потанина. Алма-Ата, 1972.
6. *Каскабасов С.* Колыбель искусства. Алма-Ата, 1992. 368 с.
7. *Рысбаева Г. К.* Казахский язык. Грамматический справочник. Алматы: Словарь, 2000.
8. *Семенов Ю.* Труд Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобоса «Введение в изучение истории» и современная историческая наука // Ш.-В. Ланглау и Ш. Сеньобос. Введение в изучение истории. М., 2004. С. 3–36.
9. Ученые записки императорского Казанского университета. 1896.
10. Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003. 396 с.

Список сокращенных слов

АН КазССР	—	Академия Наук Казахской Советской Социалистической Республики
ЦГА РК	—	Центральный Государственный Архив Республики Казахстан
ЦГАДА	—	Центральный Государственный Архив Древних актов
ЦГАЛИ	—	Центральный Государственный Архив литературы и искусства
ЗРГО	—	Записки Российского Государственного Общества
ЗРГО ОЭ	—	Записки Российского Государственного Общества Отдел этнологии
РОЛОИИ	—	Рукописный Отдел Ленинградского Отделения Института Истории
РОБАН	—	Рукописный Отдел Библиотеки Академии Наук
ССВ	—	Собрание сочинений Ч. Ч. Валиханова
ЖС	—	Живая старина

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

- Абак, сын Майки-бия, родоначальник племени керейтов 306
Абд-ал-Азиз-баба, святой 345
Абдукарим-мирахур, бек 63
Абдулла-Седр, визирь Бура-хана 130
Абдулла-хан 62
Абдул-Халик (Абул-Халик), указной мулла 412
Аблай, сын дочери Есим хана 147
Аблаев, султан сибирского ведомства, родственник Касым-хана 263–264
Аблай-хан, (1711–1781), султан, хан Среднего жуза с 1771 года 6, 11, 93–94, 236–238, 243–244, 246–248, 249–256, 257, 275, 280, 368, 371–372, 377, 381–384, 386, 390, 405, 407, 431, 432, 434, 436, 437, 438, 445
Абубекр (Абу Бакр), первый арабский халиф (632–634), избранный после смерти Мухаммеда 305, 442
Абуниран 93
Абулгази, историк 444, 445
Абулмагамет, см. Абулмамбет
Абулмамбет (Абулмагамет, Абулмамет, Абулмаммет, Абулмахамет)-хан, хан Среднего жуза с 1739 года 237, 433, 434
Абулмамет, см. Абулмамбет
Абулмаммет, см. Абулмамбет
Абулмахамет, см. Абулмамбет
Абулхаир (Абул-Хаир), султан, хан Младшего жуза 222–228, 308, 310, 345–346, 433, 445
Агатай, султан, сын султана Касыма 437
Агыбай Чубуртналинец, см. Агыбай
Агыбай (Агыбай Чубуртналинец) 395, 398–400, 402–403
Агыч, сын Ямбура, внук муссы 159
Адам 334, 337
Адиль, сын Аблай-хана 437
Аз Жанибек 6
Азис-Джаныбек, хан ногаев (татар)
Азим-ходжа 88

- Азрет Арслан-баба, дед Азрет-Занги-ата 85
Азрет-Занги-ата (Иминь-баба), святой 85
Айда батыр, калмык 73–74
Айдагул, богатырь, батыр 48–49, 52–53, 58–59, 426
Айдин Урак (Урак), сын Алчагира, внук Мусы 159
Айкынбай-батыр
Айсулу, жена Жангит-хана 34–42
Айтеке (Айтике), бий 9
Айтолкон 93
Айчувак (Айшуақ), сын Абулхайр-хана, султан 228, 308, 445
Акаше 442
Ақджанна 56–57
Акпай (Акай) 73
Акпай, сын Джолды Дукея
Аккоңыл-хан 125, 127
Аксак-темир, см. Тамерлан
Алангасар-Алып (Алангасар, Алангасар-Алын) 23–25
Алач (Казы-Ак), раб, послан татарским ханом к русским князьям, бий 119
Алача (Алачева), см. Алаша-хан
Алача-хан 121–122, 123, 428
Алаша, раб, послан татарским ханом к русским князьям, см. Алаша-хан
Алаша-хан (Алача), эпический прародитель казаков 10, 119, 299, 373
Албан (Абдаг), старший сын Джоркчи, родоначальник албанов 306
Албасты, дух 152
Алдар Косе (Алдар Куса, Куса) 121–125, 428
Александр Второй (1855–1881) 418
Александр Македонский 420
Александр I, российский император (1801–1825) 416
Александр III, российский император (1881–1894) 413, 414
Александров Е. 32
Алексей Михайлович, Романов, русский царь (1645–1676) 415
Алекторов А. Е. 51, 235, 299, 331, 421, 424, 427
Алекэ-кяфир 408–410
Алессандро Портелли 13

- Али-бий, приближенный Кара-хана, рода айрақды 164–169,
177–178, 181–183, 185–192, 194, 199, 201
- Али (Алий), четвертый арабский халиф 305, 442
- Алим-хан 87
- Алтай, киргиз 241
- Алтюбашев, бий 267
- Алты-айлыг, сын Нежде 70–71
- Ал-чагир (Алчагир), сын Муссы 159
- Алчи-Си-ламь, сын Муссы 159
- Аман, киргиз 90–91
- Амангелды, один из руководителей восстания 1916 года 9
- Аманжолов С. 432, 437, 443
- Анасбай 160–162
- Ангсын, друг Эдиге 153
- Анбарь, жена Гахим-аты 131
- Андас 389
- Аничков И. В. 287, 439–440
- Анна Иоанновна, российская императрица 222
- Апеса 442
- Аппак, жена Садыра Калиева 412
- Апполова Н. Г. 431
- Арап-Магомет, хан Хорезма 95–98
- Аристов Я. 441, 443
- Аркандыр-батыр, брат Уйсунбая-батыра 242
- Арслан 9
- Арслан, проводник Ушинцева 75–78
- Арсланг-Алып, сын Алангасыр-Альпа 23–25
- Арынгазы-хан, потомок Ишим-хана 121
- Арыстан-хан 285–286, 289–290
- Асан-Кайга, см. Асан Кайгы
- Асан Кайгы (Асан-Кайга, Асан-Кайгы, Асан Печальник, Хасан
Сабитулы) 11, 323–325, 445
- Аскер-ходжа, сын Гахим-аты 131, 133
- Атеке-Жырык, киргизский батыр из племени сарыбагыш 256,
437
- Атымтай, вельможа Аяза-хана 109, 112–114
- Ауэзов М. О. 6–7
- Аука (Аюке), калмыкский хан, сын хана Моншака 67–69, 427

Аяз, мудрец, первый министр хана Джанибека 319–322
Аяз-хан, раб, хан Байсынского царства 109–112, 114–115
Аяр, богатырь царства Научарбана 113–114
Ахмет Джантюрин (Ахмат Жантөрклы), султан, правитель Восточной части Букеевской Орды
Ахмет Яссави

Б

Баба-Арслан 129
Бабажанов С. (Бабаджанов Ходжа Мухаммед-Салих) 103, 427, 428
Баба Туклас (Баба-Тукти-Чачли-ази, Баба-тукты-чач, Чачлиази) 152, 154–155, 159, 173–174
Баба-Тукти-Чачлиази (Баба Тукты), см. Баба Туклас
Баба Тукты, см. Баба-Тукти-Чачлиази
Баба-тукты-чач, см. Баба-Туклас
Бадмай, вождь калмыков 95–98
Багыр-хан, хан Ургенчского (Байсынского) царства после Аяз-хана 115–116
Баенбай (Баянбай) — батыр, рода баганалы 240
Байболов К. 435
Байдебек (Байбек), сын Абака 306
Байгозы (Байгузы, Байкозы), батыр Среднего жуза, рода таракты 11, 238–239, 241, 435
Байзак-датка (Баюзак) 369, 371, 377–378, 392–393
Байкадам, старшина 266–267
Байкозы батыр, см. Байгозы батыр
Байкончак 275
Байсалбай 120
Байсары (Бай Сара), батыр 346
Бай-Мухаммед, см. Бай-Мухаммед Маяев
Бай-Мухаммед Маяев, бывший начальник верхней Адаевской дистанции, зауряд-хорунжий 136, 140
Байназар, дед Садыра Калиева 411
Байсал Аткелтуров, старшина Киреевской волости 312–314
Байтока, рода алаш 229, 430
Балгоджа 369

- Барак, султан, соперник Абулхаир-хана 433
Барлыбай-батыр 89
Барлыбай, рода басентиин 251
Бартольд В. В. 343, 443, 444
Барын 158
Басан Тиин, раб-персиянин 62
Басин В. Я. 431
Батыр Имам, киргиз
Батур 343, 432
Баюзак, см. Байзак-Датка
Баян (Баян-батыр), батыр Среднего жуза, рода уакиррей 236, 238, 242, 433
Баян-Сулу, дочь Кара-бая 29–30, 426
Беген, рода дулат 280
Бегим, бек, брат Достмухамеда
Беденетай, брат Чингуса 147
Бедер (Бедерь), потомок Каная 392, 395–398
Бергельтай, брат Чингуса 147
Бердазиз, дочь Сатемира хана 155
Бердали, бек, строитель кургана 62
Бекболат, один из руководителей восстания 1916 года 9
Бекет, см. Бикет
Беклербеги, раб, перс, назначен кокандским ханом управлять Ташкентом 87–88
Бекмана, жена Санджар-хана, дочь святого Карабуры 116–117
Бекманамулу (Бекмана, Бекмана Сулу), жена Чандар-хана 79–83
Бекмаханов Е. Б. 5
Бекнияз, сын Бикета 285, 287
Бик-Булат Есекенов 129
Бикет (Дабыл), батыр, сын Сирке-бая 285–286, 287–291, 292–293, 295–296, 439–440
Битемир, хан, сын хана Эдигея 350, 355–356
Богенбай (Канжигалы карт Богенбай), батыр Среднего жуза, рода канжигалы 11, 236, 432
Большк, певица 364–367
Бопай, дочь султана Касыма 437
Бопай, жена Абулхаир-хана 225–228
Бугабай, вожак при хане Кене 373–376

- Буданатай, сын Домполя 301
Бузрук-аулие Буудин 410
Буй-хан, султан, прапрадед Акпая 73
Букей Нуралиев, отец Джангера Букеева, султан
Букей-султан 421
Булек-батыр
Бура-хан 130–131
Бургелтай, сын Домполя 301
Бухарбай, рода табын, батыр 383, 395, 398, 400
Бухар-джирау (Бухар-певец) Калкаманов, жырау 236, 432–433

В

- Валий-Ахмед, сын Садыра Калиева 412
Вали, хан Среднего жуза (1781–1819), потомок Ишим-хана 310, 445
Валихан (Вали) 240
Валичанов Ч. Ч. 152, 236, 244, 256, 304, 306, 431, 436, 440
Веселовский Н. И. 343, 431, 440
Влангали А. 247, 436
Воскресенский Алексей Андреевич 411–413, 420

Г

- Габриэль Розенталь 13
Гавердовский Я. П. 434
Гавриил, архангел 305, 336, 357
Гаиб-иран, святой 196
Гаир-мирза-батыр 89
Гаким-ата, мюрид, ученик Ходжа-Ахмеда Эсауи 129–133, 135, 139
Гаким-Сулейман, отец Гаким-ата
Галдан Черен, см. Галдан Цэрэн
Галдан Цэрэн (Галдан-Черен, Галь-Дан-Цырен, Хон-Тайдзи, Черен), джунгарский хунтайджи (1671–1745) 11, 237–238, 244, 246, 247–248, 432, 433, 434, 436
Галкин М. Н. 280
Галь-Дан-Цырен (Кандар, калмыкский хан), см. Галдан Цэрэн
Гафуров Б. Г. 441
Геродот 109

- Геке, полковник, генерал-майор, наказной атаман уральского казачьего войска 263
Георгий, см. Романов Георгий
Герасимова Л. М. 19
Геродот
Григорьев В.В. 345
Гульханыс, жена Нарикбая 170–179, 186–187, 192, 194, 201–202, 217–218
Гунан-батыр 89
Гуревич Б.П. 434

Д

- Дабыл, см. Бикет
Дадан Каратымерец 357
Данабике, дочь Амана 90–91
Данишменд-ата, святой 139
Дарменкул, бывший управитель Раимской волости 120
Дарткам-батыр 89
Дары-бай, сын Куты-бара 285, 289, 292
Дауд-бай батур, бек, бия Дост-Мохаммеда 62
Дауке, см. Джауке
Даулетбай, киргиз рода караул, отделения якшилык 237
Даут, тархан, сын тархана Джаныбека 309
Дерпсалы, уаковец
Джабагы-батыр 89
Джагалбайлин 93
Джагалтай 180
Джагатай (Чагатай), второй сын Чингисхана 444
Джалды (Джолды) Дукей, отец Акпяя 73
Джаманкара 387
Джанатай, см. Жантай
Джанбагыз 245
Джанбай 155–159
Джанбай, айрактинец 184–185, 190
Джангабай, сын Тюлегеня 390
Джангазы-хан 121

- Джангер (Джиангир) Букеев, сын Букея Нуралиева, последний хан Внутренней киргизской орды, генерал-майор 229–235, 334, 411, 428, 430
- Джанзак, см. Джанузак
- Джанибек, батыр, поддерживал хана Абулхайра 224–225, 227–228
- Джанибек, см. Жанибек хан
- Джантюри, хан 310
- Джантюрин Ахмет (Ахмет Жантөреклы), султан, правитель Восточной части Букеевской Орды 408, 446
- Джанузак (Джанзак), рода дулат 280, 379
- Джанказы-хан, потомок Ишим-хана
- Джанкараш, бий 389, 399
- Джанходжа Нурмухамедов 9
- Джаныбай-батыр, см. Джаныбек-батыр
- Джаныбек (Джаныбай, Жанибек)-батыр, батыр Среднего жуза, сары-жетым шакшак, сподвижник Аблай-хана, тархан (указ от 11 июля 1743 года) 238–239, 309, 432, 435
- Джанылган, дочь Садыра Калиева 412
- Джапак (Джафак) 290, 293
- Джапак (Джапек, Шапек)-батыр Худайберды, батыр рода атыгай 238
- Джапар (Джафар)-горо 295–296
- Джапек, см. Джапак-батыр
- Джаптай 389
- Джауке 383, 395, 401, 403
- Джаулаубай-батыр, сергелинец 241
- Джаурунчи, хан
- Джафак, см. Джапак
- Джетбысбаев Н. 149, 426
- Джике-батыр 389
- Джиренче, придворный шут 316–317
- Джоркчи, второй сын Байбека 306
- Джочи-хан
- Джуламан, см. Жоламан Тленчиев
- Джулан-батыр 90
- Джучи, старший сын Чингисхана 9–10, 442
- Джылкайдар-Байчук 120
- Джылкайдар (Джылкай-дар, Жилки Айдар), киргизский батыр 118, 120, 345

- Дидоной, дочь тирского царя Муттона 316
Диваев А.А. 25, 121, 285, 428, 439–440
Диняев А.
Домполь, охотник 301
Дост-Мухамед (Дост-Мохаммед, Достмухаммед), бий 63, 65
Досходжа (Дос-Ходжа, Досқожа), жырау, родственник Кенесары Касымова 274, 275, 439
Дос-Ходжа, см. Досходжа
Дува-хан 444
Дукей Байжумуров 72
Дулат 395, 400, 403
Дулат, второй сын Джоркчи, родоначальник дулатов 306
Дуниковский, полковник 265–268

Е

- Ева 334
Едиге 9, 11
Екатерина Великая, российская императрица Екатерина II (1762–1796) 416
Елизавета, российская императрица 223
Ембет, богатырь 248
Ералы (Ерали, Эрали), сын хана Абулхаира, султан 228, 308, 445
Ермак 120
Ерофеева И. В. 5, 20
Ерсадыр (Садыр), один из предводителей киргизского племени сарыбагыш 249–250, 252–255, 437
Есенгельды, султан, сын султана Касыма 437
Есенгул, один из предводителей киргизского племени сарыбагыш 249, 253, 437
Есет Котибаров 9, 440
Есим-хан 11–12
Есім-хан, см. Ишим-хан
Ешназар, каракалпакский батыр 346

Ж

- Жала-батыр 42–43
Жаменке, один из руководителей восстания 1916 года 9

- Жангит-хан 34–42
Жанибек (Джанибек), хан, основатель Казахского ханства 9–11, 154, 316, 318, 320, 322, 323–325
Жантай-батыр (Джанатай), батыр Среднего жуза, рода канжигалы 236, 242–243, 432
Жапшак батыр 11
Жаугаш 249–250, 253, 255
Жидай, самаркандский хан, потомок Чингиз-хана 220–222
Жилки Айдар, см. Джылкайдар, киргизский батыр
Жиренше 6
Жоламан (Джуламан) Тленчиев (Тіленшіқылы) 263, 438
Жоламан Тіленшіқылы, см. Жоламан Тленчиев
Жузбай, коканский посланник, сборщик налога 357

З

- Заал (Зал), отец персидского героя Рустама 143, 285
Зайса, возлюбленный Уйли 96–98
Зайцев В.Н. 20
Занги-ата, см. Азрет-Занги-ата
Занминнет, сын Али-бия 182, 184–186
Зауряд-хорунжий Маяев, см. Бай-Мухаммед Маяев
Зиренг, калмык 26
Зюзин Н. В. 20

И

- Ибас, сын Урака (Айдин Урак) 159
Ибрагим-ата 344
Иван Калита, см. Иоанн Данилович Калита
Иванов П.П. 446
Ивлев Н. 428
Иге Мамай, сын Муссы 159
Идрис, пророк, основатель и защитник Сайрама 343
Илентай, певец 364–367
Илия, см. Ильяс
Ильчибек-батыр, батыр Среднего жуза, рода сыргелы 241, 436
Ильяс (Илия, Илья), пророк, помощник, спаситель 172, 220, 325–326, 420

- Имам Гуссейн 138
Имам, киргизский батыр, воевал против Кенесары и Наурузбая 385
Иминь-баба, см. Азрет-Занги-ата
Иоанн Данилович Калита (Иван Калита), московский князь 316, 318, 322
Ирджан 385, 391–392, 394, 403–404
Ирисбек-батыр 90
Ирискуль-батыр 89
Ир-Назар 439
Исан-ата (Әхсан), сын Чобан-Ата 135–136
Исанбай-батыр 89
Исатай (Исетай) Тайманов (Тайманқлы), султан 6, 9, 12, 263, 438
Исатай Таймақлы, см. Исатай Тайманов
Исенгельды-батыр 90
Исетай Тайманов, см. Исатай Тайманов
Исет-батыр, канджигалинец 240–241, 283–285
Исет, сын Куты-бара, брат Бикета 285, 287–289, 292
Искаков Л. 58, 327
Исмагил, хан 229
Исмаил, персидский шах 418
Исым-бий, рода тама, дядя Шуры 160, 162, 164, 193, 199–204, 207–210, 213–214, 218
Ишанкул-Датха, сын Беклербеги 88
Ишим (Есім)-хан, сын Шигая, брат Тевеккеля, глава династии казахских ханов 121, 307, 435, 445

К

- Каба-Али (Капам-ата), сын Чагрик-ата 137
Кабан, рода табын 395, 400, 403
Кабанбай, батыр Среднего жуза 11, 432
Кадир, сын Садыра Калиева 412
Кадыр-Берды, сын Тохтамышша 157–158
Казанцев Илья 300
Казбек, см. Казыбек
Казембек, профессор 411
Кази, сын Урака (Айдин Урак) 159
Казы-Ак, см. Алач, бий

- Казыбек-батыр 89
Казыбек (Казбек, Козыбек), бий Среднего жуза, рода каракесек 6, 9, 11, 238, 432, 434–435
Каип Галиев, см. Каипгали Ишимов
Каипгали Ишимов (Каип Галиев, Қайыпғали Есімқылы) 263, 438
Каип-хан, потомок Ишим-хана 121
Кайлибай-Кенджбай, киргиз 332
Камаледдин, сын Садыра Калиева 412
Калго, сын Муссы 159
Калий Байназаров, отец Садыра Калиева 411
Калита Иоанн Данилович, московский князь
Каллаур В.А. 23, 25–27
Калча, хан 369, 387
Калча-Кадыр, по легенде прародитель кайсаков (*казахов*) 300
Канай 386–387, 389, 392
Кандар, калмыцкий хан, см. Галь-Дан-Цырен
Канжигалы карт Богенбай, см. Богенбай-батыр
Канке, младшая дочь Тохтамыша 156–158
Капам-ата, см. Каба-Али
Капцевич, генерал-лейтенант, командир сибирского отдельного корпуса 312, 314
Карабай, отец Баян-Сулу 28–30, 426
Карабура, святой, отец Бекманы 116–117
Карабура, хан г. Джангита, отец Бекманасулу 79–84
Каракул-батыр 89
Караман, правитель калмыков 208–214, 216, 218
Караман-ата (Кагерман), сын Исан-ата 136–137
Карасай, сын Урака (Айдин Урак) 159
Каратай, султан, сын хана Нурали 310
Кара-тиин (Каратиин), мудрец рода ногайлы 168, 186–187
Каратиин, см. Кара-тиин
Кара-хан, сын Темир-хана, хан Ак-калы 164–165, 167–169, 185–187, 192–193, 195, 218
Караш, молочный брат Чингуса 147–148
Карашаш, наложница хана Джанибека 324
Кара-Ялчи, работник знатного туркмена
Карибуз (Карибус), сын Каная 386, 388–389
Кармышева Дж. 249

- Каррибай, рода тама, дядя Шуры 160, 162, 199–202, 214
Картабай Балтабаев 25
Каскабасов С. А. 6, 9
Касым Аблаев, см. Касым-хан
Касым бек 62–63
Касым, см. Касым-хан
Касым-хан (Касым Аблаев, Касым-торе), султан, хан, сын Аблай-хана 149, 257–258, 262, 390, 437–438
Катанов Н.Ф. 120, 414, 420, 440
Кафар Караджигитов 129
Кашкар-ата, святой 139
Қайыпғали Есімқлы, см. Каипғали Ишимов
Кейкаус, царь 285
Кен-Джанбай, сын Кемеля 153
Кенесары, сын Касыма, см. Кенесары Касымов
Кенесары (Кене, Кенеке, Кенисара, Кинисара) Касымов (Касимов, Қасымқлы), султан, внук Абылай-хана, хан 9, 12, 149, 257–261, 262–269, 270, 274, 275, 277–281, 295, 368–372, 374–386, 388–390, 392, 398–399, 405–407, 437–438, 439
Кенесары Қасымқлы, см. Кенесары Касымов
Кене-сары-торо, см. Кенесары Касымов
Кенисара, сын Касыма, см. Кенесары Касымов
Кинисара Касымов, см. Кенесары Касымов
Киряева Е. В. 19
Когам, сын Кобя, родоначальник племени канглы 306
Коеддер (Калдар, Келар), сын Кобя, родоначальник катаганов и чанышклы — племен, входивших в конфедерацию уйсунув 304, 306, 442
Козы-Корпеш (Кузугурпеч), сын Сары-бая 29–30, 426
Кокчахан, калмык 23–24
Колпакова Н. В. 19
Конай, сын Куян-Кузды 242
Конозат, бек 62
Кононов А. Н.
Контаже, хан 67–71
Коонтаджи, см. Цэван Рабтан
Коркут 9

- Косан-Серен-Хан (Касань-Серен-хан) 73
Косназар, каракалпакский батыр 346
Крафт И. И. 327
Крицкая Н. Е. 19
Куаныш, киргиз 332
Кубей Токфулатов, мулла 85, 90
Кударгуль, раб Кара-бая 30
Кузмамбет, калмык, начальник караула 204—205, 207—208, 214
Кузнецов В. С. 431
Кузнецов П. Е. 329
Кузугурпеч, см. Козы-Корпеш
Кукбурул 405
Кулак-батыр 89
Кульбай-батыр 90
Кульбай Койайдаров 86
Кульджан (Куль-джан), древний богатырь 236, 433
Култукай, отец Эдиге, приближенный Тохтамышы 152—153
Кунакбай-батыр 89
Кунсулу 152
Курман, таминец 383
Куса, см. Алдар Куса
Кутузов 417
Кутыбар 285
Кучлук, гурхан, предводитель улуса найманов 429
Кучум 120
Кушак, султан, сын султана Касыма 437
Куян-Кузды 242
Кыдыр-ата 420

Л

- Лауке (Еляуке, Ляуке), дочь Косан-Серен-Хана 73—74
Лебедев, войсковой старшина, подполковник 265—267
Левшин А. И. 433, 434—435
Ляйли 360
Ляуке, см. Лауке
Любуша, жена князя Пшемысла 112

М

- Мадели, сарт, правитель Мерке 385
Магомет, см. Мухаммед
Мазы 117–118
Майки-бий (Майке, Майқы би, Байки, Байку), по легенде — родоначальник уйсунув, родоначальник казахских биев Старшего жуза, сын Кобея 55, 150, 304, 306, 429–430, 441–442
Майли-ходжа (Майлы-ходжа) Султан ходжина, киргиз Чимкентского уезда 121, 219, 304
Макал, кара-киргизский хан 258–259
Малайсары (Малай-Сары), батыр Среднего жуза, рода басентийин 238, 435
Малицкий Н. Г. 86
Мамбет-али 289–290
Мамбеталиев, указной мулла 412
Мамбет Асавов, народный судья 316, 322
Мамбет, родоначальник дулатовцев 369, 393
Манджа, джунгарский нойон 434
Мансур, бий, сын Эдиге от дочери Са-Темир хана 158–159
Мансуров, полковник 263
Марал Курманов (Муса Богатур), киргиз 310–315
Маргулан А. Х. 5, 249
Марджани, татарский ученый 435
Мария Феодоровна, княгиня, вдова Александра III 414–415
Масанов Н. 428
Масат-ата, святой 139
Матай, сын Кутыбара 285, 289, 292
Махамбет Утемисов 9
Медеу 369
Мейер
Мекрен, родоначальник одноименного племени, входившего в конфедерацию уйсунув 306
Меңдыбай 395, 400, 403
Меркес, см. Мекрен
Миллер, майор, российский посол 246, 434
Миндыбай, см. Меңдыбай
Мин-яшар-батыр 90

- Мир-Дадабай, сарт 87
Мирза-Ахмад-кушбеки, назначен русскими беком Ак-Мечети 88
Михаил Феодорович, Романов, русский царь (1613–1645) 412, 414–415
Моншак, хан калмыкский 427
Муса Богатур, см. Марал Курманов
Муса, сын Мансур бия 159
Муттон, тирский царь 316
Мухаммеджан Сыздыков 440
Мухаммед (Магомет, Мухаммет), пророк, основатель ислама 129, 305, 312, 421, 442
Мухаммед-Сафа, туркменский старшина 140–141
Мухаммед-ходжа, сын Гахим-ата 131, 133
Мухаметче, пожилой казах 427
Мухаметче, толенгут 66, 69, 71
Мухмедгалий Ибрагимов 247
Мюхтим-баба, святой 138
Мяжнун 360

Н

- Назар-карак 65
Назар-хан, сын Джангазы-хана, хан Хивы 121
Назира, мать Садыра Калиева 411
Найан, см. Наурызбай
Найман 281
Наполеон 417
Нарикбай, рода тама 160–178, 180, 182, 186–189, 192–193, 199–202, 217–218
Насрулла, эмир 62
Науан, см. Наурызбай
Наурызбай, сын Касыма, см. Наурызбай
Наурузум, киргиз 90
Наурузбай, сын Касыма, см. Наурызбай
Наурызбай (Найан, Наурузбай), брат Кенесары Касымова 12, 149, 257–261, 368, 370–371, 373–376, 379–383, 385–386, 391, 393–403, 406–407, 437–438

- Науچارбан Справедливый, русский князь, см. Нуширван Справедливый
- Нежде, дочь хана Ауже 67–69, 71
- Нестеров А.Д. 109, 121, 439
- Нессельроде Карл Васильевич, граф, вице-канцлер 313–314
- Николай, российский император, наследник Александра III, Николай II 414
- Николай Александрович, российский император Николай I (1825–1855) 416–419
- Нурадиль (Нур Адиль, Нурали), сын Эдиге от сестры Тохтамышша 155–158
- Нур Адиль, см. Нурадиль
- Нурали, см. Нурадиль
- Нурали, см. Нуралы, сын Абулхаир-хана,
- Нуралы (Нурали), сын Абулхаир-хана, султан, хан 11, 223, 228, 308, 310, 445
- Нури, тюркменский певец 142
- Нуртай 62
- Нуртай, каракалпакский батыр 118, 120, 345–346
- Нуширван Справедливый (Ануширван, Науچارван Справедливый), персидский царь 112–114
- Нысамбай (Нысанбай), сочинитель песен 404

О

- Оксе, см. Уккаша
- Омар, второй арабский халиф (634–644) 305, 442
- Омар, кокандский хан 87
- Ондан, казахский султан 436
- Осман, третий арабский халиф (644–656) 305, 442

П

- Павел Петрович, российский император (1796–1801) 416–417
- Пантусов Н.
- Перовский, генерал-адъютант 264
- Петр Великий, российский император Петр I (1689–1725) 415
- Пищулина К. А. 443
- Подвигина М. П. 19

Подуров, подполковник, генерал-майор, наказной атаман оренбургского казачьего войска 262–263

Пол Томпсон 13

Полферов Я. Я. 91, 427

Потанин Н. Г. 431, 437, 440, 441, 444

Поярков В. В. 408, 410

Пшемьсл, чешский князь 112

Р

Раджаб-Гальча 87

Радлов В. В. 110, 278–279, 291

Распопов Петр 408

Рашид ад-дин 441, 442

Риттер К. 345

Розова Н. М. 19

Романов Георгий, сын Александра III 414

Рукин, полковник 136, 140

Рустам, богатырь, батыр 56–57, 161

Рустам, персидский герой, предводитель войска царя Кейкауса 143, 285

Рустем 404

Рыжий киргиз (Сары-казак), сын Джапак-батыра

Рысбаева Г. К. 428

Рыскул, хан каракалпаков

С

Сабра жирау 153–154

Сагай хан 154

Садык 65

Садыр, см. Ерсадыр

Садыр Калиев 410–413, 414, 420

Садыр, калмык, разведчик 205–208

Садык (Саддык, Сыддык, Сыздык) Кенесарин, сын Кенесары Касымова 149, 270–273, 274, 275, 438

Саксам, бек 220

Салих, сын Садыра Калиева

Санрык, племянник Тайлак-Батыра, со стороны матери 26–27

- Санджар-хан, мугальский хан 115–117
Сапожников А.И.
Сатай, сын Куты-бара 285, 292
Сатемир-хан, см. Сатемир
Сатемир (Сатемир, Темир) хан 153, 155
Саржан, султан, сын султана Касыма 437
Сары, старший сын Байдебека 306
Сары, сын Абдага 306
Сарыбай, отец Козы-Корпеша 28–29, 426
Сарыбай, сын Куты-бара 285, 289, 292
Сары, батыр Среднего жуза, рода уаккирей, брат Баян-Батыра 236
Сарымоюн, сын Наурузума 90–91
Сары-Мулла Чинайбек, друг Шийшиб-акына 333
Сарын 158
Сары Юсуп, сын Мусы
Сатай, сын Кутыбара 285, 289
Саурык, батыр 12
Сафаргалий Муса, указной мулла 411
Сафар-мирахур, бек 63
Сахиб-Джан, сын хана Джангера 234–235
Сачков Ф.Б. 327
Сваманак (Сырманак), родоначальник племени сырманак, обитавшего в древности на Сыр-Дарье 306
Свек-Мамай, сын Муссы 159
Сеильхан, дядя Акпая 73
Семенов Ю. 18
Сердали 281
Середа Н. 274
Серен-хан, см. Уса-Серен
Сер-ходжа-батыр 89
Серымбет, см. Сырымбет
Сидак, сын Муссы 159
Симагин В. 261, 438
Сирке-бай (Сиркебай-шалом), старший сын Кутыбара 285, 287, 293
Ситняковский Н. 45
Смирнов Е.Т. 274, 275, 277, 280

- Соболев Л. 7
Соломон 234
Спасский Г. И. 434
Сперанский М.
Суатай 404–405
Суван, сын Джоркчи, родоначальник суванов 306
Сузак, хан 407
Суеркул, сын Сары 306
Султан-ходжа, сын Юнус-ходжи 87
Султан-Эпе (Гюбби), сын Гахим-Ата 129, 131–134, 138–139
Суранши Ахылбеков, батыр 12
Суфий, прозвище Хейруллы
Суфрубий, старшина Меньшой киргиз-кайсацкой орды 309
Сыддык, см. Садык Кенесарин
Сыздыков М. 290, 291, 295
Сырым
Сырымбет (Серымбет), батыр рода басентинин 236, 433
Сырым Датов 6, 9, 11–12
Сыры Юсуп, сын Муссы 159
Сыпыр жырау 9
Сюк Аблайханов, сын Аблай-хана 437

Т

- Табанатай, сын Домполя 301
Тадж-ходжа, отец Азрет-Занги-ата 85
Тайлак-батыр (Тайлак-Батыр) 26–27
Тамерлан (Аксак-темир, Железный хромец, Железный Хромец, Темир, Темир-хан), см. Тимур
Темирджан-батыр, киргиз, манап
Танькей, сестра Карамана 208–210, 214
Тарбагатай, брат Чингуса 147
Тард 92
Таргалтай, брат Чингуса 147
Таргалтай, сын Домполя 301
Тарма-Ширин, чагатаид, сын Дува-хана, распространитель ислама в Средней Азии 306, 444
Тасан-Мирза (Тасан-мирза), племянник Нарикбая, двоюродный брат Шуры 161–162, 202, 209–210, 213, 218

- Гасмерген, брат Али-бия 194–196, 201, 215–216, 218
Татикара-джирау, жырау 236, 433
Тау-базар (Таубасар), сын Сары 306
Тауке (Теуке)-хан, внук Ишим-хана 121, 434–435, 445
Тебир, младший брат Битемира 355–356
Тевеккель 445
Темирджан-батыр, киргиз, манап 241
Темир, см. Сатемир
Темир, см. Тамерлан
Темир-хан, хан Аккалы 164, 192
Темучин (Чингиз-хан, Чингис-хан, Чингисхан), монгольский хан, основатель Монгольской империи 10, 51, 55–56, 150, 152, 220, 301, 304, 306, 429–430, 441, 442, 444
Тенгриберген Джайляубаев, киргиз Казалинского уезда 109
Тергин-Биби, дочь Чобан-Ата 135
Теуке-хан, см. Тауке-хан
Тимур (Тамерлан), эмир (1336–1405) 9–11, 85, 177, 219–222, 429
Тлеуке, брат Айда батыра 74
Тобей (Тобе-бий) 305–306
Толе (Төлеби), бий 9, 435
Тоймасулу, дочь Кокчахана 23–24
Токсан-батыр 89
Токыш, сын Джанатай-батыра 243
Томач-батыр, канджигалинец 241–242
Тохтамыш, хан 9, 11, 153, 155–158
Тубулгы-шал, см. Тубылгы-шал
Тубылгы-шал (Тубулгы-шал), старик, рода тама 199, 201
Тулег 357
Туразнбай 395
Турдымед, мулла 345
Турсунбай (Балта-Керей Турсунбай), батыр Среднего жуза, племени керей 251, 437
Турсун, хан народа катаган, казахский хан правивший Ташкентом в 30-е гг. XVII в. 115, 307, 442, 445
Тухтамыс-хан 257
Тычканбаев (Тычкайбаев), дистаночный начальник 267–268
Тюлебай 383, 395, 400, 403
Тюлегень, отец Джангабая 390

У

- Узак, один из руководителей восстания 1916 года 9
Узбек (1282–1341), хан Золотой Орды (1312–1341) 154, 306, 444
Узке, старшая дочь Тохтамыша 156–158
Уйля, дочь Бадмая 95–98
Уйсунбай-батыр, брат Джанатай-батыра 242–243
Уйшик, см. Гурьев
Уккаша (Оксе) 305
Улджи-Булат 398
Улу-хан, младший брат Жангит-хана 42–43
Унджаг
Унковский 343
Ураз, вышел на поединок Наурузбая 398–399
Ураз, дядька (*воспитатель*) Аблая-хана
Уразумбет-батыр, батыр Среднего жуза, рода баганалы (из улу-тауйских найманов) 240, 436
Уса, калмык 26
Уса-Серен (Серен-хан), калмыцкий хан 243, 275
Усен-батыр
Утебберген (Өтепберген) Исбергенов (Иисбергенов), певец, придворный поэт 274, 439
Уткур-кушбеки 87
Ушинцев, инженер 75–78

Ф

- Фасыл-хан, хан Адагийского царства 109, 114–115
Фатима, дочь оренбургского муфтия, жена хана Джангера 229
Федор Алексеевич, Романов, русский царь (1676–1682) 415
Фирдауси 285

Х

- Хабардин Алыб 155
Хаджа Салих Бибаджанов, см. Ходжа Мухаммед-Салих
Хазрет Султан (Султан-Хазрет), святой 61
Хайдарбек-батыр 89

- Халифе, ученик Кашкар-ата, мангышлакский туркмен 140
Халы-батыр 89
Хамза Карджасов
Хан-Баба, сын Барака 236, 433
Хануза 360
Ханыкей, сестра Карамана, см. Ханыкей-слу
Ханыкей-слу (Ханыкей) 208–210, 214
Харузин
Хас-батыр, калмыкский богатырь 204
Хатим-Тай (Хатим Тайит), персонаж арабских преданий 114
Хейрудла-суфий, см. Хейрулла-суфий
Хейрулла, см. Хейрулла-Суфий
Хейрулла-Суфий (Суфий, Хейрудла-Суфий, Хейрулла) 133–134, 138–139
Ходжа-Ахмед, см. Ходжа Ахмед Яссави
Ходжа Ахмед Яссави (Ахмат Яссави, Ходжа-Ахмед, Ходжа Ахмед Эсауй, Ходжа-Ахмед Яссавийский) 9, 85, 129–130, 429
Ходжа-Ахмед Яссавийский, см. Ходжа Ахмед Яссави
Ходжа Ахмед Эсауй, см. Ходжа Ахмед Яссави
Ходжа-Берды, мулла 129
Ходжа Богаватдин, святой 61
Ходжа Мухаммед-Салих (Хаджа Салих Бибаджанов), см. Бабажанов С.
Ходжам-Сеид-батыр 89
Хожа-Ахмет (Қожахмет), сын, потомок хана Абулхайра 308, 445
Хон-Тайдзи, см. Галдан Цэрэн
Хорошхин А. 60
Худайберды, батыр
Хунгтажи, хан 102

Ц

- Цеван Рабдан (Коон Таджи, Цэван Рабтан) 11, 343–344, 432
Цэван Рабтан, см. Цеван Рабдан

Ч

- Чагатай, см. Джагатай
Чагрик-ата (Шах-Рох), сын Чобан-ата 135, 137

- Чандар-хан, хан г. Джанкыз-Кала 79–84
Чарча, сын Галдана-Черчена (по другим источникам зять) 237–238
Чахмаг-ата, см. Шах-Мардан
Чебель, сын Абдага 306
Чермак Л.К. 66, 427
Чингиз 9
Чингизхан (Чингиз-хан, Чингус), батыр, хан киргизский 145, 147–149, 429
Чингиз-хан, см. Чингизхан
Чингиз-хан, см. Темучин
Чингис, побочный сын хана Нурали, султан 308
Чингис-хан, см. Темучин
Чуманак, родоначальник племени чуманак, обитавшего в древности в долине Таласа и Чу 306
Чингус (Чингусь), см. Чингизхан
Чобан-ата, мюрид Ходжа-Ахмеда 135–136

Ш

- Шагин-Гирей, крымский хан
Шакир 395, 400, 403
Шалкииз, певец 350, 356
Шамиль 142
Шамши, бек 62
Шанмурун, секретарь Жузбая 357
Шахмардан (Чахмаг-ата), сын Чагрик-ата 137
Шейх-Саэт, ученик Гаким-ата 131
Шернияз, см. Ширнияз
ШигаЙ 445
Шийшиб-акын 331–333, 339–340
Шикова-Жировина И.А. 20
Ширгази, султан, хан, внук младшего сына хана Абулхайра 310
Ширнияз (Шир-Нияз), друг Бикета 285–286, 288–290, 294, 296, 440
Шихизата (Шахизата) 360
Шмидт А.Э. 345
Шона, потомок Каная 392

Шукурлабай, визирь Алача-хана
Шура, сын Нарикбая, см. Шура-батыр
Шура-батыр (Шура), таминский батыр, хан в Аккала 163, 176,
180–219, 291
Шынтемир, сын Кутыбара 285, 289, 292

Э

Эдиге (Эдигей), хан, потомок Баба Тукласа 152–158, 159, 350
Эдигей, см. Эдиге
Эрали, см. Ералы, сын хана Абулхайра
Эрден-батыр, бий, рода уйсун 237
Эркинбек Ахенбеков 439–440
Эсим, сын дочери Чингуса, хан 149
Эссен, генерал-от-инфантерии, оренбургский военный губернатор 312

Ю

Юнус-ходжа (Банги), хахим Ташкента 86–89

Я

Ян Вансина 13
Ямбур, сын Мансур бия 159

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Азрет, см. Туркестан

Австрия 15

Адагийское царство 115

Адаевская дистанция 136, 140

Ажирыктыкудук, колодезь 65

Айбугир 109, 115

Акдарья, река 173–174

Ак-дарью, река

Акджарская (Акржарская) волость 85, 90

Аккала (Шурахан), город 63, 163–164, 178, 187, 196, 199, 203, 205, 214–215

Ак-Кесене, область 26–27

Ак-мечеть (Перовск), город 88–89

Акмолинская область 421, 435

Аксар Джаксыбай, урочище 363

Аксов, аул 385

Аксу (Ак-Су), река 249, 344, 370

Актау, горы 63, 65

Актюбинск, город 98

Актюбинский уезд 92, 316

Актюбя, пески 139

Акчака, см. Акчек

Акчек, сопки 55, 149

Акырташ (Тасакыр), каменная постройка, сопка 23

Ала-Куль, озеро 422

Ала-кульская сторона 27

Аламесек 346

Алатавские, см. Алатау

Алатау (Алатавские, Алтавский хребет, Алатау, Алатауские), горы 119, 174, 237, 258, 276, 371, 377, 397, 404, 422

Алатауские горы, см. Алатау

Алатауские долины 384, 386

Алатау, см. Алатау

Алтавский хребет, см. Алатау

- Алтайские горы 421
Александровский форт 133, 138
Александровский хребет 422
Алма-Ата, см. Алматы
Алматы (Алма-Ата), город 9, 15, 19, 244, 256, 307, 428, 430, 431, 432, 433, 434, 436, 441, 443
Алтай 50, 53
Алтынэмель, гора
Алтынэмельская (Алтын-Эмель) станция 101
Алтынэмельская волость 98–100, 102
Алтынэмельская станция 99
Алтынэмельские (Алтын-Эмельский хребет) горы 99, 435
Алтынэмельский хребет, см. Алтын-Эмельские горы
Аманкарагай, лес 90
Аму, см. Амударья
Аму-Дарья (Аму, Амударья, Джейхун, Ургенчская), река 61, 63, 83, 98, 109, 115, 118, 120, 329–330
Амударья, см. Аму-Дарья
Анракай, местность 27
Аравия 60
Аракс, река 109
Арал
Аральское (Карыкты, Хивинское) море 26–27, 32, 34, 79, 83, 109, 115, 120, 130
Арка 157, 249–250, 253
Архангельск, город 415
Арыс (Арысь), река 24, 174
Арысская (Арысовская) волость 121
Арысовская, см. Арысская волость
Арысь, см. Арыс
Асан, горы 99
Аспара, укрепление 385–386
Астраханская губерния 53, 411, 421
Астраханское, см. Каспийское море
Атбасарская степь 442
Атбасарский уезд 275
Ауле-Алматинский уезд 421
Аулие-Ата, город 24

Африка 316
Ахунский хутор 332
Ашнас (Асанас), город 25
Ащибулак, урочище 99
Ащи-су, долина 55, 149
Аягуз (Сергиополь), степь 29

Б

Багдад, город
Багирган, город 131–133
Бадам, река 121
Базар, р. 49, 53
Бай, селение 344
Байгозы, урочище 99
Бай-Сайрам, город 344
Байсынское, см. Ургенчское царство
Балтийское море 415
Балык-Куль, озеро 245
Басистек, проход 94
Баскунчакское озеро 53
Баян-аул (Баянаульская), станица, аул 28, 30, 426
Бек-ляр, почтовая станция 174
Белая орда 445
Бельгия 15
Бердянка, река
Бессарабия 417
Бирсу, крепость 31
Биш-агачская часть 87, 90
Блауты-Буланты, местность 27
Ближний Восток
Богас, р. 49, 53
Богдо, см. Большое Богдо
Богдо-Оло, см. Большое Богдо
Большая киргиз-кайсацкая орда, см. Старший жуз
Большие Соленные Грязи (Хаки) 104
Большое Богдо (Богдо, Богдо-Оло), гора 53
Большой жуз, см. Старший жуз

- Большой Тамды, ключ
Борохудзир, город 101
Бортастаган, гора 43–44
Буан, долина 386, 402
Бугунь, речка 174
Бугытау, горы 102
Букеевская орда (Внутренняя орда, Орда) 53, 229, 231, 235,
263, 350, 410–412, 419, 428
Буконь, река 244–245
Бурал, река 421
Буралдай, река
Бурлы, колодцы 139
Буртинская волость 315, 316
Бухара, город 42, 61–63, 65, 82, 84, 117–118, 194, 221, 291, 311,
313–315, 330, 418
Бухария 422

В

- Венгрия 418
Верненский уезд 421
Верный, город 45, 410
Вильна, город 415
Витебск, город 415
Внутренняя киргизская орда, см. Внутренняя орда
Внутренняя орда (Внутренняя киргизская орда), см. Букеевская орда
Волга (Идиль), река 53–54, 155–156, 233, 275, 280, 283, 322,
351, 421, 435
Волжское низовье 444
Восточная Россия 411
Восточный Океан 415
Восточный Туркестан (Китайский Туркестан) 344, 345, 443
Восточный Тянь-Шань (Сарыяз) 442
Высокое, селение 45

Г

- Германия 15
Грузия 417

Гуграх, урочище
Гурумсарай 87
Гурьев (Уйшик), город 318

Д

Дагестан 418
Данабике, река 90
Данишменд-Ата, святое место на горе
Дарья, см. Сыр-Дарья
Дербента, крепость 143
Джагатайская орда, см. Джагатайский улус
Джагатайский улус (Джагатайская орда, Чагатайский улус) 306, 443
Джаманкызыл (Джаманкызыл), пески 63, 65
Джан-арык (Джангазы-арык) 121
Джангент, город, столица Мугальского ханства 115–118, 121
Джангит, город 79, 82
Джангызчагых, пески 103
Джанкала, холм, (Джанкалинская переправа) 78–79
Джанкала (Джангазы-кала), столица 121
Джанкалинская переправа см. Джанкала, холм
Джанкызкала, город 79, 83
Джаркенский уезд 99, 101
Джаксы-Каргалы, см. Каргалы
Джейхун, см. Аму-Дарья
Джизакский уезд 421
Джиланутты, перевал 174
Джилы-булак, ключ 174
Джунгария, см. Джунгарское ханство
Джунгарское ханство (Джунгария, Зюнгарское ханство, Ойратское государство) 246–247, 345, 432, 434, 435
Джиничкебулак, река 102
Джумат-ишкен, урочище 411–412
Джурбагиль 23
Доголан, хребет 55–56, 149, 151
Дос, урочище 101
Достмухаммед, аул
Дузбай-Кужбаевский аул 332

Е

- Египет (Мысыр) 276
Европа 417
Екатерининская станица 268

Ж

- Жанкент (Жангиткент, Янгикент) 32, 34, 426
Жанкус, урочище 428

З

- Зайсанский уезд 151
Закавказье 418
Западная Сибирь 413
Западный Казахстан 429
Заравшан (Зарявшан) 24, 422
Заравшанский округ 421
Зауралье 92
Захарык 174
Звериноголовская станица 421
Золотая Орда (Улус Джучи) 9, 11, 306, 443, 444

И

- Игилгантюбе, сопка 24
Идиль, см. Волга
Илек, река 262, 421
Илецкая линия 262
Илецкий район 262
Или, река 100, 102, 240, 274, 280, 368, 435, 443
Имеди, гора в Каратау 137
Иргиз, река 263, 280
Иргизский уезд 120
Иртыш (Черный Иртыш), река 43–44, 54, 149, 245, 421, 444
Исиль (Сары-Исиль), река 275, 280, 282–283
Иски-Ташкент, см. Шаш
Испиджаб (Белый город)
Истектау, холм 94, 96

Иссык-Куль, озеро 443

Италия 15

Игилган-тюбе, сопка

Ит-ичмес, озеро 27

Ишим, река 442

К

Кааба 350, 353

Кабсагай, бугры 204–205

Кавказ 417

Казалинск, город 32–33, 78–79, 121, 439

Казалинский уезд 32, 109, 121, 421

Казанка 412

Казан, см. Казань

Казань (Казан), город 160, 163, 165, 181–182, 185, 187, 193,
196, 198–199, 214–215–217, 219, 291, 296, 411, 435

Казахская степь, см. Казахстан

Казахское ханство, см. Казахстан

Казахстан (Казахская степь, Казахское ханство, Киргизская степь)
6, 8–9, 11–13, 15, 247, 427, 428, 431, 435, 441, 442, 443,
444, 445

Казыкурт, отрог Алтаевского хребта 174

Каиндинский бор, см. Кур-Карагайский бор

Как-Ляба 155

Калбы, отрог, см. Калбинские горы

Калбинские горы (Калбы, отрог) 43–44, 244

Калмак-Крылган, местность 27

Калмыкское ханство (Калмыкия) 427

Калуга, город 417

Камчатка 415

Кара, см. Карадарья

Кара-Арча 25

Карабалта 371, 437

Карабутак, река 74

Карадарья (Кара), река 173–174

Карадарью, река

Каракуус-Чункур 249–250

- Каракумские пески 120
Карасай, квартал 89
Кара-Сиир, местность 27
Каратавские горы, см. Каратау
Каратау (Каратавские горы, Кара-тау), горы 119, 173–174, 348, 443
Кара-тау, см. Каратау
Караш, гора 244
Караялчи, урочище 139
Каргала, см. Каргалы, река
Каргайла, см. Каргалы, река
Каргалы (Джаксы-Каргалы, Каргала, Карагайла), река 94–95, 244
Каркара, см. Каркаралинск
Каркаралинск (Каркара), город 30, 66, 427
Каркаралы, местность 28
Каркаралинский уезд 72
Карс, город 418
Карфаген, город 120, 316
Каршинская пустыня 174
Карыкты, см. Аральское море
Каспийское (Астраханское), море 109, 111, 131, 421–422, 428, 429
Катон-Карагайский бор 245
Кашгар-Даванский хребет 422
Кекилек, гора 395, 397
Кекилик, горный проход 386
Келес, долина 436
Кенау, проход 155
Кендк-тобе, см. Киндык тобе
Кендык-Тюбе, см. Киндык тобе
Кентская волость 72
Кентские горы 66, 74, 427
Кереге-тас, горы 25
Кермесын (Кермесен)-саз, луга 165, 189, 215
Кескень-терек, река 99
Киргызын-Ала-Тау 422
Кзылсу, дол, долина 386, 402
Кзыл-кенчь (Кзыл-кент, Кызыл кент), город 66, 427
Кзыл-кенчь (Кызыл-Кенч), ключ 69, 72
Кзылсу, см. Кызылсу, река

- Кизыл Су, см. Кзылсу, долина
Кзылсу, см. Кызылсу, река
Киндык тобе (Кендк-тюбе, Кендык-Тюбе, Кіндік төбе), сопка
49, 53, 426
Киргизия 418, 437
Киргизская степь, см. Казахстан
Киргизское Алатау, горы 437
Киргизын-Ала-Тау, горы
Киреевская волость 311–312
Китай (Цинская империя) 90, 243, 246, 258, 343–344, 431, 433,
437, 442
Китайский Туркестан, см. Восточный Туркестан
Кичитау, см. Кши-тау
Кокан, см. Кокандское ханство
Коканд, см. Кокандское ханство
Кокандское ханство (Кокан, Коканд) 87, 329, 369, 377, 390
Кокбастау, урочище 101
Кокбектинский округ 245
Кокбекты (Кокбет, Кокпекты), город 43, 49, 53, 244
Кокбет, см. Кокбекты
Кок-Кесене, мавзолей 25–27
Кок-Кесене, область 26–27
Кокпекты, см. Кокбекты
Коксу, река 99–100, 249–250
Коксуйская станица 99
Кокый, озеро 389
Копа, река 13
Копальский уезд 98–99, 101, 421
Косистек, долина 94, 96
Косистек, река 94
Крым 232, 416, 444
Крымское ханство 244
Кубань 416
Кугалинский выселок 99
Кугалинские пригорки 101
Кугалы-куль, озеро 157
Куван-дарья (Куван-Дарья), река 32, 34, 280
Кукайские горы 139

- Кукчинская часть
Кульджа 433
Кулуджин, река 244
Кумбиль 378, 380–384
Кунансу, урочище 137
Кунгес 253
Куня-Ургенч 109
Кураминский уезд 421
Кургала, река
Кур-Карагайский (Каиндинский) бор 244
Курчум 245
Курчумские горы 245
Кустанайкий уезд 90, 311
Куттутау (Счастливая гора), гора 275, 276
Куча 344
Куянкузская станция
Кшикум, пески 120
Кхан, гора 150–151
Кшитау (Кичи-Тау, Кши-Тау), горы 26, 258, 275
Кши-Юз, см. Младший жуз
Кзылдарья, река 328–330
Кзылкайнар, местность 23
Кзылкенч, см. Кзыл-кенч
Кзылкенч, урочище 72
Кзылкум, пески, пустыня 61, 63, 329–330
Кзылсу (Кзыл-Су, Кизыл Су, Кизыл-Су), река 392, 397, 399, 401
Кюрхан 55, 150

Л

- Лайлы, река 244–245
Лаузан 109
Лепсинский уезд 101
Луговое, селение 99

М

- Макбальская волость 115
Малая Орда, см. Младший жуз

- Малоя-Орда, см. Младший жуз
Мамырханбастау, урочище 101
Мангышлак 128–129, 133, 136, 138–140, 429
Матайские (Матаевские, Чал-теке), горы 102
Малой жуз, см. Младший жуз
Малый Тамды, ключ
Мекка, город 132, 296, 337, 350
Меньшая киргиз-кайсацкая орда, см. Младший жуз
Мерет, родник 133
Мерке, укрепление 385
Меркен 256
Мечеть-кум, урочище 411
Мешхед, город 139
Миндыгаринская волость 311
Минькала (Мыҥ-қала) 33, 426
Миньтюбе (Мыҥ төбе) 33, 426
Мискеу (Мескау), см. Москва
Младший жуз (Кши-Юз, Малая Орда, Малой жуз, Малоя Орда, Малоя-Орда, Меньшая киргиз-кайсацкая орда, Меньшая орда) 26, 119–120, 228, 246, 251, 280, 309, 373, 429, 434, 445
Могулистан (Джете), см. Монголия
Монголия (Могулистан, Монгольская империя) 442, 443, 444
Москва (Мискеу), город 233, 286, 417
Муздыбулак 249–250
Мыхтинуй, курганы 152

Н

- Нарымский хребет 245
Нарын-Пески (Нарынкум, Нарынқум, Нарынские пески) 103, 428
Наурузум, лес 90
Нахичевань 418
Нежинская станция 421
Нисбаш, кишлак 85
Новая линия
Ново-Петровское укрепление 269
Носибирск, город 431

Ногай-Куринская волость 439

Нор-Зайсан, озеро 422

О

Ойганак, местность 24

Омск, город 312, 421

Орда, см. Букеевская орда

Орда, хребет, гора 55–56, 149–151

Оренбург (Орымпур), город 84, 118, 120, 234–235, 261, 267, 269, 285–286, 287, 314, 315, 327, 408

Оренбургский край 280

Оренбургско-Актюбинский регион 440

Оренбургское укрепление 269

Орская крепость 261

Орымпур, см. Оренбург

Орь, река 119–120

Отар, местность 13

П

Павлодар, город 28

Париж, город

Перовский уезд 25–26, 421

Персия 138, 418

Петербург, см. Санкт-Петербург

Петро-Александровск, см. Шурахан

Пиренеи

Питербур, см. Санкт-Петербург

Пишпек, город 410

Поволжье 413, 444

Польша 415

Попутный, казачий выселок 101–102

Р

Раимское укрепление 269

Раимская волость 120, 274

Россия (Российская империя, Русское царство, Русь) 6, 120, 223, 238, 308, 312, 377, 410, 413, 414–418, 420, 421, 431, 433, 437

Российская империя, см. Россия

Русский Туркестан, см. Туркестанский край

Русское царство, см. Россия

Русь, см. Россия

Рын-Пески 229

С

Сабунды-куль (Сабынды-коль), озеро 28, 30, 426

Сабынды-коль (Сабынды көл), см. Сабунды-куль

Сагавак (Сунак), город 25

Саганак 25

Сай-буи 174

Сайкалтерек 249–250

Сайрам (Сарьям), город 89, 174, 343–344

Сайрамсу, река 344

Сайрам, селение 344

Сайхин 412

Салар, река 174

Самарканд, город 24, 63, 174, 221–222, 345, 418

Самсу (Самсу), дол, долина 386, 402

Самсу, река 392, 397

Самсу, см. Самсу, долина

Санкт-Петербург (Петербург, Питербур), город 19, 229, 274, 285, 287, 313–314, 416

Сарай-Берке, столица Золотой Орды 444

Сарайчик (Сарайчиковский форпост), крепость 318, 323

Сарскей-Джамке, урочище 332

Сарыбель, горный проход в Киргизском Алатау 252, 256, 437

Сарыдала, равнина 44

Сарыисиль, см. Исиль

Сарымоюн (Сары-Моюн), озеро 90

Сарынокай, горы 102

Сарыташ, залив 133

Сары-Уйчук, местность 26

- Сарьям, см. Сайрам
Сауранские (Саурские), горы 245
Сахабий, святое место 137
Северная Африка, см. Африка
Северный Кавказ 444
Северная Киргизия 436
Северный Хорезм 444
Северо-Западный Казахстан 444
Сейхун, см. Сырдарья
Семипалатинск, город 55, 419
Семипалатинский уезд 55, 149
Семипалатинская область 28, 54, 149, 421
Семиреченская область, см. Семиречье
Семиреченский край, см. Семиречье
Семиречье (Семиреченская область, Семиреченский край) 12, 309, 343, 410, 421, 434, 441, 443, 444
Сергиополь, см. Аягуз
Сергиопольский уезд 421
Сибзарская часть 86, 88
Сибирь (Сибирская степь) 67, 245, 287, 310, 413, 421, 440
Сибирская степь, см. Сибирь
Синьцзян 435
Сирия (Сам) 276
Смоленск, город 415, 417
Сокулук (Суклык) 371, 437
Спасская станция 421
Средний Восток
Средний жуз (Средняя орда, Средняя Орда) 240, 246, 275, 305, 309, 311, 313, 431, 432, 433, 434–435, 436, 437, 439, 445
Средняя Азия 47, 60, 112, 261, 269, 280, 309, 329–330, 373, 418, 442, 444
Средняя орда, см. Средний жуз
Средняя Орда, см. Средний жуз
Ставка (Ханская Ставка) 103, 105–106, 411, 428
Стамбул, город 232
Старший жуз (Большая киргиз-кайсацкая орда, Большой жуз, Старшая орда) 251, 280, 304–305, 434, 436–437, 440–441, 443
Сугата 25

- Суклык, см. Сокулук
Сулутора, местность 23
Султан-Эпе-сай, равнина 133
Сусамыр, джайляу 437
Сыр, см. Сырдарья
Сырдарьинская (Сырдарьинская) область 85, 121, 421
Сырдарья (Дарья, Сейхун, Сыр), р. 26, 29, 32–34, 37, 42–43, 57, 61–63, 65, 78–79, 84, 109, 115, 118, 119–121, 173–174, 219, 275, 280, 291, 309, 311, 314, 329–330, 346, 439, 442, 444
Сырдарья, долина 345

Т

- Тазтаг (Голая, Лысая, Таз-таг, Тас-Таг), гора, вершина 48–49, 52, 58–60, 426, 427
Талас, долина 444
Талас, река 23, 25, 253–254, 443
Талгарское Талчоқы (Талгарский пик) 102
Таловка 412
Талды, река 73
Талкын (Талкан, Талкы), крепость 237, 433
Тамды Большой, ключ 64
Тамды, крепость 64–65
Тамды, курган
Тамды Малый, ключ 64
Тамды (Тамлы), урочище 61–65
Тамды (Тамлы), ключи 61
Тамлы, см. Тамды, ключи
Тамлы, см. Тамды, урочище
Тарбагатаи Большие, горы 44
Тарбагатаи Малые, горы 44
Тарбагатай, см. Тарбагайские горы
Тарбагатайские горы (Тарбагатай, Тарбагатайский хребет) 43–44, 48, 50, 51, 54, 56–58, 149, 151, 245, 422, 426
Тарбагатайский хребет, см. Тарбагатайские горы
Тарбогатай, гора 50, 53
Тас-Акыр, см. Акырташ
Тас-булак, перевал 194–195, 215, 218

- Тастаг, см. Тазтаг
Ташкент, город 45, 85, 219, 263, 270, 296, 307, 345, 418—419, 445
Ташкентский район 329
Ташкентский уезд 85—90, 329
Таш-Сай, см. Тувалак
Тересбутаг, река 92
Тифлис, город 145
Тобол, река 421, 429
Тоймакент 23—24
Токалтерек 251
Тологай (Тулагай), гора 43—45
Тологайтеппе, урочище 90—91
Томпак, город 12
Торгун, река 428
Торгунская часть
Торткуль
Троицк, город 311, 314
Троицкая крепость
Тувалак (Таш-Сай), река 344
Тулагайская волость 44
Тургай, город 419
Тургай, река 263—264, 274, 275, 311
Тургайская область 90, 307, 311, 327, 421, 445
Тургайская степь 443
Тургайский уезд 90, 275
Туркестан (Азрет, Тюркестан), город 56, 61, 85, 89, 129, 139, 145, 174, 237, 307, 330, 343—344, 413, 418, 429, 445
Туркестанский край (Русский Туркестан) 27, 346, 413, 442
Туркманчай 418
Туркмения 418
Тюлькубаш 345
Тюлькюль, см. Тюркюль
Тюмень-Арык, почтовая станция 25
Тюркюль, урочище 50, 151
Тюркестан, см. Туркестан
Тырсек, лес 90—91
Тянь-Танский хребет 422

У

- Уй, река 421
Уйчук, местность 26
Уйшик, см. Гурьев
Улукизыл, река 64
Улус Джучи, см. Золотая Орда
Улутау (Улу-Тау), горы 26, 275, 421, 443
Урал (Яик), река 53–54, 77, 119, 156, 322, 421, 429, 435
Уральская область 318, 323, 421
Уральское укрепление 269
Ургендж, см. Ургенч
Ургенч (Ургендж), город 62, 291, 418, 444
Ургенчская река, см. Аму-Дарья
Ургенчское (Байсынское) царство 109, 115
Уртактау, горы 422
Уртакуянды, река 101
Уртентаг (Ургень-Таг), гора 49, 53
Ургень-Таг, см. Уртентаг
Усунь-го, государство уйсуней 430
Устьюрт 139
Учкумдынские степи 362
Уя-Тобол, река 421

Х

- Ханга, урочище 138
Хан, гора 55–56
Ханская ставка, см. Ставка
Хива, город 130, 232, 263, 418
Хива (Хава 65, 115, 291, 422, 424
Хивинское, см. Аральское море
Хобда, река 262
Ходжент (Хорджент), город 56, 79, 173, 408
Ходжентский уезд 421
Хорасан 139
Хоргос 433

Ц

Центральная Азия 13, 424, 431, 434

Центральный Казахстан 437

Цинская империя, см. Китай

Ч

Чаган, горы 102

Чаганбогу, горки 101

Чагатайский улус (Чагатайдское государство), см. Джагатайский улус

Чакпак-Ата, пещера 45–47

Чакпак, горы 45

Чал-теке, см. Матайские горы

Чара-юк, родник

Челекень, остров 142

Чернигов, город 417

Черный Иртыш, см. Иртыш

Черный-Яр 53

Четкуянды, река 101

Чий, долина 55, 149

Чина, окраина Усть-Урта 139

Чингизтау (Чингиз, Чингистай, Чингиз-тау), горы 55–56, 149–151, 421, 429

Чингиз, см. Чингизтау

Чингистай, см. Чингизтау

Чимбастау, см. Чимкент

Чимкент (Чимбастау), город 24, 89, 174

Чимкентский уезд 24, 121, 174, 421, 439

Чирчик, долина 436

Чу, долина 444

Чу (Чуй), река 274, 280, 386, 443

Чулак, горы 100

Чулакасан, горы 100

Чулаковская волость 102

Чунай, хребет 55–56, 149, 151

Чунгур, бор 368–369, 386–387

Ш

Шайхантаурская (Шейхантаурская) часть 86

Шач-Кент, см. Шаш

Шаш (Иски-Ташкент, Шач-Кент), город 85

Шаш, местность 85

Шом-калган, урочище 12

Шулькизыл, р. 64

Шурахан (Петро-Александровск), см. Ак-кала, город

Э

Эмба, река 224, 263

Эрзерум, город 418

Эривань, город 418

Ю

Югентас, река 101–102

Югень-тас (Югентас), горный проход 99, 101

Юго-Восточный Казахстан 443

Южный Казахстан 12, 436–437, 442, 443

Я

Яик, см. Урал

Янги-кент, см. Жанкент

Янадарья (Жанадайра), долина 345–346

Яс-кич 174

ТҮЙІН

Бұл томға қазақ халқының ауызша тарихына жататын материалдар енді. Нысаны мен мазмұны жағынан қарастырғанда олар сан алуан болып келеді. Жазып алынған және басылып шыққан уақыты жағынан олардың дені ХІХ ғасырдың басы мен ХХ ғасырдың бірінші ширегіне жатады. Ұсынылып отырған бұл аңыздар тарих ғылымында тұңғыш рет жүйелі және ғылыми тұрғыдан берілген. Сондықтан, оларды дербес тарихи деректеме ретінде қарастыруға мүмкіндік туады. Жинаққа енген аңыздардың мәліметтік негіздері бірегей болғандықтан, олар жанрлар бойынша топтастырылып, тармақталған: шежірелік, топонимикалық, жеке тұлғалық және т. с. с. Ұсынылып отырған материалдар қазақ халқының әлеуметтік-экономикалық, саяси, мәдени өмірін жаңа және кең хронологиялық тұрғыдан қарастыруға мүмкіндік береді. Томға сирек ұшырасатын құнды туындылар мен көпшілік қауымның қолы жетпейтін материалдар да енген.

Кітап Қазақстан тарихы мен мәдениеті салаларындағы зерттеушілерге, ұстаздарға, оқушыларға, сондай-ақ қазақ халқының ауызша тарихына мән беретін көпшілік оқырман қауымға арналған.

SUMMARY

The materials on the oral history of the Kazakhs were included into this volume. They are very various by their forms and contents. The data of the existence of the most of them in written form refers to the beginning of the XIX and the first quarter of the XX centuries. The history of the Kazakh folk legends were given in systematic and scientific way for the first time. So, they can be considered as separate historical sources. These legends were divided into several groups by their genres: genealogical, by place-names, personification etc. The given material allows considering the social-economic, political and cultural life by the new and wide chronological approach. The materials from valuable and rare documents were also included into this volume.

This book intended for researchers, teachers and students who study History and Culture of Kazakhstan and for the public who are interested in the oral history.

СОДЕРЖАНИЕ

Памятники устной историологии казахов (С. Ф. Мажитов)	5
<i>Раздел I.</i> Топонимические предания	21
<i>Раздел II.</i> Предания о видных личностях Казахской степи	107
<i>Раздел III.</i> Этносоциальные предания	297
<i>Раздел IV.</i> Предания об исторических событиях	341
Вместо послесловия (А. Е. Алекторов)	
Народная литература киргизов	421
Комментарии	426
Литература	447
Список сокращенных слов	448
Указатель имен	449
Указатель географических названий	474
Түйін	493
Summary	494

ББК 63.3 (5 Каз)

Н 30

История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков
Н 30 Народные предания об исторических событиях и выдающихся
людях Казахской степи (XIX–XX вв.) / Сост. С. Ф. Мажитов. —
Алматы: Дайк-Пресс, 2007.

Т. IX. — 500 с. + 16 с. вкл.

ISBN 9965-798-41-9

В IX том вошли разные по форме и содержанию материалы по народной историологии казахов. По времени своей фиксации они охватывают период с начала XIX — до первой четверти XX века. Впервые в науке народные предания казахского народа представлены в наиболее систематизированном и научно обработанном виде, что позволяет рассматривать их как самостоятельный пласт исторических источников. Уникальна информативная основа преданий, которые сгенерированы и дифференцированы по четырем жанрам: топонимические, этносоциальные, предания о видных личностях казахской степи, о важных исторических событиях. Предлагаемый материал позволит по-новому осветить ряд вопросов социально-экономической, политической, культурной жизни казахской степи в достаточно широком хронологическом разрезе. В книге содержатся ранее не переиздававшиеся материалы из изданий, ставших раритетными, а также недоступных широкой аудитории читателей.

Книга предназначена для широкого круга специалистов в области истории и культуры Казахстана, преподавателей, студентов и всех, кого интересует устная историология казахского народа

Н 0503020905
00(05)-07

ISBN 9965-798-41-9

Научное издание

Серия
«История Казахстана в русских источниках
XVI–XX веков»

Том IX

Народные предания об исторических событиях
и выдающихся людях Казахской степи (XIX–XX вв.)

Составитель, подбор иллюстраций *С. Ф. Мажитов*

Редактор *Л. А. Туманова*
Корректор *Э. Рахимбаева*
Дизайнер *К. К. Карпун*
Компьютерная верстка *Е. А. Немировской*

Подписано в печать 04.06.07. Формат 60x90/16
Бумага офсетная. Усл. п. л. 31.25 + 1.0 п. л. вкл.
Уч.-изд. л. 29.25 + 1.0 п. л. вкл.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издательство ТОО «Дайк-Пресс»,
050010, г. Алматы, ул. Курмангазы, 29.
Тел.: 261-28-35, 261-32-75

Директор ***Б. А. Казгулов***

Полиграфкомбинат ТОО «Корпорация Атамұра»
Республики Казахстан,
050002, г. Алматы, ул. Макатаева, 41

ISBN 9965-798-41-9

9 789965 798412

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК
